



ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

Выпуск 10

Отдел общих проблем
ИВ АН СССР
и исследование современных
проблем стран Востока
в наши дни

2018
ISSN 2587-9502

Труды Института востоковедения РАН

Серийное издание ISSN 2587-9502

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ:

Андросов Валерий Павлович – *председатель*
Наумкин Виталий Вячеславович, академик РАН – *сопредседатель*
Демченко Александр Владимирович – *ученый секретарь*
Аликберов Аликбер Калабекович
Белокреницкий Вячеслав Яковлевич
Железняков Александр Сергеевич
Романова Наталья Геннадиевна
Саутов Владимир Нилович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Акимов Александр Владимирович	Кобзев Артем Игоревич
Алаев Леонид Борисович	Кузнецов Василий Александрович
Александров Юрий Георгиевич	Любимов Юрий Васильевич
Алпатов Владимир Михайлович	Мамедова Нина Михайловна
Белова Анна Григорьевна	Микульский Дмитрий Валентинович
Бурлак Светлана Анатольевна	Мосяков Дмитрий Валентинович
Ванина Евгения Юрьевна	Настич Владимир Нилович
Васильев Дмитрий Дмитриевич	Орлова Кеemia Владимировна
Воронцов Александр Валентинович	Панарин Сергей Алексеевич
Десницкий Андрей Сергеевич	Плотников Николай Дмитриевич
Другов Алексей Юрьевич	Пригарина Наталья Ильинична
Захаров Антон Олегович	Сарабьев Алексей Викторович
Звягельская Ирина Доновна	Смагина Евгения Борисовна
Каменев Сергей Наумович	Суворова Анна Ароновна
Карасова Татьяна Анисимовна	Шаляпина Зоя Михайловна
Катасонова Елена Леонидовна	Шаумян Татьяна Львовна

0
Т-77
h2

Российская академия наук
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

К 200-летию Института востоковедения

Труды Института востоковедения РАН

Выпуск 10

Отдел общих проблем ИВ АН СССР
и исследование современных проблем
стран Востока в наши дни

Москва
ИВ РАН
2018

55651



ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ И РЕДАКТОРЫ-СОСТАВИТЕЛИ
д.э.н. Ю.Г. Александров, к.и.н. О.П. Бибикина, к.э.н. Н.Н. Цветкова

РЕЦЕНЗЕНТЫ
д.э.н. Н.Ю. Ульченко, к.э.н. Б.Г. Ивановский

Труды Института востоковедения РАН, Вып. 10: Отдел общих проблем ИВ АН СССР и исследование современных проблем стран Востока в наши дни / Отв. редакторы Ю.Г. Александров, О.П. Бибикина, Н.Н. Цветкова / Институт востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2018. — 340 с.

ISSN 2587–9502
ISBN 978–5–89282–831–4

Авторы рассматривают историю Отдела общих проблем Института востоковедения АН СССР, труды Л.И. Рейснера, В.Г. Растянникова, коллективные труды под руководством А.И. Левковского, многие их положения актуальны и сегодня. Например, анализ роли низших слоев города позволяет дать критическую оценку некоторым прогнозам о влиянии автоматизации на рынок труда в Азии.

Большое внимание уделено распространению новых технологий в странах Востока: в энергетическом секторе Индии, Китая и России, возобновляемых источников энергии в странах Азии и Северной Африки. Анализируются проблемы фискальных доходов и социальных выплат в России, Беларуси, Казахстане, политика по отношению к иностранному капиталу в Мьянме, экономические отношения между Японией и Турцией, особенности японо-китайских отношений на современном этапе.

Раздел сборника по этноконфессиональным отношениям посвящен различным аспектам взаимоотношений между представителями разных этносов и религий. Представлены статьи об этноконфессиональных противоречиях в Малайзии, о культурно-национальной идентичности в контексте австралийской модели мультикультурализма, о роли шиитских общин в межгосударственных отношениях Ирака и Ирана в XX в., о национальных аспектах социальных движений в Таиланде, о вьетнамской диаспоре в бывших социалистических странах.

В разделе об исламе рассматривается традиционный татарский ислам в России и в странах Восточной Европы. Ближневосточный узел проблем представлен статьями об отношениях Ирана со странами Востока и Россией, а также предложен анализ экономической составляющей современного терроризма.

ISSN 2587–9502 © ФГБУН ИВ РАН, 2018
ISBN 978–5–89282–831–4 © Воробьев А.В. & ЦСК, оформление, 2018

Подписано в печать 16.08.2018. Формат 60x88/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 21,25. Уч.-изд. л. 16,89. Тираж 500 экз. Заказ № 159.
Оригинал-макет и обложка подготовлены А.В. Воробьевым
Институт востоковедения РАН, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12. Научно-издательский отдел. Зав. отделом И.В. Федулов. E-mail: izd@ivran.ru
Типография ООО «Поли Принт Сервис», г. Москва, ул. Бутырская, д. 86. Тел. 8(495)191-11-95
Изготовление любой печатной продукции // info@ppspprint.ru // ppspprint.ru

ВВЕДЕНИЕ..... 7

Отдел общих проблем ИВ АН, его ученые и исследование современных проблем в наши дни

Белокреницкий В.Я. Творчество Л.И. Рейснера и некоторые аспекты его вклада в теорию капиталистической трансформации и модернизации на Востоке 36

Галич З.Н. Лев Игоревич Рейснер — ученый, востоковед-индолог и экономист, разработчик теоретической концепции «синтез в истории» 44

Дерюгина И.В. Социально-экономический облик Востока в трудах В.Г. Растянникова: изменение подходов к его изучению.... 66

Цветкова Н.Н. Труды Отдела общих проблем ИВ АН и исследование современных социально-экономических процессов в странах Востока..... 76

Современные социально-экономические проблемы

Александров Ю.Г. Человек как «вторая нефть»: Россия, Белоруссия, Казахстан 97

Борисов М.Г. Возобновляемая энергетика в странах Азии и Северной Африки..... 113

Растянникова Е.В. Инновационные технологии и производительность труда в энергетическом комплексе Китая, Индии, России..... 123

Муранова А.П. Политика правительства Мьянмы по привлечению иностранных инвестиций, 1988–2017 гг. 138

Ледовская О.А. Проблемы экономических отношений между Японией и Турцией..... 158

Устинова Т.Н. Япония и Китай: особенности отношений на современном этапе 175

Этноконфессиональные проблемы и проблемы миграции

- Ланда Р.Г.* Рождение страны Аль-Андалус
(арабы в Испании в VII–IX вв. н.э.)..... 183
- Жилина И.Ю.* Экономический анализ террористического поведения .. 195

Проблемы стран Юго-Восточной Азии и Австралии

- Кочеткова Е.В.* История возникновения этноконфессиональных
противоречий в Малайзии: современный этап их развития..... 204
- Фомичева Е.А.* Социальное расслоение
и социальные движения в Таиланде..... 221
- Скоробогатых Н.С.* Проблема культурно-национальной идентичности
в контексте австралийской модели мультикультурализма 231

Ислам в современном мире

- Шарипова Р.М.* Движение исламской солидарности
и межцивилизационный диалог..... 245
- Кириченко В.П.* Шиитские общины в межгосударственных
отношениях Ирака и Ирана в XX в. 255
- Филатов С.Б.* Традиционный татарский ислам
на российских просторах 263

Восток на Западе

- Бибикова О.П.* Ислам и мусульмане в странах Балтии..... 285
- Соколов А.А.* Вьетнамские диаспоры в постсоциалистических
странах Европы 312

Политика и экономика

- Шарипов У.З.* Политические и экономические отношения Ирана
с восточными державами и другими значимыми для него
азиатскими странами после Венского соглашения 2015 г. 325

АВТОРЫ (AUTHORS) 332

ABSTRACTS: 335

ВВЕДЕНИЕ

В связи с 200-летием Института востоковедения представляется интересным вспомнить о работе некоторых подразделений Института, в частности, о работе Отдела общих проблем современного развития стран Азии и Северной Африки (кратко, Отдела общих проблем) ИВ АН СССР. Во введении и в статьях представлены разные взгляды на некоторые труды сотрудников Отдела.

I

Центр исследования общих проблем современного Востока (ЦИОПСВ), в котором подготовлена эта публикация, имеет свою историю. Она началась в 1971 г., когда в Институте востоковедения АН СССР (ИВАН СССР) впервые был создан Отдел общих проблем, объектом исследований которого стал весь Восток в составе стран Азии и Северной Африки. А закончилась она фактически после распада СССР, с превращением в 1992 г. Института в учреждение Академии наук РФ — ИВ РАН. И, главное, открытием новой станицы в отношении отечественной науки с научным миром. Без «учений», которые «всесильны, потому что они верны», на основе плюрализма и равноправия теорий, направлений, школ и концепций — лишь бы они соответствовали критериям научности. При этом Отдел прошел ряд реорганизаций, коррекций в предметах, объектах и темах научного изучения, превратился в Центр. И сейчас к двухсотлетнему юбилею нашего Института полезно вспомнить его историю с самого начала.

Выход на передний план самых актуальных проблем стран Востока произошел после обретения суверенитета колониальными и зависимыми странами. Перед отечественным востоковедением встали задачи, решение которых потребовало более глубоких знаний и теоретических представлений. В таких условиях переломным для Института оказался 1956 г., когда и началась фактически его современная история. В том году на всесоюзном партийном съезде один из членов руководства страны Анастас Микоян сказал: «Восток проснулся, а востоковедение

все еще спит». К тому времени в тяжелых условиях послевоенного Союза были закрыты учебный Московский институт востоковедения (МИВ) и Военный институт иностранных языков (ВИИЯ) с его восточным факультетом. Теперь же под руководством нового директора Б.Г. Гафурова в академическом Институте востоковедения развернулась активная подготовка научных кадров. Ежегодно Институт принимал десятки аспирантов по всем востоковедческим специальностям, но с упором на актуальную общественную тематику. В обстановке антикультовского раскрепощения идеологической жизни и общего энтузиазма шел их быстрый рост под опекой опытных и в большинстве еще не старых руководителей. В ближайшее десятилетие созрела когорта молодых кандидатов наук, быстро расширялся круг исследуемых тем и накапливаемых знаний. Тем самым создавались условия и для подъема исследовательской работы на более высокий уровень, для обобщений с их последующим теоретическим осмыслением. Это требовало и новых организационных форм.

До 1970-х годов деятельность Института организовывалась по региональному принципу. В каждом отделе вместе работали экономисты, историки, филологи, литературоведы. В этом был свой плюс, поскольку прямые контакты разных специалистов помогали их взаимному обогащению знаниями, культурой и привели к нечастой в больших коллективах особой товарищеской сплоченности его сотрудников. Но с накоплением общего знания и усложнением картины изучаемого мира требовалась концентрация сил на решении все более сложных задач, и такие организационные ограничения становились помехой.

Первой основательной попыткой вывести исследовательскую работу за формальные рамки стали три тома (1967–1968 гг.) серии «*Национально-освободительное движение в Азии и Африке*»: «*Века неравной борьбы*», «*Пробуждение угнетенных*», «*На новом пути*», подготовленные сотрудниками Института востоковедения (тогда Института народов Азии) и Института Африки¹. Редколлективу серии возглавил директор Института востоковедения Б.Г. Гафуров. В нее входил и Г.Ф. Ким — будущий создатель Отдела общих проблем Института. Авторский коллектив поставил перед собой задачу систематически изложить главные закономерности и узловые моменты истории национально-освободительной борьбы стран Азии и Африки, а также

очертить для начала то новое, что внесла в их политическую и социально-экономическую жизнь государственная независимость. Концептуальная основа исследования базировалась на марксистско-ленинской теории империализма и антиколониального движения. В работе были в основном использованы опубликованные труды советских ученых, а результаты собственных исследований только по некоторым конкретным вопросам. В работе коллектива участвовали с разным вкладом и отдельные сотрудники Института, которые позже стали членами Отдела общих проблем. Это Л.Р. Полонская, Р.Г. Ланда, Ю.Г. Александров.

Г.Ф. Ким пригласил в созданный в 1971 г. Отдел общих проблем уже известных ученых (А.Б. Беленького, А.И. Левковского, В.Ф. Ли, Л.Р. Полонскую, В.Г. Растяникова, Н.А. Симонию, Л.И. Рейснера и некоторых других), а также большую группу перспективных кандидатов наук и аспирантов. В Институте были сформированы и другие специализированные подразделения. Все это способствовало новому оживлению научной жизни на основе сотрудничества и соревновательности ученых, придало ей более крупную масштабность.

При этом для лучшего понимания читателями проблем отечественной востоковедческой науки надо напомнить, что исследовательская работа сотрудников Отдела, как и всей отечественной науки базировалась на идеологической и политической монополии марксистско-ленинской теории, на ее принципах и категориях. А потому наше востоковедение находилось в сложных отношениях с другими теориями мировой науки: «буржуазными», «мелкобуржуазными» и т. д. — в целом, «немарксистскими», занимая позиции от конфронтации и полемики до поиска точек соприкосновения по конкретным проблемам. Важное место заняло переосмысление и полемическая трактовка в духе марксизма-ленинизма ключевых зарубежных концепций и теорий в отношении развивающихся стран. Особый отпечаток таких подходов хорошо прослеживается в трудах наших востоковедов. Но, так или иначе, понимание сотрудниками Отдела стран Востока как объектов научного изучения становилось все более объемным и сложным. И это, в свою очередь, давало толчок выдвиганию ими новых идей. В отличие от первого трехтомника в центре внимания оказался уже вопрос о перспективах капитализма в странах Востока. О том, может ли он утвердиться в них как (в терминах марксизма)

господствующий общественный способ производства в системе мирового капитализма, или же там будет набирать силу тенденция социалистического выбора как альтернативы капитализму. Откликом именно на такой новый вызов стало выдвижение в Отделе некоторых новых теоретических концепций.

Первым выступил А.И. Левковский с концепцией «устойчивой многоукладности» развивающихся стран, придающей ранее неизвестную специфику их переходу к более высокому общественному строю. По его идее колониальная эксплуатация стран Востока индустриальным капитализмом привела к экономическим и социальным деформациям в структуре их обществ, которые приняли застойный характер и ограничили потенциал их движения к более высоким стадиям общественного развития. Свои взгляды он изложил сначала в небольшой монографии *«Третий мир в современном мире»* (1970 г.)², затем, более обстоятельно, в книге *«Социальная структура развивающихся стран. Проблемы многоукладного переходного общества»* (1978 г.)³. При этом А.И. Левковский выразил убежденность, что единственный способ разрешения этими странами своих проблем — переход на социалистический путь развития, единственно, по его мнению, способный мобилизовать их потенциальные ресурсы методами, альтернативными капитализму. И надо подчеркнуть, что, при очевидной сейчас спорности этого, так и не подтвержденного жизнью, вывода, его концепция сыграла в свое время положительную роль в нашем востоковедении. Она была противопоставлена доминировавшей в советской науке прямолинейной прогрессистской модели общественного развития для стран «третьего мира»: к социализму через социалистическую ориентацию, минуя капиталистическую стадию развития.

Именно идея устойчивой многоукладности развивающихся стран с ее «промежуточными» структурами и была положена в основу теоретической концепции трехтомного исследования *«Зарубежный Восток и современность. Основные проблемы и тенденции развития стран зарубежного Востока»* под руководством Г.Ф. Кима⁴. (В томе 1 рассмотрены проблемы социально-экономического развития стран Востока, классовая и политическая борьба; в томе 2 — аграрно-крестьянский вопрос и национальный вопрос; в томе 3 — общественно-политическая мысль и международные аспекты национально-

освободительных революций). При этом постановка вопроса о своеобразии общественных процессов в развивающихся странах потребовала от авторского коллектива на этот раз мобилизовать результаты собственных исследований по всем аспектам темы серии. Впоследствии это оказалось полезным и для понимания логики изменений, которые активизировались в странах Востока при переходе мира со стадии индустриализма к постиндустриализму. В авторский коллектив было вовлечено большинство сотрудников Отдела, а также ряд ученых из других подразделений Института. Среди ныне действующих сотрудников ЦИОПСВ в числе его авторов были Р.Г. Ланда, Ю.Г. Александров, А.В. Кива, Н.Н. Цветкова.

Сама концепция устойчивой многоукладности стран Востока удерживала ее исследователей в русле марксистско-ленинской макросоциологии с такими ее базовыми понятиями как общественные способы производства, уклады и классы. Но довольно скоро наряду с ней стали предлагаться другие теоретические подходы и концепции. Начало глобализации мировой экономики оживило интерес к предложенной еще в 1950-е годы латиноамериканскими экономистами теории «периферийного капитализма». Полагали, что в такой системе отношений в странах Востока должны обостряться противоречия между современными и традиционными формами хозяйства и социальной организации. В ИВ АН ответом на вызов времени оказалось коллективное исследование «Восток. Рубеж 80-х годов. Освободившиеся страны в современном мире» под руководством Е.М. Примакова⁵. Основу авторского коллектива вместе с Е.М. Примаковым и рядом ведущих экономистов и политологов разных отделов Института составили также члены ООП Р.Г. Ланда, В.Ф. Ли, В.Г. Растянников, Н.А. Симония. Ключевой идеей данной работы стала попытка доказать бесперспективность капитализма в странах Востока, оперируя категориями марксистской политэкономии. Авторы пришли к выводу, что в перенаселенных странах Востока индустриальный капитализм может как-то существовать, лишь превращая их многоукладные структуры в «дуальные». То есть только в ограниченном «современном» секторе трудосберегающих технологий, оставляя в зоне деградации огромную массу трудовых ресурсов традиционного сектора.

Слабым местом здесь оказалась абсолютизация трудосберегающей тенденции капиталистического производства при уже набравшей

обороты постиндустриальной революции, в ходе которой капитал двинулся на соединение именно с изобильными трудовыми ресурсами развивающихся стран, начиная с Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Достоинством исследования был перенос акцента на внутренние условия стран Востока в противоположность различным (включая марксистские варианты) теориям периферийной зависимости и эксплуатации стран «третьего мира» в системе мирового капитализма. Впрочем, не в их отрицании и с общим для наших теоретиков того времени выводом о преимуществах социалистического пути, на котором, как полагали, стихийному действию рыночных законов может быть противопоставлено научное планирование. В конечном итоге оценку такому выводу дала жизнь с прогрессом экономической глобализации и распадом мировой социалистической системы.

Дальнейшая идейная эволюция Отдела общих проблем пошла двумя путями, которые, однако, были связаны между собой приверженностью марксистско-ленинской теории и методологии исследований. Но и здесь стали появляться все более заметные расхождения. Н.А. Симония повел своих сторонников по пути усилий выявить скрытый, как он считал, дальнейшими догматическими наслоениями творческий потенциал марксистской теории формаций. Л.И. Рейснер стал уделять все больше внимания Востоку как цивилизации.

Н.А. Симония еще в 1975 г. опубликовал монографию «Страны Востока: пути развития»⁶, где уделил особое внимание методологии: соотношению в общественном развитии базисных и надстроечных изменений, социальной и политической революции, а также закономерностям политической революции в странах Востока. В конечном итоге он сделал вывод, что «развитие стран Востока вообще и вступивших на путь социалистической ориентации в частности, вполне укладывается в закономерности развития человеческих обществ, открытые марксизмом-ленинизмом»⁷. Этот вывод, в свою очередь, был положен в теоретическую основу его части (главы 6–11) коллективного труда «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного»⁸. Главное заключалось в том, что проблема синтеза традиционного и современного на Востоке рассматривалась Н.А. Симонией как составная часть учения о формационном развитии человеческого общества. Именно через такой синтез как своего рода компромисс, а не прямой переход от формации к формации он видел путь стран

Востока по лестнице прогресса к коммунизму. На каждой стадии традиционность соотносится в рамках синтеза с общественными формами, уходящими в прошлое, а современное — со сменяющими их формами.

Второй из лидеров издания Л.И. Рейснер разделил взгляд Н.А. Симония на роль синтеза в общественном развитии, но вместе с тем проявил больше интереса к специфике восточных цивилизаций как явлению. Рассуждая в обычной логике формационного прогрессизма марксистской теории, он вместе с тем специально рассмотрел механизм синтеза применительно к средневековому восточному обществу. При этом Л.И. Рейснер исходил из того, что «глубинные основы эволюции, исторически унаследованные и закрепленные в нормах жизни, сохраняют свое значение длительное время и изживаются с большим трудом»⁹. Такой его интерес стал выражением тяги востоковедов к выходу за рамки марксистского постулата относительно «объективности» законов общественного развития, действующих как бы «за спиной» людей и открывающих перед ними лишь возможность задним числом «напасть на их следы». А также оставляющих людям право быть представленными в общественной науке только как народонаселение, рабочая сила, общественные классы.

Из нынешних сотрудников Центра в коллектив авторов «Эволюции» входила З.Н. Галич. Впоследствии, уже в постсоветское время (2011 г.), она подтвердила факт такого поворота востоковедов к гуманизации науки своей монографией «Восточный город — традиционный — колониальный — современный — как субъект цивилизационного процесса»¹⁰.

В самом ООП еще одним усилием сделать формационную теорию более объяснительной стал коллективный труд «Город в формационном развитии стран Востока» под руководством Н.А. Симонии¹¹. В нем была постулирована задача вывести марксистскую теорию из узких границ так называемой «пятичленки»: «не совсем адекватно понятой марксистской концепции последовательной смены формаций». Ощущение недостаточности используемого концептуального багажа и системы понятий привело к попытке активизировать идею К. Маркса об азиатском способе производства¹². Но больше интереса в данном случае привлекло рассмотрение в книге вопроса о месте и роли города на Востоке в исторической ретроспективе и современности.

Из нынешних сотрудников ЦИОПСВ в нем участвовал С.А. Панарин по теме взаимодействия города и деревни.

С.А. Панарин и Ю.Г. Александров в 1987 г. выступили соредакторами и одними из авторов коллективного труда «Деревня Востока: от социальной напряженности к политической борьбе (аграрные социальные конфликты 70–80-х годов)». М.: Наука. ГРВЛ, 1987 г.¹³. Большой авторский коллектив сотрудников нескольких отделов Института создал масштабную и богатую палитру развития крестьянского движения в странах Востока того времени. Труд был лишен изначальной идеологической и политической заданности. Все же, его общим недостатком оказалась недооценка влияния традиционных социальных, культурных и идеологических факторов на социальное самосознание и активность крестьянства.

Одним из важных достижений Отдела общих проблем стал большой коллективный труд «Восток: продовольствие и развитие» (1986 г.)¹⁴ под руководством В.Г. Растяникова и с участием членов Отдела (С.А. Панарин, И.Л. Соя-Серко, С.Г. Иванчук, В.И. Пузь, Ю.Г. Александров). Продовольственная проблема в странах Востока была рассмотрена системно как феномен, порожденный многообразными процессами: внутренними, присущими отдельно взятым национальным хозяйствам, и внешними — определяемыми закономерностями мирового хозяйства. То, что в авторской концепции вместо единого мирового хозяйства фигурировала только его часть — «мировое капиталистическое хозяйство», имплицитно предполагало, что трудности решения продовольственной проблемы в развивающихся странах порождены исключительно их зависимым положением именно в капиталистической системе в отличие от неких тоже имплицитных идеальных условий социалистической системы. Но в данном случае была важнее методология анализа для системы воспроизводства продовольственного комплекса стран Востока именно как части мировой экономической системы.

Также заслуживает особого внимания сборник статей (1986 г.) «Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока» (отв. ред. Л.И. Рейснер и Б.И. Славный)¹⁵. Его отличительная черта — все более настойчивые попытки «интегрировать» знания, подходы и методы, накопленные и выработанные в отдельных отсеках прежде всего отечественной, но также и зару-

бежной ориенталистики»¹⁶, делая тем самым шаги к преодолению идеологической конфронтации с «немарксистской» наукой. В одной из статей (Б.И. Славный, Ю.Г. Александров) были приведены аргументы против утвердившегося в отечественной науке представления о непреодолимых барьерах на путях капитализма в странах Востока якобы из-за органической, по его природе, способности втянуть прямо в сферу своей эксплуатации основную массу их рабочей силы.

Последней крупной публикацией, сохранившей идейную связь с Отделом общих проблем, можно считать вышедший уже в постсоветской России (1999 г.) коллективный труд «Социальный облик Востока» (1999 г.)¹⁷. Его теоретико-методологическая часть (Р.Г. Ланда) отличалась дискуссионностью и концентрировалась вокруг содержания и соотношения категорий формация и цивилизация — спора, который уже утрачивал актуальность среди наших востоковедов. В ней также прослеживаются признаки типичной для советской науки объективизации исторического процесса: «В любом обществе отношения людей определяются не ими, а конкретными условиями данного общества, его историей, традициями, институтами и структурами... законами, обычаями и т. п.». Но главная цель, которую поставили перед собой авторы, — «дать обобщенный социальный портрет современного Востока, опираясь на доступные им материалы и уже имеющиеся достижения отечественных и зарубежных знатоков истории, экономики, социологии и политологии Востока»¹⁸. Как, возможно, помнит читатель, именно с такой задачи и начинался поход Института востоковедения от страноведения к все более высоким уровням научного обобщения и абстракции. В этом коллективном труде принимали участие вместе с другими авторами Р.Г. Ланда, Ю.Г. Александров, Н.Н. Цветкова.

Теперь научная жизнь наследников Отдела общих проблем после промежуточных реорганизаций протекает в ЦИОПСВ уже в постсоветской России, в обстановке научно-идейного плюрализма, но при сильно ограниченных по сравнению с предыдущим временем кадровых, организационных и материальных возможностях. Создавать историографию Центра еще не время, об успехах его сотрудников можно судить по их трудам, в которых читатель найдет много интересно и полезного.

II

С деятельностью Отдела общих проблем и работавших в нем высококлассных специалистов связаны славные страницы в истории Института востоковедения.

Несколько сборников, выпущенных по итогам ежегодных конференций ОСТИ — ЦИОПСВ в 2007–2017 гг., уже были посвящены Отделу общих проблем и ученым, которые в нем работали и ушли из жизни давно, — А.И. Левковскому (1924–1985), Г.Ф. Киму (1924–1989) — или совсем недавно — А.М. Петрову, А.И. Куприну, В.Г. Растяйникову, Л.Ф. Пахомовой. Думаем, что это направление — «чтобы помнили» — важно не только для памяти наших ушедших из жизни коллег, но и для нашего научного коллектива в целом.

Сборник 2007 г. «Восточный социум» был посвящен памяти А.И. Левковского. «Имя А.И. Левковского связано с теорией многоукладности развивающихся стран, которую он отстаивал. В востоковедной науке, занимавшейся проблемами современности, велись в 70-х — начале 80-х гг. споры, иногда весьма ожесточенные, о многоукладности», о том, есть ли ведущий уклад, и какой уклад считать ведущим. «Понятие многоукладности ныне стало хрестоматийным, оно входит в программу изучения экономики Востока и социально-экономической географии в вузах. Многоукладность стала понятием, которое может использоваться как инструментарий не только для анализа экономических и социальных процессов в развивающихся странах»¹⁹, но и для анализа экономики переходных стран, в том числе и России.

Сборник 2011 г. был посвящен памяти Г.Ф. Кима, и свои воспоминания о нем опубликовали в нем В.Ф. Ли, ученики Г.Ф. Кима — А.В. Воронцов и В.А. Тен. В.Ф. Ли вспоминал об обидах Г.Ф. Кима на властные структуры: «Вынося на своих плечах тяжесть и ответственность реального руководства Институтом востоковедения, вопреки представлению Президиума АН СССР, он так и не был утвержден тоталитарной партийно-государственной номенклатурой директором этого учреждения, поскольку, по словам одного из скрытых сталинистов, тогдашнего секретаря ЦК КПСС, “советское востоковедение должен непременно возглавить кто-то из старших братьев”, то есть представитель большой нации, а не национального меньшинства». Однако мудрость Г.Ф. Кима проявилась в том, что когда на место директора ИВ АН пришел Е.М. Примаков, они стали друзьями. В.Ф. Ли вспоминает и слова Е.М. Примакова, сказан-

ные на последнем прижизненном юбилее Георгия Федоровича. «Всех, кто хорошо знает нашего друга, поражает удивительно целостное сочетание в нем яркого национального чувства и не менее богатого интернационального подсознания. Нелегко найти и сохранить эту весьма чувствительную и тонкую грань взаимодействия. И наш Георгий, который в любых ситуациях остается патриотом нашего российского многонационального дома, чутко уловил эту грань. И за это качество мы особенно ценим и почитаем его»²⁰.

А.В. Воронцов пишет о роли, которую сыграл Г.Ф. Ким в установлении дипломатических отношений между Советским Союзом и Республикой Корея. «Сделав вторую операцию и будучи сильно ослабленным, в декабре 1988 г. Г.Ф. Ким снова направился в Сеул. В ходе этого визита он выполнил важную государственную миссию, встретился с президентом РК Ро Дэ У. Об этой поездке на историческую прародину следует сказать, что она стала своего рода вершиной научных изысканий и дипломатического искусства Г.Ф. Кима. Уникальную символическую “эстафету”, прошедшую по маршруту: Москва — Пхеньян — Москва — Сеул — Москва, Г.Ф. Ким посвятил одновременно и российской державе, и народу самой Кореи. Одновременно этот эпизод стал своего рода яркой вспышкой, высветившей на закате жизненного пути Г.Ф. Кима масштабность его личности, продемонстрировавшей образец «self made man — человека, который сам себя сделал», поднявшегося из крестьянской глубинки ограниченного в правах корейского населения до академического и политического Олимпа»²¹.

Сборник 2011 г. был посвящен памяти А.М. Петрова (1946–2010). Е.Б. Рашковский, озаглавивший свою статью «Александр Петров как историк-мыслитель», пишет, что для А.М. Петрова последние три десятилетия, «это сложное и многозначное время глубочайших перемен во всем складе глобальной и российской жизни, время существенных житейских и психологических испытаний, было и временем благодатным: временем освобождения от былого идеологического гнета и открытия новых проблем и горизонтов социогуманитарных знаний, «замечательной эпохой востоковедных научных бесед»²². «И сам Александр Михайлович, человек почти что не титулованный, был одним из активнейших деятелей и движителей этой особой эпохи российского социо-гуманитарного творчества»²³.

Сборник 2014 г. был посвящен памяти нашего коллеги, кандидата исторических наук, Альберта Ивановича Куприна (28.11.1941–14.02.2013). А.И. Куприну принадлежат три монографии, большое число статей и глав в коллективных монографиях. «Альберт Иванович был талантливым и трудолюбивым ученым, знавшим много иностранных языков. Он отличался исключительной добротой и всегда был готов прийти на помощь. Сотрудники Института вспоминают о нем с большой теплотой и уважением», — эти слова размещены на последней странице обложки сборника²⁴.

Сборник 2015 г. посвящен памяти В.Г. Растянникова (1928–2015). О творчестве В.Г. Растянникова, его работе в Отделе общих проблем написана и статья его вдовы И.В. Дерюгиной в настоящих Трудах. В сборнике публикуется и статья их дочери Е.В. Растянниковой.

Сборник 2016 г. посвящен памяти Л.Ф. Пахомовой (1931–2016), специалиста по экономике Индонезии, стран Юго-Восточной Азии. Ее последняя монография «Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия)» и ряд других работ стали учебными пособиями для студентов-востоковедов, изучающих экономику и социальные проблемы стран Юго-Восточной Азии²⁵.

Конференция 2010 г. и сборник, вышедший в свет в 2011 г., были посвящены 30-летию со времени выхода в свет коллективного труда, в котором были задействованы все сектора и группы Отдела общих проблем — трехтомника «Зарубежный Восток и современность» (1980–1981); это было уже второе издание, первое вышло в двух томах в 1974 г. Эта коллективная монография была по тем временам очень актуальной и новаторской. Она получила высокую оценку властей — Государственную премию. «Трехтомник был подготовлен коллективом авторов, в числе которых были ученые, чьи труды вошли в золотой фонд отечественного востоковедения: это ушедшие от нас — А.И. Левковский, Г.Ф. Ким, В.Ф. Ли, Л.И. Рейснер, Л.Р. Гордон-Полонская, Г.К. Широков, Б.Г. Сапожников, В.И. Корнев, М.А. Дробышев (Александров), М.С. Лазарев и другие. Это — и ныне активно работающие Р.Г. Ланда, Н.А. Симония, Ю.Г. Александров. Собрал этот авторский коллектив и руководил им видный отечественный востоковед, организатор науки Г.Ф. Ким (1924–1989)»²⁶.

Монография состояла из трех томов. Она «была посвящена характеристике важнейших явлений в социально-экономической и политиче-

ской жизни развивающихся стран Азии и Северной Африки в основном 60-х — первой половины 70-х гг.»²⁷. В социально-экономическом разделе первого тома монографии (руководитель А.И. Левковский) сдвиги в экономике стран Востока: в сельском хозяйстве, в промышленности — фабричной и мелкой — рассматривались в связи со специфическими производственными отношениями, «множественность, многоукладность которых создают большое своеобразие»²⁸. Подробно анализировались основные уклады в странах Востока. Большое внимание было уделено анализу особенностей развития госсектора, развитого частнокапиталистического предпринимательства, мелкоотварного и мелкокапиталистического производства, иностранного частного капитала в экономике стран Востока. Во втором разделе (руководитель Р.Г. Ланда) была охарактеризована социальная структура стран Востока, немалое внимание было уделено и таким вопросам — ушедшим ныне в небытие — как проблемы социалистической ориентации, роль коммунистических партий. Отдельно рассматривался такой весьма актуальный и поныне вопрос, как политическая роль армии в государствах Азии и Африки.

Во втором томе исследовались аграрно-крестьянский вопрос, (руководитель В.Г. Растянников), общие закономерности и региональные особенности национальных движений. Третий том был посвящен рассмотрению общественно-политической мысли в странах Востока, в том числе религиозных идеологий, проблем международных отношений, анализу борьбы стран Востока за экономическую самостоятельность.

Естественно, труды Отдела писались с учетом реалий того времени, были интегрированы в парадигму марксизма-ленинизма, в существовавшую систему координат. Не учитывать ее можно было — но для этого следовало бы не публиковаться в официальных изданиях, писать «в стол», пойти работать кочегаром в котельную, эмигрировать... Такие поступки требовали немалого мужества, и обычно совершали их люди, писавшие художественные, публицистические произведения. Вместе с тем, отдавая дань принятой риторике (в том числе о странах социориентации, о выборе пути), многие ученые прекрасно осознавали реалии афро-азиатских стран (и России). «...в отличие от многих видных обществоведов, “прозревших” только после 1991 г., Алексей Иванович (Левковский) достаточно трезво и критически относился к рос-

сийской действительности. Когда его как-то (при авторе этих строк) спросили, почему СССР уделяет так мало внимания странам Африки, ответом было: «А что Рязанской области много внимания уделяют?»». Книга А.И. Левковского «Мелкая буржуазия: облик и судьбы класса»²⁹, одна из самых его актуальных на сегодня работ, вышла в свет в 1978 г., а в нее искусно вставлены цитаты из книги Джорджа Оруэлла «1984 год» (англ. George Orwell), которая в то время была в СССР запрещена. (Поверьте, что для этого была нужна немалая смелость.)³⁰.

На смену учению марксизма-ленинизма как единственной парадигме для анализа реалий афро-азиатских стран в отечественной науке после распада СССР пришла богатая палитра теорий (если даже говорить только об экономике). Кстати, сила западной экономической теории состоит как раз в многоцветии этой палитры теорий — причем мейнстрим (неоклассическая теория) сосуществует в ней во времени и в пространстве со «старым» институционализмом (Торстен Веблен, Джон Гэлбрейт) и «новым» институционализмом, кейнсианством и множеством других направлений, в том числе «экономическим империализмом» («империализм» состоит в том, что методы экономической теории (анализ издержек и прибыли) захватывает другие сферы деятельности — например, вопросы образования, вступления в брак, преступности). Показательно, что в настоящем сборнике И. Жилина (ИНИОН РАН), при опоре на концепцию Гэри Беккера (1930–2014), лауреата Нобелевской премии по экономике, известного как автор теории «человеческого капитала», убедительно показывает, что в основе действий террористов в большинстве случаев лежат чисто экономические интересы.

Концепция «неоклассического синтеза» в экономической теории сама по себе предполагает, что «в ясную погоду», при благоприятной экономической конъюнктуре, действуют неоклассические, неолиберальные рецепты, предусматривающие минимум государственного вмешательства в экономику и свободную игру рыночных сил. Однако в 2008–2009 гг., в период глобального финансового и экономического кризиса, Великой рецессии, из арсенала были извлечены кейнсианские рецепты: в США, странах Западной Европы государственные инвестиции в спасение крупнейших банков и компаний составили триллионы долларов (или евро), это делалось, чтобы не допустить коллапса экономики, подобного тому, который произошел в годы Великой Депрессии (так называют экономический кризис, начавшийся

в США в 1929 г.), когда крах банков повлек за собой банкротства предприятий, колоссальный рост безработицы.

Кстати, для комплексного анализа экономических, социально-экономических процессов в странах Востока больше подходит не традиционная неоклассическая теория, а институционализм, (от лат. institutum «установление, обычай, учреждение»), в его варианте, предложенном американским экономистом Торстеном Вебленом (1857–1929). Т. Веблен трактовал институты «как привычные образы мыслей и привычки в том, что касается отношений между обществом и личностью. Институты — результаты процессов, происходивших в прошлом». Уолтон Гамильтон (1881–1958) определил категорию «институт» как вербальный символ, который «означает способ мышления или действия, с достаточной распространенностью и прочностью, запечатленный в привычках различных социальных групп или обычаях народа». Нравы, обычаи, конфессии так же, как рыночная экономика, образование, демократия, являются «институтами». Институты сегодня — одна из важнейших групп параметров, определяющих уровень международной конкурентоспособности страны в концепции Всемирного экономического форума. Другая концепция, которая может быть использована при анализе экономики стран Востока — это «старая» немецкая историческая школа, в частности, национальная система политической экономии Фридриха Листа (1789–1846), которая предусматривает при анализе экономических явлений систематическое использование исторического опыта, учет геополитических факторов³¹. Концепция Фридриха Листа предполагает необходимость учета географического своеобразия, исторических условий.

Сознавая это или не сознавая, ученые-востоковеды, подобно герою Мольера, который не знал, что говорит прозой, в реальности, анализируя экономику стран Востока, учитывали институты (а к ним относятся семья, религия, школа или же негласно сложившиеся своды правил, обычаи), исторический опыт, геополитические факторы. Можно сказать, что лучшие труды ученых, работавших в Отделе общих проблем, во многом были написаны с учетом «институтов» стран Востока, их исторического опыта.

* * *

Настоящий сборник — тринадцатый из сборников³², изданных научным коллективом, ставшим преемником бывшего Отдела общих проблем — сначала Отдела сравнительно-теоретических исследований,

которым долгое время руководил Р.Г. Ланда, а затем созданного в 2009 г. Центра исследования общих проблем современного Востока, в который вошли ОСТИ, Отдел комплексных проблем международных отношений (ОКПМО) и часть Отдела по изучению СНГ и который возглавил С.А. Панарин. Если в Отделе общих проблем ИВАН работало около 100 человек, то численность ЦИОПСВ на сегодняшний день не превышает и четырех десятков.

Сборник составлен из статей, посвященных ученым и трудам Отдела общих проблем ИВ АН СССР (первый раздел), и статей, написанных на основе выступлений на традиционной ежегодной конференции, проведенной Центром исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН в марте 2017 г. (второй и третий разделы). В основе сборника лежит междисциплинарный подход к изучению проблем развития стран Востока, освещению различных аспектов их развития — экономических, социально-политических, этноконфессиональных.

В первом разделе содержатся две статьи, В.Я. Белокрыницкого и З.Н. Галич, посвященные анализу творчества выдающегося востоковеда Л.И. Рейснера (1928–1990), работавшего в Отделе общих проблем. Проф. В.Я. Белокрыницкий (Руководитель Центра исследований Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН) на основе концептуального анализа трудов Л.И. Рейснера, выделил четыре аспекта творческого наследия ученого, которые «остаются наиболее релевантными и сегодня по отношению к проблеме капиталистической трансформации и модернизации в постколониальном мире». Первый — это само выделение Востока, традиционного Востока, как объекта и предмета исследования в рамках изучения всеобщей истории и истории экономической модернизации. Восток мыслится Л.И. Рейснером как определенное единство «кустовых регионов» Азии и Северной Африки. «Дихотомия Запад — Восток, западноевропейский путь эволюции и восточный, азиатско-африканский играет одну из приоритетных ролей в анализе Л.И. Рейснера», особые институты, особый исторический опыт. Между тем, как указывает В.Я. Белокрыницкий, в современной отечественной науке можно нередко найти утверждения или намеки на утверждения о том, что востоковедение не имеет своего предмета, а Восток как категория анализа не заслуживает внимания. Заметим, что пару лет назад имела место попытка и

«выбросить» «востоковедение» из учебных программ российских вузов, заменив его политологией.

Второй аспект, подчеркивает В.Я. Белокрыницкий, это понятие синтеза, в том числе особенно существенного для темы модернизации на Востоке, колониально-капиталистического синтеза. Третий аспект состоит в отличиях городов, городских систем на Востоке и Западе. Цивилизации Азии и Северной Африки, по убеждению Л.И. Рейснера, являлись не аграрными, а аграрно-урбанистическими. Четвертый аспект — это «способ общения», «способ обмена видами деятельности». В Европе сложился иной, чем на Востоке, способ общения, предшествовавший капиталистическому способу производства.

Любопытно, что эти выделенные В.Я. Белокрыницким аспекты вклада Л.И. Рейснера в востоковедение можно определить как учет влияния «институтов», исторического опыта, которые отличают Восток от стран Запада.

Юбилею Л.И. Рейснера посвящена статья З.Н. Галич (ЦИОПСВ ИВ РАН), она анализирует важнейшие труды сектора методологии, в которых участвовал Л.И. Рейснер, редактором которых он был.

Вдова В.Г. Растяникова, И.В. Дерюгина (ОЭИ ИВ РАН), рассматривает вклад В.Г. Растяникова в изучение аграрных проблем стран Востока, особо выделяя период его работы в Отделе общих проблем (1971–1990 гг.). В статье указано, что книга Виктора Георгиевича «Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии», опубликованная в 1973 г., в 1981 г. была переведена на английский язык, издана в Великобритании. Впоследствии работа “Agrarian Evolution in Multiform Structure Society. Experience of Independent India” стала учебником для студентов-индологов во всем мире.

В статье Н.Н. Цветковой (ЦИОПСВ ИВ РАН) рассматриваются сборники и коллективные монографии сектора социальных проблем ООП из серии «уклад и класс», подготовленные под руководством А.И. Левковского. Показано, что целый ряд выводов и наблюдений, сделанных в этих работах, весьма актуален сегодня для анализа современных социально-экономических процессов. В частности, коллективная монография «Низшие слои города в странах Востока» (1986 г.) позволяет дать критическую оценку некоторым сегодняшним прогнозам о перспективах воздействия автоматизации на занятость в странах Востока через два десятилетия.

Во втором и третьем разделах настоящего сборника содержатся статьи, в которых авторы исследуют современные проблемы стран Востока. Что находится в центре внимания исследователей во втором, экономическом, разделе? Это — прежде всего новые технологии, внедрение которых способно существенно изменить экономический базис восточного общества. В статье М.Г. Борисова (ОЭИ ИВ РАН) о возобновляемых источниках энергии в странах Азии и Северной Африки говорится о том, что на долю именно этих стран приходится львиная доля инвестиций в этот вид энергетики, а некоторые из них выдвинулись на передовые рубежи по уровню ее развития. В статье Е.В. Растяниковой (ОЭИ ИВ РАН) дан сравнительный статистический анализ производительности труда в энергетическом комплексе Индии, Китая, России, характеризуется внедрение в энергетику новых трудосберегающих технологий.

Особое место занимает в разделе статья Ю.Г. Александра (ЦИОПСВ ИВ РАН) о переходных странах России, Беларуси, Казахстане «Человек как вторая нефть». Можно было бы подумать, что речь идет о значимости человеческого капитала в современной экономике. Однако смысл состоит «в том, что человек рассматривается с точки зрения нужд государственного бюджета. С одной стороны, как налогоплательщик — для заделывания дыр при низких экспортных доходах. С другой, он объект экономии на трудовых пенсиях и социальных расходах государства».

Три статьи второго раздела посвящены проблемам международных экономических отношений. Важное место занимают проблемы иностранного частного капитала. В статье А.П. Мурановой (ОЭИ ИВ РАН) обстоятельно исследуются эволюция политики Мьянмы по отношению к иностранному частному капиталу на протяжении последних десятилетий, динамика и географическая структура инвестиций, роль ведущих стран инвесторов. Весьма показательно, что основная масса инвестиций поступает в Мьянму не из Европы или США, а из азиатских стран — основными инвесторами стали ТНК из стран Востока.

Экономические отношения Японии и Турции, их эволюция, инвестиции японских компаний в Турции (турецких инвестиций в Японии немного) — предмет статьи О.А. Ледовской (ЦИОПСВ ИВ РАН). В статье Т.Н. Устиновой (ЦИОПСВ ИВ РАН) анализируются отношения Японии и Китая — политические, экономические, культурные.

III

Этноконфессиональные проблемы в последние годы выдвинулись на передний край общественных отношений. В мире практически нет мононациональных государств, поэтому этноконфессиональная толерантность является залогом процветания любой страны. В доктринах национальной безопасности различных стран именно конфликты между этносами или конфессиями называют сегодня в качестве главных угроз безопасности.

История многонациональных государств свидетельствует об актуальности межконфессионального и межэтнического диалога, ибо разногласия между разноэтничными и разнорелигиозными общинами неоднократно приводили к конфликтным ситуациям, которые приводили к обострению внутривнутриполитической ситуации и даже разделению государств по этническому признаку. Так, в 1947 г. обособился мусульманский район Индии и возникло государство Пакистан.

Основные конфликтообразующие причины обычно возникают в русле нерешенных проблем в сфере социально-экономических, политических и даже бытовых отношений. Естественно, что не последнюю роль играет уровень религиозного сознания, а также духовной культуры. В этой связи большую роль играет специфика этноконфессиональной идентификации. Зачастую именно проблема межнациональных отношений является наиболее сложной среди проблем, унаследованных от колониального периода. Характерно, что межконфессиональные и межэтнические противоречия надолго сохраняются в народной памяти и, более того, могут быть использованы как во внутренней политике, так и для достижения своих целей внешними игроками.

Этноконфессиональные противоречия присущи и многим странам Юго-Восточной Азии (ЮВА), где проживают малайцы, тайцы, китайцы, индонезийцы, бирманцы, яванцы и еще десятки менее многочисленных наций. За три последних десятилетия некоторые государства достигли больших успехов в экономике, однако консенсуса между этническими общинами достигнуто не было. Таким образом, власти не смогли урегулировать разногласия, которые существуют со времен колониального периода.

Этнические и конфессиональные конфликты в странах ЮВА во многом объясняются социально-экономическими, культурно-цивилизационными и историческими факторами. Европейские коло-

низаторы в целях укрепления своего положения традиционно предоставляли привилегии то одним этно-конфессиональным группам, то другим, противопоставляя их друг другу.

Н.С. Скоробогатых (ЦЮВА ИВ РАН) посвятила свою статью «Проблема культурно-национальной идентичности в контексте австралийской модели мультикультурализма» вопросам межэтнических отношений и динамике государственной иммиграционной и национальной политики в Австралийском Союзе. Автор проследила эволюцию понимания идентичности австралийским истеблишментом: от прокламирования идеологии «Белой Австралии», исключавшей все элементы инокультурного присутствия, до модели мультикультурализма, которая предоставила национальным меньшинствам — включая аборигенов, (получивших в 1967 г. гражданские права), — государственную поддержку. Правительство также изменило иммиграционную политику, связанную с необходимостью восполнить людские ресурсы. Однако надежда на то, что иммигранты восполнят нужду в рабочей силе, не оправдалась. Предложенные пособия и льготы привели к тому, что многие иммигранты предпочитали скромное существование на пособия вместо того, чтобы, выучив английский язык, найти работу. Таким образом, возникли новые «этнические пузыри», аналогичные сообществам аборигенов, коренного населения Австралии. Как отмечает автор, «мультикультурализм оказался весьма затратной политикой, и экономические проблемы дополнились социальными». Более того, иммигранты перенесли на австралийскую землю проблемы своих стран, они болезненно реагировали на все происходящее на их родине, требуя от властей принять их точку зрения. Автор отмечает, что «мультикультурализм стал орудием общин при отстаивании своих интересов в той их части, которая в ряде случаев откровенно враждебна интересам основного населения».

О социальных противоречиях в Таиланде пишет Е.А. Фомичева (ЦЮВА ИВ РАН) в статье «Социальное расслоение и социальные движения в Таиланде». В отличие от Малайзии, коренное население здесь доминирует — 75% всех жителей страны. Помимо тайских народов значительную часть населения составляют иноэтнические (малайского происхождения) и инорелигиозные (мусульмане) жители. Процессы глобализации обострили проблему сохранения этнической идентичности и традиционного образа жизни, как для тайцев, так и

для представителей других этнических групп. В последней трети XX в. бурное развитие капитализма сопровождалось диверсификацией хозяйства, появлением новых промышленных производств. Следствием этого процесса стали изменения в классовой структуре тайландского общества, рост численности рабочего класса, а также укрепление позиций среднего класса. Большинство промышленных производств связано с эксплуатацией природных богатств страны. В частности, Таиланд утратил значительную часть своих лесов (в том числе ценных пород), которые были вырублены бессистемно. Сегодня уже менее 20% территории Таиланда покрывают леса. Ситуация беспокоит активистов, которые озабочены ухудшением экологической ситуации. Развитие промышленности требовало многих рабочих рук, которые давала деревня. Таким образом, город развивался, за счет ресурсов сельской местности. В результате произошло обострение социальных противоречий, углубление раскола между сельской периферией и столичной агломерацией. Начиная с 1990-х гг. Таиланд лидировал по темпам роста Юго-Восточной Азии. Однако социальные проблемы стали давать о себе знать, ибо развитие шло неравномерно — в пользу промышленного производства и торговли, сосредоточенных в городах, что способствовало глубокому экономическому расколу между центром и провинцией.

Кочеткова Е.В. (ЦЮВА ИВ РАН) в статье «Этноконфессиональные противоречия в Малайзии» отмечает, что эта страна отличается от других многонациональных государств тем, что ни один из этносов, проживающих на ее территории, не составляет подавляющего большинства современного населения страны. Это относится как к коренным ее жителям, так и к более поздним пришлым народам — выходцам из Китая и Индии, которые соперничают между собой в экономической и политической сфере. Характерно, что в Малайзии довольно поздно окончательно сформировался постоянный состав населения, причем коренное население, занимавшееся в основном сельским хозяйством (отсюда их прозвище «дети земли»), тогда было численно равно «пришлому» населению. Естественно, что последние, в отличие от коренных жителей, активно включились в капиталистический рынок и со временем стали главной экономической силой Малайзии. «Пришлые» — китайцы и индийцы — сумели прибрать к рукам наиболее прибыльные сферы профессиональной деятельности и торговлю. Усилившееся неравенство между коренными и «пришлыми» стало одной

из важнейших социально-экономических и политических проблем в жизни страны. Осознав важность приобщения малайзийцев к современным достижениям мировой науки и техники, с конца 1980-х гг. правительство начало проводить мероприятия, направленные на более активное использование английского языка всеми гражданами страны. А после малайско-китайских столкновений 1969 г., сопровождавшихся массовыми погромами и поджогов жилых домов и магазинов, принадлежавших китайцам, было принято решение о предоставлении особых прав титульному населению.

Надо отметить, что в мусульманском мире противостояние между Востоком и Западом вызывает большое беспокойство. Р.М. Шарипова (ЦИОПСВ ИВ РАН) в статье «Движение исламской солидарности и межцивилизационный диалог» анализирует деятельность международных мусульманских организаций, ставящих своей задачей создание атмосферы понимания и толерантности между представителями разных конфессий. Проблемами межцивилизационного диалога занимаются многие светские и религиозные деятели исламского мира — представители суннитского и шиитского направлений, в частности, Мухаммад Хатами, пятый президент Ирана (1997–2005). Экмелетдин Ихсаноглу, генеральный секретарь (2005–2013) Организации исламского сотрудничества, считает, что «нет альтернативы диалогу, это единственный путь к пониманию. Он незаменим в наведении мостов как средство общения между религиями и культурами». Действительно, нынешние напряженные отношения между исламским миром и Западом, представляют собой одну из наиболее серьезных угроз миру и всеобщей безопасности.

Следует отметить, что противостояние между Западом и миром ислама подпитывается гражданскими войнами и другими политическими конфликтами, вовлекающими в террористическую деятельность все больше людей, готовых применять насилие. И.Ю. Жилина (ИНИОН РАН) в своей статье «Экономический анализ террористического поведения», отмечает, что при этом межцивилизационные конфликты стали способом получения доходов, грабежа культурного наследия. События последних лет доказывают, что, какую бы политическую мотивацию и аргументы ни выдвигали теоретики терроризма для оправдания своих действий, подоплека терроризма всегда носит экономический характер. Террористические организации руководству-

ются отнюдь не идеологическими или религиозными соображениями: они действуют как рациональные экономические агенты, целью которых является получение доступа к социальному и экономическому капиталу, что в конечном итоге обеспечивает изменение экономических отношений в обществе и перераспределение собственности в их пользу.

Убедительным примером влияния роли конфессиональных противоречий на внешнюю политику являются отношения Ирана и Ирака. Об этом речь идет в статье В.П. Кириченко (ЦИОПСВ ИВ РАН) «Шиитские общины в межгосударственных отношениях Ирака и Ирана в XX в.». Автор рассматривает ущемление прав иранской общины в Ираке в 1930-е гг., после чего часть иранцев покинула Ирак, а шииты соседнего Ирана в течение 20 лет были лишены возможности осуществлять паломничество к святым местам в Ираке. Паломничество возобновилось в 1950-е гг. С этого времени иракские шииты принимали активное участие в политической жизни страны. В частности, они активно вступали в партию БААС и Компартию Ирака. Однако после того как баасисты пришли к власти в Ираке (1963), между руководством страны и частью шиитского духовенства возник конфликт, который продолжался до конца правления С. Хусейна. Исламская революция в Иране (1979 г.) обострила отношение иракского руководства как к соседней стране, так и к собственному шиитскому населению. Характерно, что за негативизмом по отношению к Ирану стояли амбиции С. Хусейна, желавшего стать региональным лидером. Объявив себя прямым потомком пророка, С. Хусейн развязал войну против соседнего Ирана. В 1990 г., надеясь на поддержку арабских стран, багдадский лидер напал на Кувейт. Вслед за захватом богатств Кувейта С. Хусейн намеревался уничтожить Израиль. Тегеран, в свою очередь, пытался подтолкнуть шиитов Ирака к свержению багдадского режима, однако это ему не удалось. Поражение Ирака было сокрушительным. Местные шииты, воспользовавшись моментом, подняли восстание против режима, обвинив его в неоправданных жертвах и разорении страны. Иракская армия подавила восстание и разрушила гробницы в священных городах, нанеся таким образом оскорбление всем шиитам Ближнего и Среднего Востока. Сегодня противоречия между суннитами и шиитами используют те, кто, ввергнув Ближний Восток в хаос, стремится реализовать собственные интересы на Ближнем Востоке.

С.Б. Филатов (ЦИОПСВ ИВ РАН) представил статью «Традиционный татарский ислам на российских просторах». После Октябрьской революции 1917 г. российские мусульмане не могли поддерживать контакты со своими единоверцами на Ближнем Востоке. Вследствие этого, а также ограничения сферы действия религии, ислам в России стал фактором, характеризующим этническую идентичность. Длительное сосуществование с православием, необходимость приспособливаться к государственным институтам России, постоянное взаимодействие с окружающим русским населением во всех сферах жизни способствовали европеизации российских татар. Естественно, что в советское время власти не были озабочены религиозными чаяниями мусульман. Сократилось число мечетей: в Татарстане их было всего 17; практически полностью было перекрыто паломничество к святым местам ислама. Однако межрелигиозных конфликтов не было, так как власти одинаково относились ко всем конфессиям. Татары в Советской России не были третированы за свои религиозные взгляды или этническое происхождение. Главным достижением советского периода российские татары считают возрождение татарской государственности, хотя и в урезанном виде. Автор отмечает, что, в отличие от ряда других народов Российской империи, в силу эволюции массового сознания татары изначально были активными сторонниками большевистской революции. Более того, в первые годы советской власти в коммунистическом движении татарского народа видную роль играли представители реформистски настроенных мусульман. Постепенно этот в основном сельский, патриархальный народ урбанизировался, возникла прослойка национальной интеллигенции. В атмосфере советского патриотизма сформировалась национальная культура, выросла значимость светского образования, что на деле привело к тому, что образованный татарин перестал быть верующим мусульманином, хотя по-прежнему соблюдал мусульманские традиции.

Внутри татарского и башкирского мусульманского духовенства нередко имеют место раздоры и противоречия, но их можно назвать «производственными», ибо они не затрагивают жизнь уммы. Есть сторонники консервативных взглядов, реформаторы, модернисты. Они в разной степени контактируют с властью и по-разному вовлечены в национальные проблемы.

Была создана сеть образовательных учреждений, где учатся мусульмане России и соседних государств. До 1998 г. значительная часть медресе, где преподавали иностранные наставники, финансировались из-за рубежа. В результате некоторые выпускники пытались внедрить ваххабитские нормы ислама. В 1998 г. в Татарстане было принято решение отказаться от приглашения иностранных учителей, а студентов, получивших образование в зарубежных мусульманских университетах, взять под контроль. И хотя в Татарстане и Башкирии было открыто огромное количество мечетей и медресе, оказалось, что квалифицированных кадров имамов и наставников было недостаточно. Современная ситуация в Российской Федерации, модернизация общественно-политической жизни способствуют размыванию религиозного сознания народа. Уже сегодня можно сказать, что официально поддерживаемый властями ислам в Башкортостане и в Татарстане — носит умеренный характер. Тем не менее, внутри мусульманской верхушки наблюдается борьба за власть, происходят идейные шараханья, периодические переориентации то на российские (федеральные или региональные) власти, то на Казань. Это свидетельствует о том, что ислам российских татар находится в стадии становления после коммунистического прошлого.

Татары проживают не только в России. Основная часть мусульман в странах Балтии — Эстонии, Латвии и Литве — татары, прибывшие в этот регион в разное время. Об их появлении в этом районе и условиях нынешнего существования идет речь в статье Бибиковой О.П. (ЦИОПСВ ИВ РАН) «Ислам и мусульмане стран Балтии». Коренное мусульманское население — потомки татар, которые прибыли в Великое княжество Литовское при князьях Гедимине и Витовте в XIV в. из Золотой Орды. Это были воины, перешедшие под покровительство Литвы или брошенные своими ханами на полях сражений. В Литве они пополнили местное войско и впоследствии участвовали в битвах с тевтонами (Грюнвальдская битва 1410 г.). На территории современной Эстонии мусульмане появились во время Ливонской войны во второй половине XVI в., в Латвии — в середине XIX в.

После того, как Прибалтика в конце XVIII в. вошла в состав России, сюда стали переселяться татары из поволжского региона. На рубеже XIX–XX вв. сюда потянулись рабочие из России. В послевоенное время в связи со строительством фабрик, заводов и особенно с расши-

рением Рижского порта в Латвию, Литву и Эстонию приезжали рабочие со всего СССР, в том числе татары. В тот период религиозная жизнь мусульман осуществлялась приватно. И только в конце 1990-х гг. местная власть позволила сначала национальным меньшинствам, а потом и конфессиям создать свои культурные и религиозные ассоциации. После провозглашения независимости (1991) и получения статуса члена Евросоюза (2004) в прибалтийские республики стали приезжать студенты из мусульманских стран, а также бизнесмены. Постепенно в разных городах возникли мусульманские общины, членами которых были как коренные жители, так и приезжие. Общины пользовались поддержкой властей, однако ни в одной из столиц так и не было построено мечети. Сохранившиеся деревянные мечети в сельской местности были отреставрированы. Однако большая часть мусульман сегодня проживает в городах. Следует отметить, что местные мусульмане обеспокоены возможностью приема странами Балтии беженцев из стран Азии и Африки, так как это, по их мнению, может нарушить консенсус, сложившийся в отношениях между потомками татар-мусульман и коренным населением Прибалтики.

Принято считать, что этнические диаспоры должны предпринимать огромные усилия для того, чтобы принимающее их общество относилось к ним толерантно. Сегодня примерно 4 млн вьетнамцев проживает за пределами своей родины. А. Соколов (ЦЮВА ИВ РАН) в своей статье «Вьетнамские диаспоры в постсоциалистических странах Европы» отмечает, что ежегодно на родину вьетнамские эмигранты отправляют значительные суммы, которые способствуют развитию экономики. Со своей стороны Ханой в интересах социально-экономического развития государства создал благоприятные условия для своих соотечественников — безвизовый режим для посещения родины, льготы по налогу на прибыль созданных зарубежными вьетнамцами предприятий (на 20% меньше, чем другой иностранный инвестор) и налогу на вывоз прибыли³³ и т.д.

Традиционно вьетнамцы за рубежом формируют свое «параллельное общество», где создаются предприятия, обслуживающие потребности соотечественников. Как правило, у них достаточно высокая рождаемость, а дети показывают хорошую успеваемость в школах. Когда в 2002 г. в Праге случилось наводнение, представители вьетнамской диаспоры собрали 8 млн крон в помощь пострадавшим. Власти также отме-

чают невысокий процент криминала во вьетнамской среде. Несмотря на это местное население к ним относится негативно. Так, проведенный Центром изучения общественного мнения Чехии социопрос показал рекордно высокий показатель нетерпимости к гражданам других национальностей, проживающим в стране. 69% чехов считают, что в большинстве проблем виноваты приезжие³⁴. Очевидно, что на отношении к чужакам сказываются трудности переходного периода, а также негативный миграционный фон, который стал доминировать в Евросоюзе с 2014 г. В целом надо отметить, что использование этноконфессиональных противоречий в политическом дискурсе явление не новое, ибо эксплуатация формулы «свой — чужой» с давних времен является эффективным средством мобилизации массового политического сознания.

Ю.Г. Александров (часть I)

Н.Н. Цветкова (часть II)

О.П. Бибикина (часть III)

¹ Века неравной борьбы / Отв. ред. В.Н. Никифоров. Т. 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1967. (Серия: Национально-освободительное движение в Азии и Африке).

² Пробуждение угнетенных / Отв. ред. Г.И. Левинсон, Л.Р. Полонская (Серия: Национально-освободительное движение в Азии и Африке). Т. 2. М.: Наука, ГРВЛ, 1968.

³ На новом пути / Отв. ред.: В.И. Павлов, И.Б. Редько. Т. 3. М.: Наука, 1968. (Серия: Национально-освободительное движение в Азии и Африке).

⁴ Левковский А.И. Третий мир в современном мире (Некоторые проблемы социально-экономического развития многоукладных государств) М.: Наука, ГРВЛ, 1970.

⁵ Левковский А.И. Социальная структура развивающихся стран (Проблемы многоукладного переходного общества). М.: Мысль, 1978.

⁶ Зарубежный Восток и современность. Основные проблемы и тенденции развития стран зарубежного Востока. Т. 1–3. М.: Наука, ГРВЛ, 1980–1981.

⁷ Восток. Рубеж 80-х годов. (Освободившиеся страны в современном мире) / Пред. редколлегии Е.М. Примаков. М.: Наука, ГРВЛ, 1983.

⁸ Симония Н.А. Страны Востока: пути развития. М.: Наука, ГРВЛ, 1975.

⁹ Симония Н.А. Страны Востока: пути развития. М.: Наука, ГРВЛ, 1975. С. 354.

¹⁰ Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / Отв. ред. Л.И. Рейснер, Н.А. Симония. М.: Наука, ГРВЛ, 1984.

¹¹ Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. С. 21.

¹² Галич З.Н. Восточный город — традиционный — колониальный — современный — как субъект цивилизационного процесса. М.: ИВ РАН, 2011.

¹³ Город в формационном развитии стран Востока / Отв. ред. Н.А. Симония. М.: Наука, ГРВЛ, 1990.

¹⁴ Город в формационном развитии стран Востока... С. 5, 6.

¹³ Деревня Востока: от социальной напряженности к политической борьбе (аграрные социальные конфликты 70–80-х годов) / Отв. ред. Ю.Г. Александров, С.А. Панарин. М.: Наука. ГРВЛ, 1987.

¹⁴ Восток: продовольствие и развитие / Отв. ред. В.Г. Растянников. М.: Наука, ГРВЛ, 1986.

¹⁵ Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока / Отв. ред. Л.И. Рейснер, Б.И. Славный. М.: Наука, ГРВЛ, 1986.

¹⁶ Исторические факторы общественного воспроизводства... С. 3.

¹⁷ Социальный облик Востока / Отв. ред. Р.Г. Ланда. М.: Восточная литература РАН, 1999.

¹⁸ Социальный облик Востока. С. 16, 11.

¹⁹ Цветкова Н.Н. Работы А.И. Левковского и социально-экономические процессы в условиях глобализации // Восточный социум. Памяти А.И. Левковского / Отв. ред. Р.Г. Ланда, Н.Н. Цветкова. М.: ИВ РАН, 2007. С. 52, 53–54.

²⁰ Зарубежный Восток и современность: тридцать лет спустя (1980–2010): памяти Г.Ф. Кима. М.: ИВ РАН, 2011. С. 12.

²¹ Зарубежный Восток и современность: тридцать лет спустя... С. 22–23.

²² Петров А.М.; Сопленков С.С. Предисловие // Глерию Широкову: я хотел бы поговорить с тобой. М.: Академия гуманитарных исследований, 2006. С. 4.

²³ Страны Востока: социально-политические, социально-экономические, этноконфессиональные и социокультурные проблемы в контексте глобализации. Памяти А.М. Петрова. М.: ИВ РАН, 2011. С. 11.

²⁴ Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы стран Востока: памяти А.И. Куприна. М.: ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры, 2014.

²⁵ Экономические, социальные, политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран: памяти Л.Ф. Пахомовой М.: ИВ РАН, Издатель Воробьев А.В., 2016. С. 13.

²⁶ Зарубежный Восток и современность: тридцать лет спустя (1980–2010): памяти Г.Ф. Кима. М.: ИВ РАН, 2011. С. 5.

²⁷ Зарубежный Восток и современность. М., 1980. Т. 1. С. 7.

²⁸ Зарубежный Восток и современность... Т. 1. С. 8.

²⁹ Левковский А.И. Мелкая буржуазия: облик и судьбы класса. М., 1978.

³⁰ Цветкова Н.Н. Работы А.И. Левковского... С. 59, 55.

³¹ Гловели Г.Д. История экономических учений: Учебник / ГУ–ВШЭ. М.: Юрайт, 2011. С. 389–393, 188–193.

³² 1. Восточный социум: памяти А.И. Левковского. М.: ИВ РАН, 2007; 2. Восточный социум и религия. М.: ИВ РАН, 2009; 3. Ближний Восток: вызовы XXI века. М.: ИВ РАН — Институт Ближнего Востока, 2009; 4. Восток: вызовы XXI века. М.: ИВ РАН, 2010; 5. Зарубежный Восток и современность: тридцать лет спустя (1980–2010): памяти Г.Ф. Кима. М.: ИВ РАН, 2011; 6. Страны Востока: социально-политические, социально-экономические, этноконфессиональные и социокультурные проблемы в контексте глобализации. Памяти А.М. Петрова. М.: ИВ РАН, 2012; 7. Страны Востока в контексте современных мировых процессов: социально-политические, экономические, этноконфессиональные и социокультурные проблемы. М.: ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры, 2013; 8. Рынок и социальные проблемы: Восток — Россия. М.: ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры, 2013; 9. Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы стран Востока: памяти А.И. Куприна. М.: ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры, 2014; 10. Экономические, социально-

политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран: Памяти В.Г. Растянникова. М.: ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры, 2015; 11. Экономические, социальные, политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран: памяти Л.Ф. Пахомовой М.: ИВ РАН, Издатель Воробьев А.В., 2016. 12. Труды Института востоковедения РАН, Вып. 4: Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран / Отв. ред. выпуска О.П. Бибикова, Н.Н. Цветкова. М.: ИВ РАН, 2017.

³³ Седельникова С.Ф., Нгуен Т.Х. Формирование зарубежной вьетнамской диаспоры («вет-кью») и ее вклад в развитие национальной экономики Вьетнама // Молодой ученый. 2015. № 10. С. 780–782 // moluch.ru/archive/90/18714 (07.07.2018).

³⁴ Снегурев В. Банановые люди. Российская газета. 28.12.2016.

Отдел общих проблем ИВ АН, его ученые и исследование современных проблем

Белокреницкий В.Я.

Творчество Л.И. Рейснера и некоторые аспекты его вклада в теорию капиталистической трансформации и модернизации на Востоке

Автор касается своих впечатлений от знакомства с Л.И. Рейснером, напоминает об основных этапах его творческой биографии, выделяет четыре аспекта вклада ученого в теоретические рассуждения о капиталистической модернизации стран Востока, которые представляются наиболее интересными с сегодняшней точки зрения.

Ключевые слова: Л.И. Рейснер, ступени формационного развития Востока, синтез традиционного и современного, городские системы, способ общения.

Прежде всего хочу выразить свою благодарность за приглашение выступить на конференции и горячо поддерживаю саму идею отметить вклад такого блестящего, выдающегося исследователя, каким был Лев Игоревич Рейснер. В то же время чувствую себя не очень на месте в роли говорящего о его вкладе, поскольку существенно больше оснований для этого имеют те, кто работал с ним в одном коллективе и участвовал в руководимых им проектах.

Правда, я имел честь и удовольствие знать Льва Игоревича и общаться с ним. Когда я пришел в Отдел Индии, Пакистана, Непала и Цейлона аспирантом в конце 1966 г., он был одним из ведущих сотрудников Отдела, молодым, особенно по нынешним меркам (ему не было 40 лет), полным идей, с которыми он делился в формальной и неформальной обстановке. В 1979 г. мы участвовали в XIV Тихоокеанском конгрессе в Хабаровске, и я имел возможность побеседовать с ним на интересовавшие меня тогда демографо-экономические сюжеты. Хорошо помню, что он одним из немногих обращал внимание на то, что быстрый демографический рост в развивающихся странах, таких как Индия, является не только минусом, как бы крадущим проценты у роста национального дохода на душу населения, но и плюсом, поскольку молодое население есть еще и резерв рабочей силы. Все дело как его использовать.

Лев Игоревич был уже мэтром, доктором наук, но не терял интереса к новым впечатлениям. Большинство из членов делегации после окончания Конгресса полетели в Москву, а он с небольшой группой коллег поехал во Владивосток, символ российского присутствия на Тихом океане.

До сих пор благодарен Л.И. Рейснеру за неформальную глубокую рецензию на мою книгу «Капитализм в Пакистане», которая была опубликована в журнале «Народы Азии и Африки» (1989, № 6, с. 191–194)¹ и за выступление в качестве неофициального оппонента на докторской моей защите в 1989 г.

Несмотря на этот научный контакт, личный его вклад в теорию мне оценить нелегко, поскольку я не был, повторюсь, членом его команды и не имел прямого отношения к той проблематике, которая разрабатывалась в ней.

Мне кажется, очень хорошо написал о его вкладе, манере мышления и разрабатываемых им идеях Владимир Ильич Максименко в предисловии к изданной после смерти Л.И. Рейснера в 1993 г. книге «Цивилизация и способ общения» (М: Наука, с. 3–14)². В этой книге собраны статьи Л.И. Рейснера, опубликованные в ведущих отечественных журналах, в первую очередь в журналах «Азия и Африка сегодня» и «Народы Азии и Африки», написанные им главы коллективных монографий, изданные в 1980-х гг. В эту замечательную книгу, которую хорошо было бы, по-моему, переиздать, включены некото-

рые тексты, не публиковавшиеся при жизни автора, в том числе, заведомо в 1975 г. писавшееся «в стол» и оставшееся неоконченным эссе «Марксизм сегодня».

Нелишне, может быть, напомнить, что творчество Л.И. Рейснера распадается, как легко заметить, на три этапа. Начинал он в 1950-х гг. как историк-экономист. Темой его первой крупной работы был иностранный и национальный капитал в промышленности Соединенных провинций Индии в колониальный период. Развивая это направление на постколониальном материале, Л.И. Рейснер вместе с Глерием Кузьмичем Широковым подготовил широко цитировавшуюся в свое время книгу «Современная индийская буржуазия» (М: Наука, 1966)³. В 1969 г. выходит новая совместная монография Л.И. Рейснера и Г.К. Широкова (который, кстати, тоже начинал с изучения иностранного и частного капитала в чайной промышленности колониальной Индии) — «Планирование в Индии»⁴. В начале 1970-х гг. Лев Игоревич перешел на работу в Отдел общих проблем и занялся изучением теорий экономического роста развивающихся стран. В 1974 г. он становится доктором экономических наук, защитив диссертацию на тему «Генезис теории роста и экономика развивающихся стран (Опыт изучения плановой доктрины Индии)». В следующем году Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» выпускает монографию Л.И. Рейснера «Развивающиеся страны: очерк теорий экономического роста»⁵. В ней были разобраны некоторые вопросы марксистской теории расширенного воспроизводства и планового хозяйства, дан анализ теории Дж.М. Кейнса, неокейнсианства и западной школы экономической динамики, рассмотрены плановая доктрина Индии, а также некоторые принципы методологии исследования развивающейся экономики.

Третий этап в творчестве Льва Игоревича можно назвать философским, последовательно вытекающим из первого, историко-экономического, и второго, теоретико-экономического. Он охватывает в основном 1980-е годы, когда наступило время перемен в общественно-политической жизни СССР и наблюдались заметные подвижки в состоянии советской науки. Л.И. Рейснер в этот период, совпавший, кстати, с приходом Е.М. Примакова к руководству Институтом востоковедения АН СССР, занялся общими вопросами формационного развития стран Востока, философией общественно-экономического

развития, оставаясь, разумеется, в рамках советского марксизма позднего периода. Для этого направления характерным был системный подход, принцип системности, который Лев Игоревич высоко ценил и старался применять в своих построениях и рассуждениях. Еще один любимый им принцип — это принцип дополнительности, заимствованный философами из арсенала физика Нильса Бора.

В 1980-х гг. соавтором Льва Игоревича становится Нодари Александрович Симония. Выделяется их совместный доклад, опубликованный как тезисы к дискуссии «К формационной характеристике восточного общества в канун Великих географических открытий» (см. «Цивилизация и способ общения», с. 76–90). Она состоялась в Институте востоковедения в 1983 г., а в следующем году вышла в свет коллективная монография под редакцией Л.И. Рейснера и Н.А. Симония «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного» (М: Наука, 1984)⁶. Некоторые участники нашей конференции хорошо помнят, какое значение имел выход в свет этой книги. Она в какой-то мере подвела итог изучению проблем развития стран Азии и Северной Африки на первом этапе послевоенного постколониального развития.

К значительным достижениям Льва Игоревича нужно отнести и еще две работы, подготовленные им в качестве инициатора и ответственного редактора в Отделе общих проблем. Первая из них — это сборник статей «Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока» (М: Наука, 1986), а вторая — «Восток и мировое общественное развитие. Зарубежные концепции развития освободившихся стран» (М: Наука, 1991)⁷. Во введении ко второй, вышедшей посмертно, книге коллеги Льва Игоревича — участник нашей конференции Юрий Георгиевич Александров и, к сожалению, давно ушедший от нас в расцвете сил Борис Исаакович Славный — писали, что вдохновителем и организатором этих сборников, а также сборника 1973 г., посвященного теориям экономического роста, был, безусловно, Лев Игоревич. Интересно, что в последнем из них, по Востоку и мировому общественному развитию, он выступает фактически со статьей по науковедению, использует содержательные наукометрические приемы и методы. Эта статья, задуманная как введение, называется «Критическое изучение западных работ по «третьему миру» в советской литературе в 1960–1984 гг.»⁸.

Нужно подчеркнуть, что Л.И. Рейснер с редкой доброжелательностью и вниманием подходил к вкладу, который вносили современные ему отечественные авторы в исследование теории и практики общественно-экономического развития на Востоке и шире — в освободившихся развивающихся странах. При этом он нередко «приподнимал», где-то даже переоценивал значение того, что они предлагали и обосновывали. Впрочем, такого рода отношение, на мой взгляд, только и может способствовать возникновению самостоятельной школы, отдельного направления в рамках той или иной дисциплины.

Остановлюсь в завершение на том, какие аспекты его наследия остаются, как мне кажется, наиболее релевантными и сегодня по отношению к проблеме капиталистической трансформации и модернизации в постколониальном мире.

Итак, я бы отметил четыре таких аспекта:

Первый — это само выделение Востока, традиционного Востока, как объекта и предмета исследования в рамках изучения всеобщей истории и истории экономической модернизации. Восток мыслится Л.И. Рейснером как определенное единство «кустовых регионов» Азии и Северной Африки. Европе как еще одному кустовому региону противостоит колониально-зависимый Восток, Азия и Северная Африка колониального и полуколониального типа. Пример полукolonий — Османская и Цинская империя в конце XIX — начале XX в., т.е. сочетание политической суверенности и экономической подчиненности. В то же время Латинская Америка упоминается как наиболее европеизированная, а Африка южнее Сахары едва ли упоминается вообще. Важнее всего, что дихотомия Запад — Восток, западноевропейский путь эволюции и восточный, азиатско-африканский играет одну из приоритетных ролей в анализе Л.И. Рейснера. Между тем, в современной отечественной науке можно нередко найти утверждения или намеки на утверждения о том, что востоковедение не имеет своего предмета, а Восток как категория анализа не заслуживает внимания. Многие нынешние теоретики исходят из представлений об универсальности исторического пространства, не видят существенной и сущностной специфики Востока. В последнее время восточная особенность, роль самой теоретической конструкции Востока теряет, к большому сожалению, своих разработчиков и сторонников. Ушли из жизни Л.С. Васильев, Э.С. Кульпин-Губайдуллин, определенный кризис переживает школа востоковедения в МГИМО.

Между тем, Л.И. Рейснер стоит в одном ряду с теми, кто придает Востоку и дихотомии Восток-Запад сущностное значение. При этом он различает три уровня анализа — всемирно-исторический, регионально-географический и конкретно-страновой. Такой подход имеет большое значение для анализа капиталистической модернизации на Востоке, поскольку позволяет видеть и общие для Востока и особенные, конкретно-страновые черты.

Второй аспект — это понятие синтеза, в том числе особенно сущностного для темы модернизации на Востоке, колониально-капиталистического синтеза. Нужно подчеркнуть, что как теоретик всеобщей истории Л.И. Рейснер, исследуя и развивая классические представления марксистской теории, выстраивает лестницу традиционностей. Первая ступень на этой лестнице — первобытно-общинная архаика, варварство; вторая ступень — древневосточная (в скобках он называет ее «азиатский способ производства») и античная традиционность; затем феодальная, в виде большой феодальной или средневековой формации. При этом Л.И. Рейснер нейтрально-положительно характеризует как «все еще дискуссионную» концепцию восточного феодализма. Большую феодальную формацию он понимает как традиционность промежуточную между древней традиционностью и современностью. Между феодальным и капиталистическим слоями на Востоке, согласно его представлениям, пролегает колониальный или колониально-капиталистический слой. При этом возможны различные варианты колониального капитализма, более прогрессивные и регрессивные, синтезирующие и закрепляющие на время колониализм и феодализм. Буржуазную формацию Л.И. Рейснер относил к еще одной ступени исторически обреченной традиционности.

Третий аспект состоит в отличиях городов, городских систем на Востоке и Западе. Цивилизации Азии и Северной Африки, по убеждению Л.И. Рейснера, являлись не аграрными, а аграрно-урбанистическими. На Востоке традиционный город более развит, урбанизированность средневекового Востока выше, чем в Европе (в восточных городах проживало 10–20% населения, в западноевропейских — от 1 до 7%), но город, крупный город, на Востоке удален в социальном плане от сельской периферии, эксплуатирует ее, господствует над ней. При этом кочевники, составляющие зачастую в городе новую знать, возвышаются, согласно восточному генотипу, над крестья-

янами. На Востоке преобладают связи по линии «город — город», т.е. там развиты «горизонтальные» связи, внешнеторговые и т.п., в то время как на Западе связи между городом и деревней более тесные, условно «вертикальные», социальный статус крестьянина-землепашца выше, и он становится субъектом деловой и предпринимательской активности. Деньги на Востоке значат больше, чем на Западе, деньги выступают в функции богатства, в то время как на Западе они прежде всего опосредуют товарное производство. «Непосредственные производители» (существенное отличие) на Западе сами применяют технические новшества, если они сулят коммерческую выгоду.

Наконец, *четвертый* момент — это «способ общения» (термин Маркса), переводимый правильнее как «способ обмена видами деятельности». В Европе сложился иной, чем на Востоке, способ общения, предшествовавший капиталистическому способу производства. Способ общения шире, чем способ производства, и в этом, по-моему, — главное значение этого термина для Л.И. Рейснера. С его помощью решается задача выйти за рамки сугубо экономических отношений, рассмотреть их в контексте социальном и социокультурном и в контексте триады «наука — техника — производство».

С учетом последнего видится и проблема капиталистической трансформации и модернизации на Востоке, решаемая в русле взаимодействия «центра и периферии». Причем сама эта оппозиция центра и периферии не раз возникает в его трудах, по всей видимости, независимо от трудов И. Валлерстейна и других мирсистемщиков.

Л.И. Рейснер ставит, кроме того, вопрос, как адаптируется восточное общество к условиям глобального общения, что оно берет и что не принимает. Он писал, что Восток был избирателен в плане заимствований на колониально-зависимой стадии. То, что последовало за ней, он называет стадией неокOLONиализма, модернизированного, экономического колониализма, на котором избирательность возрастает.

Л.И. Рейснер не имел возможности наблюдать наступившее с 1990-х гг. своеобразное преодоление неокOLONиализма, подъем Востока как интегральной части глобального капиталистического мира. Он, как и его коллеги, оставался и в конце 1980-х гг. на почве марксизма, придерживался высокой оценки вклада Ленина, подвергал резкой критике теоретическое вульгаризаторство Сталина. Он пытался ввести в число классиков марксизма А. Грамши, расширить поня-

тийный аппарат советского марксизма за счет неомарксистского акцента на культуру и роль интеллигенции. Хотя эти попытки ему не удалось продолжить, они заслуживают внимания как — не исключено — одно из направлений его дальнейших творческих усилий.

В заключение отметим, что можно считать не потерявшим значения до сих пор акцент Л.И. Рейснера на трехуровневом анализе с внесенной временем поправкой, а именно потерей интереса к формационно-цивилизационному уровню, и выходом на передний план регионально-географического и конкретно-странового уровня.

¹ Рейснер Л.И. Рецензия на книгу «В.Я. Белокреницкий. Капитализм в Пакистане. История социально-экономического развития (середина XIX — 80-е годы XX в.)». М.: Наука, 1988 // Народы Азии и Африки. 1989. № 6. С. 191–194.

² Рейснер Л.И. Цивилизация и способ общения / Сост. В.И. Максименко (отв. ред.), В.В. Макаренко. М.: Наука, 1993.

³ Рейснер Л.И., Широков Г.К. Современная индийская буржуазия. М.: Наука, 1966.

⁴ Рейснер Л.И., Широков Г.К. Планирование в Индии. М.: Наука, 1969.

⁵ Рейснер Л.И. Развивающиеся страны: очерк теорий экономического роста. М.: Наука, 1975.

⁶ Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / Отв. ред. Л.И. Рейснер, Н.А. Симония. М.: Наука, 1984.

⁷ Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока / Отв. ред. Л.И. Рейснер, Б.И. Славный. М.: Наука, 1986.

Восток и мировое обществознание. Зарубежные концепции развития освободившихся стран / Отв. ред. Ю.Г. Александров, Б.И. Славный. М.: Наука, 1991.

⁸ Восток и мировое обществознание. Зарубежные концепции развития освободившихся стран / Отв. ред. Ю.Г. Александров, Б.И. Славный. М.: Наука, 1991. С. 6–16.

Галич З.Н.

Лев Игоревич Рейснер — ученый,
востоковед-индолог и экономист, разработчик
теоретической концепции «синтез в истории»

Статья посвящена воспоминаниям о жизни и творчестве выдающегося отечественного востоковеда Л.И. Рейснера. Автор анализирует теоретические концепции Л.И. Рейснера, изложенные в его индивидуальных монографиях и в коллективных трудах с его участием, по проблемам эволюции восточных обществ. Большое внимание уделено проблеме «синтез в истории».

Ключевые слова: Л.И. Рейснер, эволюция восточных обществ, синтез в истории, традиционные и современные структуры, город, формация, цивилизация, интеллигенция.

В марте 2018 г. состоялась очередная конференция ЦИОПСВ, посвященная памятной дате — 90-летию Льва Игоревича Рейснера (1928–1990) — известного ученого востоковеда-индолога и экономиста, одного из создателей теории синтеза традиционных и современных структур.

В 1960-е гг. Лев Игоревич — сотрудник Отдела Индии времени творческих поисков, острых дискуссий, споров. В этот период, как пишет О.В. Маляров, «все еще продолжался “золотой век” индологии, отличавшийся обилием необычайно талантливых и интересных людей, для которых их научный труд был главным смыслом жизни... В центре сообщества индологов, определяя общий психологический климат, стояло уникальное по своей непохожести и в то же время неразрывности трио: Лева Рейснер, Миша Дробышев и Глорий Широков. В сообществе, где доминировали величественные столпы индологии и яркие индивидуальности, это трио играло особую роль. Оно было центром притяжения сообщества, с искренним доброжелательным интересом ко всем его членам, помогавшим им раскрыть свои лучшие человеческие качества и дарования, скреплявшим сообществом».

во в единый коллектив личностей. Оно во многом определяло общую праздничную атмосферу в отделе»¹.

Именно в 1960-е гг. Лев Игоревич и Глорий Кузьмич Широков тщательно изучали долговременные всемирно-исторические тенденции, которые осваивались и внедрялись в экономику, технологию, социальность, политику, культуру, другие сферы деятельности, структуры и институции стран Востока на переходе от традиционности, колониализма и «вхождения» в современность. Они в соавторстве написали немало книг и статей, исследующих исторические и современные предпосылки тогдашних трудностей преобразований восточного мира. Совместные работы включены в библиографию трудов Г.К. Широкова книги «Востоковеды — востоковеду. Сборник на юбилей Глория Кузьмича Широкова» (М.: ИД «Муравейник». 2000). В ней указаны следующие работы: «Экономика современной Индии» (М., 1960); «Иностраный частный капитал в Индии». (М., 1960); «Развитие промышленности независимой Индии» (М., 1964); «Современная индийская буржуазия» (М., 1966)².

В начале 1970-х гг. Н.А. Симония формировал свой сектор теоретических проблем национально-освободительных движений и революций. С декабря 1971 г. в нем начали трудиться Е.Б. Рашковский, З.Н. Галич (автор этих строк), а вскоре Л.И. Рейснер, позднее А.М. Петров, И.А. Зевелев и другие.

Лев Игоревич работал в секторе в 1970–1980-е гг., и мой кратчайший очерк посвящен научно-исследовательской деятельности сектора за двадцатилетний период, в котором ярко прослеживаются две вехи, связанные с написанием и публикацией важных комплексных теоретико-фундаментальных коллективных монографий и сборников статей.

Первая веха — середина 1970-х гг. — 1984 г., когда работа сосредоточивалась на изучении проблемы синтеза и эволюции стран Востока, она завершилась публикацией большой книги «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного» / Отв. ред. Л.И. Рейснер, Н.А. Симония. М.: ГРВЛ, 1984³. Коллективная монография состоит из введения, трех частей и четырнадцати глав. Первая часть — «Восточное средневековое общество как исторический тип. Механизм его включения в систему мирового капитализма», посвящена доколониальному прошлому Востока и его эволюции в колониальную

эпоху, руководил написанием ее Л.И. Рейснер (сам он автор двух глав, 1 и 4). Во второй и третьей частях исследуется развитие стран Востока в условиях независимости (руководитель Н.А. Симония).

Начну с введения монографии, в котором присутствует несколько общетеоретических сюжетов, которым сопутствуют комментарии методологического свойства. Прежде всего замечено, что проблема синтеза традиционного и современного рассматривается авторами «как составная часть учения о формационном развитии человеческого общества». Общетеоретический подход, «классическая», или абстрактно-теоретическая модель развития, включая конкретно-исторический анализ страновых вариантов, позволили обнаружить первичные, вторичные и третичные модели развития в мировых масштабах. Синтез привлек внимание к переходным фазам. К тому времени, когда возникало общество неоднородное, синтезированное, с разнородными формационными структурами и элементами в экономике, политике, культуре, социуме, религии и др. В традиционных обществах Востока самостоятельно, органично современные (капиталистические) элементы не возникли, появление их связано с колониальной европейской экспансией и влиянием извне, общением, взаимодействием двух макроцивилизаций, Запада и Востока.

В связи с этим во введении говорится, что в развивающихся странах Востока речь идет не просто об отдельных пережитках традиционного, не о колорите исторических традиций (некоторые из них сохранялись тысячелетиями), а о наличии самих структурных элементов традиционного. По сути, для конкретно-исторического и сравнительно-социологического анализа развивающихся стран необходимы соответствующие переходные модели синтезированного характера. Поэтому нельзя «отказаться от “идеальных” моделей традиционного и современного (от понятий “капиталистическое общество”, “феодалное общество”, “первобытнообщинное общество” и т.д.)». Без них невозможно выработать синтезированные, переходные модели — для общества, состоящего из структурных элементов и уходящего в прошлое традиционного, и утверждающего современного⁴. Внедрение «современного» в восточных странах проходило под влиянием европейских государств, и возникла «сложная система международного и межформационного взаимодействия, которую можно определить как колониальный синтез».

Что же касается синтеза, то авторы понимали — данная концепция общественного синтеза не является общепризнанной и подчас ставится под сомнение корректность использования самого понятия или даже термина «синтез»⁵. Поэтому удивительно и полезно ознакомиться с тем, как оценивали коллективную монографию участники конференции/дискуссии в журнале «Народы Азии и Африки» (1987).

По мнению А.С. Агаджаняна, синтез традиционного и современного, эта «книга представляет собой большой шаг вперед в движении логики научного мышления о Востоке». По сравнению с концепцией «зависимого развития» и дуализма 1970-х гг., авторы «Эволюции восточных обществ» не считают оппозицию «традиционное — современное» неизбежно конфликтной. И под сомнение ставят несовместимость традиции и современности, намечая пути их взаимодействия, хотя и не бесконфликтного⁶.

Позволю себе отметить главное, сославшись на А.С. Мартынова, еще одного рецензента. По его мнению, «развернувшаяся вокруг “Эволюции восточных обществ” оживленная дискуссия — лучшая оценка этой работы, показатель ее подлинной актуальности и давно назревшей необходимости расширения концептуального аппарата при анализе сложной и достаточно пестрой социальной действительности в огромном афроазиатском регионе в наши дни. Книга провоцирует на “соучастие”, на стремление продолжать начатый ее авторами очень важный разговор, чтобы высказать все то, что давно уже наблюдалось, отмечалось и чувствовалось многими востоковедами, но до сих пор еще не находило достаточно адекватного выражения из-за трудностей концептуального оформления. Надо сказать, что выдвинутая авторами идея “синтеза” значительно облегчает эту задачу. В этом — несомненное и огромное значение данного труда, которого не могут умалить частные неточности»⁷.

И еще одно суждение — незабвенного Г.И. Мирского: «Выход в свет обсуждаемой работы является крупным событием в отечественном востоковедении и, более того, в развитии той науки, которую можно условно (хотя и несколько неуклюже) назвать “третьемироведением”. По глубине анализа и, если можно так выразиться, по уровню “концептуальности” обсуждаемая книга, на мой взгляд, стоит выше, пожалуй, всех до сих пор изданных в нашей стране работ на

обществоведческие темы, как коллективных, так и индивидуальных, включая труды ИВ и ИМЭМО АН СССР»⁸.

Во введении «Синтеза» методологически и философско-исторически обозначена тема особой важности — взаимодействие между формацией и цивилизацией и взаимоотношение между ними. Формационная поступательная динамика нацелена на стадийное развитие, сменность и «взрыв» постепенности, социально-преобразующее историческое изменение. Во всем этом заложен прогресс и исторический смысл — одна эпоха сменяется другой (формация формацией).

В развитии цивилизации присутствуют несколько иные показатели социального прогресса — это преемственность, непрерывность, накопление, сохранение и передача важной для человека и общества информации. Философско-историческая трактовка категорий «формация» и «цивилизация» раскрывает качества всеобщности — первой и особенности — второй. В книге этот аспект осуществляется через типологические сопоставления Запад — Восток и путем изучения исторического опыта отдельных азиатских регионов (мусульманский Восток, индийская, китайская цивилизация и т. д.). Синтез представлен с точки зрения исторического времени, географических территорий и социального пространства общества.

По существу, во всемирно-историческом масштабе без изживания устаревших общественных структур и форм невозможно реальное развитие. Это утверждение, согласно Льву Игоревичу, «с особой силой относится к освободившимся странам Востока, ибо их колониальное вчера и средневековое (традиционное) позавчера еще далеко не изжиты исторически. И продолжают свое реальное (не пережиточное) существование тогда, когда современная эпоха властно вторгается в их жизнь, ломает прежний уклад, выбивая из колеи сотни миллионов людей, не имеющих, как правило, самого отдаленного представления о том, что и почему происходит. Поэтому большое значение приобретает комплексное изучение исторических и современных вопросов развития Востока»⁹. В его развитии, непреложно, присутствует синтез традиционного и современного. И для лучшего понимания такого синтеза необходимо тесное сотрудничество востоковедов-медиевистов, с одной стороны, и экономистов, социологов, историков, политологов, культурологов, занятых современной проблематикой, с другой.

Л.И. Рейснер — автор двух глав в книге о синтезе: «Восточное средневековое общество в канун колониальной экспансии европейских стран (сравнительно типологические наблюдения)» и «Два пути капиталистической трансформации общества: национально-суверенный и колониально-зависимый». Особого внимания заслуживает метод и стиль изложения материала. Главы поделены на разделы, в названиях четко зафиксировано содержание и выделены основные вопросы и мысли.

В разделе «Синтез в истории (постановка вопроса)», точнее же, вопросов, идей и смыслов, среди которых немало, по А.М. Горькому, входящих в разряд «несвоевременных».

Как утверждал Рейснер, требуется уточнение комплекса традиционности — современности. В истории присутствует первичная (изначальная) традиционность. Однако интересно знать и понимать, что происходило с ней в афро-азиатских обществах в доколониальную и колониальную эпоху, когда менялись естественноисторические, историко-генетические структуры и отношения. И возникала вторичная, третичная модель развития, порожденная колониализмом и колониальным капитализмом.

Автор «исторического синтеза» убежден, что формирование и развитие современных элементов в традиционных обществах Востока, а затем образование (на основе современных и традиционных структур) комбинированных общественно-экономических организмов на колониальной периферии мирового капитализма, именно эти вопросы, составляют тематический стержень исторической части предлагаемой работы.

Л.И. Рейснер, ссылаясь на отечественных историков-этнографов, пишет, что «до возникновения государственных образований в долинах Месопотамии и Нила неравномерность развития различных человеческих групп имела внутрiformационный характер, не выходила за рамки первобытнообщинного строя. С возникновением первых государств к ней прибавилась неравномерность качественно иного рода — межформационная, ... развитые политейные (имеющие государственность) общества как бы отодвинули социальные организации и весь строй жизни первобытной периферии в низший разряд архаических, отсталых, традиционных». Далее Лев Игоревич заключает: «проблема современный центр — традиционная периферия (а, следовательно, и проблема синтеза этих структур) впервые встала

перед людьми несколько тысячелетий тому назад и не снималась с тех пор с повестки мировой истории»¹⁰. Тема синтеза со времени его зарождения и развития постоянно усложнялась — был синтез в рамках одной формации и цивилизации, и затем синтез межформационный с элементами разных цивилизаций.

Лев Игоревич указывает две хронологические даты, с которых начинаются важные эпохи: с падением Рима заканчивается древность и наступает средневековье (очень разное в европейских и неевропейских странах), завоевание турками-османами Константинополя (1453 г.) и Великие географические открытия зафиксировали установление Нового времени и формирование современных структур.

На рубеже 1970–1980-х гг., когда разрабатывалась в секторе тема «Синтеза», проблема идентификации феодальных отношений в разных исторических обществах не была окончательно решенной в науке. Понятия «восточная деспотия», «восточное правление», «восточное государство», «азиатский способ производства» были долгое время под запретом и периодически возникали дискуссии между сторонниками и противниками этих определений, ведших научные исследования восточных обществ.

Рецензент «синтеза» Б.И. Славный выступление свое в дискуссии 1987 г. начал словами: «У меня такое ощущение, что в последние 10–15 лет теоретическая мысль, направленная на понимание сути общественных процессов на Востоке, наталкивается на некий невидимый барьер». Исходя из того, что общие закономерности развития заданы, исследователь довольствовался лишь их примериванием к той или иной ситуации — страновой, региональной и т.д.¹¹. В этом, вероятно, проявлялось стремление унифицировать, универсализировать мировой исторический процесс и его закономерности, — создать общую для всех схему развития.

Л.И. Рейснер, признавая все обстоятельства отечественной восточковедной историографии, как он сам говорит, счел «необходимым дать обоснование того, что в данной работе средневековое общество на Западе и таковое же на Востоке отнесены к одному формационному типу». Главным аргументом в пользу принятия концепции «большой феодальной формации» был факт — историческая реальность, что средневековое общество любой страны или региона при всей специфичности своего исторического бытия, по меньшей мере, имеет

одну особенность общетипологического характера. «Оно является вторичной общественно-экономической формацией, которой исторически предшествовали и в складывании которой сыграли огромную роль цивилизационные, классовые общества древнего мира»¹².

В течение целого тысячелетия — это V–XV вв. в европейских и неевропейских странах происходила феодализация, но протекала она весьма неодинаково, т.е. по-разному. Одни общества — европейские — пережили полный формационный цикл развития феодальных отношений, другие — лишь его ранние стадии; одни развивались органично на внутренней основе, другие испытывали решающее влияние внешнего фактора¹³. Поэтому, как считает Лев Игоревич, были заложены неодинаковые основания средневекового (феодального) синтеза для стран Западной Европы и Востока. В европейских странах уже на стадии позднего феодализма стали возникать институции и структуры новой формации — преиндустриальной, а на Востоке элементы и дофеодальной, и складывавшейся феодальной формации сохранялись длительное время и продолжали присутствовать и тогда, когда появились современные структуры, и даже до настоящего времени.

Сравнительно-сопоставительный анализ зарождения средневекового синтеза дал Льву Игоревичу «много оснований считать, что именно на Востоке в целом наиболее устойчиво воспроизводились общеисторические, социокультурные, этнодемографические и экологические условия, благоприятные для появления системы средневекового синтеза — вновь и вновь»¹⁴.

В восточных регионах Старого Света условия для изживания средневекового синтеза и складывания социально и стадияльно однородных общественных структур были худшими по сравнению с Европой, где они имели ограниченный характер по месту, времени, силе трансформирующего воздействия¹⁵. Интегрирующая работа исторического процесса, в целом, и феодализации, в частности, оказались в Азии и в Северной Африке к XV в. менее успешными, чем в Европе¹⁶.

Суть типологических различий «средневекового синтеза» на Востоке и Западе, согласно Льву Игоревичу, заключалась в том, что «на Востоке феодализм на всех ступенях развития выступал по преимуществу как синтезированная (гетерогенная) структура, на Западе он уже в средней фазе своей эволюции сложился в отдельных стра-

нах в достаточно интегрированную (гомогенную систему)»¹⁷, тогда как Востоке синтез формационно разнородный, в нем имелась и долго сохранялась архаичная, патриархальная, античная и средневековая традиционность.

Важно знать, что «зрелой средневековой Европе не приходилось тащить за собой тот огромный груз дофеодальной, полуфеодальной и полупатриархальной “варварской” традиционности, который нес на своих плечах восточный феодализм»¹⁸. Сравнительный анализ структурно-генетических особенностей высветил наметившуюся к концу средневековья неравномерность в развитии Востока и Запада и начавшееся опережение европейских стран. До XV–XVI вв. восточная цивилизация превосходила в своем развитии Запад по многим параметрам: в технологии, философии, науке, политико-административном устройстве.

Долгое время Восток, опираясь на свой богатый экономический потенциал, воспроизводимый на основе превосходного природного и демографического факторов, а также, опираясь на огромный хозяйственный опыт, обеспеченный длительным историческим процессом, сохранял лидирующее положение. В прединдустриальную эпоху возникли новые структуры складывавшейся новой формации, прежде всего на Западе, но не на Востоке, которому стала препятствовать незавершенность процесса феодализации, историко-генетические, социальные, экономические, политические, культурно-исторические особенности или, в целом, вся специфика «азиатского общественного организма».

В дальнейшем на естественноисторические процессы эволюции восточных обществ воздействовал внешний колониальный и полуколониальный фактор. Это привело к возникновению «сложной системы международного и межформационного взаимодействия» Востока и Запада, появлению преобразующего импульса, который способствовал росту современных элементов и формированию «колониально-синтеза».

Л.И. Рейснер делает вывод, что в результате колониального синтеза возникшая колониально-зависимая структура общества предстает как верхушечный, гетерогенный синтез двух основных элементов: капиталистического уклада со сложным набором внешних и внутренних, унаследованных и вновь приобретенных элементов. Колони-

альные и национальные комплекующие структуры не составляли целостного воспроизводственного механизма, ибо преобразованное традиционное общество было пассивно включено в большую систему товарно-денежного хозяйства, всемирного накопления и мирового рынка¹⁹.

Такому обществу всегда присуще своеобразное и сложное переплетение разных неоднородных элементов предшествующей и последующей социально-экономических формаций. Переплетение приводит к тому, что в течение переходных периодов элементы старого и нового временно синтезируются в виде особой общественной структуры, с ее конкретными закономерностями развития. Подобными общими свойствами обладал и колониальный синтез в зрелой фазе своего бытия²⁰. Категория синтеза есть категория сквозная, всемирно-историческая.

Далее, мне представляется важным, вспомнить и вернуться к понятию «азиатский способ производства». В 1980-е гг., когда разрабатывалась проблема синтеза, это понятие находилось под запретом, «одно даже упоминание которого считалось у нас крамолой» (эта оценка принадлежит Н.А. Симонии). Но в 1990-е гг. запрет был снят и легализовано присутствие этого понятия в научных работах. Продолжу цитировать Н.А. Симонию. Примечательно его суждение, высказанное в интервью Е.Б. Рашковскому «Судьба ученого, Судьба науки», опубликованном в сборнике статей «Восток — Запад — Россия», посвященном семидесятилетию Н.А. Симонии. В этом интервью Н.А. Симония сказал: «Уверен, что без учета азиатского способа производства мы не можем понять суть общественного развития большинства стран Востока»²¹.

«Возрождение» марксовского понятия «азиатский способ производства» имело особый характер и смысл. Но прежде, следовало бы отказаться от господствовавшей схемы о последовательной смене формаций, и разобраться с реальными фактами, явлениями и процессами в жизни народов Востока.

В 1990 г. была опубликована новая книга «Город в формационном развитии стран Востока», ответственный редактор Н.А. Симония, основную часть авторского коллектива составляли исследователи, известные по монографии «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного».

В этом большом труде, как и в предыдущем, имелись исторические разделы, служившие основанием более полному и глубокому исследованию современных проблем города, а в основу исторической концепции был положен азиатский способ производства. Но его трактовка отличалась от тех, которые предлагались ранее. Она принципиально нова. По мнению авторов, азиатский способ производства существовал в нескольких моделях и как всякое явление естественной и общественной истории эволюционировал во времени, а в недрах его рождалась новая феодальная формация.

Н.А. Симония в предисловии к монографии «Город в формационном развитии...» пишет, что «приложение концепции азиатского способа производства» к историческому прошлому большинства стран Востока способствовало бы уяснению многих сторон их общественной жизни (и не только в прошлом). И сняло бы целый ряд «проклятых вопросов», служивших предметом бесплодных дискуссий на протяжении многих десятилетий (в том числе вопрос о причинах отставания Востока от Запада)²².

В 2010 г. опубликовали монографию А.М. Петрова, блистательного знатока экономической истории Востока, «Международное экономическое общение в истории Востока», к сожалению, после его трагической кончины. В книге подробно и детально описаны дискуссии об азиатском способе производства с 30-х гг. XX в. до XXI столетия. Глава, в которой они рассмотрены, названная метафорично, но не без изящества «Суть превосходства, чреватого катастрофой», целиком посвящена разбору сущности азиатского способа производства. Александр Михайлович высоко определил и оценил хозяйственные структуры восточной экономики, при которой существовал «феномен бытия более богатой, но формационно более примитивной цивилизации»²³.

Вслед за «Синтезом», вскоре, был выпущен сборник статей «Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока» (ответственные редакторы Л.И. Рейснер, Б.И. Славный). Написание и издание сборника проходило под руководством Л.И. Рейснера, и в сборнике имеются статьи ответственных редакторов. Основные задачи и программа сборника разработаны Львом Игоревичем. По его инициативе, «под одной крышей» (обложкой) оказались работы исследователей разных специализаций, разных периодов, стран и проблем.

Как отмечено в данном издании, на рубеже 1960–1970-х гг. выявились новые тенденции в познании исторических и современных процессов на Востоке, нацеленные на лучшее их изучение и понимание. Для этого предлагалось интегрировать знания, подходы и методы, накопленные и разработанные в разных отсеках и сферах отечественной и зарубежной ориенталистики. Одновременно пришло осознание необходимости согласовывать свои подходы, сравнивать понятийный аппарат и научно-теоретические методы, приветствовалось также появление смешанных коллективных работ по составу участников и тематике проблем. Авторы введения — ответственные редакторы сочли сообразным дать краткую характеристику статей междисциплинарного сборника, чтобы подчеркнуть единство представленных в нем материалов. Также они предложили, что в «понятия, включающие приставку “макро”, должны входить от единичного общества до региона, межрегионального сообщества и, наконец, все человечество как суммы взаимодействующих обществ, и все без исключения статьи сборника попадут в одну категорию “макроуровневых” работ»²⁴.

А теперь заглянем под «крышу» сборника и представим в кратком изложении характеристики отдельных статей.

В статье А.С. Мугрузина «Роль природного и демографического факторов в динамике аграрного сектора средневекового Китая (к вопросу о цикличности докапиталистического воспроизводства)» анализируются длительные исторические тенденции общественного воспроизводства в средневековом Китае. Показано как базисные условия (соотношение живого и овеществленного труда, живого труда и земли) в известном смысле определили там иную, чем на Западе, роль человеческого фактора в системе производительных сил. Надстроечные факторы (политика, общественные институты, культура) фактически лишь закрепляли эти фундаментальные базисные условия и цикличность процесса в традиционном Китае, делая проблематичным самостоятельное формационное обновление этой огромной страны.

Статья В.Б. Меньшикова и О.Е. Непомнина «Китай: синтез традиционного и современности (середина XIX — середина XX в.)» посвящена трансформации традиционного Китая под воздействием колониально-капиталистической экспансии западных держав и Японии, зарождению капиталистического уклада и своеобразной буржуазной

среды в самом Китае. Авторы трактуют это развитие как синтез традиционного и современного в условиях переходности и неустойчивого равновесия сил реакции и прогресса, старого и нового. Судьба капитализма в Китае определялась не столько эндогенными, сколько экзогенными силами — воздействием мирового капитализма, отсюда неорганичность, даже формальность самих явлений синтеза.

В.В. Макаренко в статье «Стадиальная характеристика и тенденции внутрирегионального развития японского общества накануне революции Мэйдзи» рассматривает процесс появления предпосылок для капиталистического развития в токугавской Японии. Он обращает внимание на особые геополитические условия в истории страны, появление конкретных общественных сил и людей (исторических агентов буржуазного строя), участвовавших в подготовке событий Мэйдзи.

Статья А.Е. Грановского «Взаимодействие экономических и социально-политических факторов в процессе экономического роста в Индии» посвящена послеколониальной Индии, когда разрабатывалась модель долговременного экономического роста развивающейся страны, в которой присутствовала несинхронность экономических и политических фаз, их частичная рассогласованность. В целом «политический режим экономического роста предстает как неотъемлемая составная часть всего анализа и моделирования общественного воспроизводства».

А.М. Петров в статье «Внешняя торговля древней и средневековой Азии в отечественном востоковедении (обзор литературы и попытка нового подхода к исследованию проблемы)» применяет интересный методологический подход, используя материалы по внешнеэкономическим связям Европы и Востока прошлых эпох для выявления фундаментальных различий социально-экономических структур этих региональных общностей. Автор на их основании сделал вывод, что уже в новое время существовало глубокое несходство базисных систем Запада и Востока.

В статье автора настоящей статьи, З.Н. Галич, «К сравнительной характеристике базисных структур Европы и Азии в канун промышленной революции» проводится сопоставление потенциалов спонтанного капиталистического развития, имевшихся накануне промышленной революции (фактически реализованных) на Западе, с возможно-

стями такого рода на Востоке. Автор привлек к сравнительному анализу не только социально-экономические структуры сопоставляемых общностей, но также природно-экологические и экономгеографические условия в Европе и на Востоке, оказавшие существенное влияние на формирование двух типов производственной деятельности и социальной коммуникации.

Л.И. Рейснер в статье «Генезис системы “наука — техника — производство” в западноевропейском регионе в XVI–XVIII вв. и оценка перспектив этого процесса в восточных обществах эпохи НТР» рассматривает условия и механизм формирования научно-технического прогресса в Европе конца XVI — конца XVIII вв. Сопротивление традиционной среды новациям и изобретениям, грозившим нарушить баланс занятости и социальную стабильность, даже в Англии было серьезным. Последовательность фаз становления системы «наука — техника — производство» на Востоке в эпоху НТР оказалась противоположной западной модели, ибо в освободившихся странах индустриальные формы производства предшествовали техническим и научным разработкам.

Статья покойного ко времени издания сборника Михаила Александровича Дробышева «Научно-технический прогресс и культуры современного Востока: проблема совместимости» занимает особое место в сборнике. Статья извлечена из архива ученого и, видимо, была написана им в начале 1970-х гг. Автор — один из первых отечественных востоковедов — обратил внимание на проблему соотношения и взаимодействия современного научно-технического прогресса и традиционной социокультурной среды, индустриализации и человеческого фактора в развивающихся обществах.

В статье Ю.Г. Александрова и Б.И. Славного «Капитал и трудовые ресурсы Востока (опыт теоретического анализа)» подчеркивается, что трудовые ресурсы Востока представляют прибыльный объект для капиталистической эксплуатации. Авторы считают, что распространенное мнение о наличии непреодолимых барьеров на путях капиталистического освоения этих ресурсов имеет своей основой упрощенное представление, будто природа или современная техника работает вместо человека. Однако на самом деле, человек является фактором, выводящим экономическую систему в целом из состояния детерминированности, поскольку его воля и способность принимать решения

самостоятельно становятся важной предпосылкой реализации стоящих перед обществом задач²⁵.

Редакторы сборника «Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока» заявляют, что авторов статей объединяет несколько важных общих творческих установок. Во-первых, во всех материалах сборника просматривается стремление ставить вопросы проблемно, выбирая крупные темы, актуальные для науки, и решать вопросы теоретически. Во-вторых, авторское мнение коллективного «предприятия» заключается в том, что «на Востоке, как нигде еще, проявляется неразделенность истории и современности». В-третьих, «единению авторской группы содействовала убежденность, что именно место и роль человека в становлении и поддержании воспроизводства, в социальной жизни и трудовом процессе, в системе микро- и макросоциальных связей и иерархий являются главным индикатором уровня и исторических перспектив конкретной общественно-экономической системы»²⁶.

Публикация сборника «Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока» — «доказательство права на жизнь проблемных сборников, чтобы паломничество историка в область интересов исследователя современности, а последнего — в глубь веков перестало носить в востоковедении эпизодический, случайный характер и превратилось в норму научного общения и творчества»²⁷. В статьях сборника подчеркивалось и не раз, что многие сложности восточного бытия (гетерогенность и переходность, устойчивость традиционности и т.д.) раскрываются сквозь призму понятия «синтез современного и традиционного».

Вторая серьезная веха научной деятельности сектора и его сотрудников — исследование проблемы города, и как результат — публикация фундаментальных коллективных работ: монографии «Город в формационном развитии стран Востока» / Отв. редактор Н.А. Симония. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1990, и сборника статей «Города на Востоке: хранители традиций и катализаторы перемен» / Отв. редакторы Е.Г. Журавская, С.А. Панарин. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1990.

В монографии «Город в формационном развитии стран Востока» рассматривается роль современного города Востока в экономических, социальных, политических процессах и в развитии культуры, осуще-

ствляется сопоставление с историческим опытом стран Запада. Недостаточная разработанность методологических установок о роли города в формационном развитии предопределила написание общетеоретического раздела, хронологические рамки которого выходят за пределы современности. Публикация данного труда послужила солидной основой для дальнейшей плодотворной научной работы по проблемам города.

Сборник «Города на Востоке...» вполне можно считать продолжением начатой работы о городе, тем более, что участвовавшие в написании его авторы из одного отдела. И открывает сборник большая теоретическая статья Л.И. Рейснера — «Введение в историко-теоретическое исследование городов и городских систем Востока и Запада».

Как отмечает Л.И. Рейснер, в классической традиции при изучении общества, прежде всего капиталистического и непосредственно ему предшествующего (феодалного), основной упор делался на политэкономический и социологический анализ. Другие сферы деятельности в системе разделения труда признавались важнейшими, но не нашли «достаточно систематической и детальной разработки». В западной же социологии, начиная с Макса Вебера, «городская тематика получила солидное освещение в теоретических, исторических, социоэкономических социокультурных исследованиях, а также в комплексных обобщающих трудах, охватывающих процессы урбанизации на страновом, региональном и глобальном уровнях»²⁸.

Л.И. Рейснер дает свою характеристику города: «Город есть продукт разделения труда, результат выделения и концентрации определенных, скажем, неземледельческих, материальных и нематериальных, видов деятельности, появление которых невозможно без сгущения населения в отдельных центрах, обслуживающих свою сельскую периферию и одновременно питаемых ею в прямом и переносном смысле этого слова (механизм миграции)»²⁹.

К тому же в городе происходило сосредоточение высших интеграционных функций общества — власти и управления, культуры и идеологии, налогообложения и защиты «своей» территории. Главная тема, которая пронизывает весь текст статьи Л.И. Рейснера, — «разделение общественно-экономического труда» как основа возникновения доиндустриальной системы «город — деревня» и фундамента ее — аграрной экономики. Система существовала до зарождения

прединдустриальной и затем индустриальной эпохи. Согласно Льву Игоревичу, для стадияльно ранних классовых сообществ характерно неполное разделение труда между городом и деревней, для более зрелых стадий классового цивилизованного общества оно становится более полным и глубоким — интегральным³⁰.

Деревня обеспечивала потребности города в продовольствии («кормила город»), а город втягивал деревню в свою орбиту развития через миграцию и трансформацию деревенских институтов. Город в системе «город — деревня» и «городской центр — сельская периферия» являлся средоточием более высоких и сложных видов человеческой деятельности, более разнообразных и специализированных над-природных занятий, более квалифицированных работников. В городе сосредоточиваются представители правящих и господствующих группировок общества, объединяющих в своих руках власть и богатство, силу и право. Такие характеристики дает Лев Игоревич двум ярким противоположностям — городу и деревне. Он также обратил внимание на мощный фактор развития и градообразования города посредством включения его в сферу урбанистической системы своей страны и в межгородское и международное разделение труда. Автор заключает: «Политика и экономика, культура и идеология — вот главные сферы и функции градообразования, позволившие городам сначала выделиться из деревенского микрокосма, а затем стать над ним»³¹.

В отдельные параграфы статьи выделены конкретные товарно-денежные отношения. Город и сфера обращения, Город и капитал, условно представленный в виде схемы: товар и деньги — купеческий и ростовщический капитал — промышленный капитал, промышленный способ производства (с описанием каждого вида капитала)³².

В статье присутствуют интересные суждения Л.И. Рейснера о генезисе городов. Ссылаясь на монографию двух западных исследователей П.М. Хохенберга и Л.Х. Лиса «Становление городской Европы в 1000–1950 гг.», Л.И. Рейснер сделал вывод, что они вычленили два основных принципа организации (или самоорганизации) городских систем Европы, работавшие почти в течение тысячелетия. Лев Игоревич, со своей стороны, ввел дополнительный, третий принцип, который, наряду со спонтанными, был связан с вмешательством сверху в процесс образования городов.

1. «Центры, как бы выставившие снизу», в генезисе таких городов (городских систем) участвовали два основных критерия и еще один вспомогательный, и при этом было множество промежуточных и совмещавших два-три признака. Согласно «концепции центрального места» (Кристофера), эти города любой величины выступали в роли центрального места для своей периферии³³.

2. «Города периферийные» — города-аванпосты, осуществлявшие различные формы межгосударственного и международного общения, и космополитические города-посредники.

3. «Центры, насаждаемые сверху»: резиденции светских или духовных владык, бюрократические центры, военные поселения в стратегических пунктах или в местах колонизации чужих территорий, города-университеты и города-святыни (хранители конфессиональных или национальных символов), города, возникшие в местах «казенного предпринимательства», где размещались горнорудная промышленность, металлургия, производство оружия и военного снаряжения, мануфактуры по производству предметов роскоши, высокохудожественных изделий и т.д.

Завершает статью параграф «Общие и методические выводы». Л.И. Рейснер весьма самокритичен и, предвзято выводы работы, отмечает, что «они не всегда опираются на полную информацию, а в некоторых случаях представляют собой гипотезы или идеи, нуждающиеся в критической оценке, дополнительном материале, способном либо верифицировать, либо опровергнуть их». В силу необходимости городской темы Лев Игоревич был вынужден либо опустить, либо вскользь затронуть некоторые ее аспекты³⁴.

Необходимо сказать, что еще одной значительной вехой мог стать проект, задуманный Л.И. Рейснером, как тематическая серия научных изданий сектора, отдела и даже института. Предполагалось, что проект будет сосредоточен на поддержании вкуса к теории, развитию методологически осознанного видения востоковедного знания и теоретически значимых идей и гипотез. Лозунг серии, вынесенный на обложку первой проблемной публикации, суммировал очерченные задачи: «Восток и востоковедение: движение теоретической мысли». К сожалению, подготовлен и опубликован только один сборник статей, посвященный памяти Л.И. Рейснера — «Ориентация — поиск. Восток в теориях и гипотезах» / Отв. ред. В.И. Максименко, Л.И. Рейснер, 1992³⁵.

В данном издании соединились разные научные профили востоковедного и общегуманитарного знания — истории, философии, религиоведения, экономики, историографии, культурологии и даже поэзии, и это оказалось очень полезное, сколь и необходимое, сочетание научных общетеоретических и идейных обобщений с конкретно-историческими свидетельствами и фактами.

Кроме того, в издании присутствует еще один важный аспект — две статьи, информативные и нужные востоковедной науке: В. Соловьев. «Западники и западничество» (вступление и комментарии Е.Б. Рашковского) и Ш.Н. Айзенштадт. «“Осевая эпоха”: возникновение трансцендентных видений и подъем духовных сословий» (статья известного израильского социолога в переводе Е.Б. Рашковского).

Далее конкретно о других статьях сборника. Проблемам формационного развития Востока и третьего мира посвящены статьи М.А. Чешкова, и В.В. Макаренко, проблемам гегелевской философии, религиозно-философским взглядам русских мыслителей конца XIX — начала XX вв., взаимодействию между традиционными и современной компьютерной культурами, кораническому видению человека — статьи С.И. Лапшина, Е.Б. Рашковского, М.А. Сиверцева, А.В. Журавского. Вопросам культурологии, точнее, средневековой японской культуре, и поэзии посвящены статьи А.М. Мещерякова, Г.С. Померанца и переводы с японского хокку и танка В.Н. Марковой; историографии урбан-социологии развивающихся стран — статья З.Н. Галич. Китайцы О.Е. Непомнин и В.Б. Меньшиков, разделяя теорию исторического синтеза, в новой совместной работе еще раз на материалах Китая, охватывающих все основные этапы китайской истории, предлагают свои версии о синтезе в этой стране.

И еще с одним важнейшим феноменом (понятием) — «интеллигенция» связано имя Л.И. Рейснера. «Интеллигенция как класс цивилизованного общества» (этот конспект статьи впервые был опубликован как выступление в дискуссии в журнале «Народы Азии и Африки», 1990, № 3). Предваряют статью Льва Игоревича размышления о понятии «интеллигенция», о времени и месте его возникновения. В дискуссии определились две точки зрения. Первая — за универсальность феномена, и рождение его датируется ясперсовским «осевым временем», периодом между 800 и 200 гг. до н.э. Эпоха духовного подъема, появление мыслителей, философов, основателей религиозных систем

и пророков, выдающихся личностей, творивших в сфере духа, — это качественные характеристики интеллигента. Вторая — за уникальность и ограниченность во времени и пространстве (Европа эпохи Ренессанса и российский опыт XX столетия)³⁶.

Лев Игоревич высказался, что предпочтительнее исходить из универсальности и исторической непрерывности феномена «интеллигенции». В традиционном обществе существовала «традиционная интеллигенция», или «протоинтеллигенция»; в переходном или переломном обществе — «кризисная», «обновленческая» интеллигенция, в Новое время — «новая», «современная», «органическая» интеллигенция.

Л.И. Рейснер, ссылаясь на древнеегипетский источник «О прославлении писцов», предполагает, что «индивидуальное осознание своей особой роли людьми книжными, образованными, урбанизированными началось до «осевого времени»³⁷.

Размышляя о «важнейшей характеристике интеллигентского сознания и бытия», Л.И. Рейснер зафиксировал, что она «обычно определяется как драма, возникающая в процессе выбора, как невозможность некоторым образом сделать окончательный выбор, не потеряв своего лица»³⁸. Неслучайно, что по этому поводу он цитирует М.К. Ганди, сказавшего: «Я знаю только одного страшного тирана — тихий голос собственной совести». По сути дела, «интеллигенция лишь тогда интеллигенция, когда верна своему предназначению, а стало быть, находит в себе достаточно сил, чтобы быть выше обстоятельств»³⁹.

В реальности существует «два разным образом центрированных мира: мир внутренний и мир внешний, мир микрокосма и мир макрокосма, мир свободно ориентированного творчества и мир этически ориентированной деятельности». Развивая далее верное наблюдение, Лев Игоревич пишет, «первопричиной частных сомнений, колебаний и разочарований, пронизывающих жизнь интеллигенции, являются вовсе не “мелкобуржуазная природа” этого класса, вовсе не его “промежуточное”, “непервичное” положение в социальной структуре, а имманентная трудность выбора между индивидуальным и социальным, личным и общим».

Разбирая текст Льва Игоревича, остается только воскликнуть — как же он хорошо знает и точно, честно пишет об интеллигенции!

В этом заключается значительный вклад Льва Игоревича в понимание феномена интеллигенции.

Приведу и слова А.М. Горького, «Интеллигенция ныне и присно и во веки веков играла, играет и будет играть роль ломовой лошади истории. Неустанной работой своей она подняла пролетариат на высоту революции, небывалой по широте и глубине задач, поставленных ею к немедленному решению»⁴⁰.

Статья об интеллигенции Л.И. Рейснера, видимо, была одной из последних, если не последней его публикацией. Написана она увлеченно, с большим почтением к интеллектуальному и интеллигентному сословию, которому свойственна духовно-преобразующая деятельность. Лев Игоревич сам из этого сословия, и многие коллеги настоящего понимали, какой это скромный, ясный и светлый человек. Ему были присущи отзывчивость, порядочность, уже не говоря о таланте и профессионализме, умении создавать и формулировать идеи, смыслы, новое знание. Можно вспомнить стихи Б.Ш. Окуджавы: «Совесть, благородство и достоинство — вот, оно, святое наше воинство...». В это воинство вполне включен Л.И. Рейснер.

¹ *Маляров О.В.* Незаменимый // Глерию Широкову: Я хотел бы с тобой поговорить. (сб. ст.) / Отв. ред. и сост. С.В. Сопленков, А.М. Петров. М.: ИВ РАН, Академия гуманитарных исследований, 2006. С. 5.

² *Востоковеды — востоковеду.* Сборник на юбилей Глерию Кузьмича Широкова. М.: ИД «Муравей». 2000. С. 278, 280.

³ *Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. Пути развития освободившихся стран Востока.* М.: Глав. ред. вост. лит-ры изд. «Наука», 1984. [Отв. ред. Л.И. Рейснер, Н.А. Симония. Авт. Коллектив: З.Н. Галич, А.В. Гордон, А.В. Журавский, А.И. Ионова, А.М. Петров, Е.Б. Рашковский, Л.И. Рейснер, Н.А. Симония].

⁴ *Эволюция восточных обществ...* С. 9.

⁵ *Эволюция восточных обществ...* С. 10.

⁶ *Народы Азии и Африки.* М., 1987. № 3. С. 146.

⁷ *Народы Азии и Африки.* 1987. № 3. С. 153.

⁸ *Народы Азии и Африки.* 1987. № 3. С. 158.

⁹ *Эволюция восточных обществ...* С. 22.

¹⁰ *Эволюция восточных обществ...* С. 25.

¹¹ *Народы Азии и Африки.* М.: 1987. № 3 С. 148.

¹² *Эволюция восточных обществ...* С. 30.

¹³ *Эволюция восточных обществ...* С. 30.

¹⁴ *Эволюция восточных обществ...* С. 32.

¹⁵ *Эволюция восточных обществ...* С. 33.

¹⁶ *Эволюция восточных обществ...* С. 36.

¹⁷ *Эволюция восточных обществ...* С. 38.

¹⁸ *Эволюция восточных обществ...* С. 37.

¹⁹ *Эволюция восточных обществ...* С. 149.

²⁰ *Эволюция восточных обществ...* С. 149.

²¹ Н.А. Симония: «судьба ученого, судьба науки». Интервью Е.Б. Рашковскому // *Восток — Запад — Россия.* Сборник статей. М.: Прогресс — Традиция. 2002. С. 28.

²² *Город в формационном развитии стран Востока.* М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. 1990. С. 6.

²³ *Петров А.М.* Международное экономическое общение в истории Востока. М.: ИВ РАН; Ин-т стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова; Ключ—С, 2010. С. 99.

²⁴ *Исторические факторы общественного производства в странах Востока.* Сборник статей. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1986. С. 4.

²⁵ *Исторические факторы...* С. 6–9.

²⁶ *Исторические факторы...* С. 9.

²⁷ *Исторические факторы...* С. 9.

²⁸ *Города на Востоке: хранители традиций и катализаторы перемен.* М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 7–8.

²⁹ *Города на Востоке...* С. 8.

³⁰ *Города на Востоке...* С. 10.

³¹ *Города на Востоке...* С. 16–17.

³² *Города на Востоке...* С.34–35.

³³ *Города на Востоке...* С. 33–35.

³⁴ *Города на Востоке...* С. 37.

³⁵ *Ориентация — поиск. Восток в теориях и гипотезах / Отв. ред. В.И. Максименко., Л.И. Рейснер.* М.: Наука, Восточная литература, 1992. С. 63.

³⁶ *Ориентация — поиск. Восток в теориях и гипотезах / Отв. ред. В.И. Максименко, Л.И. Рейснер.* Сборник статей. М.: Наука, Восточная литература, 1992. С. 63.

³⁷ *Ориентация — поиск...* С. 65.

³⁸ *Ориентация — поиск...* С. 67.

³⁹ *Ориентация — поиск...* С. 68

⁴⁰ *Горький А.М.* Воспоминания // *Современник.* 1924.

Дерюгина И.В.

Социально-экономический облик Востока в трудах В.Г. Растянникова: изменение подходов к его изучению

Статья посвящена выдающемуся российскому ученому-востоковеду, индологу, доктору экономических наук, профессору Виктору Георгиевичу Растянникову (1928–2015). В.Г. Растянников более 60 лет проработал в Институте востоковедения РАН, был крупнейшим специалистом в области аграрно-крестьянских проблем Востока и продовольственной безопасности стран Востока. На его счету около 150 научных работ, в том числе 30 книг, которые он подготовил как автор и/или ответственный редактор. Многие его труды в переводе на английский, индийские и другие языки изданы в Великобритании, США, Индии, Японии.

Ключевые слова: Растянников Виктор Георгиевич, ученый-востоковед, экономика сельского хозяйства, продовольственная безопасность, крестьянство, Индия, Пенджаб.

Виктор Георгиевич Растянников родился 17 февраля 1928 г. в Москве в семье рабочих. Ему было 13 лет, когда в июне 1941 г. началась Великая отечественная война. Как бы ни было у меня желания избежать стереотипов, хочу сказать, что именно война сформировала ту непреклонность характера Виктора Георгиевича, с которой впоследствии не раз сталкивались его сослуживцы. Осенью 1941 г. отца Виктора Георгиевича призвали на фронт, и мать осталась в Москве одна с тремя детьми. Школы в Москве в 1941/42 г. не работали, однако работали ремесленные училища, где учеников кормили и выдавали рабочие продуктовые карточки. Как только Виктору Георгиевичу в феврале 1942 г. исполнилось 14 лет, его взяли в ремесленное училище. Пока не работали школы, он самостоятельно учился дома, а в сентябре 1942 г., сдав экзамены за пропущенный класс, поступил в вечернюю школу рабочей молодежи. С 1943 г. по 1945 г. он работал слесарем на оборонных предприятиях Москвы и одновременно учился в вечерней

школе рабочей молодежи. Виктор Георгиевич был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и гордился этой наградой больше всего. Стремление к знаниям и непреклонное упорство позволили ему в 1946 г. поступить на Индийское отделение Московского института востоковедения.

Вся научная жизнь Виктора Георгиевича Растянникова была связана с Институтом востоковедения РАН (АН СССР). Окончив в 1950 г. Московский институт востоковедения, он поступил в аспирантуру Института востоковедения АН СССР, по завершении обучения в которой защитил кандидатскую диссертацию и был принят на работу в Институт востоковедения, где он проработал более 60 лет — с 1955 г. до своей смерти в 2015 г.

Начало научной деятельности В.Г. Растянникова было определено кандидатской диссертацией «Аграрные отношения в Пенджабе (1900–1947 гг.)». В период 1955–1971 гг. В.Г. Растянников работал в Отделе Индии, Пакистана, Цейлона и Непала. Центральным объектом его исследований в этот период были институты земельной собственности, тенденции развития капитализма в сельском хозяйстве Индии, а также аграрная реформа в странах Востока. Углубление противоречий между становлением новых капиталистических отношений и соответствующей производственной организацией в сельском хозяйстве Пакистана и Индии, с одной стороны, и старым феодально-помещичьим землевладением, с другой, В.Г. Растянников считал основным препятствием создания высокоэффективного хозяйства нового типа. Эти взгляды нашли отражение в книгах В.Г. Растянникова: «Проблемы экономики Пакистана» (1958, соавтор С.А. Кузьмин) и «Развитие капитализма в сельском хозяйстве Индии (социально-экономические изменения в пореформенной деревне)» (1965, соавтор М.А. Максимов).

Начало его известности как ученого-аграрника мирового класса положило исследование многоукладности в Индии, которое стало основой его докторской диссертации «Проблемы аграрной эволюции в многоукладной экономике: (Опыт независимой Индии)», защищенной в 1971 г., и опубликованной в 1973 г. монографии «Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии». В 1981 г. книга была переведена на английский язык и издана в Великобритании. Впоследствии работа «Agrarian Evolution in Multiform Structure

Society. Experience of Independent India” стала учебником для студентов-индологов во всем мире.

В 1971 г. В.Г. Растянников перешел в Отдел Общих проблем развития стран Азии и Северной Африки, где сначала был заместителем руководителя, а с 1973 г. — руководителем Группы аграрно-крестьянских проблем. В период 1974–1986 гг. он заведовал Сектором аграрно-крестьянских проблем, и с 1986 г. по 1990 г. руководил Межинститутской группой по изучению проблем капитализма в Азии, функционировавшей на базе Отдела Общих проблем развития стран Азии и Северной Африки.

Период работы Виктора Георгиевича в Отделе Общих проблем связан с организацией крупных коллективных монографий по аграрным и продовольственным проблемам. Е.М. Примаков, ставший директором Института востоковедения в это время, вывел изучение экономических, социальных и политических проблем в странах Востока на новый уровень. Он задействовал все научные ресурсы Института для создания комплексных трудов о странах Востока. Под руководством В.Г. Растянникова и при непосредственном его участии были опубликованы такие комплексные исследования как «Развивающиеся страны и “зеленая революция”» (1974), «Аграрные структуры стран Востока: генезис, эволюция, социальные преобразования» (1977), «Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки» (1980), «Зарубежный Восток и современность. Том 2. Раздел 3» (1980), «Продовольственная проблема в развивающихся странах Азии и Северной Африки» (1982), «Восток: продовольствие и развитие» (1986). Впоследствии эта книга была издана в Индии под названием “Economic Development and Food Problem. A study of the Eastern Countries” (1993). Научная деятельность В.Г. Растянникова широка и многообразна, но я постараюсь акцентировать внимание на тех ее аспектах, которые входили в круг его исследований в бытность его работы в Отделе Общих проблем.

Переходя к характеристике научных взглядов В.Г. Растянникова, хотелось бы отметить, что, работая в парадигме марксистских понятий, которые уже тогда из-за своей ограниченности искажали процесс познания, он смог точно и выпукло показать реальный процесс в аграрной сфере Индии. Например, изучая процесс зарождения сельской буржуазии и класса наемных рабочих, он отмечает не классовые противоречия, а, показывая пропорции разложения ранее единого

крестьянства, выделяет особые экономические черты новых групп крестьянства, стимулы их деятельности и движители экономического прогресса в аграрном развитии.

Феномен «зеленой революции» в научной деятельности В.Г. Растянникова занимал особое место. Впервые он озвучил свое видение этого феномена на конференции в Колумбийском университете в 1970 г. в докладе “The Green Revolution”, который был опубликован в книге “The Widening gap. Development in the 1970’s” (ed. by Barbara Ward, 1971). Взяв за основу технологические преобразования и становление индустриальных производительных сил в ходе «зеленой революции», Виктор Георгиевич показал ее роль в формировании нового типа производителя и выделил его социально-экономические черты. Он писал, что «зеленая революция» выступала как процесс капиталистического развития, но развития особого рода: она детерминируется усилением не стоимостных, свободно-рыночных отношений, а отношений вестоимостных вследствие того, что она не была естественным результатом социально-экономической эволюции деревни. Переход к «зеленой революции» в странах Востока был вызван необходимостью ослабить возникшие к середине 1960-х гг. диспропорции и восстановить целостность воспроизводственного механизма в первую очередь в сфере продовольственного обеспечения¹. В.Г. Растянников подчеркивал, что под влиянием «зеленой революции» формировалась дуалистическая структура аграрного общества и усиливалась дифференциация в странах Востока.

Изучение продовольственной проблемы стало важной вехой в научной жизни В.Г. Растянникова. Он первым в российском востоковедении подошел к исследованию этого вопроса как к проблеме глобального масштаба. Особое внимание он уделял тому, как усиление интернационализации мирового хозяйства способствовало возникновению продовольственных кризисов и появлению социально-экономических диспропорций в сельском хозяйстве стран Востока. Виктор Георгиевич считал, что диспропорции в сфере продовольственного обеспечения органически связаны с многоукладной экономикой в аграрном секторе. В то время как количественные и качественные потребности в продовольствии формируются под воздействием демонстрационного эффекта потребления, распространяемого из развитых стран, и современных форм экономической деятельности, аграрный сектор, призванный удовлетво-

рять эти потребности, в значительной своей части был представлен традиционным полунатуральным производством².

Сегодня, когда прошло более 30 лет с момента написания этих строк, можно отметить, что данные диспропорции не только не сгладились, но еще больше увеличились. Расширение глобализации (или интернационализации, или регионализации, как этот феномен ни назови) привело к исчезновению некоторых частей воспроизводственного механизма в аграрном хозяйстве стран Востока (примером может служить сельское хозяйство Малайзии, использующее более 70% площадей для производства экспортных товаров), усилению дифференциации хозяйств, причем уже не на уровне регионов, а внутри самого хозяйства (современные его структуры работают на мировой рынок, а традиционные — на натуральное продовольственное потребление), созданию, как говорил В.Г. Растянников, «расщепленно-го» уклада в аграрном воспроизводстве³.

Еще одна вопиющая проблема, которую подчеркивал в своих работах В.Г. Растянников, — сохранявшиеся масштабы пауперизма в странах Южной Азии⁴. Тот факт, что в 2015 г. во многих штатах Индии (Асам, Бихар, Орисса, Мадхья-Прадеш, Уттар-Прадеш) более трети населения считалось голодающим, в среднем по Индии недоедало 15,2%, а по Пакистану — 22% всей численности населения, говорит в пользу, сделанного 30 лет назад заключения В.Г. Растянникова.

Что отличало научный подход В.Г. Растянникова — это способность увидеть особенные черты и выделить социально-экономические цели исследования. Как отмечал Л.Б. Алаев, В.Г. Растянников дал объемную картину аграрных отношений в Индии после реформ; особенно важно то, что он, будучи экономистом, показал значение социальных факторов (касты, семьи и пр.) в экономических процессах⁵. Так, Виктор Георгиевич не единственный рассматривал влияние аграрной реформы на становление индустриального типа хозяйства в аграрном секторе стран Востока, но именно он сконцентрировался на изучении аграрной реформы как институте освобождения от внеэкономических форм эксплуатации и феодальных пережитков, в частности издольной аренды⁶. Именно поэтому он неоднократно подчеркивал важность ликвидации заминдаров и прочих посредников-рентополучателей⁷.

Крупным направлением его научных интересов были теоретические аспекты становления капитализма в странах Востока во второй полови-

не XX в., в первую очередь — выявление специфических черт генезиса капитализма в развивающихся странах региона. Этому направлению была посвящена книга, вышедшая под его редакцией (совместно с Г.К. Широковым) «Капитализм на Востоке во второй половине XX в.». Книге принадлежит особое место в теоретическом осмыслении проблем социально-экономического развития на периферии мирового капитализма. Задуманная еще в период до распада СССР, монография свободна от узости традиционного советского взгляда на предмет исследования. Написанные Виктором Георгиевичем разделы носили новаторский и теоретический характер, во многом реабилитируя забытое в советское время теоретическое наследие А.В. Чаянова. Я бы назвала В.Г. Растянникова научным «предсказателем» — он предугадал в начале 1990-х гг. многие теоретические направления развития научно-технической революции, которую мы только сейчас комплексно начинаем изучать как Четвертую промышленную революцию. Творческое восприятие помогло В.Г. Растянникову с интересом и уважением относиться к вкладу в теорию восточной многоукладности, который внесли, помимо него, А.П. Колонтаев, В.В. Крылов, А.И. Левковский⁸.

Как не вспомнить работу Виктора Георгиевича над серией прогнозов. В 1980 г. Институт востоковедения под руководством Е.М. Примакова активно включился в работу над Комплексным прогнозом социально-экономического развития стран Азии и Северной Африки. Прогнозы в области сельского хозяйства выполнялись под руководством В.Г. Растянникова. Тогда были выполнены прогнозы до 2000 г. и 2010 г. Ретроспективно оценивая точность сельскохозяйственных прогнозов на 2010 г., могу отметить всего десятипроцентное отклонение результатов от реальных показателей, причем в сторону превышения.

В 1990 г. В.Г. Растянников перешел в Центр индийских исследований. В этот период В.Г. Растянников, уже будучи очень известным ученым, смог открыть в себе новые грани ученого-экономиста. За двадцать пять лет работы в Центре он опубликовал 10 книг и 30 крупных статей, в том числе в международных журналах. В этот период были опубликованы такие крупные монографии как «Узбекистан. Экономический рост в агросфере: аномалии в XX в.» (1996), «Аграрная экономика Узбекистана на пути к рынку» (1997, Институт экономики Азии, Токио), «“Большие циклы” в агросфере. XX век» (1997, соавтор И.В. Дерюгина), «Сельскохозяйственная динамика. XX век» (1999, соавтор И.В. Де-

рюгина), «Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан» (2004, соавтор И.В. Дерюгина), «Урожайность хлебов в России: 1795–2007» (2009, соавтор И.В. Дерюгина), «Аграрная Индия. Парадоксы экономического роста: вторая половина XX в. — начало XXI в.» (2010).

Впервые появилась возможность свободного научного познания. Научные интересы В.Г. Растяникова на протяжении всей его научной жизни были сосредоточены на развитии капитализма в аграрном обществе Индии, но подходы и методы исследования постоянно трансформировались, и главное здесь не смена парадигмы понятий, произошедшая после развала СССР, а живой механизм социально-экономической жизни стран Азии. 1990-е годы позволили совсем иначе подойти к исследованию экономических процессов в странах Востока. Освободившись от рамок псевдомарксистской идеологии, Виктор Георгиевич расширил направления своих исследования. Перечислю здесь только основные вехи.

Особый интерес В.Г. Растяникова на новом, постсоветском этапе вызывали проблемы гетерогенности капитализма, развивающейся под воздействием НТР, и принципы изменения в многоукладной аграрной системе, происходящие под влиянием капитализма. Он доказал, что именно НТР вывела «стадиальную эволюцию капитализма на общепланетарную авансцену, превращая данный тип развития в универсальный процесс мирового порядка». Капитализм в многоукладном аграрном обществе, как доказал В.Г. Растяников, приобретает форму доминантного уклада (депрессивного), при котором экономические отношения в аграрном хозяйстве реализуются часто через внеэкономическое принуждение, как внутренне присущее восточным обществам, так и привнесенное извне в виде «политического» насилия.

Большое место в научном творчестве В.Г. Растяникова, начиная с конца 1990-х годов, занимают проблемы исследования циклической неравномерности сельскохозяйственного роста в странах центра и периферии мирового хозяйства (с позиции «длинных волн» Н.Д. Кондратьева). Он доказал, что существует единая циклическая волна сельскохозяйственного роста для стран, включенных в мировое хозяйство, причем синхронность или фазовое отставание начала нового цикла для стран периферии от центра зависит от степени включенности сельского хозяйства страны в мировое хозяйство. Речь при этом идет

не только о влиянии фактора мирового рынка, но главным образом феномена более глобального порядка, такого, как НТР.

Несколько книг В.Г. Растяникова в 2000-х гг. были посвящены исследованию типологии экономических процессов в сельском хозяйстве стран Востока и сравнительному анализу моделей экономического роста в сельском хозяйстве Востока и Запада. Наиболее всеобъемлющей работой стала монография «Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан», где ретроспективно охарактеризованы процессы смены исторических ступеней развития аграрных секторов — традиционной, мануфактурной, индустриальной, информационной; выявлены качественные особенности и этапы движения аграрных секторов данных стран к рынку.

Помимо описанных выше в рамки его интересов попадали такие вопросы, как:

а) влияние земельно-демографического комплекса на экономический рост в плотнонаселенных странах Востока. Виктор Георгиевич исследовал процессы деградации (и прямого разрушения) цепи взаимосвязанных звеньев аграрно-экономической деятельности под воздействием усиливающегося давления на природные ресурсы роста народонаселения⁹;

б) парадоксы экономического роста в псевдосоциалистической экономике в республиках Средней Азии в период их существования в составе СССР¹⁰;

в) условия становления рыночной экономики в сельском хозяйстве России в период НЭПа и разрушения звеньев воспроизводства в период коллективизации¹¹;

г) ретроспективный анализ движения урожайности зерновых культур в отдельных странах мира с конца XVIII в. до начала XXI в.¹²;

д) сравнительный анализ социально-экономических моделей в сельском хозяйстве стран Востока и Запада на примере США, России, Казахстана, Узбекистана, Индии и Японии¹³.

Логическим завершением его научных подходов к изучению моделей сельскохозяйственного роста стала разработка теории «Двух технологических способов производства» в сельском хозяйстве стран Востока и Запада. Данной теории посвящена его последняя книга «Сельское хозяйство: Восток vs Запад. Два технологических способа производства», опубликованная посмертно в 2017 г. В книге разрабо-

тана концепции двух технологических способов производства в сельском хозяйстве — землесберегающего для сельского хозяйства стран Востока и трудосберегающего для сельского хозяйства стран Запада¹⁴. Еще в древности условия формирования аграрного хозяйства настолько прочно определили путь эволюции, что никакая страна не может сойти со своей «колеи». Землесберегающий технологический способ производства сложился в сельском хозяйстве Азии. Он отражал организацию производства, при которой не экономия труда, а сбережение земли и повышение ее плодородия было главным условием производства. Трудосберегающий технологический способ производства базировался на средствах производства, экономящих труд, и использовании большой хозяйственной площади, позволяющей получать эффект от экономии масштаба. Изначально он сформировался в сельском хозяйстве стран Запада, сначала естественным путем в странах Европы и впоследствии распространился в условиях внешней и внутренней колонизации в страны Северной Америки, Австралию, Россию, Казахстан. Помимо чисто теоретических изысканий книга отвечает на практический вопрос — сольются ли в будущем направления эволюции сельского хозяйства стран Востока и Запада. Оценив перспективы развития сельского хозяйства до середины XXI в., он сделал вывод, что векторы эволюции землесберегающего и трудосберегающего технологического способа производства в ближайшие полвека не пересекутся, каждый будет идти по своей «колее».

Завершая описание научных взглядов, надо сказать, что Виктор Георгиевич сочетал в себе черты великолепного исследователя и прекрасного преподавателя. Читал курсы лекций по различным аспектам экономики и политэкономии сельского хозяйства стран Востока в ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Российском университете дружбы народов. Под его научным руководством были защищены десять кандидатских диссертаций. На протяжении многих десятилетий был заместителем председателя, а затем председателем Диссертационного совета по экономическим наукам Института востоковедения РАН, неоднократно избирался в Ученый совет Института. Помимо медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», он награжден медалью «За трудовую доблесть», «Золотой медалью И.Ю. Крачковского», Юбилейными медалями в честь Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и др.

В эпилоге к очерку, хотелось бы отметить заглавными буквами, что жизнь Виктора Георгиевича как любого талантливого человека не замыкалась исключительно на науке. Он любил и хорошо знал классическую музыку, при этом ближе всего ему были экспрессивные произведения Бетховена. Коллекционировал камни и минералы. И, конечно, неизменной его любовью было литературное слово, богатству домашней библиотеки, собрание книг в которой превышало 10 тысяч экземпляров, могли бы позавидовать некоторые государственные библиотеки по гуманитарным наукам.

¹ Зарубежный Восток и современность. М.: ГРВЛ, 1980. Т. 2. С. 73–80.

² Восток: продовольствие и развитие / Отв. ред. В.Г. Растяников. М.: ГРВЛ, 1986. С. 22.

³ Растяников В.Г., Дерюгина И.В. Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан. М.: ИВ РАН, 2004. С. 273.

⁴ Продовольственная проблема в развивающихся странах Азии и Северной Африки / Отв. ред. В.Г. Растяников. М.: ГРВЛ «Наука», 1982.

⁵ Алаев Л.Б. Историография истории Индии. М.: ИВ РАН, 2013. С. 243.

⁶ Растяников В.Г. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М.: ГРВЛ, 1973. С. 136–168, 221.

⁷ Растяников В.Г. Земельная реформа в Индии // Индия сегодня. Справочно-аналитическое издание. М., 2005. С. 314–320.

⁸ Капитализм на Востоке во второй половине XX века / Отв. ред. В.Г. Растяников, Г.К. Широков. М.: Восточная литература, 1995. Главы 5, 6, 7.

⁹ Растяников В.Г. Аграрная Индия. Парадоксы экономического роста: вторая половина XX в. — начало XXI в. М.: ИВ РАН, 2010; Становление современного аграрного хозяйства в Индии // Земельный вопрос. М.: Колос, 1999. С. 439–469.

¹⁰ Растяников В.Г. Узбекистан. Экономический рост в агросфере: аномалии в XX в. М.: ИВ РАН, 1996.

¹¹ Растяников В.Г. Из истории распределения продукта сельского хозяйства в России, СССР (20–30-е годы XX в.) // Русский исторический журнал. 2001. Т. IV. С. 200–236; Растяников В.Г. Индустриализация и динамика заработной платы в агросфере: СССР, Россия в контексте международных сравнительно-исторических сопоставлений // Вопросы статистики. 1996. № 2. С. 43–49; Растяников В.Г., Дерюгина И.В. Экономический рост в аграрном секторе России. Проблемы XX века. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005.

¹² Растяников В.Г., Дерюгина И.В. Долгосрочные изменения в урожайности сельскохозяйственных культур: середина XIX — конец XX века (Опыт реконструкции непрерывных временных рядов статистических данных) // Вопросы статистики. 1998. № 9. С. 31–45.

¹³ Растяников В.Г., Дерюгина И.В. Сельскохозяйственная динамика. XX век. Опыт сравнительно-исторического исследования. М.: ИВ РАН, 1999; Растяников В.Г., Дерюгина И.В. Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан. М.: ИВ РАН, 2004.

¹⁴ Растяников В.Г., Дерюгина И.В. Сельское хозяйство: Восток vs Запад. Два технологических способа производства. М.: ИВ РАН, 2017.

Труды Отдела общих проблем ИВ АН и исследование современных социально- экономических процессов в странах Востока

Автор вспоминает свою работу в Отделе общих проблем ИВ АН. В статье показано, что результаты некоторых исследований ученых отдела могут помочь в анализе не только настоящего, но и будущих перспектив, в частности, воздействия новых трудосберегающих технологий на рынок рабочей силы в странах Востока.

Ключевые слова: труды Отдела общих проблем ИВ АН, неакционерные формы организации международного производства, субподряды, воздействие автоматизации и роботизации на занятость, мелкие торговцы, низшие слои города.

Придя на работу в Отдел общих проблем (ООП) Института востоковедения АН СССР, я попала в очень интересный, как сказали бы сегодня, креативный научный коллектив. Замечательный организатор науки, видный ученый и политик, Г.Ф. Ким собрал в этом отделе из разных отделов ИВ АН целую плеяду звезд первой величины, талантливых ученых, назову лишь некоторых из них — индологов А.И. Левковского, Л.И. Рейснера, В.Г. Растяйникова, Л.Р. Гордон-Полонскую, специалиста по Юго-Восточной Азии Н.А. Симонию, арабиста Р.Г. Ланду, корейста В.Ф. Ли. В период своего апогея Отдел насчитывал около ста человек. Не буду говорить обо всех выдающихся личностях и просто хороших ученых, и не хотелось бы никого обидеть, присваивая им какие-то категории. Со многими была знакома лишь шапочно, хотя нередко бывали у нас в Отделе общие мероприятия, пламенные дискуссии, очень остроумные капустники. Запомнилось из капустника:

Любим толпой иль нелюбим,
Во славе иль в пыли,
Всегда с тобою будут Ким,
Симония и Ли...

Отдел занимал комнаты три в полуподвальном помещении уже к началу 1980-х гг. отторгнутого Армянским постпредством Лазаревского «дворца» в Армянском переулке. Рядом в этом же полуподвале почему-то сохранилась пара обычных коммунальных квартир, в которых постоянно что-то жарили, парили, и запахи этой кухни окутывали споры востоковедов. Позднее Отдел переехал куда-то на второй этаж.

Разумеется, трудно даже просто перечислить звезд первой, второй и третьей величины, работавших в Отделе, тем более что с одними просто любезно приветствовали друг друга, а с другими сталкивались постоянно, работая в одном секторе. Некоторым из наших замечательных ученых мы посвятили сборники трудов нашего отдела в 2007–2016 гг. Это А.И. Левковский, Г.Ф. Ким, А.М. Петров, А.И. Курприн, В.Г. Растяйников, Л.Ф. Пахомова. Одни из них ушли из жизни давно, а другие — совсем недавно.

«Жизнь выдающегося отечественного востоковеда А.И. Левковского во многом была Преодолением, мужественным преодолением тяжкого физического недуга (подвигом святого Алексия Многоукладника), через которое прошли и советский писатель Николай Островский, и ученый-физик Стивен Хокинг... Последствия тяжелой формы полиомиелита, перенесенного А.И. Левковским в трехлетнем возрасте, давали знать о себе всю жизнь. Даже поездка в Институт и подъем по лестнице были для него тяжким испытанием»¹. Но запомнился А.И. Левковский (1924–1985) прежде всего своим светлым, блестящим умом, колоссальной научной (и общей) эрудицией. «Имя А.И. Левковского связано с теорией многоукладности развивающихся стран, которую он отстаивал. Иногда в эти споры включался и административный ресурс (его использовал в полемике с А.И. Левковским Р.А. Ульяновский, заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС), сам Левковский называл эту полемику “перепиской Грозного с Курбским”»².

Заслуживает того, чтобы о ней вспомнили с уважением Л.Р. Гордон-Полонская. Жизнь ее также была преодолением недуга, в меньшей степени, чем у А.И. Левковского (полиомиелит оставил меньше последствий), но, несмотря на свою болезнь, Людмила Рафаиловна была очень активной и энергичной, руководила сектором, была профессором Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, руководила аспирантами, вела большую научную работу, написа-

ла большое количество научных трудов. Сектор, которым она руководила, был одним из первых научных подразделений в стране, где велось изучение ислама, трудов мусульманских ученых. По этим вопросам, в частности, писал свои труды ныне здравствующий Залман Исаакович Левин, которому в 2018 г. исполнилось 95 лет.

В секторе Гордон-Полонской работал и специалист по буддизму Владимир Иванович Корнев. Его труды по буддизму востребованы и сегодня. Владимир Иванович был человеком глубоким, сосредоточенным, буквально пронизанным духом и философией буддизма. А умер он на заседании Ученого совета Института (Вообще в эссе под названием «Смерть востоковеда», говоря о необычных смертях, можно было бы вспомнить и главу Отдела комплексных проблем международных отношений Г.Л. Бондаревского, которого убил грабитель в квартире из-за его ценных орденов стран Востока, и специалиста по курдам О.И. Жигалину, которая присела на минуту в вестибюле Института и... умерла).

Интеллигентный, скромно одетый, неизменно любезный Игорь Санович работал в секторе коммунистического и рабочего движения. Как потом выяснилось из сообщения Би-Би-Си об ограблении его квартиры, и прежде всего художественной коллекции, он был одним из крупнейших отечественных коллекционеров работ грузинского художника Нико Пиросмани.

Дольше многих проработал в Отделе Василий Андреевич Федоров. Он начал свою работу в подразделении Отдела, которое называлось «Группа А» (эта «секретная» аббревиатура скрывала слово «армия») и которым руководил генерал Б.Г. Сапожников. В.А. Федоров написал ряд интересных трудов о роли армии в странах Востока, о ее участии в политической жизни этих стран и приходе военных к власти во многих из них (помню, мне встречалась иностранная монография, которая называлась «*Le rôle extra-militaire de l'armée*»). Роли армии в странах Востока был посвящен раздел в эпохальном труде Отдела общих проблем — двухтомнике «Зарубежный Восток и современность» (во втором издании — трехтомник). «Новгородский мужик», по его собственным словам (он родился в деревне Новгородской области), Василий Андреевич был блестящим знатоком английского языка — мы обращались к нему за советом при трудностях в переводе — он работал в службе военного атташе в Лондоне в на-

чале 1960-х гг., как раз когда там случился скандал, стоивший поста британскому военному министру Профьюмо. После закрытия группы армии Василий Андреевич перешел в сектор социально-политических проблем. Сектором руководил Владимир Федорович Ли, человек четкий, организованный, дисциплинированный, но при этом внимательный и доброжелательный к людям. От занятий общими проблемами он вновь перешел к корееистике, и, уже работая в Дипломатической академии, выпустил ряд фундаментальных трудов по истории Кореи, в том числе и в соавторстве с корейцем А.В. Торкуновым, ректором МГИМО.

Звездой первой величины, несомненно, был Лев Игоревич Рейснер, 90-летие со дня рождения которого мы отмечаем в 2018 г. Мы работали в разных секторах и не сталкивались по работе. Но перед глазами встает милое, красивое, интеллигентное лицо. Вспоминается человек приветливый, скромный, доброжелательный. О вкладе Льва Игоревича в науку говорится в двух статьях настоящего сборника — З.Н. Галич и В.Я. Белокреницкого, а другой сборник этого года посвящен памяти Льва Игоревича, и в нем, кроме воспоминаний его дочери Марины Львовны Рейснер, опубликована также подборка замечательных фотографий. На одной из них — Л.И. Рейснер и Л.Б. Алаев с детьми на Первомайской демонстрации. «Лорд по маме» (его мать была англичанка), — говорила о Рейснере наша профсоюзная лидерша Татьяна Ивановна Кухтина.

Если говорить об аристократах, то уже позднее пришел в наш отдел иранист Владимир Трубецкой, из рода тех самых Трубецких по отцу и тех самых Голицыных по матери, ветеран и инвалид Великой Отечественной войны (он хромал), человек скромный, интеллигентный, доброжелательный.

Если говорить о ныне здравствующих ветеранах Отдела общих проблем, то нельзя не упомянуть Н.А. Симонию и Р.Г. Ланду, Ю.Г. Александрова, З.И. Левина, З.Н. Галич, представителей тогдашней молодежи, например, С.А. Панарина, и пожелать им здоровья, бодрости, творческих успехов.

Блистательный Нодари Александрович Симония — талантливый ученый-теоретик, пламенный полемист (вспоминаю его страстную дискуссию уже в 1980-х гг. с индологом А.В. Чичеровым на каком-то семинаре), был очень хорошим и заботившимся о своих сотрудниках

руководителем. Блеснув, как метеор, в нашем Отделе, он был увиден Е.М. Примаковым в ИМЭМО, директором которого впоследствии Н.А. Симония пробыл на протяжении многих лет.

О Р.Г. Ланде как человеке, с которым мы проработали много лет, говорить сложно именно в силу этого. Это талантливый, глубокий востоковед, энциклопедически эрудированный. Мне кажется, уже лет десять назад число опубликованных им монографий превышало три десятка. Р.Г. Ланда продолжает плодотворно работать, практически каждый год из-под его пера (применительно к Р.Г., не владеющему компьютером, это вполне можно говорить) выходит новая монография или учебник, он ведет большую преподавательскую работу в Институте стран Востока.

Труды Отдела общих проблем ИВ АН и исследование общих проблем современного развития стран Азии и Африки

Алексей Иванович Левковский, под руководством которого мне довелось работать в секторе социально-экономических (затем переименованным в сектор социальных проблем), — ученый-теоретик, блистательный индолог, написавший фундаментальный труд «Развитие капитализма в Индии», затем перешел к изучению общих проблем (такова была эволюция многих индологов, упомяну хотя бы Л.И. Рейснера, Г.К. Широкова, В.А. Яшкина, Л.Б. Алаева).

А.В. Кива, тоже ветеран нашего отдела (он пришел в ООП позднее), а попутно известный публицист, справедливо говорил о том, что теория зависимого развития, которая лежала в основе популярного труда «Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы», выпущенного ИМЭМО в 1974 г., ушла в небытие. А теория многоукладности, которая во многом была основой коллективного труда Отдела общих проблем, остается весьма актуальной. Более того, ирония судьбы состоит в том, что многоукладность вошла в нашу повседневную жизнь. В 1990-х гг. при переходе к рыночной экономике и весьма болезненных реформах, которые означали закрытие многих предприятий, рост безработицы, а при сохранении занятости — крайне низкий уровень зарплат, которая к тому же выплачивалась иногда кому — бельем, кому —

посудой, которые нужно было потом самим продавать, в России получил расцвет полунатуральный уклад, и немалое число людей (особенно в глубинке) были вынуждены жить во многом за счет того, что выращивали в своем приусадебном хозяйстве, или на «шести сотках» садовых участков. Появился и продолжает существовать мелкотоварный уклад («самозанятые», «сам хозяин — сам работник») — сегодня это и индивидуальные предприниматели (ИП, которых мучают бесконечными проверками, опросами, массой отчетных документов в налоговую службу), и ПБОЮЛ (предприятия без образования юридического лица, где есть и наемные работники). Возник мелкокапиталистический уклад (малый и средний бизнес, МСБ), вообще в России к малому бизнесу относят предприятия с числом занятых до 100 человек (в зависимости от сектора — промышленности, торговли, научных исследований, сельского хозяйства, сферы услуг), а это совсем не мелкое предприятие, и его владелец может получать очень высокие доходы. Вспоминается недавний трагический пример ТРЦ «Зимняя вишня», который был зарегистрирован как малое предприятие и получал соответствующие льготы.

Можно говорить и о том, что в нашу жизнь вошли такие категории, как пауперы, люмпены, бюрократическая буржуазия и даже компрадорская буржуазия (хотя термин кажется каким-то архаичным, и очень марксистским), — все они были объектами исследования в монографиях и сборниках сектора социально-экономических (позднее — социальных) проблем, которым руководил А.И. Левковский.

Под руководством А.И. Левковского вышла в свет целая серия научных трудов под названием «уклад и класс». Назову хотя бы некоторые из них, вышедшие под редакцией А.И. Левковского: сборники «Иностранный капитал и иностранное предпринимательство в странах Азии и Северной Африки», 1977; «Нефабричный пролетариат и социальная эволюция стран зарубежного Востока», 1985; «Буржуазия и социальная эволюция стран зарубежного Востока». М., 1985; коллективные монографии «Государственный капитализм и социальная эволюция в странах зарубежного Востока», 1980; «Низшие городские слои и социальная эволюция стран Востока», 1986 (уже после смерти А.И. Левковского); сборник «Имущие слои города и социальная эволюция стран Востока», 1988. К этой же серии можно было бы отнести и обобщающую коллективную монографию «Социальный облик Востока», которая вышла в свет в 1999 г. под редакцией Р.Г. Ланды³.

В других секторах Отдела общих проблем также велись исследования по социальным слоям стран Востока: по крестьянству (в настоящий сборник входит статья И.В. Дерюгиной о В.Г. Растянникове), средним городским слоям, интеллигенции, был сектор, который занимался исключительно рабочим движением.

Говоря о сборниках и коллективных монографиях сектора социальных проблем, хотелось бы отметить, что статьи и главы большинства авторов (сотрудники были разные, соответственно, разным было и качество их статей) были фундированными, написанными на основе большого количества литературы и источников. Благо, в те времена на написание главы в коллективной монографии в 1 а.л. давались 1–2 года, а фонды ИНИОН были весьма хорошо обеспечены и иностранными монографиями, периодическими изданиями.

Насчет хорошей материальной обеспеченности не скажу, чтобы не идеализировать те времена. Автор этих строк, придя на работу в ИВ АН, получал лишь на 10 руб. (тех 10 руб.) больше своей повышенной стипендии на последних курсах института. Кстати, возможности подработки в те времена тоже были невелики — совместительство строго ограничивалось, а практически оно было доступно только крупным, маститым ученым. Спасала работа переводчиком с иностранными делегациями в течение всех летних месяцев. А позднее — написание рефератов и обзоров для ИНИОН. В целом же зарплаты остепененных старших научных сотрудников были в АН СССР весьма приличными, и они реально превышали средний уровень зарплат в стране.

К написанию статей и глав наряду с сотрудниками Отдела общих проблем привлекались специалисты-страноведы из других подразделений Института, авторы из других организаций. Так, в сборнике «Нефабричный пролетариат...» участвовали В.Я. Белокреницкий (Статья о структуре нефабричного пролетариата Пакистана), Г.И. Старченков (статья о нефабричном пролетариате Турции). Статью о нефабричном пролетариате Египта написал тогдашний аспирант А.И. Левковского А.Э. Шайхов, впоследствии он стал послом (независимого Узбекистана) в Японии. В сборнике «Иностранный капитал и иностранное предпринимательство» представлены статьи турколога Н.Г. Киреева, арабистов Г.С. Шахбазяна, Б.Н. Гашева, В.В. Озолинга, ираниста С. Пазельского.

В монографии «Низшие городские слои...» главу о представителях современных и «традиционных» духовных профессий в составе город-

ских низов написал Р.Б. Рыбаков, позднее бывший директором ИВ РАН. Каждому из сборников предшествовало введение, написанное А.И. Левковским, — настоящий концентрат теоретического анализа данной темы.

Многие положения сборников и коллективных монографий хорошо помогают анализировать происходящие сегодня процессы.

Если говорить о таком феномене, как ТНК из стран Востока, которые стали привлекать внимание только в последнее десятилетие, то в главе из монографии «Зарубежный Восток и современность» Б.В. Синицын приводит отраслевые характеристики ведущих торгово-промышленных групп Индии на конец 60-х гг. (1968 г.) — Таты и Бирлы. У Группы Бирлы (155 компаний) главные интересы были сосредоточены в легкой промышленности (хлопчатобумажные и джутовые ткани, сахар, чай), в сфере обращения (торговля, финансы), у Таты (55 компаний) — в черной металлургии, химической промышленности, машиностроении, текстильной промышленности, банковском деле. В сборнике «Буржуазия и социальная эволюция стран зарубежного Востока» сотрудник ИВ АН, индиец Раза-Али, приводил интересную мысль, характеризующую специфику индийского капитала, о том, что «в условиях Индии процесс концентрации не адекватен процессу монополизации, поскольку... каждая большая группа вкладывает капиталы в самые различные отрасли производства. Поэтому в стране практически нет такого сектора в промышленности, который был бы монополизирован какой-либо одной группой». В статье В.Н. Уляхина, ушедшего из Института и ставшего священнослужителем, говорилось об экспорте капитала ведущими торгово-промышленными домами Индии, прежде всего группами Бирла и Тата, которые имели сеть зарубежных филиалов уже в 1960-х гг. В.Н. Уляхин, в частности, уже в 1985 г. писал, что в сравнении с компаниями других развивающихся стран у индийских компаний не только самый широкий и диверсифицированный круг иностранных предприятий, но и максимальный удельный вес экспортируемого оборудования и технологии в структуре заграничных инвестиций⁴. Об индийском капитале отечественные востоковеды, прежде всего сотрудники Института востоковедения, писали уже давно, и никакого сюрприза нет в появлении на мировой арене «мародерствующих магараджей» «голодных слонов» (название статьи и эпитет из британского журнала «Экономист») — индийских предпринимателей, индийских ТНК. Как показали В.Н. Уляхин, Раза-Али, уже

к моменту завоевания независимости в Индии имелись национальные монополии (или олигополии — с точки зрения терминологии современной теории экономикс, поскольку не было такой ситуации, когда одна фирма концентрировала в своих руках все продажи в одной отрасли). Точнее их можно назвать олигополистическими торгово-промышленными группами, которые осуществляли зарубежную экспансию, уже в 1960-х гг. располагая сетью филиалов за рубежом, причем они действовали и в тех странах, где имелаась индийская диаспора, игравшая важную роль в экономике, и в странах, где таковой не было⁵.

В 2011 г. вышел в свет доклад о международных инвестициях ЮНКТАД, посвященный такой проблеме как неакционерные формы организации международного производства (НФОМП). В докладе ЮНКТАД говорится о том, что НФОМП получили распространение преимущественно в последние десять лет. В действительности, о широком распространении контрактных форм сотрудничества с ТНК можно говорить, скорее, с 1970-х годов⁶. Вопрос о контрактных формах сотрудничества ТНК с местными предприятиями подробно рассматривался в сборнике «Нефабричный пролетариат» 1985 г.

Международные... «субподряды получили особенно большое развитие со второй половины 60-х годов в швейной трикотажной, текстильной, обувной промышленности, в производстве пластмассовых изделий, игрушек, спортивного инвентаря, париков, а также в трудоемких производствах электронной промышленности и приборостроения таких стран и территорий Азии, как Сингапур, Гонконг, Тайвань, Южная Корея, играющих для ТНК роль своего рода “экспортных платформ”. Эти виды субподрядов распространены на Филиппинах, в Малайзии, в странах Северной Африки. Большая часть экспортируемых этими странами изделий вышеуказанных отраслей промышленности приходится на местные (в основном мелкие) компании, связанные с иностранным частным капиталом через субподряды (без создания транснациональными компаниями филиалов)»⁷. Международные субподряды практически представляют собой одну из косвенных форм экспансии ТНК (наряду с созданием смешанных компаний, заключением контрактов об услугах), причем в 1970-х гг. значение этих форм по сравнению с традиционными прямыми инвестициями существенно возросло⁸ (сегодня для обозначения этих косвенных форм стал использоваться термин «неакционерные формы орга-

низации международного производства»). О значении НФОМП можно судить хотя бы по тому, что в электронике на них в 2010 г. приходилось порядка 1/2 мирового экспорта.

Проведенное в 1978 г. в Гонконге (в тот период — британской колонии) обследование 415 мелких предприятий (до 50 занятых) швейной, трикотажной, текстильной, электронной промышленности, пластмассовых изделий, машиностроения показало, что 80% из них работали по субподрядам, конечными заказчиками были западные, японские ТНК⁹. В 1980-х гг. происходило уже перемещение промышленных производств из Гонконга в КНР, в провинцию Гуандун, причем инвесторы «пересажали» туда вместе со своей налаженной системой субподрядных связей с западными заказчиками — ТНК. Экспорт был интегрирован в глобальные производственные сети ТНК, он осуществлялся на основе субподрядов, долгосрочных контрактов о закупках, в соответствии с которыми субподрядчики могут обеспечивать сырьем, материалами для производства продукции, предоставлять ему технологию, спецификации. Заказчик осуществляет строгий контроль над качеством той продукции, которой он дает свою марку, свой бренд. Нередко в странах Азии создавались специальные закупочные конторы, служившие посредниками между западными, японскими ТНК и местными субподрядчиками¹⁰.

Конечно, в формулировках отдавалась дань времени и требованиям марксистско-ленинской теории. Например: «Использование международных субподрядов дает возможность международным монополиям снижать издержки производства за счет эксплуатации дешевой рабочей силы»¹¹. Сегодня мы сказали бы: «Использование международных субподрядов дает возможность ТНК снижать издержки производства за счет использования дешевой рабочей силы», смысл от этого бы не изменился. «Снижение издержек производства на мелких предприятиях достигается и за счет плохих условий труда, применения ненормированного рабочего дня, отсутствия затрат на соблюдение элементарных норм техники безопасности»¹² — сегодня субподрядчики, компании осуществляющие производство по контрактам — не только и не столько мелкие компании (некоторые из них «выросли» с 1970-х гг.). Однако эти критические замечания относят и к ним. Вспомним волну критики в 2011 г. тайваньской компании «Фоксконн», осуществляющей в Китае сборку айфонов, за плохие условия труда и проживания рабочих.

Прогнозы о влиянии автоматизации на занятость и исследования ООП о низших слоях города в афро-азиатских странах

Большое внимание в научной литературе сегодня уделяется новым производительным силам — трудосберегающим технологиям: автоматизации, роботизации, аддитивным технологиям и их воздействию на занятость¹³.

Одной из первых публикаций в отечественной литературе, в которой рассматривались возможные последствия от внедрения новых трудосберегающих технологий, была статья А.В. Акимова в журнале «Восток» в 2015 г. В ней говорилось о том, что автоматизация и роботизация приведут к изменениям в международном разделении труда, к обострению проблемы занятости в развивающихся странах Востока¹⁴.

В 2013 г. были опубликованы результаты исследования К. Фрея и М. Осборна из Школы Сент-Мартин Оксфордского университета. Они рассмотрели возможное влияние автоматизации на 702 специальности из базы данных Министерства труда США и пришли к выводу, что через пару десятилетий в США высокий риск замены рабочих мест автоматизацией будет существовать для 46% из этих специальностей¹⁵. В 2016 г. исследование о рисках автоматизации для занятости в 5 из 10 стран АСЕАН: Индонезии, Таиланде, на Филиппинах, во Вьетнаме и Камбодже опубликовала МОТ (Международная организация труда). Авторы — Джей Хи Чан (Jae Hee Chang) и Фу Хунь (Phu Huynh), лица явно азиатского происхождения (почему я это пишу, будет видно далее). Доклад подготовлен по методологии К. Фрея и М. Осборна на основе исследования более чем 4000 компаний. В нем делается вывод о том, что, хотя массовое вытеснение людей автоматизацией не является неизбежным, наибольшим будет негативное воздействие на трудоемкие отрасли. Согласно выводам доклада МОТ, через два десятилетия (2036 г.) в этих пяти странах Юго-Восточной Азии высокий риск замены в результате автоматизации будет существовать для 56% рабочих мест (что выше, чем в США, по прогнозам Фрея и Осборна, — 46%)¹⁶. В целом же 40% рабочих мест для молодежи в мире могут быть автоматизированы уже в ближайшие 10 лет¹⁷.

Технологии, основанные на использовании роботов и автоматизированных процессов, уже существуют в автомобильной промышленности, электронной и электротехнической промышленности, пока они используются в основном в развитых странах. Есть такие технологии для швейной промышленности, существуют такие технологии и в обслуживании бизнес-процессов (Robotic Process Automation).

В странах Юго-Восточной Азии автоматизация угрожает сокращением рабочих мест таким отраслям, как швейная, электронная, автомобильная промышленность, аутсорсинг бизнес-процессов — это именно те отрасли, продукция которых ориентирована на экспорт и которые стали «драйверами» экономического роста этих стран.

В зону риска в результате развития автоматизации попала швейная промышленность. В швейной и обувной промышленности в середине 2010-х гг. в Камбодже работали 450 тыс. человек (на эти отрасли приходилось 3/4 всех работников обрабатывающей промышленности страны). 88% из занятых в швейной и обувной промышленности Камбоджи, по оценкам МОТ, к 2036 г. могут потерять работу из-за автоматизации. Во Вьетнаме число занятых в швейной промышленности в 2015 г. составляло 770 тыс. человек (2/5 занятых в обрабатывающей промышленности), 85% рабочих мест к 2036 г. могут стать жертвами автоматизации. В производстве компьютеров и электронной промышленности было занято 10% работающих в обрабатывающей промышленности в Таиланде, риск автоматизации оценивается в 75% от общего числа рабочих мест. На Филиппинах в производстве компьютеров и электронной промышленности было занято 16% работающих в обрабатывающей промышленности, 80% рабочих мест могут исчезнуть из-за автоматизации. Вьетнам лишь недавно включился в развитие сборочных производств в электронной промышленности, причем с большим успехом — в 2015 г. он вышел на четвертое место в мире по экспорту телекоммуникационного оборудования — мобильных телефонов. Однако в перспективе к 2036 г. 75% рабочих мест в электронной промышленности Вьетнама могут быть ликвидированы¹⁸. Прорыв в развитии автоматизации представляет собой настоящую угрозу для 5 стран АСЕАН.

ТАБЛИЦА 1. Филиппины: рабочие места с высоким и низким риском замены автоматизацией к 2036 г. (%)

	Число занятых, 2015 г. (тыс.)	Риск автоматизации, %
<i>Высокий риск замены рабочих мест в результате автоматизации</i>		
Сельскохозяйственные работники по найму	5889	89
Продавцы в магазинах	2154	76
Торговцы на рынке и с уличных лотков	898	92
Строительные рабочие, неквал.	869	80
Рыбаки	580	83
Официанты и бармены	574	84
Плотники	525	72
Прачки и гладильщицы	485	81
Уборщики в офисах и в отелях	463	71
Служащие на ресепшен в отелях и в справочных службах	463	78
<i>Низкий риск автоматизации</i>		
Старшие менеджеры в оптовой и розничной торговле	2424	16,0
Учителя начальной школы	540	8,7
Старшие менеджеры в обрабатывающей промышленности	471	14,0
Старшие менеджеры в бизнес-услугах (БПО)	312	13,0
Старшие менеджеры в ресторанах и отелях	278	4,0
Традиционная верхушка и главы сельских общин	243	2,0
Учителя средних школ	236	7,1
Медсестры	191	3,7
Офицеры полиции	140	22,4
<i>Риск автоматизации по отраслям (% от общего числа занятых)</i>		
Все отрасли		48,9
Сельское хозяйство, рыболовство, лесоводство		59,4
Горнодобывающая промышленность		6,2
Обрабатывающая промышленность		46,2
Производство компьютеров и электронная промышленность		80,0
Швейная промышленность		68,0
Строительство		86,2
Оптовая и розничная торговля, продажа и ремонт автомобилей		57,5
Гостиницы и рестораны		67,8
ИКТ		43,0
БПО/ колл-центры		89,0
Образование		8,7
Здравоохранение		18,7

Источник: ASEAN in Transformation: the future of jobs at risk of automation // www.ilo.org/public/english/dialogue/actemp/downloads/publications/2016/asean_in_transf_2016_r2_future.pdf, p. 32, 30, 17, 19.

По каждой из 5 стран приведены подробные данные по профессиональным категориям занятых, по 10 группам профессиональных категорий, в зависимости от численности лиц, принадлежащих к этим группам, — с наибольшим риском потери рабочих мест в результате автоматизации и с наименьшим риском.

На примере Филиппин видно, что из профессиональных категорий наиболее затронутыми окажутся наемные сельскохозяйственные работники — их было в 2015 г. 5,9 млн человек; и 89% рабочих мест к 2036 г. — под угрозой. А дальше в группе риска идут продавцы в магазинах (2,15 млн; 76% рабочих мест из этой категории может быть сокращено), торговцы на рынке и с уличных лотков (900 тыс.; риск — 92%). Под угрозой увольнения — строительные рабочие; работники отелей и ресторанов: официанты и бармены, уборщики, служащие на ресепшен в отелях.

Всего в сельском хозяйстве риск оценивается в 59%, в торговле — 57,5%, строительстве — в 86%, в гостиничном хозяйстве и общественном питании — в 67,8%, в услугах по аутсорсингу бизнес-процессов (в чем Филиппины добились немалых успехов) — 89%, в электронной промышленности (Филиппины — крупный экспортер электроники, товаров ИКТ) — 80%.

По Филиппинам можно рассмотреть и данные по профессиональным группам, для которых риск автоматизации невелик. Это — старшие менеджеры (general managers) (а то в России слово менеджер по продажам часто обозначает обычного продавца) — в торговле (их 2,4 млн!), в обрабатывающей промышленности, в бизнес-услугах, в отелях и ресторанах, может быть сокращено 16%, 14, 13 и 4% рабочих мест (в отелях и ресторанах, очевидно, они будут руководить роботами). Наиболее прочные позиции у традиционной верхушки (traditional chiefs) и глав сельских общин — лишь 1,5% из них рискует лишиться своего места. Отрадно лишь то, что невелик риск сокращений рабочих мест в результате автоматизации для учителей начальной и средней школы — 8,7% и 7,1% (см. табл. 1). Хотя существуют обучающие электронные программы, обучающие роботы (типа коммуникативного робота Пеппер), для того чтобы справиться с детьми и подростками, нужны люди. Отрадно, что это признано в прогнозе и для других 4 стран ЮВА — потому что прогнозы влияют на стратегии, стратегии определяют финансирование той или иной сферы, и при чрезмерном уповании на

технологии и сокращении числа учителей ситуация в сфере образования может сложиться катастрофическая.

В Камбодже по отраслям наибольшим является риск от автоматизации для строительства (88,6%), швейной промышленности (88% — а порядка 90% экспорта Камбоджи составляют различные виды одежды и текстильных изделий), торговли. Среди профессиональных групп больше всего пострадают от автоматизации мелкие торговцы.

ТАБЛИЦА 2. Камбоджа: рабочие места с высоким риском замены автоматизацией к 2036 г. (%)

	Число занятых, 2015 г. (тыс.)	Риск автоматизации, 2036 г., %
<i>Высокий риск замены рабочих мест в результате автоматизации</i>		
Торговцы на рынке и с уличных лотков	999	94
Сельскохозяйственные рабочие	616	87
Швеи	447	89
Производители продукции животноводства	263	76
Строительные рабочие, неквалифицированные	243	80
Пекари и кондитеры	92	89
Уличные торговцы едой	90	90
Каменщики	79	82
Работники лесного хозяйства, неквалифицированные	70	79
Портные	68	84
<i>Риск автоматизации по отраслям (% от общего числа занятых)</i>		
Все отрасли		56,8
Сельское хозяйство, рыболовство, лесоводство		45,9
Горнодобывающая промышленность		43,5
Обрабатывающая промышленность		75,3
Швейная промышленность		88,0
Строительство		88,6
Оптовая и розничная торговля, продажа и ремонт автомобилей		80,5
Гостиницы и рестораны		73,3
ИКТ		53,7
Образование		3,6
Здравоохранение		10,8

Источник: ASEAN in Transformation: the future of jobs at risk of automation. // www.ilo.org/public/english/dialogue/actemp/downloads/publications/2016/asean_in_transf_2016_r2_future.pdf, p. 32, 30, 17, 19.

В Камбодже в 2015 г. насчитывалось 999 тыс. торговцев на рынках и с уличных лотков, еще 90 тыс. уличных торговцев готовой едой (это ведь целый ритуал в Азии). К 2036 г., по прогнозу МОТ, 94% торговцев на рынках и с уличных лотков и 90% уличных торговцев едой в Камбодже заменят роботы или автоматы. Среди пострадавших от автоматизации весьма многочисленными могут стать занятые в сельском хозяйстве, они в докладе МОТ разделены по каждой стране на разные категории.

ТАБЛИЦА 3. Индонезия: рабочие места с высоким риском замены автоматизацией к 2036 г. (%)

	Число занятых, 2015 г. (тыс.)	Риск автоматизации, 2036 г., %
<i>Высокий риск замены рабочих мест в результате автоматизации</i>		
Торговцы на рынке и с уличных лотков	14324	94
Садовники	9105	81
Производители сель.хоз. продукции на продажу	5943	76
Работники, занятые в натуральном сельском хозяйстве и рыболовстве	2558	85
Строительные рабочие, неквал.	2133	80
Уличные торговцы едой	1892	90
Продавцы в магазинах	1771	76
Прочий офисный персонал	1652	93
Каменщики	1476	84
Портные	1119	84
<i>Риск автоматизации по отраслям (% от общего числа занятых)</i>		
Все отрасли		56,2
Сельское хозяйство, рыболовство, лесоводство		50,0
Горнодобывающая промышленность		14,2
Обрабатывающая промышленность		55,7
Производство компьютеров и электронная промышленность		64,0
Швейная промышленность		62,0
Строительство		80,8
Оптовая и розничная торговля, продажа и ремонт автомобилей		91,1
Гостиницы и рестораны		77,9
ИКТ		53,8
Образование		9,2
Здравоохранение		23,4

Источник: ASEAN in Transformation: the future of jobs at risk of automation // www.ilo.org/public/english/dialogue/actemp/downloads/publications/2016/asean_in_transf_2016_r2_future.pdf, p. 32, 30, 17, 19.

Индонезия — одна из самых крупных стран мира по численности населения. Угроза потери рабочих мест из-за автоматизации к 2036 г. в ней оценивается экспертами МОТ в 56%, в том числе в торговле — в 91%, в строительстве — 62%, в общественном питании и гостиницах — 77,9% (а ведь Индонезия интенсивно развивает туризм).

По профессиональным категориям больше всего пострадают от автоматизации торговцы на рынке и с уличных лотков (их в 2015 г. было 14,3 млн), 93% рабочих мест будет сокращено, еще уличные торговцы едой (их 1,9 млн, риск — 90%), а также продавцы в магазинах (1,8 млн, риск для этой группы меньше — 76%). Всего же только к этим трем категориям занятых в торговле относилось в 2015 г. 18 млн человек, из них лишатся работы порядка 90%, а это более 16 млн человек (см. табл. 3).

Вторая же очень многочисленная категория, которая пострадает от автоматизации в Индонезии, — это работники сельского хозяйства, среди которых представлены садовники (9,1 млн человек, риск — 81%), производители сельхозпродукции на продажу (5,9 млн; 76%) и работники занятые в натуральном сельском хозяйстве и рыболовстве (их было 2,6 млн, риск автоматизации — 85%), всего на эти две категории приходилось 17,6 млн человек, от 76 до 85% из них, порядка 16 млн рабочих мест будет ликвидировано. Третья многочисленная группа — строительные рабочие, среди которых выделены неквалифицированные строительные рабочие (2,1 млн человек; 80%) и каменщики (84%).

Общая картина по трем рассмотренным странам — Филиппинам, Камбодже и Индонезии — такова: по прогнозу МОТ, возможности занятости в экспорториентированном производстве, ставшем «драйвером» экономического роста (швейная, электронная промышленность, аутсорсинг бизнес-процессов), и даже в обслуживании туристов сократятся, а при этом еще и будут вытеснены автоматизацией работники сельского хозяйства и торговли, и наемные, и самозанятые. Автоматизация будет распространяться в электронной, швейной промышленности Камбоджи, Филиппин, Индонезии. Но наиболее массовые потери рабочих мест от автоматизации к 2036 г., — у работников сельского хозяйства и торговли, среди последних — в первую очередь мелких торговцев (более 16 млн человек в одной только Индонезии).

И тут вспоминается монография сектора социальных проблем «Низшие городские слои...», 1985 года. В ней дана такая характеристика мелких торговцев: «Типичный представитель низших социальных слоев города в странах Востока, неотъемлемый элемент городского ландшафта — мелкий торговец». Многочисленность торговцев, как отмечал А.И. Левковский, «бросается в глаза на любой городской улице Востока. Если посмотреть на социально-профессиональный состав толпы, то в ее пестроты отчетливо различим “рой” мелких торговцев, разносчиков...»¹⁹. Замечу, что это характерно и для крупных африканских городов, в частности, Дакара.

В монографии говорилось и о социальной значимости мелкой торговли. «Колоссальное разбухание сферы мелкой торговли и обслуживания в странах Востока связано с тем, что эта сфера представляет собой в определенной мере отстойник, резервуар для относительно избыточного населения, численность которого возрастает в связи с аграрным перенаселением, порождающим гиперурбанизацию, огромный приток населения в города, в условиях демографического взрыва. Современные крупные промышленные предприятия, особенно филиалы ТНК, применяющие капиталоемкую технологию и испытывающие потребность в привлечении квалифицированной рабочей силы, создают весьма ограниченный спрос на неквалифицированную рабочую силу, выталкиваемую на рынок труда деревней, низшими укладами. Эта избыточная рабочая сила и оседает в мелкой торговле, в услугах, причем занятость в этих сферах нередко бывает неполной или даже мнимой»²⁰.

«Мелкие торговцы выполняют важные экономические функции. Они осуществляют снабжение низших слоев населения городов стран Востока товарами первой необходимости, и прежде всего продовольствием». Однако «социальная значимость сферы мелкой торговли превосходит ее экономическое значение». «Численность и удельный вес мелких торговцев в самодельном населении зависят от остроты проблемы занятости»²¹.

Важная черта — «многоликость, неоднородность мелких торговцев восточного города, наличие среди них определенной иерархии, представляющей собой своего рода лестницу с огромным количеством ступней и боковых ходов». Понятие «мелкий торговец» может обозначать «и процветающего лавочника и бедняка, за весь день про-

дающего несколько коробков спичек»²². «Мелкие уличные торговцы, в том числе и те, кто продает свои товары на стихийных неорганизованных рынках, наиболее обездоленная и бесправная категория мелких торговцев»²³. Рыночные торговцы, имеющие постоянное место, занимают более высокое место в иерархии.

Из социальной значимости мелкой торговли происходит и немалая значимость занятых в этой сфере в социально-политических процессах. «Рынок, базар, вокруг которого сконцентрированы мелкие лавки, мастерские — один из центральных и неотъемлемых элементов традиционной структуры восточного города. На восточных базарах сохраняют важное значение элементы традиционной организации, например гильдии (синфы) на базарах иранских городов — Тегерана, Кермана, Йезда»²⁴.

Как отмечал уже в 2018 г. А.В. Акимов, «в модели модернизации, которая вывела многие страны Восточной, Юго-Восточной, Западной Азии и Латинской Америки в разряд новых индустриальных, велика роль обрабатывающей промышленности, дающей доход, рабочие места, новый образ жизни и социальные лифты. Если этот элемент социально-экономического развития отсутствует, то традиционный город склонен к политическому протесту. Исламская революция в Иране, активной силой которой был базар, “арабская весна” и многие другие протестные движения разгорелись именно в городской среде, отлученной от индустриализации»²⁵. А.В. Акимов цитирует ираниста А.К. Лукоянова: «Основной движущей силой “исламской революции” Р. Хомейни считал малоимущие религиозно настроенные массы и всегда подчеркнуто уважительно отзывался о “людях базара” — мелких и средних торговцах, финансировавших “божественное движение”, без которых, по его мнению, революция потерпела бы поражение»²⁶.

Итак, в результате автоматизации могут параллельно сократиться возможности занятости и в ориентированных на экспорт трудоемких производствах промышленности, ИТ-услуг, и в сельском хозяйстве, и в сфере мелкой торговли, услуг? Закономерно встает вопрос: а что же будет с этими колоссальными массами незанятого населения, которое не сможет рассчитывать даже на полуфиктивную занятость, приносящую хотя бы низкий доход?

С чисто технической точки зрения автоматизация мелкой торговли, кстати, совсем не требует каких-то прорывных инноваций — та-

кие технологии есть, и давно, можно просто расставить уже существующие торговые автоматы на улицах (и на рынках?). Впрочем, тут технологические решения подсказывают действия властей некоторых российских городов — рынки можно просто закрыть, а вместо них на их месте поставить крупные торгово-развлекательные комплексы с кинотеатрами на 5-м этаже (правда, автоматов в них пока почти нет).

Прорывные технологии для замены мелких торговцев не слишком нужны. Рынки пытаются заменить гипермаркетами (которые в Африке часто не слишком доступны для тех, у кого нет автомобиля). А рынок в Азии или в Африке — это целая общественная структура. Заменят ли мелких торговцев роботы? Или этих торговцев станет только больше из-за ликвидации рабочих мест на сборочных производствах, вытеснения рабочей силы из сельского хозяйства? Ринутся ли массы голодных и обездоленных на север, в развитые страны (такие прогнозы есть)? Или же выходом (но весьма сложно достижимым для бедных стран) станет БОД (базовый общедоступный доход)? И чему он будет равен (в РФ предлагалась цифра в 15 тыс. рублей)?

Итак, для анализа сложных современных процессов и вариантов будущего воздействия новых трудосберегающих технологий на рынок рабочей силы стран Востока, на социальное и социально-политическое развитие этих стран оказался весьма актуальным ряд положений трудов Отдела общих проблем 1980-х годов.

¹ Цветкова Н.Н. Работы А.И. Левковского и социально-экономические процессы в условиях глобализации // Восточный социум. Памяти А.И. Левковского / Отв. ред. Р.Г. Ланда, Н.Н. Цветкова. М.: ИВ РАН, 2007. С. 52.

² Цветкова Н.Н. Работы А.И. Левковского и социально-экономические процессы в условиях глобализации // Восточный социум. Памяти А.И. Левковского. ИВ РАН, 2007. С. 52.

³ Иностраный капитал и иностранное предпринимательство в странах Азии и Северной Африки / Отв. ред. А.И. Левковский. М.: Гл. вост. ред. изд. Наука, 1977; Государственный капитализм и социальная эволюция в странах зарубежного Востока / Отв. ред. А.И. Левковский. М.: Гл. вост. ред. изд. Наука, 1980; Нефабричный пролетариат и социальная эволюция стран зарубежного Востока / Отв. ред. А.И. Левковский. М.: Гл. вост. ред. изд. Наука, 1985; Буржуазия и социальная эволюция стран зарубежного Востока / Отв. ред. А.И. Левковский. М.: Гл. вост. ред. изд. Наука, 1985; Низшие городские слои и социальная эволюция стран Востока / Отв. ред. А.И. Левковский. М.: Гл. вост. ред. изд. Наука, 1986; Имущие слои города и социальная эволюция стран Востока. М., 1988; Социальный облик Востока / Отв. ред. Р.Г. Ланда. М.: Гл. вост. ред. изд. Наука, 1999.

⁴ Зарубежный Восток и современность. М., 1980. Т. 1. С. 158.; Буржуазия и социальная эволюция стран зарубежного Востока. М., 1985. С. 210, 214, 233.

- ⁵ Цветкова Н.Н. ТНК в странах Востока: 2000–2010 гг. М.: ИВ РАН, 2011. С. 139.
- ⁶ См. подр.: Нефабричный пролетариат и социальная эволюция стран Зарубежного Востока. М., 1985. С. 45–66; Цветкова Н.Н. Международные монополии и социальная эволюция в развивающихся странах Азии. М., 1983. С. 54–56, 71–77.
- ⁷ Нефабричный пролетариат... С. 47–48.
- ⁸ Нефабричный пролетариат... С. 46.
- ⁹ Small Industry Bulletin for Asia and the Far East. N.Y., 1981. № 17. P. 171.
- ¹⁰ Нефабричный пролетариат... С. 48.
- ¹¹ Нефабричный пролетариат... С. 49.
- ¹² Нефабричный пролетариат... С. 50.
- ¹³ Акимов А.В. Трудосберегающие технологии и общественное развитие в XXI веке // Восток (Oriens). 2015. № 1. С. 87–96; ASEAN in Transformation: the future of jobs at risk of automation // www.ilo.org/public/english/dialogue/actemp/downloads/publications/2016/asean_in_transf_2016_r2_future.pdf (10.06.2017); Frey C., Osborne M. The Future of Employment: How susceptible are jobs to computerization. University of Oxford, 2013 (цит. по: ASEAN in Transformation, 2016).
- ¹⁴ Акимов А.В. Трудосберегающие технологии и общественное развитие в XXI веке // Восток (Oriens). 2015. № 1. С. 87–96.
- ¹⁵ Цит. по: ASEAN. 2016. P. 6.
- ¹⁶ ASEAN. 2016. P. 6, 20, 22, 25.
- ¹⁷ См.: Цветкова Н.Н. Афро-азиатские страны: новые тенденции в глобализации и трудосберегающие технологии // Восток (Oriens). 2017. № 6. С. 88–104.
- ¹⁸ ASEAN. 2016. P. 16, 18, 19.
- ¹⁹ Левковский А.И. Проблемы изучения низших городских укладов и связанных с ними классовых сил в странах Востока // Мелкое производство города в Азии и Африке (проблемы развития мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов и связанных с ними слоев). М., 1974. С. 22.
- ²⁰ Низшие городские слои... С. 63.
- ²¹ Низшие городские слои... С. 59, 60.
- ²² Низшие городские слои... С. 69.
- ²³ Низшие городские слои... С. 77.
- ²⁴ Низшие городские слои... С. 66.
- ²⁵ Акимов А.В. Новые трудосберегающие технологии: востоковеды обсуждают будущее // Восток (Oriens). 2018. № 2. С. 142–150.
- ²⁶ Лукоянов А.К. Исламская революция. Иран — опыт первый. 1979–2009. М., 2009. С. 102. Цит. по: Акимов А.В. Новые трудосберегающие технологии: востоковеды обсуждают будущее // Восток (Oriens). 2018. № 2.

Современные социально-экономические проблемы

Александров Ю.Г.

Человек как «вторая нефть»: Россия, Белоруссия, Казахстан

В статье рассматриваются некоторые аспекты стратегии государств с переходной экономикой по стимулированию населения к общественно полезной трудовой деятельности с одновременным исполнением своих конституционных обязанностей. Тема раскрывается на примерах трех государств со значительной национальной спецификой. Это Россия, Белоруссия и Казахстан.

Ключевые слова: переходные общества (экономики), экономический рост, социальная политика, государственный бюджет, «серая» экономика

Некоторое время назад в России в ходе дискуссий вокруг «экономики знаний» приобрело популярность выражение «люди — это наша вторая нефть». Но практически сразу оно получило еще и другое звучание. Оказалось, что в политике постсоциалистических государств в нее вкладываются разные смыслы. Первый — изначальный либо близкий к нему. Это когда речь идет о задачах с упором на научно-технологический прогресс, ассоциируемый с XXI в. Или требующих активного участия трудящихся в программах экономического роста. Второй — уже другой. Здесь в центре оказалась фискальная тема. Человек рассматривается с точки зрения нужд государственного бюджета

та. С одной стороны, как налогоплательщик — для заделывания дыр при низких экспортных доходах. С другой, он объект экономии на трудовых пенсиях и социальных расходах государства. По большому счету в этом отразился конфликт между новой рациональностью переходных экономик и унаследованными от прошлого коммунистическими принципами социальной политики. Но в разных странах эта проблема имеет свою специфику. В статье она рассматривается на примерах России, Белоруссии и Казахстана.

Трудящиеся в советском законодательстве

Прежде чем перейти к конкретным различиям в социальной политике этих трех стран надо коротко проследить путь, которые они проделали от советской коммунистической идеологии и практики. В Советском Союзе их политика как союзных республик определялась Конституцией СССР и вытекавшими из нее законодательными актами. Советская Конституция являла собой определенный социально-политический договор между партийно-государственной «номенклатурой» и «народом» (сословий рабочего класса, колхозного крестьянства и служащих). Он опирался на тотальное государственное принуждение населения к установленному для него экономическому поведению, образу жизни и мыслей, но также налагал обязательства на обе стороны. Государство должно было обеспечивать гарантированную полную (то есть всеобщую) занятость (Конституция СССР 1977 г., ст. 40) и «неуклонное» повышение реальных доходов трудящихся. Однако так, чтобы одновременно возрастала социальная однородность общества. Для этого государство присвоило себе исключительное право определять сферы «трудовых» и «нетрудовых» доходов (ст. 13), осуществлять «контроль над мерой труда и потребления» и обеспечивать «справедливое распределение общественных фондов потребления» (ст. 14). Текущие денежные доходы семьи рабочих и служащих примерно на три четверти формировались за счет заработной платы в государственном секторе. Остальное приходилось на «общественные фонды потребления»: бесплатное образование и здравоохранение, пенсии, стипендии, пособия и другие выплаты, субсидии и льготы. К этому надо прибавить государственные ассиг-

нования на строительство жилья, школ, культурно-бытовых и медицинских учреждений. Граждане, со своей стороны, были не вправе использовать социалистическую собственность и даже личное имущество «в целях личной наживы» и извлечения «нетрудовых доходов» (ст. 10, 13), а индивидуальная трудовая деятельность могла основываться «исключительно на личном труде граждан и членов их семей» (ст. 17). Наряду с правом на труд все граждане были обязаны трудиться (ст. 60), и только в сфере «трудовых» доходов¹. В законодательстве СССР это привело к уголовному преследованию граждан за «тунеядство». То есть «длительное проживание совершеннолетнего трудоспособного лица на нетрудовые доходы с уклонением от общественно полезного труда»². Ключевое слово здесь — «нетрудовые доходы».

Таким образом, в СССР хозяйственные задачи подчинялись целям социальной инженерии — стремлению сделать индустриальный рост условием создания «материально-технической базы коммунизма» и равномерного подъема благосостояния народа. Все упиралось только в способность государства выполнять свою часть обязательств, а также готовность граждан — свою. И, как известно, в конечном итоге «уперлось» и в то, и другое.

Постсоветское законодательство

Тотальный отказ социалистических стран от коммунистического проекта по Марксу — Ленину привел к ревизии ими прежних принципов и основ жизни общества, включая формы собственности, экономику, социальную организацию, отношения между государством, работодателями и трудящимися. Но при этом обнаружились противоречия между инерционной по факту и коммунистической по сути социальной политикой государства и новыми экономическими реалиями. Движение в рыночную экономику с ее конкуренцией, механизмами мобилизации и вознаграждения труда подорвало основы политики «всеобщей» занятости вместе с тоже всеобщей обязанностью граждан трудиться только в сфере занятий и доходов, допускаемых принципами социализма. На смену им пришло понятие «полная занятость» — уже как идеальный ориентир для экономической и социальной практики. В то же время но-

вые условия вступили в противоречие с унаследованными из советского прошлого принципами и инструментами социальной политики — той самой, которая была ориентирована на неуклонное повышение роли общественных фондов уравнительного потребления по сравнению с денежными доходами населения.

В итоге возник конфликт, типичный для переходных обществ. Их социальный организм оказался балансирующим на почве двух укладов: формирующейся рыночной экономики и инерционной коммунистической социальной практики. Положение усугубилось структурной перестройкой и кризисами экономики при заложенной еще социализмом неспособности массы населения оплачивать общественные услуги по экономически обоснованным новым ценам. Возникла и стала быстро расширяться «серая» экономика — как зона выживания массы людей из бывшей сферы «всеобщей» социалистической занятости. Тем более, в перманентно кризисной обстановке переходного периода. С особой силой это проявилось в тех странах, которые до того дальше всех продвинулись в создании материально-технической и социальной базы индустриального «зрелого» социализма с прицелом на коммунизм — то есть, именно России, Белоруссии и Казахстана. При этом, естественно, в таком виде, который диктуется национальными особенностями каждой из этих них. Так, в Белоруссии по определенным причинам сделали особый упор на противоречие между стремлением немалой части населения пользоваться бесплатными или льготными общественными благами, уклоняясь от налогообложения. Этой проблеме придается большое значение и в двух других странах. В России тоже власть все больше интересуется населением, занятым в «серой» экономике (особенно в третичном секторе), как источником налоговых поступлений. Но, все-таки, не в такой степени. Недобор налогов смягчается на макроэкономическом уровне выгодами от массового использования в сфере производства и услуг дешевой рабочей силы трудовых мигрантов. А в Казахстане вообще, в отличие от этого, на первом месте оказалась задача вовлечения в сферу экономической и социальной модернизации общества низкопроизводительного «самозанятого» населения.

Учитывая различия между взятыми для примера странами, целесообразно конкретнее рассмотреть особенности каждой из них — с тем, чтобы в итоге выявить какие-то общие черты политики пост-

социалистических стран при переходе от «всеобщей» занятости и коммунистических фондов потребления к каким-то другим формам социальной организации общества. В государствах — выходцах из СССР (России, Белоруссии, Казахстане) переход к новой социальной политике приобрел принципиальную схожесть. Изначально это нашло отражение в их новом конституционном законодательстве.

По Конституции РФ 1993 г.³ Россия — демократическое правовое социальное государство (ст. 1,7). Вместо прежних коммунистических принципов («полной занятости», всеобщей обязанности трудиться, «трудовых» и «нетрудовых» доходов и т.п.) появились другие, социал-демократические, установления: гарантированный минимальный размер оплаты труда, социальная поддержка населения, государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты граждан (ст. 7). Признание и защита частной, государственной, муниципальной, иных формы собственности (ст. 8). Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы. Признается право на индивидуальные и коллективные трудовые споры с использованием установленных федеральным законом способов их разрешения, включая право на забастовку (ст. 37). Гарантии социального обеспечения по возрасту, болезни, инвалидности и т. д., Поощрение добровольного социального страхования и благотворительности (ст. 39). Право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно (ст. 41). Гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях. Право на конкурсной основе на бесплатное высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии. Обязательное основное общее образование (ст. 43). Одновременно каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы (ст. 57).

В принципе то же в — Конституции Белоруссии⁴. В ее социальных статьях гарантируются равная защита и равные условия для всех форм собственности (ст. 13). Отношения в социально-трудовой сфере между органами государственного управления, объединениями нанимателей и профессиональными союзами строятся на принципах социального партнерства и взаимодействия сторон (ст. 14). Право на труд, выбор профессии, рода занятий и работы, гарантии для безработных. Право на объединение в профессиональные союзы, заключение коллективных договоров и на забастовку. Наемным работникам гарантируется справедливая доля вознаграждения труда не ниже уровня, обеспечивающего им и их семьям свободное и достойное существование (ст. 41). Право на охрану здоровья, включая бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения (ст. 45). На социальное обеспечение в старости, в случае болезни, инвалидности, утраты трудоспособности, потери кормильца и в других случаях, предусмотренных законом (ст. 47). Доступность и бесплатность общего среднего и профессионально-технического образования. Среднее специальное и высшее образование доступно для всех на конкурсной основе бесплатно в государственных учебных заведениях (ст. 49).

Конституция Казахстана⁵ утверждает его «демократическим, светским, правовым и социальным государством» (ст. 1). Признаются и защищаются государственная и частная собственность (ст. 6). Право на свободу труда, свободный выбор рода деятельности и профессии, вознаграждение за труд, социальную защиту от безработицы. Право на индивидуальные и коллективные трудовые споры, включая право на забастовку (ст. 24). Гарантируются минимальный размер заработной платы и пенсии, социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца и по иным законным основаниям (ст. 28), право на охрану здоровья, право получать бесплатно гарантированный объем медицинской помощи, установленный законом (ст. 29), бесплатное среднее образование в государственных учебных заведениях. Среднее образование обязательно. Предоставлено право на получение на конкурсной основе бесплатного высшего образования в государственном высшем учебном заведении (ст. 30). Вместе с тем уплата законно установленных налогов, сборов и иных обязательных платежей является долгом и обязанностью каждого (ст. 35).

Во всех трех государствах изначально был сохранен установленный в СССР пенсионный возраст: 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин.

* * *

После принятия этими бывшими союзными республиками новых конституций в каждой из них определилось основное содержание проблемы переходного периода. А именно, переход от коммунистических принципов социального государства (всеобщности и равенства) к социал-демократическим принципам — с упором на поддержку слабых⁶. Решение этой проблемы особо осложнилось с 2014 г. очередным падением мировых цен на нефть, а также обострением геополитического положения России — ядра интеграционных инициатив в постсоюзной Евразии. При этом, как было отмечено вначале, в практической социальной политике взятых для примера государств ярче выявились определенные, а то и существенные различия.

Приоритет фискальной политики

Самый яркий пример приоритета фискальных мотивов в социальной политике продемонстрировала *Белоруссия*. Начиная с 2014 г. ее экономика вошла в полосу ухудшения основных экономических показателей. При этом, что и до того они не демонстрировали устойчивости при общей тенденции к снижению. Прежде всего — в зависимости от цен на сырьевые товары и, в частности, на важный товар белорусского экспорта — калийные удобрения. Если до 2014 г. валовой продукт страны демонстрировал положительную динамику хотя бы в пределах статистической ошибки (1–1,5%), то после он стал отрицательным (минус 2 – минус 4%). Инвестиции в основной капитал уменьшились (% к предыдущему году): 2014 г. — 94,2%; 2015 г. — до 82,5%; 2016 г. — 82,1%. Внешнеторговый оборот снизился с 92,5 млрд долл. США в 2012 г. до 46,0 млрд в 2015 г. Но в 2016 г. он неожиданно резко увеличился — до 132,9 млрд долл. Такой «подарок» благодаря неожиданно высокому подъему мировых цен на товары традиционного белорусского сырьевого экспорта, позволил (как будет показано ниже) президенту Лукашенко несколько ослабить нача-

тый в 2015 г. фискальный натиск на тех граждан, которые предпочитали оставаться в «серой» зоне экономики. Тем более, что с 2014 г. началось (за исключением 2016 г.) существенное снижение средней заработной платы и трудовых пенсий⁷.

Белорусское руководство длительное время избегало непопулярных реформ пенсионного законодательства. Но в 2016 г. (Указ. № 137 от 11.04.2016 г. «О совершенствовании пенсионного обеспечения») было установлено, что в течение 2017–2022 гг. минимальный возраст для назначения трудовой пенсии должен ежегодно увеличиваться на 6 месяцев. Так, чтобы к началу 2022 г. достичь 58 лет для женщин и 63 года для мужчин⁸. Но главной мишенью фискальной политики стали «социальные иждивенцы».

Президент Республики Беларусь А. Лукашенко 2 апреля 2015 г. подписал Декрет «О предупреждении социального иждивенчества». Он был издан «в целях предупреждения социального иждивенчества, стимулирования трудоспособных граждан к трудовой деятельности, обеспечения исполнения конституционной обязанности граждан по участию в финансировании государственных расходов». Это должно было обеспечиваться путем уплаты налогов, пошлин и иных платежей в соответствии с Конституцией республики. Граждане в случае их неучастия в финансировании государственных расходов признавались (п.1) «плательщиками сбора на финансирование государственных расходов». Неуплата или неполная уплата сбора (п. 14) влекли штраф в размере от двух до четырех базовых величин или административный арест⁹. Но ключевым элементом этой конструкции, конечно, стало словосочетание «социальное иждивенчество» — то есть, попросту, «тунеядство». Однако через три неполных года (25 января 2018 г.) президент издал новый декрет: теперь уже не о «предупреждении иждивенчества», а о «содействии занятости» населения¹⁰. В нем основная идея подавалась в более мягкой форме: мер содействия занятости населения и «ресоциализации лиц, ведущих асоциальный образ жизни». Наряду с постановкой общих задач по стимулированию и поддержке в стране занятости и самозанятости был применен иной, чем прежде, подход к гражданам — прямым объектам новой политики. С 1 января 2019 г. трудоспособные граждане, не занятые в экономике, обязывались (п. 5) оплачивать общественные услуги по ценам и тарифам, «обеспечивающим полное возмещение экономиче-

ски обоснованных затрат на их оказание». Предоставление трудоспособным гражданам, не занятым в экономике, «безналичных жилищных субсидий» (то есть льгот — ЮА) на оплату услуг ЖКХ и государственной поддержки при собственном жилищном строительстве подлежало ограничению. При этом был отменен введенный в 2015 г. денежный сбор, а уже выплаченные государству средства подлежали возврату гражданам.

Такое развитие событий имеет определенную историю. По материалам обзора, подготовленного Западной редакцией Информационного агентства Eurasia-Daily (03.05.2018), к ноябрю 2014 г. белорусские чиновники нашли формальный способ обойти положения Конституции страны, в которой нет статей, обязывающих граждан работать, а также международные акты, которые запрещают использование принудительного труда. Было предложено ввести административную ответственность граждан за уклонение от финансирования государственных расходов. Официально это обосновывалось тем, что «сегодня в законодательстве нет норм, дающих основу для работы с тунеядцами. Но они прописаны в Конституции». Таким образом, базой для будущего Декрета №3 стала ст. 56 Конституции Белоруссии, в которой указано, что «граждане обязаны принимать участие в финансировании государственных расходов путем уплаты государственных налогов, пошлин и иных платежей». К числу «тунеядцев» были официально отнесены более 400 тыс. человек. Но при этом оказалось, что из общего количества «незанятых в экономике трудоспособных граждан» более 200 тысяч — лица, не имеющие, но активно ищущие работу. Еще 125 тысяч не смогли объяснить причину своей незанятости, и лишь около 70 тысяч были отнесены к лицам, «не имеющим возможности, необходимости или желания работать». В итоге уведомления налоговой инспекции о необходимости до 20 февраля 2017 г. уплатить «налог на тунеядство», получили около 470 тысяч белорусов. Все это вызвало массовое возмущение. В феврале и марте 2017 г. прошли многочисленные акции протеста. В «Марше рассерженных белорусов» 17 февраля в Минске участвовали около двух тысяч человек. Аналогичные «марши нетунеядцев» прошли и во многих других городах республики. Пик напряжения был достигнут к концу марта, когда власти устроили жесткий разгон демонстрантов во время так называемого «Дня воли» 25 марта. Власти за очень ко-

роткое время разогнали митинги и демонстрации, задержав при этом более 700 человек¹¹.

Но все же итогом стал приведенный выше президентский декрет № 1. Оправдывая действия власти задним числом, сам А. Лукашенко сказал, что в списки «тунеядцев» должны были попасть только бездельники, «которых надо заставить работать». «А честных людей не надо было трогать вообще. Мы не должны обижать людей, особенно в это время. И те, кто сегодня по 200–500 человек выходят на улицы и начинают кричать, это ведь не те тунеядцы, которые действительно тунеядцы. Это в основном те люди, которые обижены, которым мы ни с того ни с сего послали эти извещения»¹². На совещании 3 мая он подчеркнул (цитирует агентство БЕЛТА): «Бюджет служит целям социальной политики. Налоги должны максимально возвращаться в общество через медицину, образование, заработные платы бюджетникам, поддержку наиболее уязвимых слоев населения»¹³. При этом власти разъяснили, как будет реализовываться новый декрет. В августе 2017 г. министр труда и соцзащиты И. Костевич заявила, что тех, кто не работает, будут отслеживать при помощи Белорусской интегрированной сервисно-расчетной системы — ID-карты. Затем в январе 2018 г. председатель Постоянной комиссии по труду и социальным вопросам Палаты представителей Т. Красовская рассказала, что в республике должна быть создана единая ежемесячно обновляемая информационная база граждан, не занятых в экономике¹⁴.

Таким путем государственная власть Белоруссии продемонстрировала свой подход к конфликту между финансовой политикой правительства и инерционным социальным поведением населения как граждан переходного общества.

В России социальная стратегия выстраивается в последнее время на базе оценки ближайших перспектив экономики и финансовых возможностей государства. Поэтому все меньше соперничают и, наоборот, все больше сближаются представления о пределах наследственной социальной политики. Даже при том, что официальный прогноз Минфина по бюджетной политике исходит из ожидания роста экономики. В основу федерального бюджета положен базовый сценарий прогноза среднесрочного экономического развития на 2018–2020 гг. Он предполагает постепенное увеличение темпов роста экономики в 2017–2020 гг. с 2,1 до 2,3%. Но и при том с 2017 г. (начальная точка

отсчета) он сводится с дефицитом, хотя и убывающим (с. 3). Расходы на социальные нужды в 2020 г. останутся ниже показателя 2017 г. (млрд руб.): в 2017 г. — 5 053,6 млрд руб.; в 2018 г. — 4 706,1 млрд руб.; в 2019 г. — 4 741,8 млрд руб.; в 2020 г. — 4 873,3 млрд руб.¹⁵. В 2017 г. финансирование стационарной медицинской помощи с учетом инфляции сократилось в 2,5 раза по сравнению с 2012 г.; на дошкольное образование в 2017 г. — на 47,7% по сравнению с 2016 г.¹⁶. Поэтому правительство начало активизировать фискальную тему. После очередных президентских выборов глава правительства Д. Медведев стал более определенно, чем прежде, высказываться о повышении возраста для трудовой пенсии. Выступая с отчетом о работе правительства в Госдуме 11 апреля, он говорил уже о таком решении, как о назревшем¹⁷. Об этом уже регулярно говорит только что назначенный председателем Счетной палаты А. Кудрин, апеллируя к низким темпам роста, к ежегодному сокращению работающего населения на 0,5–1,0 млн чел. и повышению продолжительности жизни граждан¹⁸.

Другой актуальной темой уже не впервые становится (как и в Белоруссии) налоговое обложение самозанятого населения. Недавно Минфин выдвинул предложение ввести отдельный налог на профессиональный доход для самозанятых граждан. Ставка налога может составить 3% для тех, кто оказывает услуги физическим лицам, и 6%, если услуги оказываются юридическим лицам. Такой налоговый режим должен действовать для самозанятых граждан с годовым доходом до 10 млн рублей. В пилотном режиме переход на налогообложение по предложенной схеме может начаться с 2019 г. в нескольких российских регионах. Платить налоги самозанятые смогут через мобильное приложение¹⁹.

Как пояснил «Коммерсантъ», по поручению В. Путина до 15 июля 2018 г. должна быть завершена работа по закреплению правового статуса самозанятых граждан. В настоящее время для трех категорий самозанятых (нянь и сиделок, репетиторов и домработниц) действует уведомительный порядок постановки на учет в налоговых органах. На 2017–2018 гг. они освобождены от уплаты НДФЛ. При этом, однако, по данным ФМС, на 1 апреля 2018 г. по всей России о себе в таком качестве заявили 1289 человек. По Росстату, в РФ бизнесом без регистрации заняты 2,3 млн чел., разброс экспертных оценок — от 13 млн до 22 млн²⁰.

Приоритет социальной мобилизации

Под такой критерий подпадает только один из взятых примеров — *Казахстан*. Хотя, конечно, налицо и принципиальная общность рассматриваемых проблем на базовом уровне.

Например, прежде чем перейти к курсу социальной мобилизации труда, президент РК Н. Назарбаев односторонне решил волевым путем уже обострившуюся во второй половине 1990-х гг. проблему трудовых пенсий. Начало реформе было положено законом от 1 января 1998 г. «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан», который ввел вместо государственной солидарной системы пенсионного обеспечения накопительную систему. Она стала формироваться на 3 уровнях: государственном, обязательном индивидуальном и добровольном. Это предусматривает наличие, соответственно: базовых пенсий, призванных обеспечить материальный минимум для всех граждан по достижении установленного пенсионного возраста; трудовых (страховых) пенсий — за счет накопления обязательных отчислений граждан; добровольных пенсий — за счет добровольных взносов работающих или их работодателей. Одновременно Законом было установлено повышение возраста выхода на пенсию с еще советских 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин до 63 лет и 58 лет, соответственно. Такой акт вызвал в свое время волну критики в казахстанском обществе. Поскольку к 1998 г. средняя ожидаемая продолжительность жизни казахстанских мужчин равнялась 58,5 лет (при 69,9 годах у женщин), новые пенсии получили в народе ироническое название «посмертных»²¹. Но государство решило таким путем несколько своих проблем. Доля пенсионеров во всем населении (%) сразу уменьшилась в 1998 г. с 18,6 до 13,9 и продолжала снижаться; к занятому населению — с 44,5% до 32,4%; число получателей пенсий (тыс. чел.) — с 2,917 до 1,988²².

Затем государственная власть в Казахстане (как и российская, а особенно белорусская) столкнулась с проблемой «серой» занятости. В отличие от них ее усложнение обусловлено не только конфликтом между сократившимися бюджетными доходами и пережиточной социальной системой. Все важнее становится задача вовлечения трудовых ресурсов в масштабные государственные экономические программы. По официальным данным на 2016 г., из 8.554,3 тыс. занятого

населения треть (32,0 %) работала вне организованной экономики. Их основная часть (24,3%) — самостоятельно занятые²³.

Но еще хуже выглядят оценочные данные о тех, кого вообще не фиксирует статистика легальной занятости. Мониторинг, проведенный Министерством труда в 2017 г., показал, что при официальной статистике безработицы чуть выше 4 %, в базах данных Минтруда оказалось около 5 млн трудоспособных граждан, которые не числятся официально безработными и в то же время не зарегистрированы где-либо работающими. Кроме того, насчитали почти миллион тех, кто имеет статус работающего, но не платит ни пенсионные взносы, ни социальные отчисления, ни индивидуальный подоходный налог, не имеет статуса индивидуальных предпринимателей и не входит в категорию получателей пособий. Эти люди фактически выпали как из системы занятости, так и из системы социальных гарантий. Они, вроде бы, где-то работают, но ничего государству не платят, но при этом ничего от него и не получают. Тех, кто работает вообще без заработной платы, — 940 тыс. человек, цитирует интернет-издание Open Kazakhstan вице-министра труда и социальной защиты населения РК С. Жакупову. — Эти люди «работают, получая заработную плату в конвертах, из нее не делают отчислений в фонд обязательного социального страхования, в пенсионный фонд». Что же касается упомянутых выше около 5 миллионов, как сообщили в министерстве, актуализированы данные 2, 5 млн чел. Многие из них ранее работали, но давно уволены, и чем теперь занимаются, неясно. «Кто-то занимается мелким бизнесом, например торговлей на рынке или частным извозом, однако в качестве предпринимателя нигде не зарегистрирован. 178 тысяч человек заявили себя индивидуальными предпринимателями, однако все они отсутствуют в базах данных Минфина как зарегистрировавшиеся либо уведомившие, либо оплатившие патент. То есть — они занимаются каким-то бизнесом, но также не платят налоги и не делают отчислений». «Осталось выяснить данные еще около 3 миллионов человек. Очевидно, они тоже имеют какой-то заработок. Кто-то таксует, кто-то торгует, кто-то выращивает скот, а кто-то — торгует наркотиками»²⁴. В отношении упомянутой выше оценки теневой занятости министр труда и социальной защиты населения Т. Дуйсенова уточнила, что за последние два года инспекторами труда выявлено свыше тысячи работодателей, которые использовали труд работников

без заключения трудовых договоров. Это преимущественно низко-квалифицированные работники, занятые в строительстве, торговле, общепите и сельском хозяйстве и в малом бизнесе. Из 2,1 млн актуализированных лиц определены около 1 млн занятых, но не отчисляющих пенсионные взносы. Выявлены 320 тыс. незарегистрированных безработных и 1,4 млн непродуктивно samozanyatykh²⁵.

Теневая занятость не только осложняет формирование социальной части государственного бюджета, но и, повторим, переориентацию трудовых ресурсов на участие в долгосрочных программах экономического развития. Из трех взятых для примера государств именно Казахстан столкнулся с такой проблемой, поскольку придал этим проектам приоритетное значение. Уже в Государственном плане форсированного индустриально-инновационного развития на 2010–2014 гг. (ГПФИИР) трудовым ресурсам было уделено особое внимание. Это меры и конкретные проекты развития и повышения качества системы производственного обучения, среднего, высшего и послевузовского профессионального образования с упором на приоритетные секторы экономики, активизация системы мобилизации трудовых ресурсов в регионах с их избытком. Одновременно подчеркнута необходимость сдерживать эмиграционные потоки и «утечку умов». Между тем, рабочая сила распределена по отраслям экономики и по территории страны очень неравномерно. Примерно три четверти ее находится в зоне низкой производительности труда. Причем, треть занята в сельском хозяйстве, где создается лишь двадцатая часть валового продукта страны. К тому же, в отрасли приблизился к трем четвертям процент трудящихся в крестьянских и семейных (бывших «приусадебных») хозяйствах с самой низкой производительностью труда. Около 20% занятых в экономике приходится на сектор торговли и индивидуальных услуг, в котором тоже очень велика доля самостоятельных работников с низкой производительностью труда.

Поэтому государственное руководство придает особое значение повышению мобильности трудовых ресурсов и созданию для населения стимулов к напряженному труду и повышению профессионального уровня. Именно это имел в виду президент РК Н. Назарбаев, когда 3 июля 2012 г. в обращении на Общенациональном телемосте ко Дню индустриализации потребовал от правительства активнее стимулировать внутреннюю трудовую миграцию. «По всему миру люди едут туда, где

есть работа, к нам едут соседи-гастарбайтеры, трудовые мигранты. А мы вот здесь, в Казахстане, создаем работу — не могут переехать!», — сказал президент²⁶. Эту же мысль он повторил позже в послании к народу «Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда». «Сегодня мы реализуем индустриально-инновационную программу. Это вопрос номер один для будущего страны, — написал он. — ...В других странах люди едут на заработки далеко за границу и без всяких гарантий. А мы создаем рабочие места, строим новое производство в своей собственной стране»²⁷.

В итоге можно заключить, что неконфликтное разрешение противоречия между новой рациональностью жизни и социальной инерцией может быть достигнуто через преодоление дуализма — неразвитых прямых и обратных связей анклавов экономического роста и периферии массовой маргинальной производительности труда и доходов. То есть здесь налицо феномен, обратный практике российского НЭПа 1920-х гг., когда динамичному потенциалу малых и средних форм рыночной экономики противостояли «командные высоты» бюрократического социалистического хозяйства — вроде «прославленного» Ильфом и Петровым государственного концерна «Геркулес».

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977. М., 1977. (Подробнее см.: Александров Ю.Г. Может ли Россия стать «Евразийским тигром». М.: ИВ РАН, 2007. С. 25–26).

² Туеядство // Словари и энциклопедии на Академике // dic.academic.ru/dic.nsf/rwwiki/193658 (08.05.2018).

³ Российская газета. 21.01.2009 // rg.ru/2009/01/21/konstitucia-dok.html (10.05.2018).

⁴ Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24.11.1996 и 17.10.2004) // www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus (11.05.2018).

⁵ Конституция Республики Казахстан. Акorda. Официальный сайт Президента Республики Казахстан // www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution; www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (15.05.2018).

⁶ «Мы поддерживаем рыночную экономику, но не рыночное общество», — заявили лидеры европейских социал-демократов Тони Блэр и Герхард Шредер (Блэр Т., Шредер Г. Европа: Третий путь — Новая середина. Социальная демократия перед лицом глобальных проблем / Отв. ред. Б. Орлов. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 89).

⁷ Основные социально-экономические показатели СНГ, 2012–2016 (предв.) // www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalld/homeDinamika.pokazateli?_afzLoop=9669140441579654#%40%3F_afzLoop%3D9669140441579654%26_adf.ctrl-state%3Dwqqks6y_58; myfin.by/wiki/term/uvelichenie-pensionnogo-vozrasta-v-belarusi-v-2017 (06.05.2018).

⁸ Увеличение пенсионного возраста в Беларуси в 2018 // myfin.by/wiki/term/uvelichenie-pensionnogo-vozrasta-v-belarusi-v-2017 (06.05.2018).

⁹ Декрет № 3 Президента Республики Беларусь 02.04.2015 «О предупреждении социального иждивенчества» // president.gov.by/uploads/documents/3decree.pdf (07.05.2018).

Возобновляемая энергетика в странах Азии и Северной Африки

В странах Азии и Северной Африки стремительно развивается энергетика на основе возобновляемых источников. Этот процесс в равной степени свойствен как нетто-импортерам энергии, так и ее нетто-экспортерам. На долю стран региона приходится львиная доля инвестиций в возобновляемую энергетику, и некоторые из них выдвинулись на передовые рубежи по уровню ее развития.

Ключевые слова: возобновляемые источники энергии, солнечная энергетика, ветряная энергетика, геотермальная энергетика, энергетические субсидии, топливно-энергетический баланс.

Мировая энергетика в целом и, в наибольшей степени, энергетика стран Азии и Северной Африки переживают быстрый рост доли возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в топливно-энергетических балансах, что стало возможным в первую очередь благодаря очень быстро выросшей их конкурентоспособности. Малые ГЭС и геотермальная энергетика уже конкурентоспособны, а солнечная и ветряная сравниваются по капитальным затратам с углеродной энергетикой примерно к 2025 г. и не будут требовать субсидирования¹. За период 2010–2015 гг. капитальные затраты в ветряной и солнечной энергетике снизились более чем вдвое и этот процесс, как минимум, не замедляется². Причиной повышения конкурентоспособности ВИЭ явилось также развитие и успешное внедрение технологий накопления энергии, что значительно упрочило рыночные позиции ВИЭ, для которых нерегулярность выработки являлась серьезным препятствием их дальнейшему росту. Продвижению ВИЭ способствовало также усиление финансового давления на угольные энергетические компании (особенно в Китае и Евросоюзе) через введение квот на выброс диоксида углерода, что явилось также серьезным прорывом в решении экологических проблем энергетике через рыночные механизмы.

¹⁰ Декрет № 1 Президента Республики Беларусь 25.01.2018 «О содействии занятости населения» // president.gov.by/uploads/documents/1dek.pdf (07.05.2018).

¹¹ Белорусские «тунейдцы»: власть берет общество под тотальный контроль // easaily.com/ru/news/2018/05/03/beloruskie-tuneyadcy-vlast-beryt-obshchestvo-pod-totalnyy-kontrol (18.05.2018).

¹² *Спасюк Е.* Вернут ли «тунейдцам» деньги, если Лукашенко уже обещал все отдать детям? // Белорусские новости. 09.03.2017 // naviny.by/article/20170309/1489066100-vernut-li-tuneyadcam-dengi-esli-lukashenko-uzhe-obeshchal-vsyo-otdat (18.05.2018).

¹³ Лукашенко: налоги должны максимально возвращаться в общество // naviny.by/new/20180503/1525336425-lukashenko-nalogi-dolzheny-maksimalno-vozvrashchatsya-v-obshchestvo (18.05.2018).

¹⁴ Белорусские «тунейдцы»: власть берет общество под тотальный контроль // easaily.com/ru/news/2018/05/03/beloruskie-tuneyadcy-vlast-beryt-obshchestvo-pod-totalnyy-kontrol (18.05.2018).

¹⁵ Бюджет для граждан. К федеральному закону о Федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов. Министерство финансов РФ. М. 2017 // www.minfin.ru/common/upload/library/2017/12/main/BDG_2018_FINAL.pdf (19.05.2018).

¹⁶ Потерянное десятилетие российского бюджета. Исследование РБК (09.12.2016) // www.rbc.ru/economics/09/12/2016/584824c89a79474012386691204545 (19.05.2018).

¹⁷ tass.ru/ekonomika/5114535 (19.05.2018).

¹⁸ ria.ru/society/20180329/1517569796.html (19.05.2018).

¹⁹ Минфин предлагает ввести налог на доход самозанятых // ТАСС. Экономика и бизнес. 03.05.2018 // tass.ru/ekonomika/5174654 (19.05.2018).

²⁰ *Вислогузов В., Мануйлова А.* Честное самозанятое. Минфин предлагает работающим в тени самим определять себе налоги // Коммерсант.ру. 04.05.2018 // www.kommersant.ru/doc/3619853 (19.05.2019).

²¹ Но в дальнейшем, по мере общего улучшения социально-демографических показателей продолжительность жизни увеличивалась: в 2016 г. у мужчин — 68,0, женщины — 76,6 (Казахстан в 2016 году. Статистический ежегодник. Казахстан Республикасы Ұлттық экономика министрлігі Статистика комитеті. Астана, 2017. с. 16 // www.stat.gov.kz (20.05.2018).

²² *Александров Ю.Г.* Казахстан перед барьером модернизации. М.: ИВ РАН, 2013. С. 200–2001.

²³ Казахстан в 2016 г... С. 88.

²⁴ «С неопределенным статусом». О масштабах теневой занятости в Казахстане // Open Kazakhstan. 12.01.2018 // yvision.kz/post/792545 (20.05.2018).

²⁵ Kazakhstan Today 09.10.2017 // www.kt.kz/rus/society. (20.05.2018).

²⁶ www.zakon.kz/4500372-nazarbaev-trebuot-ot-pravitelstva.html (02.12.2017).

²⁷ Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда. 10.07.2012 // stat.kz/pages/socialnaya_modernisaciya.aspx (03.12.2017); Kazinform. Международное Информационное Агентство // www.inform.kz/rus/article/2478336 (03.12.2017).

По совокупности факторов инвестирование в новую энергетику становится привлекательней вложений в энергетику традиционную. Уже в 2016 г. 60% вновь вводимых энергетических мощностей в мире пришлось на ВИЭ, и эта доля будет возрастать³.

Пути развития сектора ВИЭ в экономически развитой части мира и в группе догоняющих стран, особенно афро-азиатских, как самой динамичной ее части, будут весьма различаться. Развитые государства, для которых характерен «уход» старых энергоемких отраслей промышленности, медленный рост (или стагнация численности) населения и растущая энергоэффективность экономики (опережающее снижение потребления энергии на производство единицы ВВП), уделяющие первоочередное внимание экологической составляющей качества жизни, даже на основе только уже имеющихся энергетических мощностей будут в состоянии обеспечить поступательную экономическую динамику в рамках постиндустриальной системы производительных сил. Поэтому развитие энергетики здесь пойдет, очевидно, по пути лишь замены выбывающих вследствие амортизации старых мощностей (ТЭС и АЭС) новыми (ветряными и солнечными станциями). Афро-азиатские государства, проходящие, в большинстве, стадию индустриализации, строительного и транспортного бума, характеризующиеся быстрым ростом населения, будут не в состоянии обеспечить свои быстрорастущие потребности в энергии из одних лишь возобновляемых источников. Кроме этого, мощности на основе ВИЭ занимают большую площадь (1 кв. км солнечной «фермы» в среднем дает за год электроэнергию, соответствующую сжиганию лишь 1 млн баррелей нефти), относительно небольшую мощность (мощность средней солнечной станции примерно в 20 раз меньше мощности средней ТЭС) и не могут обеспечить энергетические потребности крупных энергоемких производств, а также густонаселенных территорий. Поэтому энергетика на основе ВИЭ на большей части Азии и Африки будет развиваться в едином комплексе со всеми возможными отраслями традиционной энергетики (при опережающем росте), либо автономно, вне энергосистем, для энергоснабжения удаленных сельских районов, коих немало в регионе.

С точки зрения обеспеченности первичными энергоносителями и структуры топливно-энергетического баланса страны Азии и Северной Африки сильно разнятся, однако их объединяет общее стремление к максимально ускоренному развитию возобновляемой энергетики. Энергоде-

фицитные регионы Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии заинтересованы в максимально возможном развитии всех способов получения энергии для обеспечения своего самого быстрого в мире экономического роста, отдавая максимально возможное предпочтение возобновляемым источникам. Изобилующие дешевым и доступным ископаемым топливом регионы Юго-Западной Азии и Северной Африки в неменьшей степени, как это ни парадоксально, заинтересованы в форсировании развития новой энергетики с целью устранения структурных перекосов в экономике, чреватых уменьшением доходов от сокращения экспорта энергоносителей. Таким образом, все страны региона проявляют повышенный интерес к развитию возобновляемой энергетики (см. табл. 1).

ТАБЛИЦА 1. Доля ВИЭ в конечном энергопотреблении и в производстве электрической энергии в странах Азии и Северной Африки

Страна	Конечное энергопотребление		Производство электроэнергии	
	Доля в 2015 г.	Цели страны	Доля в 2015 г.	Цели страны
Алжир	—	37% к 2030 г.	5%	45% к 2030 г.
Азербайджан	—	10% к 2020 г.	19%	20% к 2020 г.
АРЕ	22%	26% к 2020 г.	24%	30% к 2020 г.
Бангладеш	—	—	3%	10% к 2020 г.
Бруней	3%	8% к 2035 г.	1%	10% к 2035%
Вьетнам	35%	45% к 2020 г.	38%	50% к 2020 г.
Израиль	8%	13% к 2025 г.	8%	17% к 2030 г.
Индия	20%	30% к 2040 г.	19%	40% к 2040г.
Индонезия	2%	30% к 2040 г.	6%	50% к 2040 г.
Иордания	6%	8% к 2020 г.	3%	10% к 2020 г.
Казахстан	—	—	—	30% к 2030 г.
Камбоджа	41%	50% к 2035 г.	46%	55% к 2035 г.
КНР	10%	20% к 2030 г.	20%	29% к 2030 г.
Лаос	—	—	38%	70% к 2030 г.
Мавритания	5%	50% к 2025 г.	8%	60% к 2025 г.
Малайзия	—	9% к 2030 г.	8%	11% к 2030 г.
Марокко	—	30% к 2036 г.	15%	40% к 2036 г.
Монголия	—	25% к 2030 г.	4%	30% к 2030 г.

Мьянма	35%	38% к 2035 г.	40%	60% к 2035 г.
Сауд. Аравия	—	25% к 2032 г.	8%	50% к 2032 г.
Таиланд	—	35% к 2036 г.	12%	40% к 2036 г.
Филиппины	36%	50% к 2035 г.	39%	60% к 2035 г.
Шри-Ланка	56%	70% к 2035 г.	54%	70% к 2035 г.
Япония	3,00%	15% к 2030 г.	13%	25% к 2030 г.

ИСТОЧНИК: Renewables 2016. Global Status Report. Ren. 21 Secretariat. P., 2017.

ТАБЛИЦА 2. Состояние и перспективы электрификации удаленных районов Востока и замены в них традиционной биомассы на новые возобновляемые источники энергии для отопления и приготовления пищи

Страна	Электрификация села (%)		Население, использующее традиционную биомассу для приготовления пищи и отопления (%) (2015 г.)	Доля ВИЭ в приготовлении пищи и отоплении (%)	
	2015 г.	Планы		2015 г.	Планы
Бангладеш	61	100 к 2021 г.	89	0	5 к 2025 г.
Вьетнам	97	100 к 2020 г.	47	1	8 к 2030 г.
Камбоджа	39	75 к 2030 г.	88	0	4 к 2025 г.
КНДР	26	90 к 2018 г.	46	1	5 к 2020 г.
Индия	80	100 к 2035 г.	39	1	7к 2035 г.
Индонезия	79	90 к 2030 г.	39	0	10 к 2030 г.
Йемен	46	—	32	0	9 к 2030 г.
Мавритания	28	55 к 2025 г.	80	0	5 к 2025 г.
Монголия	90	100 к 2025 г.	63	0	10 к 2025 г.
Мьянма	38	—	93	0	6 к 2035 г.
Непал	76	—	86	0	5 к 2030 г.
Пакистан	73	100 к 2030 г.	58	1	15 к 2030 г.
САР	93	100 к 2025 г.	7	1	18 к 2035 г.
Таиланд	89	—	24	2	15 к 2023 г.
Филиппины	80	—	54	1	15 к 2030 г.
Шри-Ланка	94	100 к 2020 г.	74	1	10 к 2025 г.

ИСТОЧНИК: Renewables 2016. Global Status Report. Ren 21 Secretariat. P., 2017.

Широчайшее поле для развития исключительно возобновляемой энергетики представляют собой многочисленные обширные, малоосвоенные и еще не электрифицированные регионы Азии и Северной Африки. Децентрализованное, автономное развитие в них возобновляемой энергетики имеет целый ряд неоспоримых выгод. Поскольку агрегаты малой альтернативной энергетики компактны и уже готовы к эксплуатации, нет необходимости в масштабном строительстве, подвозе габаритного оборудования и стройматериалов, специальном строительстве дорог. Нет также необходимости в подключении объектов «малой» энергетики к электросетям и в строительстве ЛЭП, что снижает капитальные затраты а также потери в сетях (которые доходят до 20% генерируемой электроэнергии). Исключение традиционной биомассы из домашнего энергоснабжения уменьшает масштабы дефорестации и выбросов диоксида углерода.

Страны Востока уже в настоящее время занимают выдающиеся позиции в мировой возобновляемой энергетике. КНР — на первом месте в мире по инвестициям в ВИЭ (Япония — на третьем, Индия — на пятом), Мавритания — на первом месте по инвестициям в ВИЭ на единицу ВВП (Марокко — на четвертом), Филиппины и Индонезия — на втором и третьем местах (после США) по установленным геотермальным мощностям, КНР лидирует по мощностям всех остальных ВИЭ (Индия — третья-четвертая), первая мировая «четверка» по числу установленных домашних солнечных панелей — Бангладеш, Индия, КНР, Непал, первая мировая «пятерка» по количеству биогазовых установок — КНР, Индия, Непал, Вьетнам, Бангладеш⁴.

Из всех регионов развивающегося мира в развитии ВИЭ в наибольшей степени заинтересованы, пожалуй, Ближний Восток и Северная Африка. Существующая здесь многие годы модель энергопотребления может стать препятствием экономическому росту как в странах-нетто-экспортерах энергоресурсов, так и в государствах-импортерах. Этот регион — не только основной поставщик первичных энергоносителей и главный «хранитель» мировых запасов ископаемого топлива, но и главный «энергорасточитель» поскольку региональные правительства, во-первых, субсидируют цену на энергию вопреки законам рынка, поощряя неумеренное потребление, во-вторых, реализуют чрезвычайно энергоемкие проекты индустриализации и диверсификации, опираясь на низкую себестоимость местных энергоресурсов.

Субсидии в регионе — важнейшая часть «социального договора» и рассматриваются как неотъемлемое право членов уммы. Они достигли гигантских размеров: их ежегодный объем в регионе приблизился к 250 млрд долл. — половина энергетических субсидий всех стран мира, что составляет 8,5% регионального ВВП и 22% всех государственных расходов. Первая мировая «пятерка» лидеров энергетического субсидирования — Кувейт, Иран, Саудовская Аравия, Катар, Египет⁵. Искажая ценовые пропорции, субсидии не только ведут к энергетическому расточительству (в Катаре, например, электроэнергия отпускается коренному населению бесплатно), но и полностью ликвидируют возможность инвестирования не только в ВИЭ, но и в традиционную энергетику, способствуют контрабанде и даже дефициту субсидируемых источников энергии, негативно отражаются на экономическом росте. Если не принять соответствующие меры, то Кувейт, например, скоро может перестать быть нефтеэкспортером.

Между тем, в русле продолжающегося тренда энергоемкого экономического роста ежегодный прирост энергопотребления в регионе составит 7% в 2015–2040 гг.⁶ Его обеспечение потребует ежегодных инвестиций в 30 млрд долл., а их доля в ВВП будет постоянно расти так как за счет стагнации или даже уменьшения экспорта первичных энергоносителей будет сокращаться основной источник формирования регионального ВВП — энергосырьевой экспорт⁷.

Развитие альтернативной энергетики (ВИЭ и АЭС) — единственный способ избежать «энергетического проклятия» этого избыточного самыми дешевыми энергоресурсами региона. Условия для этого исключительно благоприятны: на регион приходится 26% солнечной энергии, достигающей поверхности Земли. На один квадратный километр территории здесь в течение года поступает лучистая энергия, эквивалентная 2 млн баррелей нефти. Суммарный ветровой потенциал региона также крупнейший в мире. Марокко, Египет и Тунис лидируют в мире по потенциалу ветровой энергетики⁸.

Меняющиеся экономические и политические условия в регионе приоткрыли дверь для инвестиций в ВИЭ (в том числе иностранных). За период 2015–2025 гг. они составят 64% всех инвестиций в региональную энергетику. Выработка электроэнергии из ВИЭ за этот период должна возрасти на 127%, в то время как из нефти — на 14%, из газа — на 26%, суммарная же электрогенерация увеличится на 21%⁹.

Китай развивает альтернативную энергетику в наибольших в мире масштабах и наивысшими в мире темпами. На эту страну приходится 28% мировых инвестиций в возобновляемую энергетику, и этот показатель растет¹⁰. На КНР уже приходится 37% мощностей солнечной энергетики мира и 34% ветряной. В 2015–2020 гг. на долю КНР придется 36% вновь введенных мощностей в гидроэнергетике мира, 40% — в ветроэнергетике и 37% — в гелиоэнергетике¹¹. В настоящее время на долю Китая приходится почти 40% занятых в возобновляемой энергетике мира (около 3 млн чел. из 8 млн чел.)¹². К 2020 г. в стране будет работать в новой энергетике более половины всех занятых в этой сфере в мире¹³. Запланированная к 2020 г. доля ВИЭ в выработке электрической энергии в 15% «сэкономит» 580 млн т угля, приведет к снижению на 18% углеродоемкости ВВП (выброс диоксида углерода на единицу ВВП), на 23% снизит водоемкость ВВП, сэкономит почти 76 млрд. долл. за счет относительного уменьшения импорта первичных энергоносителей, почти на 75% увеличит количество дней с удовлетворительным качеством воздуха в крупных городах¹⁴.

В быстро индустриализующейся и энергодефицитной Индии, как и в Китае, растущий дефицит энергоресурсов, покрываемый импортом, может стать серьезным препятствием дальнейшему экономическому росту. Поэтому и здесь власти стремятся к извлечению энергии из всех возможных источников, отдавая предпочтение возобновляемым, на освоение которых приходится более 60% инвестиций в энергетику. На долю Индии приходится 8% глобальных инвестиций в ВИЭ¹⁵. По установленной мощности объектов альтернативной энергетики Индия находится на третьем месте в мире (после КНР и США)¹⁶.

Япония, обеспеченная собственными источниками энергии лишь на 6%, до недавнего времени не относилась к числу мировых лидеров возобновляемой энергетики. Перелом наступил после аварии на АЭС «Фукусима» в 2011 г. Тогда было принято скоропалительное решение о закрытии всех АЭС и страна почти полностью перешла на углеродную энергетику, что резко увеличило импорт энергоносителей. Япония впервые в своей истории столкнулась с дефицитом торгового баланса. Это также привело к тому, что электроэнергия в Японии стала самой дорогой в мире, что негативно сказалось на конкурентоспособности японских товаров. Наконец, выбросы диоксида углерода превысили установленные для Японии квоты.

В сложившихся условиях японские власти кардинально пересмотрели энергетическую политику. Согласно новым планам, степень самообеспеченности энергоресурсами должна увеличиться к 2030 г. до 25%¹⁷. Это увеличение будет происходить исключительно за счет возобновляемых источников (за исключением других).

Почти лишенная собственных энергоресурсов и сделавшая чрезмерный акцент на развитии крупной тепловой энергетики, Республика Корея вышла в результате на первое место в мире по импорту первичных энергоносителей на душу населения, вошла в первую мировую пятерку импортеров нефти, сжиженного газа и угля и прочно заняла второе место в мире (после Австралии) по выбросам диоксида углерода на душу населения (при его немалой численности). Растущие финансовые и экологические издержки побудили власти к пересмотру в 2014 г. Национального энергетического плана (National Energy Master Plan). В соответствии с ним, к 2035 г. намечается поднять долю ВИЭ в энергетическом балансе до 11%¹⁸.

В Юго-Восточной Азии продолжающийся энергоемкий промышленный рост требует ускоренного (в два раза превышающего среднемировые показатели) развития энергетики. Обеспечить возрастающие потребности промышленности способны лишь крупные централизованные мощности традиционной энергетики. Они и продолжают свое развитие на основе относительно дешевых региональных углей и газа. Вместе с этим, в регионе существует большой массив удаленных, труднодоступных островных и горных территорий, интеграция которых в энергосистемы сложна технически и затратна. Это — широчайшее поле для развития альтернативной энергетики.

В регионе широко представлены все виды ВИЭ. На Индонезию и Филиппины приходится соответственно 40% и 20% мирового геотермального потенциала¹⁹. Индонезия и Малайзия, являясь крупнейшими производителями пальмового масла, дают огромное количество сопутствующей биомассы (15% территории Малайзии покрыто плантациями масличной пальмы).

Остальные страны региона также занимают ведущие позиции по «выходу» возобновляемой биомассы с единицы площади. Все страны (кроме Сингапура) обладают крупнейшим и еще малоосвоенным гидропотенциалом. Потенциал солнечной и ветровой энергетики также весьма велик.

Как и в других быстро развивающихся регионах Азии, энергетика ЮВА будет расти, используя все возможные варианты с акцентом на возобновляемые источники. По прогнозу МЭА, 70% инвестиций в энергетику в регионе в период 2016–2040 гг. придется на возобновляемые источники²⁰. Агентство прогнозирует рост доли ВИЭ в энергетическом балансе ЮВА в период в течение этого периода с 6% (без традиционной биомассы) до 23%²¹.

Анализ государственных планов экономического развития стран Азии и Северной Африки приводит к выводу, что использование ВИЭ превращается не только в основное направление развития энергетики, но и в важнейший фактор экономического роста. Этому способствуют растущая конкурентоспособность технологий альтернативной энергетики, необходимость решения проблемы экологической безопасности, многочисленные политические инициативы, стимулирующие развитие «зеленой» энергетики, беспрепятственный доступ к финансированию проектов. Как следствие, возникают все новые рынки централизованной и распределенной электрической генерации на основе ВИЭ во все регионах Азии и Северной Африки, создаются рабочие места и новые формы экономической активности.

¹ World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017. P. 443.

² World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017. P. 443.

³ International Energy outlook // www.eia.gov/ieo.

⁴ Renewables 2016. Global Status Report. Ren 21 Secretariat. P., 2017, P. 160.

⁵ Subsidies Reform in MENA // www.imf.org/external/ns/es.aspx?id=276.

⁶ Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline // www.cleanenergypipeline.com/.../the%20future%20for%20r (15.01.2018).

⁷ Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline // www.cleanenergypipeline.com/.../the%20future%20for%20r (15.01.2018).

⁸ Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline // www.cleanenergypipeline.com/.../the%20future%20for%20r (15.01.2018).

⁹ Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline // www.cleanenergypipeline.com/.../the%20future%20for%20r (15.01.2018).

¹⁰ Renewable Energy in China. DBS Asia Insights. November 2016 // www.dbs.com/.../pdfController.page?pdfpath=.../pdf/... (03.01.2018).

¹¹ Renewable Energy in China. DBS Asia Insights. November 2016 // www.dbs.com/.../pdfController.page?pdfpath=.../pdf/... (03.01.2018).

¹² Renewable Energy in China. DBS Asia Insights. November 2016 // www.dbs.com/.../pdfController.page?pdfpath=.../pdf/... (03.01.2018).

¹³ Renewable Energy in China. DBS Asia Insights. November 2016 // www.dbs.com/.../pdfController.page?pdfpath=.../pdf/... (03.01.2018).

¹⁴ Renewable Energy in China. DBS Asia Insights. November 2016 // www.dbs.com/.../pdfController.page?pdfpath=.../pdf/... (03.01.2018).

Инновационные технологии и производительность труда в энергетическом комплексе Китая, Индии, России

В статье рассмотрены направления внедрения инновационных технологий в энергетический сектор Индии, Китая и России. Оценены цели и направления внедрения инновационных технологий в угледобывающей, нефтедобывающей и газодобывающей промышленности Индии, Китая, России. В статье дан сравнительный статистический анализ производительности труда в энергетическом комплексе Индии, Китая, России.

Ключевые слова: Индия, Китай, Россия, добывающая промышленность, инновационные технологии, производительность труда, топливно-энергетический комплекс, уголь, нефть, газ.

В настоящее время технологическое развитие оказывает особенно значительное влияние на социально-экономические процессы. Наиболее универсальным показателем оценки внедрения инновационных и трудосберегающих технологий выступает производительность труда. Отраслевая производительность труда в настоящей работе рассчитывается как величина ВВП, созданного в добывающей промышленности, в расчете на одного работника, занятого в данной отрасли.

Этот показатель сильно различается по рассматриваемым странам. В Китае, начиная с 1990-х гг., наблюдался достаточно быстрый рост производительности труда в добывающей промышленности. Так, с середины 1990-х гг. до середины 2000-х гг. величина ВВП в добывающей промышленности в расчете на работника выросла в четыре раза, однако для того, чтобы достичь такого результата, потребовался восьмикратный подъем фондовооруженности в отрасли¹. Рост производительности труда, замедлившись в середине 2000-х, стал набирать обороты с 2011 г. (см. рис. 1). Связано это было с планами XII пятилетки (2011–2015 гг.), за годы которой Китай должен был «совершить переход от экстенсивных

¹⁵ World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017. P. 416.

¹⁶ World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017. P. 416.

¹⁷ Japan Energy Plan. Ministry of Economy, Trade and Industry // www.enecho.meti.go.jp/en/category/.../energy_plan_2015.p (03.01.2018).

¹⁸ Phillip Riley. The Future is Renewable. South Korea. May 2017 // phillipriley.com.au/wp.../2017/.../IDR-Report-South-Korea.pdf (11.01.2018).

¹⁹ Renewable Energy Rises Across Asia. IRENA. Quarterly, 2017 // sun-connect-news.org/.../IRENA_Quarterly_2017_Q4.pdf (11.01.2018).

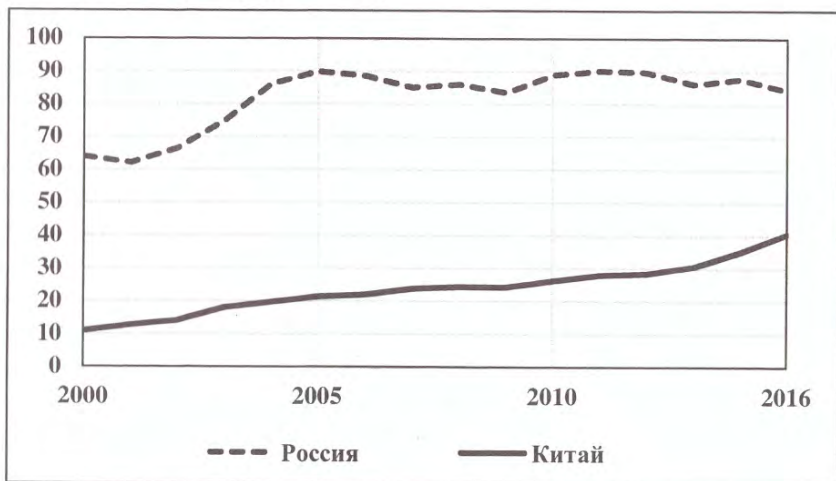
²⁰ World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017. P. 415.

²¹ World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017. P. 415.

форм развития производства к интенсивным, к развитию инновационной экономики»². Особое внимание было обращено на энергетическую и добывающую промышленность, так как встала необходимость повысить самообеспеченность национальной экономики ресурсами, в первую очередь топливно-энергетическими. В результате благодаря действиям правительства, в частности консолидации предприятий отрасли, в течение XII пятилетнего плана производительность труда в энергетической и добывающей промышленности Китая возросла в четыре раза.

В России основной прирост производительности труда в добывающей промышленности пришелся на первую половину 2000-х, а, начиная с середины 2000-х гг., показатель отличался стагнационной, и с 2014 г. — сокращающейся динамикой (см. рис. 1). Можно предположить, что если этот тренд сохранится, то Китай в скором времени обгонит Россию по уровню производительности труда в добывающей промышленности.

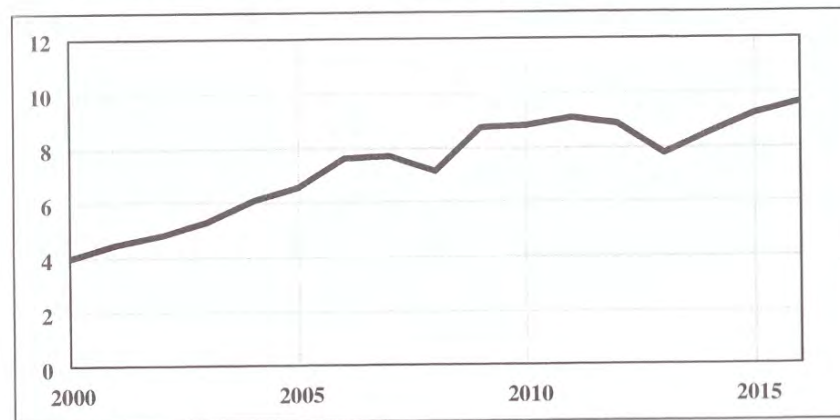
РИСУНОК 1. Динамика производительности труда в энергетической и добывающей промышленности России и Китая, тыс. долл./чел. (цены 2005 г.)



Источник: China Statistical Yearbook. National Bureau of Statistics of China. 2001, 2003, 2016 // www.stat.gov.cn/tjsj/ndsj/2016; Российский статистический ежегодник. М.: Росстат. Выпуски 2006, 2011, 2016; UNCTADSTAT // unctadstat.unctad.org.

В 2000–2016 гг. производительность труда в добывающей промышленности Индии повысилась. Она увеличилась более чем вдвое, но речь идет о числах настолько низких, что они едва ли поддаются адекватному сравнению с показателями Китая и России (см. рис. 2).

РИСУНОК 2. Динамика производительности труда в добывающей промышленности Индии, тыс. долл./чел. (цены 2005 г.)



Источник: Economic Survey 2017–18. Statistical Appendix. Govt. of India. New Delhi. 2018 // mofapp.nic.in (26.02.2018); UNCTADSTAT // unctadstat.unctad.org (26.02.2018).

Угледобывающая промышленность занимает важное место в структуре народного хозяйства, как Индии и Китая, так и России. Китай находится на первом месте, Индия — на втором, а Россия — на шестом месте в мире по добыче угля.

В угледобывающей промышленности повышение производительности труда связано в первую очередь с сокращением численности работников на шахтах. Узловыми проблемами современного этапа технического развития подземной угледобычи являются радикальное сокращение ручного труда и производство горных работ без присутствия людей в опасных зонах, основным решением становятся процессы автоматизации и роботизации операций. Наиболее инновационным видом оборудования стали автоматические проходческие комплексы (или, как их называют, умные интеллектуальные машины), которые позволя-

ют максимально сократить использование ручного труда. В угледобывающей промышленности инновационное машиностроение идет главным образом по пути совершенствования существующей техники и технологий, в частности — увеличения мощности двигателей, утяжеления оборудования, роста его энергоемкости и капитальных затрат. Также новаторским принципом создания горно-шахтного оборудования является переход от массового изготовления техники к индивидуальному, ориентированному на конкретные горнотехнические условия ее эксплуатации.

В Индии, несмотря на различные программы по освоению новых энергоресурсов, уголь продолжает играть основную роль. На угледобывающую отрасль приходится свыше 40% валового продукта добывающей промышленности страны. Но так как собственного ресурса не хватает, страна вынуждена прибегать к его импорту, который возрастает быстрыми темпами³.

Для угольной промышленности Индии характерны государственная монополия, которая связана с недостатком механизмов рыночного регулирования. Государство предпринимает усилия изменить ситуацию (цель — увеличение эффективности добычи угля), через структурные преобразования отрасли. В связи с этим были приняты следующие меры⁴:

1. Отстранение государства от установления цен на все категории угля;
2. Уменьшение бюджетных выплат;
3. Снятие контроля над распространением продукции;
4. Разрешение создания совместных предприятий со смешанным, т.е. государственным и частным капиталом (рост частного капитала в угольных активах происходит с 1990 г.).

Таким образом, в угледобывающей отрасли Индия пытается перейти на рыночные механизмы регулирования и ослабить контроль государства. Но пока результаты пробуксовывают, тем более, что существует необходимость совершенствования организационной деятельности угольных компаний, речь о котором пойдет позже. Вызывает опасение тот факт, что угольная промышленность Индии характеризуется плохой транспортной и производственной инфраструктурой, что в дальнейшем может существенно тормозить быстрорастущую экономику Индии.

Частью стратегии Индии по обеспечению страны электроэнергией стало участие индийского капитала в зарубежных энергетических активах. Не игнорирует этот тренд и индийская государственная угольная компания-монополист Coal India. Крупнейшая индийская металлургическая компания TataSteel проявляет большую деловую активность, приобретая предприятия за рубежом. В частности, она планирует купить угольные шахты в Австралии для обеспечения высококачественным углем заводов металлургической компании Cogus.

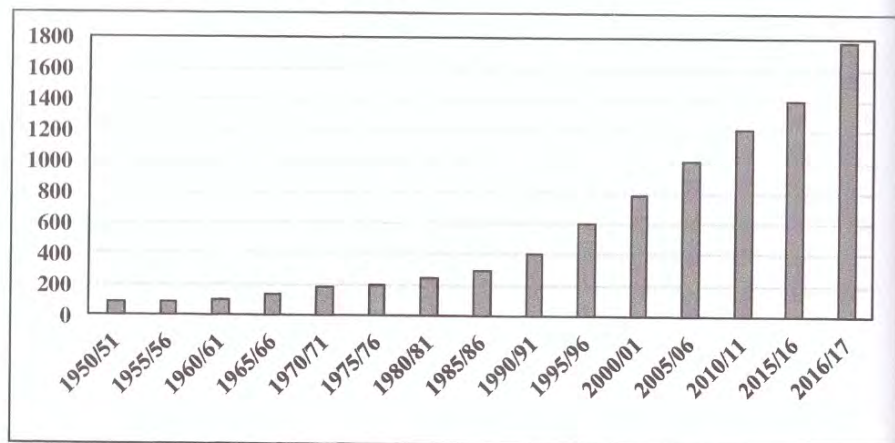
Принято считать, что открытый способ извлечения угля обеспечивает более высокую производительность труда, чем закрытый. Т.е. страны, которые имеют возможность добывать уголь таким образом, по данному показателю автоматически опережают государства, вынужденные использовать шахтный метод.

В Индии 79% угля добывается открытым способом, но объем производства ресурса в расчете на одного занятого в отрасли тем не менее достаточно низкий. Он в зависимости от региона колеблется от 150 до 2650 тонн/чел. Это объясняется использованием на многих производствах малопродуктивного ручного труда. И если в современный период мы говорим о том, что многие страны, и, в частности некоторые страны БРИКС, входят в Четвертую промышленную революцию, то Индия пока переживает Третью промышленную революцию.

Но если посмотреть на динамику производительности труда в угледобывающей промышленности Индии, то с начала 1990-х гг. мы наблюдаем относительно быстрый рост (см. *рис. 3*). Ежегодный темп прироста производительности труда, который в начале 1960-х гг. составлял 2,5%, к середине 2010-х гг. увеличился до 4,5%. В результате производительность труда в угледобывающей промышленности Индии в 2016/17 г. достигла 1780 тонн/чел. (без учета незарегистрированных занятых).

Открытый способ добычи угля при такой низкой технической оснащенности наносит серьезный вред экологии. Он ведет к разрушению почвенного слоя и загрязнению окружающей среды. Воздух легко проникает через трещины в массиве угля и создает благоприятные условия для его самовозгорания. Кроме того, добыча таким методом ведет к снижению качества угля, т.к. он смешивается с пустой породой. В случае Индии зольность угля достигает 30–50%⁵.

РИСУНОК 3. Динамика производительность труда в угледобывающей промышленности Индии (без учета незарегистрированной занятости), тонн/чел. в год



Источники: Coal India // en.wikipedia.org/wiki/Coal_India (13.03.2018); Coal India Limited // www.coalindia.in (13.03.2018); UNCTADSTAT // unctadstat.unctad.org (28.02.2018).

Пока в Индии не разработано адекватного способа борьбы с зольной пылью, образующейся при работе теплоэлектростанций. Теоретически существуют технологии очистки, такие как газификация угля (т. е. превращение его в газ), но на практике они пока что не могут быть внедрены из-за дороговизны. Тем более, что они нуждаются в доработке в соответствии с особенностями индийского угля⁶. Но все же страна не может игнорировать возможные экологические последствия, связанные с расширяющейся разработкой угольных месторождений и возросшим потреблением углей. Министерством Экологии и Лесного хозяйства (МОЕФ) Индии был принят ряд ограничений, устанавливающих нормы содержания золы в угле при его транспортировке и использовании в густонаселенных и экологически неблагоприятных районах. Эти меры в основном затрагивают теплоэлектростанции, использующие уголь в качестве топлива для получения электроэнергии⁷.

Перед Индией встала задача создать развитую инфраструктуру для обеспечения роста энергетического сектора. Вложение средств в строительство портов, железных дорог, трубопроводов и линий электропере-

дач крайне необходимо, прежде всего для привлечения инвестиций в энергетический сектор и выбора наиболее эффективных источников энергии. Понимая, что состояние инфраструктуры на данный момент оставляет желать лучшего, правительство объявило о политике привлечения частных инвестиций. В стране наблюдается рост участия частного капитала в сооружении портов, трубопроводов и линий электропередач⁸.

В энергетическом балансе Китая⁹ уголь играет главенствующую роль — **70% необходимой энергии страна** получает из угля, поэтому, помимо собственного производства, вынуждена его импортировать (в основном из Австралии и Индонезии). В 2015 г. проявилась обозначенная правительством еще в 2011 г. тенденция на сокращение импорта угля. Однако она сопутствовала замедлению темпов роста китайской экономики в целом. Несмотря на то, что существуют заявления о переходе на альтернативные углеводородные источники энергии, в ближайшие четверть века уголь останется основным источником энергии в Китае. Поэтому правительство много внимания уделяло именно угольной промышленности. В 12-м пятилетнем плане (2011–2015 гг.) предполагалось снижение зависимости экономики от импорта угля, консолидация предприятий отрасли, закрытие мелких шахт и др.¹⁰.

В настоящее время Китай **добывает около 90% угля в шахтах и лишь 10% — открытым способом**. Угольная отрасль Китая состоит из государственных крупных добывающих компаний, местных компаний под руководством региональных правительств и тысяч мелких и мельчайших городских и сельских угольных шахт, находящихся в коллективной собственности (часто нелегальных). В начале 2000-х гг. в стране насчитывалось более 20 тысяч небольших угольных предприятий, использовавших устаревшие технологии с весьма высоким уровнем травматизма, и только 135 крупных государственных шахт¹¹. Эксплуатация мелких угольных шахт заведомо неэффективна и опасна, ежегодно в них гибнут тысячи шахтеров, такие шахты оказывают отрицательное воздействие на экологию. Кроме того, мелкие угольные шахты и с экономической точки зрения выступают как угроза для государственных крупных компаний, поскольку зачастую продают уголь по демпинговым ценам. В последние годы в результате закрытия и консолидации мелких шахт, больших инвестиций в безопасность государственных угольных компаний и введения сурового наказания для местных компаний, имеющих аварийные шахты, ситуация

улучшилась. Несмотря на то, что с начала 1990-х до конца 2000-х гг. количество мелких компаний сократилось со 100 тысяч до менее чем 20 тысяч, консолидация предприятий в отрасли продолжается. В 2014 г. в Китае крупные государственные компании производили примерно 50% угля, местные компании — 20%, мелкие и мельчайшие городские и деревенские шахты — 30%. Предполагается, что к 2020 г. 95% угля должно добываться крупными компаниями¹². Этот шаг, помимо прочего, должен увеличить эффективность угольной отрасли. Также для ускорения модернизации этого сектора и получения новых технологий в Китае рассчитывают создать условия для притока иностранных инвестиций¹³.

В Китае добыча угля в расчете на одного занятого в 2010-х гг. составляла 1,2 тыс. т/чел. По сравнению с развитыми странами этот показатель имеет довольно низкое значение, он составляет всего 30–40% от уровня ЕС и 15% — от уровня США. Объясняется это в основном тем, что пока сохраняется достаточно большое количество мелких шахт, где рабочий добывает всего несколько кг угля за одну смену¹⁴.

В 2014 г. Правительством РФ утверждена программа развития угледобывающей отрасли. В нее вошли перспективные проекты в области углехимического производства, а также комплекс мер по развитию углехимической промышленности в России, в основе которых лежит «создание стимулирующей среды для разработки и внедрения технологий добычи и глубокой переработки угля»¹⁵. Программа реализуется на основе государственно-частного партнерства — выделяются средства на реструктуризацию и транспортную инфраструктуру. К числу основных направлений, требующих государственной поддержки, относятся: устранение инфраструктурных ограничений в части развития портовых мощностей, повышения пропускной способности железнодорожной сети и станций примыкания, увеличения эффективности использования подвижного состава. Поставлены задачи, такие как завершение реструктуризации угольной промышленности, включая решение проблем социального характера; инновационное развитие отрасли¹⁶; получение дополнительных доходов бюджетов различных уровней за счет поступления налоговых платежей от предприятий отрасли; поддержание занятости и социальной стабильности в угольных моногородах; развитие регионов Сибири и Дальнего Востока, где угольная промышленность является одним из важнейших составных элементов экономики; поддержание энергетической безопасности Российской Федерации за счет диверсифи-

кации энергобаланса страны; создание инфраструктуры, которая может быть использована также и другими отраслями промышленности (прежде всего на азиатском направлении, имеющем стратегическое значение для развития экспорта в страны Азиатско-Тихоокеанского региона).

В настоящее время в России применяется четыре способа извлечения угля: ручной, буровзрывной, гидравлический, механический. Две трети добычи угля в России осуществляется открытым способом. Ручной способ с использованием отбойных пневматических молотков находит ограниченное применение и интенсивно заменяется механическим. Буровзрывной способ применяется для разработки крутых и наклонных мощных пластов с устойчивыми боковыми породами. В настоящее время он все более механизмуется. Гидравлический способ выемки угля является принципиально новым технологическим направлением в угледобывающей промышленности. В качестве оборудования при гидродобыче применяются гидромониторы и насосы. При гидравлическом способе добыча угля производится струей воды с последующей гидротранспортировкой ее на поверхность. Применение гидромеханизации способствует значительному повышению производительности и безопасности труда, однако она еще не получила широкого распространения отчасти из-за того, что ее применению препятствуют некоторые горно-геологические и климатические условия. Механический способ извлечения угля является основным при угледобыче. Осуществляется он врубовыми машинами, проходческими комбайнами, проходческими комплексами. Именно широкое внедрение последних позволит существенно увеличить производительность труда в угледобывающей промышленности. В настоящее время полностью автоматизированные проходческие комплексы для добывающей промышленности производятся лишь несколькими крупными ТНК, по преимуществу базирующимися в Европе (Германия, Австрия).

Производительность труда в расчете на одного занятого в угольной промышленности в 2010-х гг. в России составила 2,5 тыс. т/чел. Для сравнения отметим, что в Австралии, которая является крупнейшим мировым экспортером угля, этот показатель был равен 11,7 тыс. т/чел., в США — 11 тыс. т/чел., и 3,5 тыс. т/чел. — в ЕС¹⁷.

Нефтедобывающая промышленность. Технологически проблема повышения производительности труда при добыче нефти лежит в области увеличения эффективности извлечения нефти из скважины.

Новыми направлениями научно-технического прогресса в добыче нефти являются:

1. Совершенствование технологий, обеспечивающих разработку трудноизвлекаемых запасов нефти.
2. Разработка и освоение технологических комплексов по бурению и добыче на шельфе морей.
3. Совершенствование добычи сланцевой нефти, которое идет по пути создания новых методов воздействия на пласты и увеличения нефтеотдачи.

В рамках данной статьи второй способ имеет смысл рассмотреть подробнее. Глубины на морской границе шельфа, как правило, составляют порядка 200 м, однако иногда доходят до полукилометра. Эффективность извлечения нефти зависит от глубины и удаленности от побережья, так как при бурении и извлечении нефти на разных глубинах применяются различные технологии. На мелководных участках сооружаются укрепленные основания, своеобразные искусственные острова, которые служат основой для установки бурового оборудования. Если расстояние до берега составляет сотни километров, то принимается решение о строительстве нефтяной платформы. В случае сверхбольших глубин задействуются буровые суда (например, на месторождении Лупа в Бразилии).

В Индии нефть обеспечивает 36% первичного потребления электроэнергии. В связи с быстрым экономическим ростом в стране ожидается увеличение потребления нефти. Недостаточное предложение при высоком спросе заставило правительство открыть сектор поисково-разведочных работ и добычи нефти для частных и иностранных инвестиций в рамках Новой политики лицензирования геологоразведочных работ (NELP), которая была внедрена в 1997 г. и принесла значительные плоды¹⁸. Например, можно отметить открытие крупных месторождений в Раджастанском бассейне.

Участие компаний со 100% иностранного капитала разрешено в сферах разведки месторождений, при сооружении трубопроводов, очистки нефти и сбыта. Кроме того, страна разрабатывает глобальную стратегию для получения нефти из-за рубежа. Имеется в виду организованное приобретение зарубежных нефтяных активов, сотрудничество с другими странами по вопросам обмена технологиями, проведения НИОКР, обеспечения безопасности, организации

обучения, обмена опытом, например, заседания круглого стола Азиатского региона, Международный энергетический форум¹⁹.

Для перехода на рыночный механизм в сфере оборота нефти в Индии предусматривается разрешение частным компаниям участвовать в формировании рыночных цен. Однако, как часто бывает в индийских правительственных кругах, реальный курс отличается от объявленных программных постулатов. Например, для повышения инвестиций в геологоразведку и добычу нефти Министерство по делам нефти и газа Индии (МНиГ) административными мерами заранее определило схему ценообразования на разработку нефтяных и газовых блоков.

Индия стремится стать мировым центром по переработке нефти, импортируя первичный ресурс и экспортируя готовый продукт. Чтобы позиционировать себя таким образом, у страны есть ряд преимуществ, а именно — дешевая рабочая сила и выгодное местоположение — через Индию пролегает маршрут поставок сырой нефти из Ближнего Востока в Юго-Восточную и Восточную Азию, на рынки Тихоокеанского региона. Для развития этого направления нефтяной отрасли определены регионы (например, штат Гуджарат, где расположен второй по величине в Индии НПЗ Essar Oil), ведутся переговоры между МНиГ и рядом нефтяных компаний о внедрении стратегии, предусматривающей сооружение вспомогательной инфраструктуры.

Важной составляющей бесперебойного обеспечения страны нефтью, а также превращения Индии в мировой центр переработки нефти является строительство стратегических нефтехранилищ за счет объединенных усилий государственного и частного капиталов. Также правительство планирует сдавать нефтехранилища в аренду международным торговым компаниям, построить дополнительные терминалы для привлечения инвестиций в инфраструктуру хранения и транспортировки нефти²⁰.

В индийской компании Oil and Natural Gas Corporation Ltd (ONGC), государственном монополисте по добыче нефти и газа, производительность труда в 2015–16 г. составляла 1450 тонн/чел. в нефтяном эквиваленте.

В России в 2015 г. 93,5% нефти добывалось насосным способом, 5,6% — фонтанным, и 0,7% — компрессорным способом. Компрессорный способ в России применяется в основном на опытных скважинах в Западной Сибири.

Динамика производительности труда в нефтедобывающей отрасли

России имела повышательную динамику. С 2000 г. по 2014 г. она увеличилась с 460,8 т/чел. до 868,1 т/чел.²¹.

Сегодня КНР занимает четвертую строчку в рейтинге стран с самой большой нефтедобычей, уступая России, Саудовской Аравии и США. На рубеже XX–XXI вв. активно велась разведка новых нефтяных месторождений. В 1997–2006 гг. было открыто 230 новых месторождений. Также в стране хорошо развито производство нефтедобывающего оборудования, причем значительная часть продукции идет на экспорт, в том числе в Россию: насосы для бурения нефти, компрессоры — воздушные (эрлифт) и газовые (газлифт), а также линии по очистке нефти.

Производительность труда в нефтедобывающей отрасли Китая с начала 2000-х гг. постепенно возрастала, но все еще отстает от показателей мировых лидеров в этой отрасли. Оценка производительности труда в компаниях, добывающих нефть в Китае, показала, что добыча нефти на одного занятого в CNPC составляла 129 т/чел. (2014 г.), Sinopec — 226 т/чел. (2008 г.), PetroChina — 270 т/чел. (2011 г.) (расчеты были проведены на основании открытых данных о добыче нефти и полной численности занятых в компании)²². Для сравнения приведем производительность труда в российских нефтяных компаниях в 2014 г.: ЛУКОЙЛ — 784,9 т/чел., «Роснефть» — 767 т/чел., «Газпромнефть» — 584,8 т/чел., «Сургутнефтегаз» — 531,9 т/чел., «Татнефть» — 344,5 т/чел. В странах — мировых лидерах в 2014 г. производительность труда при добыче нефти была выше: в Saudi Aramco — 7711,6 т/чел., BP — 1510,9 т/чел., ExxonMobil — 1396,1 т/чел., Chevron — 1384,5 т/чел.²³.

Газодобывающая отрасль. Природный газ находится в земле на глубине от одного до нескольких километров. Производительность труда при добыче газа определяется эффективностью технологии бурения скважин. Инновации здесь предполагают получение газа из нетрадиционных источников. Существует три наиболее перспективных направления: 1) Газ из угольных пластов; 2) Сланцевый газ; 3) Газо-гидраты («горючий лед»).

Индия — относительно новый игрок на рынке природного газа. Доля газа в корзине потребления энергоресурсов Индии относительно невысокая, чуть более 3%. Потребление газа на душу населения и вовсе одно из самых низких в мире, однако национальные месторождения на 90% удовлетворяют потребности страны. Потребности в

газе восполняются энергией, получаемой из угля и биомассы.

В настоящее время рост потребления газа для автомобилей и бытовых нужд в крупных городах вызвал новый виток спроса на ресурс. Предполагается, что к 2025 г. Индия будет конкурировать с Китаем и Японией по величине спроса на природный газ в Азии.

В целом в развитии газовой отрасли наметились тенденции схожие с развитием нефтяной отрасли, в частности стремление перейти к рыночному механизму регулирования и создание условий для привлечения иностранных инвестиций. Но это пока находится на уровне разработки.

Основные направления развития газового сектора в Индии:

1. Проведение геологоразведочных работ на территории страны в рамках NELP.

2. В 2005 г. было открыто крупное газовое месторождение на территории штата Андхра Прадеш в бассейн рек Кришна и Годавари. Участие иностранных компаний в разведке, рыночные механизмы и привлечение новых игроков на газовый рынок — все это направлено на пока только запланированный новый этап программы NELP — NELP VI.

3. Удовлетворение потребности страны в газе путем развития производства и инфраструктуры сжиженного газа.

4. Трансформация угольного метана в сжиженный газ и применение подземной газификации угля.

5. Развитие общего рынка газа с помощью Национальной газовой сети (инфраструктуры).

В Китае в топливно-энергетическом балансе газ играет менее заметную роль по сравнению с другими энергетическими ресурсами. Однако его добыча в стране с начала 2000-х гг. возросла в шесть раз, еще больше увеличился его импорт. В последние годы активно ведутся геологоразведочные работы, благодаря чему сырьевая база постоянно растет. В настоящее время Китай ориентируется на импорт газа. Так, в 2016 г. доля импорта составила 40% совокупного потребления. Страна преимущественно импортирует сжиженный природный газ. Один из перспективных газовых проектов — участие Китая в российской газодобывающей компании «Ямал-СПГ», в которой совокупная доля китайских акционеров составляет 29,9%. В рамках этого проекта предполагается строительство ряда инфраструктурных объектов, в том числе заводов по сжижению газа и логистических систем доставки сжиженного газа из Ямала в Китай по Северному морскому пути. Первый завод уже действует, в

декабре 2017 г. он отгрузил первую партию СПГ китайской CNPC. Газ будет доставляться в страны Европы (зимой) и в страны Азии (летом). Для этого предполагается построить 15 ледоколов ARC 7 для перевозки сжиженного газа. Также Россия намерена создать атомный ледокол для сопровождения. Также реализуется совместный проект «Сила Сибири» — газопровод, по которому Китай будет получать природный газ и восточных регионов России. Поставки газа в Китай должны стартовать в декабре 2019 г.

Природный газ в топливно-энергетическом балансе Россия и в целом в структуре ее экономики играет огромную роль. Страна занимает второе место в мире по добыче газа и первое — по объемам его экспорта, на нее, в частности, приходится 20% мировой добычи. Производительность труда при добыче газа определяется эффективностью технологии бурения скважин.

В период 2000–2012 гг. в России производительность труда при добыче природного газа поднялась на 42% — с 830,6 тыс. куб.м/чел. до 1177,3 тыс. куб.м/чел., в последующий период наблюдалось стагнация показателя²⁴.

В заключение хотелось бы отметить, что движение производительности труда в добывающей промышленности Индии, Китая и России отражает тенденции внедрения инновационных технологий в топливно-энергетическом комплексе этих стран.

¹ *Растяжникова Е.В.* БРИКС: первичный сектор экономики в мировом хозяйстве в начале XXI века. М., 2016.

² Социально-экономическое развитие регионов в годы 12-й пятилетки (2011–2015 гг.): прогнозы и реальность // КНР: экономика регионов / Отв. ред. А.В. Островский. М., 2015.

³ *Растяжникова Е.В.* БРИКС: первичный сектор экономики в мировом хозяйстве в начале XXI века. М., 2016. С. 234, 239.

⁴ Обзор энергетического сектора Индии. М.: KPMG. 2006 // newsletters.cii.in/newsletters/russian_newsletter/russian_language/august07/energy_naturalres.pdf (26.02.2018).

⁵ *Пихлер М., Панкевич Ю.Б.* Опыт селективной разработки угольных месторождений. Wirtgen Surface Miner в Индии // mining-media.ru/article/karerekh/1503-wirtgen-surface-miner-v-indii-opyt-selektivnoj-razrabotki-ugolnykh-mestorozhdenij (20.02.2018).

⁶ Обзор энергетического сектора Индии. М.: KPMG. 2006 // newsletters.cii.in/newsletters/russian_newsletter/russian_language/august07/energy_naturalres.pdf (28.02.2018).

⁷ *Пихлер М., Панкевич Ю.Б.* Опыт селективной разработки угольных месторождений. Wirtgen Surface Miner в Индии // mining-media.ru/article/karerekh/1503-wirtgen-surface-miner-v-indii-opyt-selektivnoj-razrabotki-ugolnykh-mestorozhdenij.

⁸ Обзор энергетического сектора Индии. М.: KPMG. 2006 // newsletters.cii.in/newsletters/russian_newsletter/russian_language/august07/energy_naturalres.pdf.

⁹ В настоящей статье, чтобы избежать повторений, описание инновационных технологий в добывающей промышленности Китая и России приводятся в сокращенном виде, более подробно см.: *Растяжникова Е.В.* Производительность труда и трудосберегающие технологии в добывающей промышленности в странах БРИКС: топливно-энергетические комплексы Китая и России // Экономика и предпринимательство. 2017. № 8 (ч. 1). С. 179–186.

¹⁰ Critical Issues in Contemporary China: Unity, Stability and Development. Ed. Czeslaw Tubilewicz. N.Y. Routledge. 2016.

¹¹ Уголь Китая // Горная промышленность. 2002. № 6 // mining-media.ru/article/expo/1649-ugol-kitay.

¹² Critical Issues in Contemporary China: Unity, Stability and Development / Ed. Czeslaw Tubilewicz. N.Y. Routledge. 2016.

¹³ Новые технологии и оборудование в сфере энергосбережения, сбережения и комплексного использования ресурсов отнесены в Китае к поощряемым видам деятельности для иностранных инвестиций. В эту категорию входит разведка и добыча нефти и природного газа в рамках совместных предприятий (см.: *Бажанов П.* Регистрация предприятий и налогообложение в Китае // www.awaragroup.com/upload/pdf/china-incorporation-taxation.pdf).

¹⁴ Critical Issues in Contemporary China: Unity, Stability and Development. Ed. Czeslaw Tubilewicz. N.Y. Routledge. 2016; *Smil V.* China's Past, China's Future. Energy, Food, Environment. N.Y.: Routledge. 2004.

¹⁵ Программа развития угольной промышленности России на период до 2030 года // www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70584602.

¹⁶ Здесь идет речь об использовании таких механизмов государственной поддержки, как выдача долгосрочных кредитов на льготных условиях государственными банками, предоставление налоговых льгот на региональном уровне для проектов, направленных на модернизацию оборудования и инновационное развитие предприятий, государственное финансирование научно-исследовательских разработок и софинансирование пилотных инновационных проектов, в том числе в сфере глубокой переработки угля и получения продуктов с высокой добавленной стоимостью.

¹⁷ Российский статистический ежегодник. М.: Росстат. Выпуски 2006, 2011, 2016; Реформа угольной отрасли в России не вывела ее к мировым показателям // www.chita.ru/news/104265.

¹⁸ Обзор энергетического сектора Индии. М.: KPMG. 2006 // newsletters.cii.in/newsletters/russian_newsletter/russian_language/august07/energy_naturalres.pdf.

¹⁹ Обзор энергетического сектора Индии. М.: KPMG. 2006 // newsletters.cii.in/newsletters/russian_newsletter/russian_language/august07/energy_naturalres.pdf.

²⁰ Обзор энергетического сектора Индии. М.: KPMG. 2006 // newsletters.cii.in/newsletters/russian_newsletter/russian_language/august07/energy_naturalres.pdf.

²¹ *Газизов Р.Р.* Факторы производительности труда предприятий нефтегазовой отрасли // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5.

²² Китайская национальная нефтегазовая корпорация // ru.wikipedia.org; PetroChina // en.wikipedia.org/wiki/PetroChina; SINOPEC // www.sinopecgroup.com/group/en.

²³ *Антонян Л.О.* Резервы повышения производительности труда в нефтяной отрасли России // Проблемы современной экономики. 2015. № 4 (56).

²⁴ *Газизов Р.Р.* Факторы производительности труда предприятий нефтегазовой отрасли // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5.

Муранова А.П.

Политика правительства Мьянмы по привлечению иностранных инвестиций, 1988–2017 гг.

В статье рассматривается политика правительства Мьянмы, нацеленная на стимулирование притока иностранного капитала. Главное внимание уделено инвестиционному законодательству. Раскрыто основное содержание законов об инвестициях. Показана динамика иностранных инвестиций в 1989–2017 гг.

Ключевые слова: Мьянма, закон об иностранных инвестициях 1988 г., закон об иностранных инвестициях 2012 г., закон о специальной экономической зоне 2014 г., закон об инвестициях 2016 г., приток иностранных инвестиций, 1989–2017 гг.

Политика привлечения правительством иностранного капитала включает разработку и исполнение законодательства об иностранных инвестициях и мероприятия, способствующие улучшению условий функционирования иностранных предприятий. В данной статье рассматриваются законы об иностранных инвестициях и масштабы притока зарубежного капитала.

В Мьянме политика привлечения иностранного капитала стала активно проводиться после 1988 г., когда в сентябре к власти пришло военное правительство, кардинально изменившее вектор социально-экономического развития страны от социалистической ориентации с превалированием госсектора к рыночной экономике. Можно выделить два этапа политики поощрения зарубежных инвестиций: первый — с 1988 г. по 2010 г. и второй — с 2011 г. по 2017 г. Такое деление обусловлено существенной разницей в характере политической власти в стране и в динамике и структуре иностранных инвестиций.

На первом этапе правительство возглавлялось военной группировкой, антидемократические внутривластные действия и установившаяся диктатура которой вызвали резкую отрицательную реакцию

и экономические санкции правительств развитых государств — США, стран Европейского Союза и Канады. Вследствие сложившейся ситуации бизнес этих стран свернул свою деятельность в Мьянме уже в конце 1990-х гг.

На втором этапе правительство возглавили демократически настроенные лидеры, которые начали проводить политику национального согласия и глубоких социально-экономических преобразований, ускоряющих развитие рыночных отношений в стране. Это коренным образом изменило отношение правительств и бизнеса развитых государств к Мьянме. Экономические санкции постепенно снимались, и деловые сообщества активизировали свою деятельность в стране, считая ее весьма привлекательной площадкой для инвестирования.

Политика правительства по привлечению иностранного капитала в 1988–2010 гг.

Во второй половине 1980-х гг. страна находилась в глубоком политическом и экономическом кризисе. Выбор правящими кругами Бирмы (Мьянмой страна стала называться с 1989 г.) в 1960-е гг. концепции социалистической ориентации под названием «Бирманский путь к социализму» как магистрального пути развития и сворачивание частного предпринимательства привели в конечном итоге к значительному сужению внешнеэкономических связей Бирмы с развитым сектором мирового хозяйства и уходу частного иностранного капитала. Изоляция страны вкупе с директивными методами управления экономикой негативно сказалась на развитии национального хозяйства — в 1980-е гг. оно находилось в застойном состоянии. Ухудшение макроэкономической ситуации и обострение политической обстановки в стране привели к смене режима и захвату власти военной верхушкой 18 сентября 1988 г.

Военное правительство сразу определило внешнеэкономическую стратегию как политику «открытых дверей» и привлечения иностранного капитала, чтобы вывести экономику из затянувшегося кризиса с помощью инвестиционных и технологических вливаний извне. Крайне важным правовым актом стало принятие 30 ноября 1988 г. (то есть спустя всего лишь два месяца после военного переворота) весьма ли-

берального для того времени Закона об иностранных инвестициях, который открывал страну после длительной изолированности¹.

Наиболее значимые положения этого закона — нижеследующие.

1. Закон четко определил назначение иностранных инвестиций. Это: 1) содействие развитию и расширению экспорта, 2) помощь в разработке природных ресурсов, 3) получение высоких технологий, 4) поддержка капиталоемких производств и услуг, 5) расширение занятости, 6) развитие энергосберегающих производств, 7) развитие регионов.

2. Зарубежным инвесторам разрешалось создавать предприятия в любой из двух форм: 1) индивидуальное предприятие со 100%-ным иностранным капиталом, либо 2) совместное предприятие — партнерское или в форме компании с ограниченной ответственностью с любым партнером (индивидуальным предпринимателем, частной компанией, кооперативом, государственным предприятием). В случае создания совместного предприятия иностранный инвестор должен был внести не менее 35% общей суммы акционерного капитала. Минимальная сумма инвестиций должна быть не менее 500 тыс. долл. США² при создании промышленного предприятия и 300 тыс. долл. — предприятия сферы услуг. Капитал разрешалось ввозить либо наличными, либо в материальной форме (оборудование, машины и т.п.).

3. Иностранные инвестиции допускались во все сферы экономики, кроме тех, где функционировали только государственные предприятия.

4. Инвесторам предоставлялись существенные налоговые привилегии, в том числе:

а) налоговые каникулы сроком на три года, включая первый год выпуска продукции или оказания услуг (льгота могла быть продлена на срок, длительность которого определялась результатами деятельности),

б) освобождение от уплаты налога с дохода от реинвестируемой прибыли,

в) право на ускоренную амортизацию капитальных активов,

г) снижение на 50% налога на прибыль, полученную при экспорте произведенной продукции, если предприятие экспорториентированное,

д) освобождение в период строительства объекта от уплаты таможенных пошлин или других внутренних налогов или их снижение при ввозе необходимого оборудования и машин и запасных частей к ним,

е) освобождение от уплаты таможенных пошлин или других внутренних налогов либо их уменьшение при ввозе сырья в течение первых трех лет коммерческой деятельности,

ж) право уменьшать налоговую базу путем вычета из налогооблагаемого дохода расходов на НИР, которые фирма проводит на территории Мьянмы,

з) право переносить убытки вперед и засчитывать их в течение трех последующих лет.

5. Правительство гарантировало, что не будет национализировать иностранные предприятия, и предоставляло право репатриировать прибыли и вывозить активы при ликвидации предприятия.

6. Управление иностранными инвестициями возлагалось на Комиссию по иностранным инвестициям под юрисдикцией Министерства национального планирования и экономического развития. Ее состав и функции были определены Нотификацией № 11/88 от 7 декабря 1988 г. (в апреле 1994 г. она была объединена с Комиссией по инвестициям граждан Мьянмы и стала называться Инвестиционной комиссией Мьянмы — Myanmar Investment Commission)³.

Закон об иностранных инвестициях 1988 г. был знаковым актом для страны, ибо он, во-первых, открыл страну после длительной изоляции и расширил ее возможности более глубокой интеграции в региональную и глобальную экономические системы, и, во-вторых, положил начало формированию в стране специального режима налоговых привилегий частному бизнесу — как иностранному, так и отечественному⁴.

Принятие этого закона было лишь первым шагом в реализации новой стратегии развития страны с участием зарубежных инвестиций. Политика правительства по привлечению иностранного капитала включала целый комплекс мероприятий, нацеленных на создание комфортной среды для всего частного сектора. В частности, были проведены две крупные налоговые реформы, снизившие фискальную нагрузку на предпринимателей, — в марте 1989 г. было преобразовано подоходное, а в марте 1990 г. (после принятия нового закона о коммерческом налоге) — косвенное налогообложение. Принято несколько законодательных актов, регулирующих деятельность различных институтов. В их числе — Закон о государственных экономических предприятиях (1989 г.), Закон о частных промышленных предприятиях (1990 г.), Закон о Центральном банке и Закон о финансовых институтах (оба в 1990 г.), Закон о коопера-

тивных обществах (1992 г.). Курс на экономическую либерализацию коснулся и аграрной сферы. В целях развития ориентированного на экспорт садоводства, животноводства и рыболовства в 1991 г. был создан Центральный комитет по управлению залежными землями, землями под паром и пустошами, который получил право предоставлять землю (и налоговые льготы) как отечественным, так и иностранным (!!!) инвесторам на основе долгосрочной аренды (Конституция запрещала иностранцам владеть землей). Один за другим были разработаны и утверждены Закон о тарифах (1992 г.), Закон об инвестициях граждан Мьянмы (1994 г.), Закон об отелях и туризме (1994 г.). Разрешена деятельность представительств иностранных банков, частные национальные банки получили разрешение на операции с иностранной валютой.

ТАБЛИЦА 1. *Количество проектов ТНК, одобренных правительством Мьянмы, 1990–2001 гг.*

Страны / Годы*	1990	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1999	2001
Все страны	22	23	28	35	39	78	56	14	7
<i>Развитые страны</i>	6	10	3	8	22	30	18	3	2
Великобритания**	1	2	1	4	9	8	5	1	—
США	3	5	2	1	1	2	—	—	—
Япония	2	1	—	—	4	5	6	2	2
<i>Развивающиеся страны</i>	16	13	25	27	17	48	38	11	5
Страны Южной, Восточной и Юго-Вост. Азии	16	13	25	27	17	48	37	10	5
Гонконг	3	3	5	4	—	—	3	2	1
КНР	—	1	1	2	1	3	1	—	1
Малайзия	—	1	2	4	2	10	6	—	1
Республика Корея	1	—	3	1	—	3	8	2	1
Сингапур	4	3	9	6	11	18	11	2	1
Таиланд	6	4	5	8	3	10	3	3	—

Источник: Цит. по: UNCTAD WID Country Profile: MYANMAR. P. 15. Table 23. The number of affiliates of foreign TNCs in the host economy, by geographical origin, 1990–2002. Source: Myanmar Investment Commission, Directorate of Investment and Company Administration // UNCTAD.org/sections/dite_fdistat/docs/wid_cp_mn_en.pdf.

* Данные о проектах, одобренных правительством на основе Закона об иностранных инвестициях 1988 г., относятся к финансовому году, начинающемуся 1 апреля и оканчивающемуся 31 марта.

** Данные о Великобритании включают компании, инкорпорированные на ее заморских территориях — Британских Виргинских островах и на Бермудах.

Позитивные результаты правительственной политики проявились уже в первой половине 1990-х гг. Об этом свидетельствуют, в частности, данные *табл. 1* о количестве проектов, предложенных филиалами ТНК и одобренных правительством Мьянмы на основе Закона об иностранных инвестициях 1988 г. За период с 1990 г. по 2002 г. было одобрено в общей сложности 353 проекта. Из них почти треть (98 проектов) относилась к добывающей промышленности, в том числе 51 проект — к горнодобывающей отрасли и 47 проектов — к нефтедобывающей.

Динамика иностранных инвестиций в экономику Мьянмы раскрывает как результаты усилий правительства по привлечению капитала, так и отношение зарубежных деловых кругов к стране как объекту приложения капитала. На первом этапе привлечения иностранных инвестиций (1988–2010 гг.) их потоки складывались неоднозначно. Вначале (можно сказать, в первой фазе, с 1989 г. по 2001 г.) Мьянма воспринималась как привлекательная площадка для инвестирования, и происходил рост поступлений зарубежного капитала как из развитых, так и из развивающихся соседних стран (см. *табл. 2*).

Ситуация резко изменилась после начавшегося в 1997 г. азиатского финансового кризиса и особенно после введения в том же году Соединенными Штатами и рядом других развитых государств экономических санкций (правительство Мьянмы обвинили в нарушениях прав человека и в торговле наркотиками). Вслед за американскими компаниями покидали страну инвесторы и других стран, поддерживавших экономические санкции. Поступления зарубежного капитала резко сузились до ничтожной величины в 19 млн долл. в 2001 г., который стал точкой отсчета второй фазы (2002–2010 гг.), когда изменились количественные и — главное — качественные характеристики инвестиционного потока. Общий объем одобренных правительством инвестиций в 1989–2001 гг. достиг солидной для Мьянмы величины в 7 501 млн долл., причем их географическая структура была относительно уравновешенной: из развитых государств поступило 3 156 млн (42%), из развивающихся стран — 4 345 млн долл. (58%). Среди развитых государств лидировали Великобритания, США и Франция, среди развивающихся стран — Сингапур, Таиланд и Малайзия (реальный приток зарубежного капитала был существенно меньше — 4 186 млн долл., или 56% одобренного объема)⁵.

ТАБЛИЦА 2. Прямые иностранные инвестиции, одобренные правительством Мьянмы, 1990–2001 гг. (млн долл.)

Страны / Годы*	1990	1992	1994	1996	1997	1999	2001
Все страны	280,6	103,7	1351,9	2814,2	1012,9	58,2	19,0
Развитые страны	160,7	46,6	1062,9	1094,1	124,1	20,2	6,2
Европейский Союз	7,5	14,6	1057,8	688,4	47,5	15,1	1,5
в т. ч. Великобритания**	7,5	4,6	599,8	512,2	47,5	15,1	1,5
США	93,2	29,5	4,0	341,0	—	—	—
Япония	60,0	0,5	—	47,1	26,9	5,1	4,7
Развивающиеся страны	119,8	57,1	289,0	1720,1	888,8	38,0	12,8
Южная, Восточная и Юго-Восточная Азия	119,8	57,1	289,0	1720,1	858,3	32,7	12,8
КНР	—	0,4	4,4	23,1	0,5	—	3,3
Гонконг	11,4	14,3	6,1	—	56,9	5,7	1,5
Малайзия	—	8,6	15,8	235,1	124,8	—	1,5
Республика Корея	3,3	—	0,2	9,0	29,7	3,3	5,0
Сингапур	5,3	23,2	55,1	636,3	270,6	4,8	—
Таиланд	96,9	8,3	199,8	605,7	210,4	16,5	—

Источник: Цит. по: UNCTAD WID Country Profile: MYANMAR. P. 10. Table 6b. Approved FDI flows in the host economy, by geographical origin, 1990–2002. Source: Myanmar Investment Commission. Directorate of Investment and Company Administration // UNCTAD.org/sections/dite_fdistat/docs/wid_cp_mm_en.pdf.

* Данные об инвестициях относятся к финансовому году, который начинается 1 апреля и заканчивается 31 марта следующего года.

** Данные об инвестициях Великобритании включают компании, инкорпорированные на ее заморских территориях — Британских Виргинских островах и на Бермудах.

В 2002–2010 гг. усилившиеся политические и экономические санкции привели к резкому сокращению притока капитала из развитых стран и к существенным изменениям в географической структуре инвестиций по сравнению с 1990-ми гг. (см. табл.3).

Как следует из показателей табл. 3, из общей суммы инвестиций в 28 642 млн долл. на развитые страны приходилось всего 3,8% (1 085 млн долл.). Российская Федерация дважды переводила капитал на общую сумму 127 млн долл. (0,44%). Таким образом, в первое десятилетие XXI в. экономику Мьянмы подпитывал капитал соседних развивающихся стран — КНР, Гонконга (КНР), Республики Кореи, Сингапура, Таиланда, Малайзии. Возможно, что через них шли и инвестиции ТНК развитых государств, поскольку в этом регионе разместилось немало филиалов ТНК, особенно в Гонконге, Республике Кореи, Сингапуре.

ТАБЛИЦА 3. Иностранные прямые инвестиции, одобренные правительством Мьянмы, 2002–2010 гг. (млн долл.)

Страны	2002	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Все страны	87	158	6066	753	173	985	330	19 999
Развитые страны	3	3	—	241	3	4	—	806
Европейский Союз	—	—	—	241	3	—	—	799
в т. ч. Великобритания	—	—	—	241	—	—	—	799
Япония	—	3	—	—	—	4	—	7
Развивающиеся страны	84	156	6066	479	170	887	330	19193
Южная, Восточная и Юго-Восточная Азия	83	156	6035	479	33	887	289	19193
КНР	—	127	1	281	—	856	3	8269
Гонконг	13	—	—	—	—	—	6	5798
Республика Корея	—	—	—	37	12	-4	—	2676
Малайзия	62	—	—	—	—	—	238	77
Сингапур	6	—	—	161	5	—	27	226
Таиланд	—	29	6034	—	16	15	15	2146
Россия	—	—	—	33	—	94	—	—

Источники: UNCTAD.org/webdiaia2014d3_MMR.pdf; Foreign investment by country // www.dica.gov.mm/Foreign investment by country/Directorate of Investment and Company Administration.

ПРИМЕЧАНИЕ 1: Данные об инвестициях относятся к финансовому году, который начинается 1 апреля и заканчивается 31 марта следующего года.

ПРИМЕЧАНИЕ 2: Данные об инвестициях Великобритании включают компании, инкорпорированные на ее заморских территориях — Британских Виргинских островах и на Бермудах.

В первые годы XXI в. правительство не предпринимало активных действий для изменения условий функционирования иностранного капитала в стране. И лишь в середине первого десятилетия обратилось к новой форме привлечения внешних инвестиций — через специальные экономические зоны, успешный опыт функционирования которых наблюдался в КНР, Вьетнаме и других странах. Правовые основы для создания СЭЗ начали разрабатываться в 2006 г., но только через пять лет — 27 января 2011 г., накануне смены правительства в марте, были приняты два закона — основной Закон о специальной экономической зоне Мьянмы и Закон о специальной экономической зоне Дауей (Давей)⁶. В основном законе были определены цели СЭЗ — содействовать развитию в стране промышленности, инфраструктуры и высоких технологий и созданию дополнительных рабочих мест.

Содержание законов отразило усиливавшийся процесс экономической либерализации в стране. Это проявилось, в частности, в том, что впервые законодательно было разрешено иностранным застройщикам (developers) и инвесторам арендовать или использовать землю в течение минимум 30 лет с последующим продлением срока аренды. Крупные предприятия получили право на аренду земли в течение 30 лет и возможность ее продления еще на 15 лет, средние — арендовать участок земли в течение 15 лет и возможность продлить аренду еще на 15 лет, мелкие — могли арендовать дважды по 5 лет. Кроме того, предусматривался широкий набор налоговых льгот. В их числе — освобождение от уплаты налога с выручки от зарубежных продаж товаров или услуг в течение первых пяти лет деятельности предприятия, уменьшение на 50% налога с выручки от зарубежных продаж товаров и услуг в течение следующих пяти лет, снижение на определенный период размера коммерческого налога и т.д. В законе впервые была записана обязанность иностранного инвестора нанимать на работу местную квалифицированную рабочую силу в пределах установленной квоты, а для неквалифицированной работы — только граждан Мьянмы⁷.

Исполнение законов о СЭЗ проходило уже в новых политических и экономических условиях после смены в марте 2011 г. режима власти.

Политика правительства по привлечению иностранного капитала в 2011–2017 гг.

После прихода к власти правительства У Тейн Сейна в Мьянме началась быстрая политическая и экономическая трансформация. Были проведены реформы, улучшавшие макроэкономическую ситуацию (например, в марте 2012 г. была проведена весьма либеральная реформа прямого и косвенного налогообложения, в апреле того же года был введен плавающий курс джа).

Одной из неотложных проблем была необходимость создания благоприятной конкурентоспособной среды для частного бизнеса, поскольку Мьянма, несмотря на ее несомненные достоинства (огромные природные богатства, выгодное стратегическое положение, молодое население и др.), воспринимается зарубежными деловыми кругами как

очень проблемная страна с неблагоприятным инвестиционным климатом. Это мнение подтверждается и оценками такого авторитетного международного института, как Всемирный банк. В 2013 г. среди 189 стран Мьянма заняла по сводному показателю «легкость ведения бизнеса» 182-ю позицию, по показателю «открытие бизнеса (регистрация предприятия)» — последнюю строчку, по показателю «разрешение коммерческих споров» — предпоследнее, 188-е место. Обследование инвестиционного климата Мьянмы, проведенное исследовательской группой Всемирного банка в 2013–2014 гг., показало, что главными факторами, снижающими привлекательность страны для инвесторов, являются: 1) ограниченный доступ к кредитам, 2) недостаточная доступность земли, 3) слабое развитие электроэнергетики и 4) нехватка квалифицированной рабочей силы. Непрозрачность государственных структур и высокая коррупция дополняют список негативных характеристик⁸.

Создание комфортной среды для иностранного капитала стало одним из главных направлений экономической политики правительства У Тейн Сейна. Сразу же началась разработка нового закона об иностранных инвестициях. Его проект, представленный в парламент в марте 2012 г., вызвал широкую дискуссию, так как выявились две позиции в отношении условий привлечения иностранного капитала — протекционистская, предусматривавшая защиту интересов отечественных предпринимателей, и либеральная. Острые дебаты и длительные переговоры шли между парламентариями и президентом, который выступал за снижение уровня протекционизма. Первый вариант законопроекта был принят парламентом 2 сентября 2012 г., а через два месяца, 2 ноября 2012 г., президент У Тейн Сейн подписал новый Закон об иностранных инвестициях⁹. По мнению экспертов видной международной юридической фирмы DLP (кстати, помогавшей Директорату инвестиций и управления компаниями разработать Правила исполнения Закона об инвестициях 2016 г.), «новый Закон об иностранных инвестициях представляет собой более разумный компромисс интересов местного бизнеса и международных ТНК, которые все стремятся капитализировать огромные возможности Мьянмы»¹⁰.

Закон отменил действие акта 1988 г. и определил Инвестиционную комиссию Мьянмы в качестве главного правительственного ор-

гана, регулирующего исполнение положений закона (ее решения окончательны, и иностранные инвесторы не могли делать инвестиции без ее разрешения). 31 января 2013 г. Министерство национального планирования и экономического развития Мьянмы опубликовало дополнительно к закону две Нотификации (уведомления) — № 1/2013 и № 11/2013, в которых были изложены инструкции по исполнению Закона об инвестициях и устранены некоторые неясные положения Закона. В частности, Нотификация № 1/2013 уточнила виды экономической деятельности, в которых иностранные инвестиции: запрещены (первый список), разрешены в форме совместного предприятия с гражданами Мьянмы (второй список) и разрешены при особых обстоятельствах (третий список). В новом законе сохранились почти все положения Закона 1988 г., но он был разработан более основательно и стал более либеральным, чем предыдущий закон. Это проявилось в следующем:

1. Закон разрешил зарубежным инвесторам арендовать землю или пользоваться землей в течение срока до 50 лет в зависимости от категории бизнеса, отрасли и объема инвестиций. Срок может быть продлен два раза по 10 лет. Особая важность данного положения объясняется тем, что *вопрос о правах на землю крайне болезненно воспринимается иностранными предпринимателями. Это связано с тем, что по Конституции 2008 г. (как и по Конституции 1974 г.) верховным собственником земли является государство. Ограничение права на землю рассматривалось зарубежными предпринимателями как одно из серьезных препятствий, сдерживающих инвестирование в стране.*

2. Иностранный инвестор мог выбрать форму инвестирования не из двух, как было записано в прежнем законе, а из трех вариантов: а) индивидуальное предприятие со 100%-ным иностранным капиталом в сферах, разрешенных Инвестиционной комиссией; б) совместное предприятие с местными предпринимателями или с соответствующим правительственным департаментом и организацией (при этом было снято требование, чтобы инвестор внес не менее 35% общей суммы капитала, и разрешено определять долю иностранного партнера путем переговоров с местными предпринимателями); в) любая форма, которая может быть одобрена обеими сторонами контракта (раньше этой формы не было).

3. Все налоговые льготы прежнего закона сохранились, а некоторые из них расширились. В частности, срок налоговых каникул увеличен с

трех до пяти лет с возможностью его продления. От коммерческого налога освобождены товары, предназначенные для экспорта. Кроме того, в законе записано, что инвесторы могут обратиться в Инвестиционную комиссию с просьбой освободить от налога или снизить его, если компания ввела новые технологии, улучшила качество продукции, увеличила выпуск продукции, снизила негативное воздействие на окружающую среду, функционирует в отдаленных районах и помогает им развиваться.

4. Инвестор получил право оформлять переводы за границу в иностранной валюте через любой банк в стране, который уполномочен вести операции с переводами иностранной валюты, тогда как до этого он мог сделать это только через государственный банк.

5. Закон установил правила использования местной рабочей силы: 1) для неквалифицированной работы фирма должна нанимать только местных жителей; 2) местные квалифицированные специалисты должны составлять не менее 25% персонала в первые два года деятельности предприятия, 50% — в следующие два года и 75% — в последующие два года.

6. В отличие от других законов в данный документ была включена статья, в которой подчеркивалась необходимость защиты окружающей среды. Рачительное отношение правительства к имеющимся природным ресурсам проявилось в том, что закон определял форму их эксплуатации совместно с иностранным капиталом — только в рамках системы раздела продукции.

Зарубежное деловое сообщество позитивно восприняло этот закон, что проявилось в активизации инвестиционной деятельности инвесторов из развитых государств в последующие годы (см. *табл. 4*).

Еще одним актом, направленным на улучшение инвестиционной среды, стало принятие в январе 2014 г. нового закона о специальной экономической зоне¹¹. Закон 2014 г. определил две главные формы льготных зон в пределах Специальной экономической зоны — 1) «свободная зона» (free zone), в которой производство ориентировано на внешний рынок, и 2) «поощряемая зона» (promotion zone), в которой производство ориентировано на внутренний рынок. Закон разрешил Комитету по управлению Специальной экономической зоной демаркировать границы каждой из указанных зон и разрешил создавать дополнительно другие зоны. Как и Закон об иностранных инвестициях 2012 г., этот закон о СЭЗ расширил границы льгот для инвесторов.

Во-первых, компании получили право выбирать форму деятельности — создавать предприятия 1) со 100%-ным местным капиталом, либо 2) со 100%-ным иностранным капиталом, или 3) совместные компании.

Во-вторых, застройщикам предоставляется больше налоговых льгот. Они освобождаются от уплаты корпоративного налога в течение первых 8 лет с начала коммерческой деятельности и, кроме того, наполовину снижается ставка этого налога в течение следующих после окончания каникул пяти лет. Если в течение пяти лет предприниматель реинвестирует прибыль, то он может платить корпоративный налог на доход, полученный от реинвестируемой прибыли, по сниженной на 50%-ной ставке. Компаниям свободной зоны разрешено уменьшать налоговую базу путем вычета из прибыли расходов, связанных с обучением квалифицированных и неквалифицированных рабочих и управленческого персонала, а также расходов на научно-исследовательские работы. Компании, функционирующие в любой из указанных двух зон, освобождаются на определенный срок от уплаты таможенных пошлин и других налогов при импорте сырья, машин, оборудования, запасных частей, строительных материалов.

В-третьих, предпринимателям предоставлено право переносить убытки вперед в течение пяти лет.

В-четвертых, Закон разрешает застройщикам и инвесторам брать землю в аренду или использовать землю в течение более длительного срока, чем было определено в Законе 2011 г., а именно — в течение 50 лет (вместо 30 лет) с возможностью продления срока аренды еще на 25 лет. Застройщик должен внести плату за использование земли соответствующему комитету по управлению полностью либо отдельными регулярными взносами.

Очень важной составляющей нового закона были положения, предусматривавшие защиту прав местных жителей. Застройщик или инвестор обязан, во-первых, оплачивать расходы, связанные с передвижением зданий и расчисткой земель под посадками, и, во-вторых, переселять людей таким образом, чтобы не снижать их уровень жизни.

На основе принятых законов в стране были созданы три СЭЗ — Дауэй в области Танинтайи (в 380 км к востоку от Янгона), Тхилава (в 20 км от Янгона) и Чаупхью (в штате Ракхайн на западе страны).

В 2014 г. правительство приступило к разработке нового закона об иностранных инвестициях. Хотя закон 2012 г. был более дружественным

по отношению к иностранным инвесторам, чем закон 1988 г., высказывались мнения, что его некоторые положения нуждаются в пересмотре. В частности, отмечалось, что он лимитирует участие зарубежных предпринимателей в ряде секторов экономики (в розничной торговле, переработке сельскохозяйственного сырья, рыболовстве, легкой промышленности, услугах). В связи с этим Директорат инвестиций и управления компаниями (Министерства национального планирования и экономического развития, а с 1 апреля 2016 г. — Министерства планирования и финансов) сформировал рабочую группу, которая при поддержке и консультациях экспертов по инвестиционной политике Международной финансовой корпорации и в тесном сотрудничестве с государственными чиновниками и представителями деловых кругов в течение двух лет разрабатывала проект нового закона об инвестициях. Целью работы группы стало создание единого, как во всех странах АСЕАН, инвестиционного законодательства, в основу которого были положены два закона — Закон об иностранных инвестициях 2012 г. и принятый в 2013 г. новый Закон об инвестициях граждан Мьянмы. Проект получил партнерскую поддержку правительственных организаций Австралии, Великобритании и Японии. В феврале 2015 г. проект закона был опубликован с целью его широкого обсуждения. 28 сентября 2016 г. проект был одобрен нижней палатой парламента, 5 октября — верхней палатой.

18 октября 2016 г. Закон об инвестициях подписал новый президент Тхин Чжо¹² (в марте 2018 г. он покинул пост, и с 30 марта 2018 г. президентом стал У Вин Мьинт).

Новый Закон об инвестициях отражает усиливающийся процесс экономической либерализации в стране в соответствии с быстро изменяющейся экономической ситуацией. Его исполнение началось с 1 апреля 2017 г., после того как 30 марта 2017 г. были опубликованы «Правила инвестирования в Мьянме» и Нотификация № 13/2017, в которой перечислены поощряемые отрасли. Кроме того, 10 апреля 2017 г. была издана Нотификация № 15/2017. В ней указан список сфер, в которых инвестиции ограничены. Все эти документы составили единый правовой документ, на базе которого с 1 апреля 2017 г. стали регулироваться все инвестиции в стране.

Преимущества Закона об инвестициях 2016 г. очевидны.

1. Огромная и наибольшая значимость Закона об инвестициях 2016 г. состоит в том, что он покончил с разграничением двух сфер

бизнеса — отечественного и иностранного, создав равные условия для всех инвесторов, как это практикуется во всех странах АСЕАН (Мьянма была в этом содружестве единственной страной, где были разные системы регулирования инвестиций).

2. Закон вводит новый процесс взаимоотношений инвесторов с Инвестиционной комиссией Мьянмы (ИКМ), облегчает и упрощает оформление заявлений инвесторов об их готовности открыть бизнес. По закону об иностранных инвестициях 2012 г. все капиталовложения должны были одобряться Инвестиционной комиссией Мьянмы, и без документа о разрешении (Permit), выдаваемого ИКМ, инвестор не мог получить налоговые льготы или оформить права на землю. Каждый потенциальный инвестор должен был передать в ИКМ заявление вне зависимости от размера предполагаемого бизнеса, а ее сотрудники должны были проконсультироваться с различными правительственными организациями. Такая процедура затягивала процесс, и требовалось не менее трех месяцев для получения инвестором ответа от ИКМ. Закон 2016 г. упорядочивает и ускоряет процесс получения в ИКМ разрешения на инвестиции. При этом разграничены две процедурные формы: 1) рассмотрение заявления о получении от ИКМ документа о разрешении (Permit) и 2) рассмотрение заявления о получении от ИКМ документа об одобрении (Endorsement).

Последнее относится к бизнесу в разрешаемых отраслях. По новому закону только часть заявлений необходимо направлять в ИКМ — обычно это относится к крупным проектам. Заявления о получении разрешения на инвестиции менее 5 млн долл. в нестратегических секторах должны рассматриваться в офисах Директората инвестиций и управления компаниями, которые созданы в штатах и областях.

3. Вводятся новые правила предоставления налоговых каникул, которые теперь можно получить без документа ИКМ о разрешении инвестировать (Permit). Вместо предусмотренного законом 2012 г. одинакового для всех инвесторов срока в 5 лет продолжительность льготы определяется уровнем развития региона или отрасли. В наименее развитых районах (1-я зона) предприниматели освобождаются от уплаты корпоративного налога в течение 7 лет, в среднеразвитых районах (2-я зона) — сроком до 5 лет, в развитых районах (3-я зона) — сроком до 3 лет. В соответствии с Нотификацией № 10/2017 от 22 февраля 2017 г., к первой зоне были отнесены 166 районов (townships) в 13 штатах и областях

(кроме области Янгон и Союзной территории Нейпидо), ко второй зоне — 122 района в 11 штатах и областях (включая Союзную территорию Нейпидо), к третьей — 46 районов в 2 областях (Мандалай и Янгон). В отличие от законов 1988 г. и 2012 г. налоговые льготы будут предоставляться не всем предприятиям, а только тем секторам, которые Инвестиционная комиссия Мьянмы определит как поощряемые. Инвестиционная комиссия может (с одобрения правительства) изменять список поощряемых секторов в зависимости от уровня развития (в поощряемые отрасли включены трудоемкие производства обрабатывающей промышленности, сельскохозяйственное производство, инфраструктура).

4. Облегчается доступ к земле иностранцев. Сохранены предусмотренные в законе 2012 г. права на использование земли. Зарубежные инвесторы смогут арендовать землю или строения непосредственно у частных владельцев земли или строений, а также у соответствующих правительственных департаментов или правительственных организаций. Инвесторы, имеющие документ о разрешении или документ об одобрении, могут получить права на долгосрочную аренду земли или строений у землевладельцев или у правительственных организаций первоначально на срок 50 лет и возможность продлить срок дважды по десять лет.

5. Очень важными для отечественных инвесторов являются два положения закона:

а) зафиксированное в статье 50 (е) положение о том, что правительство может предоставлять им более благоприятные условия для аренды и использования земли, и б) записанное в статье 76 положение о том, что правительство может оказывать поддержку отечественным индивидуальным инвесторам и отечественным малым и средним предприятиям в форме субсидий, финансирования и обучения и может также освободить от уплаты налогов предприятия, принадлежащие гражданам Мьянмы.

6. В данном законе иное, чем в законе 2012 г, отношение к экспроприации — она разрешается, если это необходимо с точки зрения государственных интересов, но с выплатой инвестору справедливой и адекватной компенсации.

7. Закон запрещает инвестиции в предприятия, которые могут:

а) приносить опасные или ядовитые отходы, б) негативно повлиять на традиции и обычаи этнических групп, проживающих в Мьянме,

в) оказать огромное воздействие на окружающую среду и экосистему, г) повлиять на общественность, д) производить товары или оказывать услуги, запрещенные соответствующими законами.

8. Закон ограничивает иностранные инвестиции в следующие сферы:

а) бизнес, который разрешается вести только государству, б) бизнес, который не разрешено вести иностранным инвесторам, в) бизнес, который разрешен только в форме совместного с предприятием, собственником которого является гражданин Мьянмы, либо с любым гражданином Мьянмы, г) бизнес, ведение которого одобрено соответствующими министерствами.

Новый закон об инвестициях получил высокие отзывы в прессе Мьянмы. Отмечалось такое достоинство закона, как более четкая и более простая система регулирования инвестиций, которая приближает страну к международным стандартам.

Рассмотренные выше законы об инвестициях отражают активный процесс экономической трансформации в Мьянме и подтверждают стремление правительства к экономической либерализации и улучшению инвестиционной среды, чтобы повысить конкурентоспособность страны и стимулировать поступления капитала из-за рубежа как очень важного и неперемного условия всестороннего экономического развития.

Стоит отметить, что в целях поддержания благоприятных условий для бизнеса правительство помимо законодательных акций проводит мероприятия, которые облегчают условия деятельности инвесторов. Например, в 2014 г. оно снизило ставку корпоративного налога, в 2015 г. сократило количество документов, необходимых для экспортных и импортных операций, в 2017 г. уменьшило стоимость регистрации компании и улучшило кредитную информационную систему, приняв закон о создании нового бюро кредитной информации, в 2018 г. стала менее дорогой регистрация собственности, так как был снижен гербовый сбор. Заслуживает упоминания очень активная деятельность по стимулированию притока зарубежных инвестиций, которую ведет Инвестиционная комиссия Мьянмы. Например, в 2016/17 г. она 35 раз направляла делегации в 13 стран, которые перспективны с точки зрения возможных инвестиций, и вела беседы с потенциальными инвесторами. Кроме того, она организовала 161 встречу с иностранными деловыми организациями и 107 встреч с компаниями. В том же году успешно провела специальную инвестиционную ярмарку в наиболее развитом Шанском штате¹³.

Каков же общий итог правительственного курса стимулирования вложений иностранного капитала в экономику Мьянмы? Несомненно, он позитивный, хотя пока очень скромный. Главный итог — происходит хотя и неустойчивое, но все таки последовательное возрастание объема зарубежных инвестиций: если в 1990–2001 гг. они составили 7,5 млрд долл., то в 2002–2010 гг. — 28,6 млрд, а в 2011–2017 гг. — уже 40,1 млрд долл. (см. табл. 4).

Кумулятивная сумма одобренных прямых инвестиций за период с 1989 г. по 2017 г. значительна для страны — более 76 млрд долл. (для сравнения: почти столько же — почти 74 млрд долл. — поступило в Сингапур только в одном 2014 г.).

ТАБЛИЦА 4. Прямые иностранные инвестиции, одобренные правительством Мьянмы, 2011–2017 гг. (млн долл.)

Страны	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Все страны	4644,5	1419,5	4100,2	8010,5	9486,1	6649,8	5718,1
<i>Развитые страны</i>	104,1	299,2	235,6	1557,4	766,8	150,1	1284,6
Великобритания	99,8	232,7	156,9	850,8	75,3	54,3	211,2
Нидерланды	—	10,3	—	302,4	438,0	5,0	533,9
США	—	—	—	2,0	2,6	—	128,7
Япония	4,3	54,0	55,7	85,7	219,8	60,4	384,1
<i>Развивающиеся страны</i>	4540,3	1120,7	3864,6	6453,1	8719,4	6499,7	4433,5
Страны Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии	4441,3	1109,2	3834,6	5709,3	8485,7	6295,9	4256,8
КНР	4345,7	231,8	56,2	511,4	3323,9	482,6	1395,2
Гонконг	—	84,8	107,1	625,6	225,2	213,7	252,0
Республика Корея	25,6	37,9	81,2	299,6	128,1	66,4	253,9
Малайзия	51,9	4,3	616,1	6,7	257,2	21,4	21,9
Сингапур	—	418,2	2300,1	4297,2	4251,2	3820,8	2164,0
Таиланд	—	1,3	529,1	165,7	236,2	423,1	123,9
Вьетнам	18,1	329,4	142,0	175,4	4,7	1386,2	20,8
Бруней	—	—	2,3	43,0	26,5	18,0	8,1

Источник: Foreign investment by country // [www.dica.gov.mm/Foreign investment by country](http://www.dica.gov.mm/Foreign%20investment%20by%20country). Directorate of Investment and Company Administration.

ПРИМЕЧАНИЕ 1: Данные об инвестициях относятся к финансовому году, который начинается 1 апреля и заканчивается 31 марта следующего года.

ПРИМЕЧАНИЕ 2: Данные об инвестициях Великобритании включают компании, инкорпорированные на ее заморских территориях — Британских Виргинских островах и на Бермудах.

Преимущественными донорами были восточные страны — 90% всех инвестиций. Наиболее крупные инвестиции поступили из КНР — 19950 млн долл. (26,2%), Сингапура — 19 011,8 млн (25%), Таиланда — 11 047,2 (14,5%), Гонконга (КНР) — 7 812 млн (10,27%), Великобритании — 4 341 млн (5,71%), Республики Кореи — 3,8 млн (5,0%). Реализовано инвестиций значительно меньше: по данным на 31 марта 2018 г. — 62 323 млн долл. (82% объема одобренных инвестиций).

В отраслевой структуре инвестиций лидирует нефтегазовая отрасль: в 95 проектов вложено 18 884 млн долл. (30,3%), на втором месте — энергетика: на 17 энергетических проектов было направлено 14 970 млн (24%), третью позицию заняли предприятия транспорта и связи — 45 проектов и 8 808 млн долл. инвестиций (14,13%), четвертую — предприятия обрабатывающей промышленности — 767 проектов и 7 964 млн долл. инвестиций (12,78%)¹⁴. В поддержании притока инвестиций немаловажную роль играют двусторонние инвестиционные соглашения, заключенные Мьянмой с 12 странами, в том числе с такими крупными инвесторами, как КНР (2001 г.), Таиланд (2008 г.), Япония (2013 г.), Республика Корея (2014 г.)¹⁵.

Из изложенного выше следует, что правительство Мьянмы в последние годы очень энергично старается вывести страну из кризиса с помощью внешних ресурсов, и ее политика привлечения иностранного капитала путем улучшения инвестиционного климата находит отклик у деловых кругов не только постоянных восточноазиатских партнеров, но и развитых государств (см. табл. 4).

¹ The State Law and Order Restoration Council. The Union of Myanmar Foreign Investment Law (The State Law and Order Restoration Council Law No.10/88). The 7th Waning day of Tazaungmon, 1350 B.E. (30th November 1988) // www.blc-burma.org/html/MyanmarLaw/lr_e_ml88.11.html.

² Далее — долл.

³ Procedures Related to the Union of Myanmar Foreign Investment Law (1988). The Government of the Union of Myanmar Notification No 11/88. 7th December 1988 // www.scribd.com/doc/52313768/52.

⁴ Основные характеристики закона и его оценка уже были изложены мною в статье — Муранова А.П. Налоговое стимулирование частного бизнеса в наименее развитом регионе ЮВА (Мьянма, Камбоджа, Лаос) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск XIX (ЮВА 2011–2012). М.: ИВ РАН, 2012. С. 59–64.

⁵ UNCTAD WID Country Profile: MYANMAR. Table 3a. FDI flows, by type of investment, 1989–2002. Source: Myanmar Investment Commission, Directorate of Investment and Company Administration // UNCTAD.org/sections/dite_fdistat/docs/wid_cp_mn_en.pdf.

⁶ The Union of Myanmar. The State Peace and Development Council. The Myanmar Special Economic Zone Law (The State Peace and Development Council Law №8/2011).

27th January 2011 // www.dica.gov.mm/includes/MSEZ.pdf; The Union of Myanmar. The State Peace and Development Council. The Dawei Special Economic Zone Law (The State Peace and Development Council Law №17/2011). 27th January 2011 // www.dica.gov.mm/includes/DSEZ.pdf.

⁷ Подробнее о льготах см. Муранова А.П. Налоговое регулирование частного бизнеса в наименее развитом регионе Юго-Восточной Азии (Мьянма, Камбоджа, Лаос) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск XIX (ЮВА 2011–2012). М.: ИВ РАН, 2012. С. 73–75.

⁸ World Bank. Doing Business 2014. Wash. 29 October 2013. Myanmar Investment Climate Assessment. Sustaining reforms in f time of transition. Document of the World Bank Group. Report №93848-MM. January 2015 // worldbank_myanmar_investment_climate_assessment_jan_2015.pdf.

⁹ The Republic of the Union of Myanmar. Pyidaungsu Hluttaw. The Foreign Investment Law. (The Pyidaungsu Hluttaw Law № 21/2012) (The 3rd Waning of Thadingyut, 1374 ME) (2.11.2012) // www.burmalibrary.org/Foreign_Investment_Law-21-2012-en.pdf.

¹⁰ Myanmar. The New Foreign Investment Law — An analysis. Issue 2: November 2012 // www.blplaw.com/BLP_country_Update_-_Issue_2-Nov_2012_-_Myanmar1.pdf.

¹¹ Myanmar Special Economic Zone Law. The Pyidaungsu Hluttaw Law No.1/2014. 8th Waning of Pyatho, 1375 M.E. 23rd January 2014 // www.investinmyanmar.com/myanmar-investment-laws.

¹² Myanmar Investment Law (The Pyidaungsu Hluttaw Law №40/2016). The 2nd Waning of Thadingyut, 1378 M.E. (18 October 2016) (Official Translation).

¹³ Annual Report. English Version // www.dica.gov.mm/Microsoft Word.

¹⁴ Foreign investment by sector and by country. March 2018 // www.dica.gov.mm/foreign_investment.

¹⁵ Bilateral investment treaties (BIT) with Myanmar // www.dica.gov.mm/en/investment-agreements.

Проблемы экономических отношений между Японией и Турцией

В статье рассматриваются основные этапы двусторонних экономических отношений между Японией и Турцией, факторы, повлиявшие на их развитие. В рамках соглашения о стратегическом партнерстве осуществляются многочисленные двусторонние проекты. Экономические отношения имеют большой потенциал в связи с будущим заключением соглашения о свободной торговле между двумя странами.

Ключевые слова: Турция, Япония, соглашение о свободной торговле, прямые инвестиции, стратегическое партнерство.

В мае 2013 г. во время визита премьер-министра Японии С. Абэ в Турцию была подписана «Совместная Декларация об установлении стратегического партнерства между Японией и Турецкой Республикой»¹, целью которой было придать новое качество двустороннему сотрудничеству в политической, экономической, научно-технической, культурной, гуманитарной и др. областях.

Этот документ закрепил новый статус межгосударственных отношений между двумя странами, для которых была характерна высокая степень разностороннего сотрудничества.

Следует подчеркнуть, что о сформированных двусторонних отношениях между Японией и Турцией можно говорить только после провозглашения Турецкой Республики в 1923 г. В 1930 г. между двумя странами было заключено первое соглашение по торговле и мореходству, которое заложило основы развития торгово-экономических отношений между ними, что, по мнению японской стороны, «должно было способствовать развитию политических отношений»², после установления которых в 1924 г. обе стороны проявляли стремление к развитию взаимовыгодных связей и контактов, что объективно диктовалось национальными интересами обеих стран. Тем не менее, про-

цесс налаживания и развития отношений протекал очень медленно и неровно. На невысокий уровень японо-турецких экономических отношений и небольшой объем японских инвестиций в турецкую экономику повлияла определенная политическая нестабильность в Турции, что было вызвано достаточно сложными внутривнутриполитическими процессами внутри страны до военного переворота 1980 г. Вместе с тем, начавшийся период стабилизации, связанный с политическими и экономическими реформами, проводимыми премьер-министром Турции Т. Озалам в конце 1980-х — начале 1990-х гг., стал существенным фактором, способствовавшим активизации двусторонних отношений. Именно в этот период экономические отношения между двумя странами улучшились, и Япония стала крупнейшим торговым партнером Турции. Японские фирмы в этот период также осуществили значительные инвестиции в турецкую экономику.

Среди знаковых событий в двусторонних отношениях, оказавших заметное влияние на развитие экономических связей между двумя странами, явился визит в Японию премьер-министра Турции Т. Озала в мае 1985 г., целью которого было расширение взаимной торговли, привлечение в Турцию японских капиталовложений и использование японских высоких технологий. Началось двустороннее сотрудничество в сооружении мостов в Турции, первым из которых был новый мост через Босфор в Стамбуле, который, по мнению ряда представителей японских деловых кругов, явился воплощением «выдающейся японской технологии и турецко-японской дружбы»³. Мост «Фатих» был построен в 1988 г. консорциумом японских, итальянских и турецких фирм на шесть месяцев раньше запланированного срока. Его стоимость составила 551 млн долл. США⁴, предоставленных в основном японскими банками под низкие проценты⁵. Генеральный директор проекта моста М. Уэда, возглавлявший одну из трех японских компаний, занятых в его сооружении, подчеркивая неоспоримые выгоды от моста, заявил, что соединение с его помощью двух континентов поможет разгрузить транспортную систему Стамбула, создать обводную кольцевую дорогу для грузового транспорта, курсирующего между Европой и Азией, «что будет способствовать еще большему экономическому развитию Турции»⁶.

Более высокого уровня достигли экономические отношения между двумя странами в начале XXI в. В 2000 г. был подписан План по Со-

вместному Сотрудничеству, который, по мнению аналитиков, можно считать отправной точкой в развитии отношений между Японией и Турцией в XXI в., предусматривавший развитие экономических, политических и культурных связей между двумя странами⁷.

С приходом к власти в Турции в 2002 г. Партии справедливости и развития во внешней политике страны наметились новые тенденции, которые определялись тремя основными факторами: новым пониманием идентичности Турции и ее роли в мире, стремлением к нормализации отношений с другими странами и усилением ее позиции в соседних регионах. Провозгласив «принцип многовекторности» внешней политики страны, Анкара намеревалась установить и поддерживать политические и экономические отношения с большим количеством государств, выстраивать такую архитектуру международных отношений, при которой связи между странами носили бы не конкурирующий характер, а взаимно дополняли друг друга.

Турция, заинтересованная в расширении сфер своего влияния, стремилась стабилизировать отношения не только с соседними ближневосточными странами, но и с государствами дальнего зарубежья, в том числе с Японией.

Состоявшийся в 2006 г. обмен официальными визитами премьер-министра Японии Дз. Коидзуми в Турцию и президента Турции А. Гюля в Японию придал импульс развитию, прежде всего экономических отношений, в частности, в области двусторонних инвестиций.

Среди факторов, повлиявших на расширение сотрудничества с Японией со стороны турецких политических и деловых кругов, можно отметить:

— необходимость увеличения объема взаимной торговли, что давало Турции важный рынок сбыта и расширяло импорт высококачественной японской продукции;

— привлечение японских кредитов и прямых инвестиций, современной технологии, что позволяло стимулировать развитие экономики и повысить качество продукции;

— создание совместных турецко-японских предприятий, в том числе и для деятельности в третьих странах.

По мнению журнала *The Middle East Economic Digest*, Япония могла бы сыграть роль своего рода противовеса в отношениях Турции со странами Европы и США, что позволяло ей проводить более

самостоятельную и независимую политику в торговле и экономических связях⁸.

Япония, как известно, поддержала позицию Турции в отношении ее вступления в ЕС, подчеркивая, что «Турецкая Республика является важным связующим звеном между Европой и исламским миром, и ее участие в ЕС может стать символом мирного сосуществования Запада и стран ислама»⁹.

Что касается интересов Японии в развитии сотрудничества с Турцией, на первый план, как и во внешнеэкономических отношениях с другими странами, выступали торгово-экономические интересы, которые усиливались географической близостью Турции к Европе и ближневосточным рынкам и значительными потенциальными возможностями в связи с будущим присоединением к ЕС в качестве полноправного члена и высоким уровнем развития экономических и политических отношений с исламскими странами¹⁰.

Вместе с тем, японские предприниматели выделяли ряд трудностей, сдерживающих развитие отношений между двумя странами и повлиявших на то, что Япония была крайне осторожна в отношении крупных инвестиционных проектов в Турции.

Один из бывших руководителей японского Союза предпринимателей (*Кэйданрэн*) М. Миоши так суммировал эти факторы: «В Турции недостаточно развита базовая инфраструктура — имеются трудности с энергетикой, транспортом, связью, финансово-кредитная система не обладает требуемой гибкостью, процентные ставки чересчур велики. Основное значение в плане поощрений капиталовложений в Турции придается слаборазвитым районам, а японские фирмы предпочитают делать капиталовложения в крупных городах: Стамбуле и Измире»¹¹. По его мнению, негативным фактором являлась также длительная транспортировка морем сельскохозяйственной продукции (45 дней), что затрудняло ее перевозку. Попытки же осуществить эти перевозки через территорию СССР оказались безуспешными¹².

Япония занимает 8-е место среди всех стран, осуществляющих инвестиции в Турцию¹³ и 1-е место среди азиатских стран-инвесторов¹⁴. В 2014 г. японские инвестиции в турецкую экономику составили 1,4 млрд долл.¹⁵, из них 29% приходится на автомобильное производство и 18% — на финансовый сектор¹⁶. Японские компании выходили на турецкий рынок путем создания совместных предпри-

ятий с местными партнерами, их производственные мощности находятся в Турции, и они экспортируют большую часть их продукции в третьи страны, в частности в ЕС, с которым Турция имеет Таможенный союз с 1996 г. Это позволяет компаниям в Турции наладить свой экспорт на европейские рынки, включая страны Центральной и Восточной Европы, в Россию и Израиль, не встречая тарифных барьеров. Таким образом, хотя Турция и испытывает торговый дефицит с Японией с точки зрения непосредственной торговли, японские инвестиции в совместные турецко-японские предприятия косвенно содействуют расширению турецкого экспорта продукции совместных турецко-японских предприятий в зарубежные страны. По мнению турецких специалистов, «хотя цифровые данные по японо-турецкой торговле и являются важными, японские технологии и ноу-хау значат больше для Турции в долгосрочной перспективе»¹⁷.

Тем не менее необходимо отметить, что замедление темпов экономического обмена между двумя странами сказывается и на инвестициях. С конца 1990-х гг. и в начале 2000-х гг. поток инвестиционного капитала из Японии в Турцию потерял свой темп. Одной из причин этого явились неблагоприятные экономические условия, переживаемые Японией. Другая причина заключается в недостаточно привлекательных и выгодных условиях бизнес-среды в Турции. В докладе Японо-Турецкого делового совета 2012 г. отмечалось, что «Турция не достигла соответствующего уровня экономической и политической стабильности, прозрачности, качества продукции, инфраструктуры, наряду с сложными бюрократическими процедурами»¹⁸.

С другой стороны, в этом докладе подчеркивалось, что «японские инвестиции в экономику Турции являются наиболее важным аспектом экономических и коммерческих отношений между Турцией и Японией, так как деятельность японских компаний в их соответствующих областях деятельности в Турции имеет значение не только с точки зрения самих инвестиций, но и с точки зрения их влияния на торговые отношения между двумя странами, на разнообразие продуктов и товаров, являющихся предметом торговли»¹⁹.

В настоящее время Турция представляется привлекательной страной для иностранных инвестиций, в том числе и для Японии. Международный банк сотрудничества Японии (*JBIC*) осуществил денежные вливания в финансовый сектор Турции на сумму свыше 8 млрд долл. Кроме

этого, японские компании оказывают существенную поддержку Турции в строительстве опорных мостов, развитии системы питьевой воды в столице Турции Анкаре, а также внедрении в стране системы пригородных поездов.

Несмотря на это, привлекает особое внимание существенная неуравновешенность между Турцией и Японией в области экономического сотрудничества. Так, например, отмечается однонаправленность инвестиций, т. е. осуществление всех финансовых потоков происходит только с японской стороны. Что касается турецких инвестиций, то очень сложно найти фирмы, осуществляющие бизнес-проекты в Японии. Это, в некоторой степени, объясняется объективными причинами: для иностранных фирм, желающих работать на японском рынке, существуют ограничения, связанные с культурными традициями, образом жизни, предпочтениями японских потребителей. Кроме того, стоимость создания предприятия в Японии (включая стоимость рабочей силы, рабочие места, налоги и т.п.) очень высокая.

Отмечается определенный рост количества японских компаний в Турции. Так, на конец 2014 г. 183 японские компании действовали в Турции. К концу 2017 г., по данным Министерства иностранных дел Японии, 200 японских компаний были зарегистрированы в Турции и только 5 турецких компаний — в Японии²⁰. Кроме таких японских гигантов, как *Toyota, Honda, Isuzu, Bridgestone, Mitsui, Sumitomo* и *Marubeni*, зарекомендовавших себя на турецком рынке с 1987 г., в Турции работает большое количество японских фирм, осуществляющих свою деятельность в области энергетической и химической промышленности.

При этом японские инвестиции в 2011 г. достигли 231 млн долл., и только 33 млн долл. в 2012 г. За период 2002–2017 гг. японские прямые инвестиции составили 2,2 млрд долл.²¹

Недостаточный уровень японских инвестиций в Турции являются предметом озабоченности не только для Турции. Министерство экономики, торговли и промышленности Японии (*METI*) недавно объявило о заинтересованности правительства в зарубежных инвестициях как одного из приоритетных направлений политики Японии. Министерством были выделены три основные «столпа» «Новой стратегии роста Японии» (*New Growth Strategy of Japan*): 1) поддержание конкурентоспособности японской промышленности за счет активной политики в области инвестиций и занятости, 2) увеличение зарубеж-

ных инвестиций японских компаний в целях роста акций японских компаний на зарубежных рынках и 3) стимулирование международных деловых операций посредством политики стабилизации поставок электроэнергии, снижения ставки корпоративного налога, посредством обеспечения поддержки инвестиций в Японии, а также посредством соглашений об экономическом партнерстве²². По мнению профессора университета Кадир Хаса в Стамбуле К. Али Аккемика, «именно Турция предлагает возможности для реализации этих ожиданий правительства Японии»²³. Как заявил министр экономики Турции Н. Зейбекчи, «Турция является страной, которая имеет наилучшие в мире возможности для японских фирм»²⁴. По его мнению, «японские фирмы будут зарабатывать больше в Турции по сравнению с другими странами, принимая во внимание 81 млн населения страны, а также тот факт, что турецкий рынок не ограничивается только географическими пределами своей страны, а находится в центре Африки, Ближнего Востока, Центральной Азии, Кавказа и Балкан, что предоставляет широкие возможности для японских партнеров в качестве рынков сбыта»²⁵.

В 2016 г. объем взаимной торговли между двумя странами достиг более 4 млрд долл. Японский экспорт в Турцию составил: 3,9 млрд долл., турецкий экспорт в Японию — всего 354 млрд долл. А общая доля турецкого экспорта в общем импорте Японии составляет всего 0,06%²⁶. Вместе с тем, начиная с 2011 г., японский экспорт демонстрируют неуклонное снижение.

ТАБЛИЦА 1. *Турецкий экспорт и импорт в торговле с Японией (в млн. долл.)*

	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Экспорт	332,2	409,3	375,7	335	354,5	412
Импорт	3.601,5	3.453,2	3.200	3140	3.943,6	3.456,1
Объем	3.933,7	3.862,5	3.575,7	3475	4.298,1	4,7
Баланс	-3.269,3	-3.043,9	-2.824,3	-2.805	-3.589,1	-3.044,1

СОСТАВЛЕНО по данным www.mofa.go.jp/files/000004160.pdf.

Торговый баланс между Японией и Турцией характерен для торговли Японии с другими странами. Турция сохраняет отрицательное сальдо в торговле с Японией. Цифры наглядно демонстрируют плю-

совой баланс в пользу Японии, что соответствует проводимой экспортоориентированной политике страны. Основные статьи экспорта из Японии — это коммуникационное оборудование, автомобили, продукция машиностроения, железо и сталь, двигатели, химическое и оптическое оборудование, ядерные реакторы и котлы, транспортные средства, электрическое, электронное оборудование; оптические и фото приборы, медицинские аппараты и приборы и т.д.

Из Турции ввозилась в Японию в основном следующая продукция: рыба, морепродукты, листья табака, обработанные продукты питания, крупы, мука, крахмал, молочные продукты, эфирные масла, хромированная сталь, ковровые изделия, изделия из стекла.

Фактором, затрудняющим рост объема двусторонней торговли, является разница в стандартизации продукции, существующая в двух странах. Определенное влияние оказывают и разные подходы, принятые в Японии и Турции, при заключении сделок²⁷.

Однако в последнее время Япония, переживающая экономический застой, для оживления своей экономики и увеличения капиталовложений и занятости, а также для интегрирования в глобальную экономику изменила свой подход к иностранным инвестициям и приняла ряд мер поощрения и облегчения деятельности иностранных инвесторов в стране. Это нашло выражение в либерализации, в частности, импорта турецких грейпфрутов и фундука. Но при этом не следует ожидать быстрых перемен в деятельности турецких инвесторов в Японии.

Кроме того, новым фактором, повлиявшим на сокращение объема японо-турецкой торговли, явилось увеличение доли Китая и Южной Кореи в общем объеме торговли Турции, главным образом в ущерб торговым отношениям с Японией²⁸. Это касалось торговли готовой продукцией и торговли промышленным сырьем и материалами. По мнению специалистов, «торговые отношения Турции с тремя азиатскими “тяжеловесами” неизбежно вызовут изменения в отношениях между этими странами и Турцией в ближайшем будущем»²⁹.

Многие исследователи отмечают, что поскольку Китай присоединился к Всемирной торговой организации (ВТО) в ноябре 2001 г., став важным азиатским экономическим партнером Турции, объем торговли между Японией и Турцией значительно сократился в последние годы³⁰.

В связи с этим важное значение приобретают переговоры между Турцией и Японией о подписании соглашения о свободной торговле.

Турция, как известно, входит в Таможенный союз с Европейским сообществом и не может единолично заключать соглашения о свободной торговле с третьими странами.

Переговоры Японии с ЕС по этому вопросу начались в 2014 г., но до 2017 г. продвигались очень медленно. Япония является седьмым по величине экспортным рынком ЕС, а Европа является третьим по важности торговым партнером Японии³¹.

В июле 2017 г. Европейский союз и Япония договорились о широком соглашении по свободной торговле, в соответствии с которым будут устранены тарифы на торговлю многими товарами и услугами. Это снизит цены для потребителей и повысит продажи для экспортеров. Соглашение устранил правила, препятствующие торговле, например, избавит от получения разрешения на каждый вид экспортируемого вида фруктов. ЕС будет экспортировать на 58 млрд евро товаров и на 29 млрд евро услуги в Японию. В свою очередь, Япония будет экспортировать в ЕС на 66,7 млрд евро товары и на 16 млрд евро услуги³².

Турецко-японские переговоры об аналогичном соглашении шли параллельно с переговорами с ЕС с 2014 г. По мнению бывшего министра экономики Турции З. Чаглаяна, «существующий объем торговли между двумя государствами не отображает реального потенциала экономик двух стран». Он также заявил, что японские компании могли бы получить массу преимуществ, осуществляя инвестиции в экономику Турции. Подчеркивая заинтересованность Турции в том, что японские компании будут более эффективно использовать систему стимулирования в Турции, он отметил: «Я хотел бы сказать, что мы действительно заинтересованы в активной деятельности турецко-японской группы по разработке соглашения о свободной торговле»³³.

В «Декларации о стратегическом партнерстве» 2013 г. нашло отражение намерение двух сторон продолжить переговоры о подписании соглашения о свободной торговле. Япония может получить определенные преимущества от этого соглашения, рассматривая Турцию как центр для будущих поставок на рынки Кавказа, Ближнего и Среднего Востока, Африки и Европы. В этом отношении важное значение приобретает использование молодой рабочей силы Турции, т.к. сама Япония не может войти на рынки этих стран.

В марте 2018 г. во время визита в Японию министра экономики Турции Н. Зейбекчи турецкая сторона в интервью японскому агентству

Nikkei выразила «большую надежду на то, что Турция достигнет рамочного соглашения с Японией в течение 2018 г.»³⁴. В ходе двусторонних переговоров основное внимание стороны уделили продвижению переговоров о заключении соглашения о свободной торговле между Японией и Турцией. При этом стороны выражали обеспокоенность в связи с тем, что вступление в силу аналогичного соглашения между Японией и ЕС позволит японским товарам поступать в Турцию беспошлинно через рынки ЕС благодаря членству Турции в Таможенном союзе ЕС. Как отметил Н. Зейбекчи, «страны, которые подписывают сделки с ЕС, автоматически получают право доступа на рынок Турции»³⁵.

В связи с этим стороны подчеркнули необходимость скорейшего подписания двустороннего соглашения и вступления его в силу до или одновременно с соглашением Японии с ЕС, которое, как ожидается, начнет действовать уже в 2019 г. По мнению аналитиков, соглашение о свободной торговле принесет выгоды для Японии и Турции в ближайшие годы после его заключения³⁶. До этого события Япония и Турция намерены в течение 2018 г. подписать рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве.

Япония и Турция не ограничиваются только совместными проектами на территории своих стран. В этом отношении новой формой сотрудничества между ними становятся проекты, в частности, в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, где в этом направлении уже были достигнуты положительные результаты. Как отмечал О. Ольчмен (член правления Ассоциации турецких подрядчиков), «турецко-японские совместные компании, используя японскую технологию и инженерные возможности, смогли бы успешно осуществлять деятельность в странах Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, а затем и Америки»³⁷. По мнению бывшего министра экономики Турции З. Чаглаяна, «важен не только экспорт грузов между двумя государствами. Что действительно имеет значение, так это расширение взаимных инвестиционных связей и использование турецких и японских возможностей в области ведения бизнеса в развивающихся странах»³⁸.

В этом отношении характерен пример Туркменистана, который стал представлять большой интерес для Японии, т.к. он обладает, с японской точки зрения, чрезвычайно важным достоинством — наличием широкой прослойки турецких граждан, которые хорошо разбираются в местных особенностях, что может способствовать укреплению статуса Япо-

нии в Центральной Азии. При этом немаловажным фактором является то, что многие из проживающих в Туркменистане турок имеют двойное гражданство. Турция, в свою очередь, испытывая потребность в японских технологиях, также содействует повышению влияния Японии в этой стране. Япония активно реализует бизнес-проекты и лоббирование в Туркменистане главным образом с участием турецких предприятий. Турецкие подрядчики принимают участие в крупномасштабных проектах в Туркменистане и странах Ближнего Востока, которые финансируются японскими компаниями³⁹.

Несмотря на то, что за последние 15 лет объем двусторонней торговли и японских инвестиций в Турции медленно сокращался, можно с уверенностью отметить, что за последние несколько лет произошли позитивные сдвиги в двусторонних экономических отношениях.

В мае 2013 г. в ходе визита премьер-министра Японии С. Абэ в Турцию было подписано соглашение о Синопской атомной станции стоимостью 22 млрд долл., тендер на строительство которой был выигран японской компанией *Mitsubishi Heavy Industries* и французским консорциумом *AREVA*. Как отметил С. Абэ, «достижение договоренности по Синопской АЭС имеет большую значимость для Японии, которая, получив эксклюзивное право на строительство АЭС в Турции, несет определенную ответственность за аварию на АЭС «Фукусима» и в то же время стремится содействовать развитию ядерной энергетики в других странах»⁴⁰. 29 октября того же года С. Абэ присутствовал на церемонии открытия туннеля «Мармарай» под проливом Босфор (соединившим азиатскую часть Стамбула с европейской), где была применена японская рельсовая система. Подрядчиком этого крупномасштабного проекта выступил японо-турецкий консорциум *TGN*, состоявший из японской компании *Tansei* и турецких *Nurol* и *Gama*. Стоимость проекта составила 4,5 млрд долл., значительная часть из которых была предоставлена *Japan Bank for International Cooperation (JBIC)*⁴¹. По мнению Дж. Беркшира Миллера, американского исследователя, сотрудника центра стратегических и международных исследований Тихоокеанского форума, «проект Мармарай явился примером использования Японией «мягкой силы» на Ближнем Востоке»⁴².

Продолжается уже ставшее традиционным, двустороннее сотрудничество в строительстве мостов в Турции. Японские компании участвовали в сооружении Измитского моста, четвертого по протяжен-

ности в мире. Турецкая сторона также привлекает японские компании для строительства моста через пролив Дарданеллы.

В рамках декларации о стратегическом партнерстве стороны договорились о сотрудничестве в области проектов в оборонной промышленности. Так, японская компания *Mitsubishi Heavy Industries* планировала создание совместного предприятия для производства моторов для танков, что полностью должно было снять существующие в Японии ограничения в отношении экспорта вооружения. Об этом министр обороны Турции И. Йылмаз заявил в своем интервью японской газете *Nihon Keizai* 30 декабря 2013 г.: «Мы создаем с *Mitsubishi* группу по разработке моторов для танков и комплектующих и планируем производство нового поколения танков *Altay*⁴³. (Разработка танков проходила совместно с Южной Кореей). Однако в 2014 г. министерство обороны Турции прекратило переговоры с японской стороной относительно этого проекта из-за действующего в Японии запрета на военный экспорт. По словам руководителя Секретариата оборонной промышленности (*SSM*) Турции Мурада Байяра, сделка снята с повестки, но стороны договорились о военно-техническом сотрудничестве по другим направлениям⁴⁴. В перспективе Турция намерена наладить с японскими компаниями производство моторов для вертолетов, беспилотников и инфракрасных датчиков, а также энергоустановок для подводных лодок и кораблей⁴⁵.

Существует большой потенциал для кооперации между Турцией и Японией в сфере авиации и аэрокосмической индустрии. Так, запуск на орбиту 15 февраля 2014 г. созданного в Японии компанией *Mitsubishi Electric* спутника *Tursat 4A* с космической станции Байконур, расширил коммуникационные возможности связи Турции в 3 раза и создал возможности для трансляций телевизионных передач по большому периметру Европы, Азии, Ближнего Востока, Африки. В дальнейшем ожидается запуск и эксплуатация спутника *Türksat 5A*.

Турция намерена объявить тендер в отношении создания противозвушной системы для баллистических ракет. Учитывая подписание соглашения о стратегическом партнерстве между Турцией и Японией, существует большая вероятность дальнейшего участия Японии в области расширения экспорта технологий в оборонной области.

Можно привести примеры успешной деятельности на турецком рынке фармацевтической компании *Takeda*, крупнейшей в Японии и

15-й в мире, а также японской компания *Mayekawa Inc.*, специализирующейся на холодильных установках, для которых Турция стала ключевым развивающимся рынком (в отличие от перенасыщенного европейского рынка).

Развивается сотрудничество японской автомобильной компании *Mitsubishi* с турецкими компаниями. Как известно, по производству автомобилей Турция занимает шестое место в Европе. Здесь производятся или собираются автомобили иностранных марок *Ford, FIAT, Renault, Toyota, Honda, Opel, Hyundai, Mercedes-Benz* и *MAN*. Компания *Mitsubishi* запланировала строительство предприятия по производству автомобилей в городе Умрание недалеко от Стамбула. Строительство предприятия по производству автомобилей — не первое инвестирование японской компании в Турцию. Ранее *Mitsubishi Electric* уже инвестировала в экономику страны 28 млн лир⁴⁶. Среди перспективных проектов Япония рассматривает свое участие в проекте строительства и модернизации ТЭС в Афшин-Эльбистане, где находится 40% залежей лигнита.

Важное значение приобретает регулярное проведение семинаров и конференций, целью которых является сближение японской и турецкой бизнес-элит. Одним из таких примеров может служить создание в 2007 г. получившего своего закрепление в ходе визита в Японию тогдашнего президента Турции А. Гюля турецко-японского рабочего форума. Большая роль в двустороннем сотрудничестве отводится турецкому посольству в Токио, которое занимается «открытием Турции для иностранных инвестиций»⁴⁷. С 1983 г. функционирует японо-турецкий экономический комитет (*JTC*) созданный Японской федерацией экономических организаций (*Keidanren*) и Советом по экономическим связям Турции (*DEIK*), состоящий из представителей правительства, частного сектора и академической науки обеих стран. Комитет инициировал ряд соглашений, в частности, «Соглашение между Японией и Республикой Турция о взаимном поощрении и защите инвестиций» 1993 г., «Конвенцию между Японией и Республикой Турция об исключении двойного налогообложения и предупреждении налоговых уклонений в отношении налогов на прибыль» 1994 г. Несмотря на то, что эти соглашения были обычными рабочими документами, тем не менее, по утверждению профессора японского университета Акита С. Моррисона, «они явились предпосылкой для более тесных эконо-

мических отношений и заложили основу для двустороннего стратегического сотрудничества»⁴⁸.

В марте 2018 г. в Токио проходила японо-турецкая конференция по строительству с участием представителей строительных компаний и государственных финансовых учреждений обеих стран. По мнению министра экономики Турции Н. Зейбекчи, принимавшего участие в этой конференции, «партнерство двух стран в реализации инфраструктурных проектов в странах Африки и Центральной Азии имеет большие перспективы. Япония обладает финансами и технологиями. Турция же имеет строительные навыки, т.к. турецкие строительные компании занимают второе место в мире по участию в зарубежных проектах»⁴⁹.

Обе стороны придают важное значение Соглашению об экономическом сотрудничестве (ЕРА) между Японской организацией содействия развитию внешней торговли (*JETRO*) и Турецким агентством по поддержке и привлечению инвестиций при премьер-министре (*ISPAT*). Переговоры о его заключении начались в 2015 г. Предполагается, что соглашение будет более всеобъемлющим, чем соглашение о свободной торговле и будет охватывать все области сотрудничества, включая торговлю товарами и услугами, инвестиции. Ведутся переговоры по охране окружающей среды между Турцией и Японией. *JETRO* и *ISPAT*, регулярно проводят инвестиционные семинары в Японии, организуют деловые поездки в Турцию для представления инвестиционных возможностей главным образом в автомобильном и нефтехимическом секторах, а также секторах производства продуктов питания, напитков и табака. Кроме того, продолжаются мероприятия, которые реализуются в Турции для японских инвесторов, и проводится прием делегаций из Японии в организованных промышленных зонах и зонах свободной торговли в Стамбуле, Измире и Манисе. В целом японо-турецкое экономическое сотрудничество можно считать достаточно эффективным. Развивая инфраструктуру Турции и расширяя доступ к новым технологиям, Япония способствует развитию широких секторов турецкой экономики и ее диверсификации. Создание совместных японо-турецких предприятий привлекает новые технологии и менеджмент, повышая конкурентоспособность турецких компаний. Несмотря на активное развитие двусторонних экономических связей между Японией и Турцией, объем товарооборота

долгие годы оставался относительно скромным, а его структура — достаточно традиционной для японо-турецких отношений. Вместе с тем, хотя вопросы дисбаланса в торговле между двумя странами важны, они едва ли способны стать серьезным препятствием для дальнейшего развития двусторонних экономических отношений, которые представляются вполне стабильными.

По заявлению бывшего премьер-министра Турции А. Давитоглу, «Япония для нас является естественным стратегическим и экономическим партнером. Между Турцией и Японией не существует экономических конфликтов. Все, что есть у Японии является активом для Турции, и все, что есть у Турции является активом для Японии»⁵⁰. Как отмечает С. Моррисон, «современное состояние двусторонних экономических отношений между Японией и Турцией и активизация переговоров о заключении соглашения о свободной торговле между ними явились результатом совместных действий деловых кругов обеих стран и лоббирования частного сектора. Их также можно рассматривать, как ответные действия политических и бюрократических кругов на лоббирование и усилия по получению стратегической и геополитической выгоды от развития двусторонних отношений. Поскольку обе страны находятся на этапе заключения соглашения о свободной торговле, можно сделать вывод, что главным потенциальным достижением для двух стран являются экономические отношения. Для Турции — это торговля, выгодные прямые инвестиции и потенциальная занятость населения. Для Японии — это дополнительные поставки продуктов питания и вторичных услуг, доступ к турецкому потребительскому рынку и рынку трудовых ресурсов наряду с близостью Турции к многообещающим (но удаленным) рынкам других стран для японских товаров»⁵¹.

Таким образом, по основным направлениям двусторонних экономических отношений обе стороны имеют немало объективных предпосылок для их развития. Однако дальнейшее развитие двусторонних экономических отношений между Японией и Турцией зависит не только от продолжения успешного экономического сотрудничества между ними, но и от общего контекста международных отношений в Восточной Азии, а также от глобальных тенденций в международных отношениях, от состояния отношений Японии с Китаем, от перспективы роста военных расходов Японии.

- ¹ www.mofa.go.jp/files/00004160.pdf.
- ² Is a Turkish-Japanese Trade Agreement Imminent? // www.tedefence.com/?p=3176 (10.05.2014).
- ³ Turkish Daily News, 02–03.07.1988.
- ⁴ Далее — долл.
- ⁵ Turkish Daily News. 02–03.07.1988.
- ⁶ Turkish Daily News. 20–21.08.1988.
- ⁷ Визит президента Турции в Японию и турецко-японские отношения // inosmi.ru/world.20080609/241894.html (15.10.2010).
- ⁸ The Middle East Economic Digest. 21.05.1986. P. 86.
- ⁹ Turkish Daily News. 02–03.07.1988.
- ¹⁰ The Middle East Economic Digest. 01.02.1984. P. 24.
- ¹¹ Milliyet. 27.11.1987.
- ¹² Milliyet. 27.11.1987.
- ¹³ JETRO Global Trade and Investment Report 2014 // jetro.go.jp/en/reports/white_paper.
- ¹⁴ Foreign Investment in Turkey Doubles in Last Five Years // www.ey.com/GL/tm/Newsroom/News-release/NewsForeign-investment-in-turkey-doubles-in-last-five-years (10.03.2018).
- ¹⁵ Japan and Turkey Seizing the Potential for Growth // Asialawportal.com/2014/11/27/japan-and-turkey-seizing-the-potential-for-growth (16.02.2015).
- ¹⁶ Foreign Investment in Turkey Doubles in Last Five Years // www.ey.com/GL/tm/Newsroom/News-releases/NewsForeign-investment-in-turkey-doubles-in-last-five-years (10.03.2018).
- ¹⁷ Turkey's Changing Foreign Policy Stance: Getting Closer to Asia? // twww.mei.edu/node/7975 (15.03.2018).
- ¹⁸ Japonya Ülke Bülteni. DEİK. March 2012 // www.mei.edu/node/7975 (10.03.2018).
- ¹⁹ Japonya Ülke Bülteni. DEİK. March 2012 // www.mei.edu/node/7975 (10.03.2018).
- ²⁰ Turkey's Economy Minister Seeks Japan Trade Pact This Year // www.hurriyetdailynews.com/turkeys-economy-minister-seeks-japan-trade-pact-this-year-128490 (10.03.2018).
- ²¹ Turkey's Economy Minister Seeks Trade Pact This Year // asia.nikkei.com/Politics-Economy/International-Relations/Turkey-s-economy-minister-seeks-japan-trade-pact-this-year (10.03.2018).
- ²² Vision on New Industrial Structure. Japan's Strategies for Taking the Lead in the Fourth Industrial Revolution // www.meti.go.jp/en/policy/economy/growth/report20100618.pdf (15.03.2018).
- ²³ Is Turkey Turning Its Face Away from Japan to China and Korea? // sam.gov.tr/wp-content/uploads/2016/11/perceptions_Spring2016145-62.pdf. P.58. (08.03.2018).
- ²⁴ Turkey Has 'Best' Opportunities for Japanese Firms // thefrontierpost.com/turkey-has-best-opportunities-for-japanese-firms (12.03.2018).
- ²⁵ Turkey's Economy Minister Seeks Japan Trade Pact This Year // asia.nikkei.com/Politics-Economy/International-Relations/Turkey-s-economy-minister-seeks-japan-trade-pact-this-year (12.03.2018).
- ²⁶ www.mofa.go.jp/region/middle_t/turkey/data.html.
- ²⁷ См. подр. *Иванова И.И., Ледовская О.А.* Турция и Япония: партнерство набирает силу // Восточная аналитика. Выпуск 1. 2016. М.: ИВ РАН, 2017. С. 77–78.
- ²⁸ ORSAM. Japan – Turkey Dialogue on Global Affairs. Report № 207. March 2017. P. 51.
- ²⁹ Is Turkey Turning Its Face Away from Japan to China and Korea? // sam.gov.tr/wp-content/uploads/2016/11/perceptions_Spring2016145-62.pdf. P. 58 (08.03.2018).
- ³⁰ ORSAM. Japan–Turkey Dialogue on Global Affairs. Report № 207. March 2017. P. 46–49.

³¹ Torgovoe Soglashenie Mezhdru ES i Yaponiej. Osnovnyye Momenty // fdlx.com/business-world/94146-torgovoe-soglashenie-mezhdru-es-i-yaponiej-osnovnyye-momenty.html (12.03.2018).

³² Torgovoe Soglashenie Mezhdru ES i Yaponiej. Osnovnyye Momenty // fdlx.com/business-world/94146-torgovoe-soglashenie-mezhdru-es-i-yaponiej-osnovnyye-momenty.html (12.03.2018).

³³ Turtsia Khochet Ustanovit Zonu Svobodnoy Torgovli s Yaponiej // www.unitrade.su/novosti/turtsiya_khochet_ustanovit_zonu_svobodnoy_torgovli_s_yaponiej.html (15.03.2018).

³⁴ Turkey's Economy Minister Seeks Japan Trade Pact This Year // asia.nikkei.com/Politics-Economy/International-Relations/Turkey-s-economy-minister-seeks-Japan-trade-pact-this-year (10.03.2018).

³⁵ Turkey's Economy Minister Seeks Japan Trade Pact This Year // asia.nikkei.com/Politics-Economy/International-Relations/Turkey-s-economy-minister-seeks-Japan-trade-pact-this-year (10.03.2018).

³⁶ Turkey's Economy Minister Seeks Japan Trade Pact This Year // asia.nikkei.com/Politics-Economy/International-Relations/Turkey-s-economy-minister-seeks-Japan-trade-pact-this-year (10.03.2018).

³⁷ Turkish Daily News. 05.07.1988.

³⁸ Turtsiya Khochet Ustanovit Zonu Svobodnoy Torgovli s Yaponiej // www.unitrade.su/novosti/turtsiya_khochet_ustanovit_zonu_svobodnoy_torgovli_s_yaponiej.html (15.03.2018).

³⁹ Ледовская О.А. Стратегическое партнерство между Японией и Турцией в период правления Партии справедливости и развития // Эпоха правления в Турции Партии справедливости и развития: промежуточные итоги и прогнозы. М.: ИВ РАН, 2017. С. 169–171.

⁴⁰ Асахи симбун. 30.10.2013.

⁴¹ Асахи симбун. 30.10.2013.

⁴² Цит. по: *Bekrshire J.Miller*. Japan's Strategic Push with Turkey // *The Diplomat*. 18.03.2014.

⁴³ Nihon Keizai simbun. 30.12.2013.

⁴⁴ Japan-Turkey Scar Talks on Tank Engine Supply Deal // www.4-traders.com/MITSUBISHI-HEAVY-INDUSTRI-6491254/news/Japan-Turkey-scrap-talks-on-tank-engine-supply-deal-18019138 (12.03.2018).

⁴⁵ Nihon Keizai simbun. 30.12.2013.

⁴⁶ Mitsubishi Postroit v Turtsii Avtomobilnyy Zavod // vestikavkaza.ru/news/Mitsubishi-postroit-v-Turtsii-avtomobilnyy-zavod.html (12.03.2018).

⁴⁷ Визит президента Турции в Японию и турецко-японские отношения // inosmi.ru/world/20080609/241894.html (15.10.2010).

⁴⁸ *Scott Morrison*. Japan and Turkey: The Contours and Current Status of an Economic Partnership/free Trade Agreement // *Japan-Turkey Dialogue on Global Affairs*. ORSAM. Report № 207. March 2017. P. 188.

⁴⁹ Turkey's Economy Minister Seeks Japan Trade Pact This Year // www.hurriyetdailynews.com/turkeys-economy-minister-seeks-japan-trade-pact-this-year-128490 (10.03.2018).

⁵⁰ Japan 'First Priority' on New Government's Agenda // Interview with Turkish PM. *Asahi shimbun* (13.11.2015).

⁵¹ *Scott Morrison*. Japan and Turkey: The Contours and Current Status of an Economic Partnership/ free Trade Agreement // *Japan-Turkey Dialogue on Global Affairs*. ORSAM. Report № 207. March 2017. P. 188.

Устинова Т.Н.

Япония и Китай: особенности отношений на современном этапе

В статье рассматриваются особенности и перспективы японо-китайских отношений на современном этапе. Внимание уделяется трем основным аспектам отношений: политическому, экономическому и культурному. Рассмотрены причины (в том числе и исторические) сохранения напряженности в политических отношениях при активном развитии экономического и культурного сотрудничества.

Ключевые слова: Япония, Китай, политические отношения, экономическое сотрудничество, культурный диалог.

Япония и Китай являются ближайшими соседями и традиционно общаются друг с другом как официально, так и неофициально. Исторически отношения между государствами складывались непросто, особенно учитывая восьмилетнюю войну, которую Япония вела против Китая с 1937 по 1945 г. Особенно тяжелой страницей в истории этой войны была Нанкинская резня, когда в 1937 г. японские военные уничтожили 500 тысяч китайских граждан. После окончания войны в 1945 г. между Японией и Китаем сохранялись напряженные отношения, которые можно назвать «холодной войной». Это было обусловлено проамериканской политикой и антикитайским настроем руководства Японии. Одновременно в Японии начинаются серьезные экономические реформы, известные как «доктрина Ёсида» — названная по имени первого послевоенного премьер-министра Японии С. Ёсиды. Реформы были направлены на послевоенное развитие экономики Японии и превращение страны в серьезный экономический и политический центр силы на международной арене. С. Ёсида неоднократно заявлял, что для того, чтобы максимально расширить свое влияние, Японии необходимо стремиться охватить как можно большее количество стран. В том числе он подчеркивал важность Китая как огромного рынка. Поэтому

в 1950-е гг. между двумя странами начинает развиваться экономическое сотрудничество.

Таким образом, именно в 1950-е гг. между Японией и Китаем сложилась особая форма взаимоотношений: если в политическом плане между ними сохраняется определенная напряженность, то экономические связи интенсивно развивались¹.

Такие отношения — прохлады в политике и развитие в экономике — сохранялись до конца 1970-х гг. Но подписание в 1978 г. японо-китайского Договора о мире и дружбе стало первым шагом к окончанию «холодной войны». А последующие крупные и регулярные японские инвестиции в китайскую экономику, а также такие политические акции, как, например, очень сдержанная критика со стороны руководства Японии событий 1989 г. в Китае — силового разгона демонстрации на площади Тяньаньмэнь в Пекине — привели к ее окончательному завершению.

В 2000-е гг. экономическое сотрудничество между Японией и Китаем развивалось значительными темпами. Но в это же время стало очевидно, что Китай уже не является страной с отстающей экономикой, что руководство Китая проводит активные экономические реформы, и страна постепенно становится лидером не только в Восточной Азии, но и во всем мире. Именно этот факт и определяет особенности японо-китайских отношений в период с 2010 г. по настоящее время.

Сотрудничество Японии и Китая можно разделить на 3 основных направления. Первое — политический аспект. Здесь приоритетом для Японии является национальная безопасность страны. Состояние японо-китайских отношений оказывает значительное влияние на всю систему международных отношений и на расстановку сил в регионе. Поэтому, хотя значительное укрепление экономических и политических позиций Китая после 2010 г. способствовало развитию экономического сотрудничества между двумя странами, с одной стороны, с другой — это вызвало настороженность в правящих кругах Японии и также в руководстве США, которое однозначно воспринимает этот факт как угрозу своим интересам. Во многом и по этой причине США и Япония продолжают укреплять свой военно-политический союз, на чем делают акцент в своих официальных внешнеполитических заявлениях.

В отношениях Японии с Китаем есть еще одна серьезная проблема. Это то затухающий, то вновь активизирующийся территориаль-

ный спор по поводу островов Сэнкаку (или по-китайски Дяюйдао). В моменты, когда обстановка обостряется, в Китае происходят массовые антияпонские демонстрации, вплоть до причинения материального ущерба офисам и автомобилям расположенных в стране японских фирм. Поэтому политические отношения двух государств являются противоречивыми, несмотря на попытки заключать соглашения по предотвращению конфликтных ситуаций².

В начале 2017 г. в регионе возникла угроза ядерного конфликта. Большую озабоченность у Японии вызвали сделанное в январе 2017 г. заявление руководителя КНДР Ким Чен Ына о продолжении наращивания военной мощи КНДР и провозглашение им статуса Северной Кореи как военной державы, обладающей ядерным оружием³. Особую тревогу вызывают слова руководства КНДР о необходимости испытания межконтинентальной баллистической ракеты, после чего в феврале и марте 2017 г. последовали запуски этих ракет, одна из которых упала в опасной близости от японской территории. Руководство Японии обеспокоено отсутствием активного противодействия заявлениям лидера КНДР со стороны китайского руководства. Правда, после появления информации о возможной встрече Дональда Трампа и Ким Чен Ына весной 2018 г. Япония проявляет осторожный оптимизм, по-прежнему рассчитывая в основном на военно-политический союз с Соединенными Штатами⁴.

К тому же есть проблемы и в современных отношениях Японии и с другим влиятельным актором в регионе — Южной Кореей. Несмотря на экономическое сотрудничество и политические декларации, между двумя странами сохраняется напряжение и остается немало нерешенных проблем. Они носят как экономический характер — периодически возникают торговые войны, так и политический. Дело в том, что у Японии существуют нерешенные территориальные проблемы и с Южной Кореей: это спор вокруг островов Токто, расположенных в Японском море. Архипелаг Токто является самой восточной частью Южной Кореи и состоит из двух больших островов: Содо и Тондо. Общая площадь островов 187453 кв. метров⁵. Япония претендует на эту территорию и называет острова Такэсима (в переводе — Бамбуковые острова)⁶. Они отличаются прежде всего необыкновенно красивой природой, но самое главное, что в омывающих их водах водится большое количество ценных промысловых рыб, моллюсков и водорослей. Конфликт периодически обостряется; например, 10 августа

2012 г. острова Токто посетил президент Южной Кореи Ли Мен Бак. Он стал первым корейским президентом, осуществившим визит туда. В ответ на это последовала резкая реакция МИД Японии, был временно отозван посол Японии в Сеуле и выражен протест послу Южной Кореи. В Южной Корее время от времени проходят митинги и демонстрации против Японии, причем они носят зачастую агрессивный характер. Учитывая, что и в Китае и в Корее до сих пор не забыли времена японской оккупации, понятно, что в случае обострения обстановки Китай примет сторону Южной Кореи.

Еще одним значимым фактором двусторонних политических отношений Японии и Китая является укрепление и значительное развитие сотрудничества последнего с Россией. Япония (как и США) все-таки опасается заключения между Россией и Китаем полноценного военного союза, который безусловно рассматривается японской стороной как угроза собственной безопасности. Тот факт, что Китай активно пытается привлечь Россию на свою сторону в давнем двустороннем территориальном споре об островах Сэнкаку, также является для Японии раздражающим элементом.

Япония также стремится не допустить возрастающего влияния Китая и на страны совсем в других регионах. В частности, в январе 2018 г. японский премьер-министр С. Абэ посетил страны Балтии (Литву, Латвию и Эстонию), Болгарию, Румынию и Сербию. Визит С. Абэ в эти страны, по оценке работающего в Университете Мэйди профессора политологии Л. Топалова, был вызван в первую очередь желанием продемонстрировать, что Япония является глобальным политическим и экономическим актором в любом регионе, тем самым снижая степень экономического влияния Китая, которое в этих странах благодаря активно развивающемуся торговому сотрудничеству и возрастающему товарообороту является значительным. Л. Топалов подчеркивает, что эта поездка является проявлением характерной для Японии последних лет «мягкой силы» в отношении многих стран⁷.

Таким образом, политические отношения между Японией и Китаем, хотя и не могут быть определены термином «холодная война», остаются довольно прохладными.

Второе направление — торгово-экономическое сотрудничество. В этой области отношения между двумя странами интенсивно развиваются. Например, Япония, как и представители еще почти 80 госу-

дарств, приняла участие в экономическом форуме «Летний Давос 2017», прошедшем в Даляне 29 июня 2017 г.⁸. Сотрудничеству способствуют как экономический рост Китая, так и масштабные японские инвестиции в китайскую экономику. Ежегодно заключаются новые экономические соглашения, хотя полностью избежать торговых войн не удастся в связи с одновременно растущим соперничеством между Японией и Китаем в экономическом плане. Большое значение в развитии экономического сотрудничества имеет также позиция США, которые не хотят чрезмерного развития партнерских отношений между Китаем и Японией, поскольку это может привести к ослаблению влияния Соединенных Штатов в этом регионе.

Особенно важным торгово-экономическое сотрудничество между Японией и Китаем является в эпоху глобализации. Хотя Япония и Китай относятся к этому процессу по-разному. Реформы в Китае осуществляются постепенно. Сначала создавались смешанные с иностранным капиталом предприятия, и только позже стали появляться предприятия исключительно с иностранными инвестициями. Инновации в экономической и социальной сферах применяются только с учетом китайской национальной специфики. Китай старается развивать социальную сферу параллельно с экономикой. Интересы государства для Китая всегда будут первичны. Китай полностью отвергает политическую глобализацию, чтобы избежать вмешательства других государств в свои внутренние дела, но активно участвует в мировой экономической системе и старается привлекать от США и западных стран дополнительные инвестиции в собственное развитие.

Китайское руководство хорошо понимает роль науки и образования в эпоху глобализации и поэтому вкладывает немалые средства в научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР). В бюджете расходы на НИОКР ежегодно повышаются и составляют около 2% ВВП⁹. В жизни Китая значительное место занимают Академия наук КНР, Академия общественных наук и Академия инженерных наук. Все крупные экономические проекты проходят экспертизу в каждой из этих Академий.

Благодаря удачному проведению реформ, постепенному вхождению страны в процессы глобализации при сохранении национального самосознания и приоритете государственных интересов Китай в настоящее время занял второе место в мире как экономическая дер-

жава (после США). С этим вынуждены считаться все государства, и это является одним из важнейших факторов двусторонних отношений Китая с другими странами.

Активными темпами развивается экономическое сотрудничество Японии и Китая, в частности, в июне 2014 г. обе страны при взаиморасчетах отказались от привязки к доллару США и обменивают валюту напрямую: японские иены на китайские юани и наоборот¹⁰. А в октябре 2015 г. обе страны совместно с Россией подписали соглашение о межрегиональных экономических обменах. В рамках этого соглашения стороны договорились проводить ежегодные совещания по очереди в каждой из стран-участниц, поддерживать проведение различных торгово-экономических мероприятий, создать посвященную этому онлайн-информационную платформу¹¹.

Поэтому в ближайшие десятилетия можно будет наблюдать дальнейшее развитие двусторонних отношений, особенно в экономической области. Свидетельство тому — заявление премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна, которое он сделал 12 апреля 2017 г. на встрече с бизнес-делегацией из Японии. В частности, он заявил, что Китай готов вывести отношения с Японией на новый путь развития, особенно если обе стороны будут придерживаться принципов, изложенных в ключевых политических документах, заключенных между двумя странами, и их взаимодействие будет направлено на поддержание мира, дружбы и сотрудничества¹².

В мае 2018 г. министр коммерции КНР Чжун Шань и министр экономики и промышленности Японии Х. Сико в присутствии премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна и премьер-министра Японии Синдзо Абэ подписали меморандум «Об усилении сотрудничества в сфере торговли услугами».

Также был подписан меморандум «О сотрудничестве Китая и Японии на третьих рынках». Его подписали государственный комитет по делам развития и реформ КНР и министерство коммерции КНР совместно с министерством иностранных дел Японии и министерством экономики и промышленности Японии. Была достигнута договоренность о создании «двустороннего механизма сотрудничества в сфере торговли услугами» и об активном стимулировании взаимовыгодного сотрудничества в сфере услуг, а также об укреплении сотрудничества на третьих рынках, о создании в рамках механизма

китайско-японского экономического диалога на высоком уровне межведомственного «рабочего механизма в сфере продвижения сотрудничества Китая и Японии на третьих рынках» и о проведении «Форума по сотрудничеству Китая и Японии на третьих рынках»¹³.

В настоящее время отмечается тренд на стабилизацию и новый рост торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Японией. В 2017 г. общий объем двусторонней торговли вновь вернулся к отметке в 300 млрд долл.

Следовательно, в отличие от политических отношений, экономическое сотрудничество Японии и Китая в ближайшие годы будет активно развиваться, так как в этом заинтересованы обе стороны.

Третье направление — японо-китайские культурные связи. В рамках этого направления большое значение имеет разработка специальных программ по повышению имиджа Китая в Японии и наоборот. Предпринимаются меры по широкому изучению в Японии китайского языка. Значительную роль в этом играют институты Конфуция.

Немаловажным является и общность культур китайцев и японцев. В 2013 г. был запущен проект выбора «культурной столицы» Восточной Азии. Кроме Японии и Китая, активное участие в этом проекте принимает и Республика Корея. В рамках этого проекта «культурной столицей» Восточной Азии в 2018 г. выбран Харбин¹⁴. Цель проекта — более глубокое изучение культур друг друга, что, несомненно, повлечет за собой рост доверия между народами этих стран.

В октябре 2017 г. в Токио прошли «Дни Китая 2017». В мероприятии приняли участие более 100 тыс. человек. Японцы познакомились с традиционными китайскими блюдами, могли приобрести китайские товары, а также принять участие в разнообразных познавательных и развлекательных программах.

Развивается и туристическое направление. Японцы посещают Китай, китайцы посещают Японию. 23–24 мая 2016 г. в Китае (Далянь) прошла китайско-японская конференция по туризму. Результатом стало принятие «Даляньской декларации» — документа, провозгласившего дальнейшее развитие двусторонних туристических отношений.

Можно утверждать, что японо-китайское сотрудничество будет развиваться далее. Это подчеркнул и премьер-министр Японии С. Абэ во время своего выступления на новогоднем вечере информационного агентства Дзидзи Цусин. Он сказал, что в год 40-летия подписания

Договора о мире и дружбе японско-китайские отношения будут стремительно развиваться¹⁵. Однако в реальности вряд ли темпы этого развития будут очень быстрыми из-за наличия таких факторов, как противодействие чрезмерному сближению двух стран со стороны Соединенных Штатов и сохраняющееся недоверие друг к другу у народов как Японии, так и Китая. США не без оснований опасаются, что, если вдруг в регионе Восточной Азии будет создан новый мощный альянс между Японией и Китаем, то возникнут проблемы с необходимостью присутствия в этом регионе американских военных баз. И в глобальном смысле влияние США в Восточной Азии существенно снизится. Поэтому Америка будет делать все возможное, чтобы не допустить подобного союза, а это будет тормозить развитие двусторонних японо-китайских отношений. Что касается недоверия народов Японии и Китая друг к другу — то активное экономическое и культурное сотрудничество между двумя странами постепенно приведет к снижению степени этого недоверия, а в будущем, возможно, и полному его исчезновению.

¹ *Арешидзе Л.Г.* Международные отношения в Восточной Азии: угрозы и надежды. М.: Международные отношения, 2007. С. 153.

² Japan rules the Senkaku // The Japan Times // www.japantimes.co.jp/opinion/2011/09/09/editorials/japan-rules-the-senkaku/#.WvdEOC5uZ9M (09.09.2018).

³ Japan's Foreign Policy that Takes a Panoramic Perspective of the World Map. // Ministry of Foreign Affairs of Japan // www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2017/html/chapter2/c020101.html (22.03.2018).

⁴ Trump to meet Kim Jong Un by May for 1st U.S.-N. Korea summit // Kyodo News // english.kyodonews.net/news/2018/03/e56917792e67-update1-s-korea-to-make-major-announcement-on-n-korea-trump.html (12.03.2018).

⁵ Единая Корея // mojseul.ru/kultura/dostoprimechatelnosti/ostrova-tokto.html (09.05.2018).

⁶ Единая Корея // mojseul.ru/kultura/dostoprimechatelnosti/ostrova-tokto.html (09.05.2018).

⁷ *Topaloff, Liubomir K.* Japan, China and the Western Balkans // The Diplomat. 22.01.2018 // thediplomat.com/2018/01/japan-china-and-the-western-balkans/ (11.05.2018).

⁸ Dalian News. english.runsky.com/2017-06/29/content_5718121.htm (13.04.2018).

⁹ Расчеты ИКСИ по данным прогноза Industrial Research Institute (ISI) // icss.ru/vokrug-statistiki/rasxodyi-na-niokr (10.05.2018).

¹⁰ «Россия в XXI веке». 02.07.2014 // 21russia.ru/news/economics/2014-06-02/rossiya-kitai-yaroniya-otkazalis-ot-dollar (02.05.2018).

¹¹ Агентство Синьхуа, 10.10.2015 // russian.cri.cn/841/2015/10/30/1s564260.htm (28.04.2018).

¹² Агентство Регнум, 12.04.2017 // regnum.ru/news/economy/2261939.html (20.04.2018).

¹³ Trend News Agency, 10.05.2018 // www.trend.az/world/china/2900980.html (12.05.2018).

¹⁴ Агентство Синьхуа // russian.news.cn/2017-08/08/c_136508126.htm (07.05.2018).

¹⁵ Агентство Синьхуа, 06.01.2018 // russian.news.cn/2018-01/06/c_136875209.htm (10.05.2018).

Этноконфессиональные проблемы и проблемы миграции

Ланда Р.Г.

Рождение страны Аль-Андалус (арабы в Испании в VII–IX вв. н.э.)

В статье говорится о первых веках существования государства Аль-Андалус на территории современной Испании, о влиянии Аль-Андалус на экономику и культуру.

Ключевые слова: Аль-Андалус, Испания, арабские завоевания, арабы, берберы, франки, вестготы, влияние Аль-Андалус на экономику и культуру.

Страна Аль-Андалус возникла в ходе арабских завоеваний VII–IX вв. Арабы захватили Египет в 639–646 гг. и продолжили свое движение на запад, уже в 643 г. достигнув Триполи. Преодолевая сопротивление византийцев, владевших тогда всем севером Африки, они вторглись в 647 г. в Ифрикийю (нынешний Тунис). Дальнейшее их продвижение несколько застопорилось ввиду упорного сопротивления местных берберов, умело оборонявших горы и предгорья Среднего и Дальнего Магриба (будущих Алжира и Марокко).

Примерно тогда арабы узнали, что ранее в Магриб приходили с Иберийского полуострова вандалы, вытесненные оттуда другими германцами-вестготами. По мнению большинства историков, именно поэтому арабы называли Испанию «страной вандалов», по-арабски «Биляд аль-Вандалус». Звук «в» в арабском языке слабый и нередко

опускается. Отсюда и возникло название Биляд аль-Андалус или просто Аль-Андалус¹. Встречаются и другие объяснения этого наименования². Обилие легенд и противоречивых их толкований породило и соответствующую литературу, доводящую эти толкования до да³. Следует также указать на наличие в испанской историографии целой школы во главе со знаменитым историком Клаудио Санчесом Альборносом, отрицающей какое-либо влияние арабов на Испанию, сохранявшую будто бы в неприкосновенности свое изначальное «латинство»⁴.

Споры об этом идут по сей день. Но все же большинство историков Европы, да, пожалуй, и Испании не склонны отрицать вклад арабов в цивилизацию Испании. Да и чисто практически трудно себе представить, чтобы столь богатая и, безусловно, лидировавшая в средние века арабская культура, доминировавшая на большей части территории Испании почти 800 лет (в 711–1492 гг.), не оказала на нее никакого влияния! Исследования большинства историков свидетельствуют, что совместное проживание арабов с коренными жителями Иберийского полуострова наложило глубокий отпечаток на жизнь, обычаи, культуру и искусство испанцев, особенно в Арагоне и Каталонии. По мнению британского исламоведа У. Монтгомери Уотта и филолога Пьера Какиа, культура всех жителей страны Аль-Андалус была единой «мусульманской настолько же, насколько христианской». Более того, они указывают, что «сегодняшние художники и ремесленники Испании до сих пор черпают вдохновение из мусульманских источников»⁵. Кроме того, надо вспомнить о 4 тыс. арабских слов в испанском и португальском языках и о признанном уже давно влиянии арабов на поэзию, фольклор, музыку, архитектуру, кулинарию, эстетику и быт всех жителей Средиземноморья, особенно западного. Это не должно удивлять, так как в ходе завоеваний VII–IX вв. арабы овладели почти всеми островами и побережьем Средиземноморья, господствуя на Кипре в 806–904 гг., на Крите в 825–961 гг., на Сицилии в 827–1091 гг., на Сардинии в 821–1022 гг., на Корсике в 810–1014 гг., на Мальте в 870–1229 гг. В 845–875 гг. они владели городом Бари на юге Италии, в 890–973 гг. областью Фраксинемум (ныне — Плато мавров) к востоку от Марсея⁶.

При этом следует учесть, что арабы любую территорию стремились завоевать не столько военной силой, сколько «сульхан», т. е. мирно, прежде всего в социальном, религиозном и «человеческом плане»

(через смешанные браки), а также, как это ни странно, многому учились у жителей завоеванных стран.

Поэтому не должно быть никакой недооценки вклада арабов в культуру, экономику и вообще жизнь общества не только Испании, но и всей Западной Европы. Этот вклад был не меньше соответствующего влияния Византии на разные аспекты социокультурного и прочего развития стран Ближнего Востока и Восточной Европы. Клаудио Санчес-Альборнос отмечает, что «Византийская империя и Аль-Андалус, будучи двумя великими державами Средиземноморья... поддерживали дружественные отношения». Он приводит довольно подробное описание историком Аль-Маккари приема в честь послов Византии правителем Аль-Андалуса. Послы «ни в чем не нуждались» по дороге из порта Печина до Кордовы, у ворот которой их встретили войска в полном вооружении, а в самой столице — дворцовая гвардия⁷.

Послы и их свита были размещены в загородной резиденции наследника престола эмира Хакама. При их приеме во дворце правителя присутствовали все его 8 сыновей, все министры, камергеры и служители дворца. Придворный, которому было поручено приветствовать послов, так волновался, что даже потерял сознание. Его тут же заменил один из гостей правителя, литератор из Ирака, речь которого так понравилась правителю, что он назначил его одним из верховных судей Аль-Андалуса и проповедником в мечети своей загородной резиденции в Мадинат аз-Захра⁸.

Вернемся несколько назад, дабы рассмотреть, как происходило завоевание арабами Иберийского полуострова. Сломив сопротивление сначала византийцев, а потом (с гораздо большим трудом) и берберов, арабы под водительством Сиди Окбы миновали горные кряжи Магриба и вышли к Атлантике. Здесь назначенный халифом Дамаска новый арабский наместник Муса ибн Нусайр вступил в контакт с комендантом Себты (Сеуты) графом Юлианом, который сообщил Мусе о неурядицах в королевстве вестготов, владевших тогда Иберийским полуостровом, о непопулярности их короля-узурпатора Родерика (Родриго испанских хроник) и о возможности сравнительно легкого завоевания его королевства. Как выяснилось впоследствии, граф Юлиан, который был, по свидетельству видного знатока Аль-Андалуса Пьера Гишара, «то ли византийским, то ли берберским, то ли вестготским

вождем» на службе у короля Родерика, изменил ему и вступил в союз с арабами, дабы отомстить королю за бесчестье своей дочери Флоринды⁹. С помощью Юлиана Муса послал на полуостров в июле 710 г. отряд из 400 воинов (в основном берберов) во главе со своим вольноотпущенником Тарифом. Это была разведка боем, окончившаяся удачно¹⁰. После этого Муса, сформировав небольшую армию в 7 тыс. воинов (в основном берберов и африканских наемников), переправил ее постепенно в октябре 710 г. — октябре 711 г. на полуостров. Командовал ею Тарик ибн Зияд вольноотпущенник Мусы (по данным Санчеса Альборноса перс из Хамадана, по другим сведениям — бербер)¹¹.

Король Родерик в это время подавлял один из бесчисленных мятежей на севере страны. Он двинул против Тарика свою 100-тысячную армию. Тарик, получивший подкрепление от Мусы, располагал 12 тыс. воинов. Однако к Тарику уже примкнули некоторые местные жители, ставшие его разведчиками и проводниками, так как правлением Родерика были недовольны не только преследуемые им греки, евреи и представители других национально-религиозных меньшинств, но и большинство вечно ссорившихся друг с другом вестготов. Низкий моральный дух армии Родерика определялся и поразившим тогда страну 3-летним голодом (последствием неурожая) и эпидемией чумы, выкосившей чуть ли не половину населения¹².

Кроме того, Родерик допустил грубую политическую ошибку, доверив командование левым и правым крылом своей армии Сисберто и Аббе, сыновьям умершего короля, которых Родерик лишил прав на престол. Неудивительно, что во время жестокой битвы двух армий на реке Рио Барбаке левый и правый фланги армии Родерика просто сбежали с поля боя, что и решило его исход. Судьба самого короля неизвестна. О нем потом ходили разные слухи, так как после битвы был найден лишь его конь. Но, очевидно, прав Пьер Гишар, сообщивший, что король, «несомненно, погиб в битве при Вади Лакко (Гвадалете)», которая «окончательно похоронила государственную структуру» королевства вестготов¹³.

После этого сопротивление арабам оказывали лишь отдельные города или даже феодалы, с которыми арабы предпочитали не воевать, а договариваться мирно («сульхан»). Таким путем сохранил, например, свою власть над областью Ориуэлы «бывалый и хитрый» сеньор Теодомир, который поспешил признать над собой власть халифа¹⁴.

Однако некоторые города с вестготским большинством оказывали жесткое сопротивление. Пример тому — битва под Эсихой, которую одни историки толкуют, как разгром «горстки отступавших вестготов», а другие считают «жестокой битвой», в которой мусульмане понесли большие потери¹⁵.

В то же время большинство городов арабы заняли сравнительно легко. Причины этого — ненависть большинства населения к грубым и наглым вестготам, захватившим 2/3 всех земель страны и купавшимся в роскоши, не платя никаких податей. Многие местные крестьяне были обращены в рабство, другие вынуждены были бежать от своих господ и создавать бандитские шайки. Именно поэтому, когда арабы подошли к Севилье, на их сторону перешел даже местный архиепископ, бывший братом умершего короля, род которого Родерик лишил престола¹⁶.

Кордову пытались защищать 400 воинов. Но предводитель подошедшего к городу отряда мусульман вольноотпущенник-африканец ар-Руми во главе 700 кавалеристов сумел с помощью пастуха из окрестностей города найти плохо защищенный участок крепостной стены, около которого росла пальма. Взобравшись на нее, один из арабов размотал свой тюрбан и с его помощью перебрался через стену. Его примеру последовали другие, проникшие таким путем в город и захватившие врасплох его защитников¹⁷. Еще раньше Тарик занял Толетум (будущее Толедо), не встретив почти никакого сопротивления¹⁸.

Узнавший об успехах Тарика, Муса ибн Нусайр лично прибыл на полуостров во главе 18 тыс. арабов. Эти воины участвовали в захвате Севильи в июле 712 г, а в 713 г. — Сарагосы. Тогда же он встретился с Тариком, который к тому времени завоевал полполуострова, однако сделал это вопреки приказу Мусы не заходить вглубь страны. Поэтому Муса не только не наградил Тарика, но даже ударил его хлыстом по лицу и приказал заковать в цепи¹⁹. Судя по всему, Муса был в гневе не из-за успехов Тарика, а из-за того, что Тарик всего добился без него. После этого Муса продолжил завоевание страны, которая практически уже не могла сопротивляться и чаще всего те или иные ее районы завоевывались «сульхан» (т.е. путем мирного соглашения).

О завоевании Испании сложилось немало легенд (в частности, о споре Мусы и Тарика из-за «Стола Соломона», якобы бывшего символом «богатства страны» и имевшего 365 ножек)! Но были и реальные сведения о сопротивлении, которое арабы встретили при осаде

Мериды в конце 712 г. и вплоть до середины 713 г. Но в то же время продолжалось их продвижение на север. Иными словами, Муса ибн Нусайр, осудивший «своеволие» Тарика, сам поступил точно также и, более того, постарался занять юг Галлии, являвшийся тогда частью вестготской монархии²⁰.

Но вскоре, в 714 г., и Муса, и Тарик были вызваны в Дамаск халифом аль-Валидом, пожелавшим разобраться, что же делали его полководцы в аль-Андалусе, не согласовывавшие свои действия с ним. При этом Муса предполагал во всем обвинить Тарика. Поэтому и вез его с собой в оковах, как будто бы «нарушившего» приказ халифа²¹. А страна, между прочим, еще не была полностью завоевана. Определенная часть вестготов нашла прибежище в горах Астурии, откуда они регулярно нападали на арабов. В 718 г. они сумели разбить отряд арабов, плохо ориентировавшихся в горной местности. Командовавший вестготами бывший телохранитель короля Родерика по имени Пелайо сразу же стал известен и впоследствии прославлен в христианских хрониках. В одной из них (короля Леона Альфонса III) рассказывалось, что Пелайо бежал в Астурию вместе со своей сестрой, дабы избежать «гнета исламской власти». И в погоню за ним будто бы отправилась целая армия из 187 тыс. мусульман (!), а также архиепископ Толедо, примкнувший к арабам. В завязавшемся сражении погибли 125 тыс. (!) «халдеев» (т.е. мусульман), а еще 73 тыс. из них нашли смерть при обрушении горы в реку Дево. В менее фантастической версии арабского историка аль-Маккари сообщается, что «дикий осел по имени Пелайо» организовал в Галисии мятеж христиан Аль-Андалуса, «начавших защищать оставшиеся у них земли». Но мусульмане «в борьбе против многобожников» (так они называли христиан) заставили их уйти на территорию франков, захватив Памплону в Галисии и оставив вне своей власти лишь скалу, на которую «бежал назвавшийся королем Пелайо с 300 чел.». На него бросили нападать, ибо его люди умирали от голода и с ним остались только 30 мужчин и 10 женщин. Они могли жить только медом диких пчел. А мусульмане выказали презрение к ним, заявив: «30 дикарей! Какой вред они способны нам причинить?»²².

Эта битва при Кавадонге, ставшая небольшой, но первой неудачей арабов на Иберийском полуострове, вопреки мнению арабских историков, причинила арабам немалый вред, став символом начала Ре-

конкисты, т.е. будущего отвоевания полуострова у арабов христианами. Но это произошло почти через 800 лет, в 1492 г. А до этой даты завоевание полуострова арабами, казавшееся поначалу беспроблемным, продемонстрировало ряд трудностей, в том числе неожиданных. Берберы, активно участвовавшие в завоевании и даже доминировавшие среди завоевателей, на некоторых его этапах оказались не очень надежными союзниками, неоднократно проявляя недовольство и неукротимую мятежность. Они были в курсе событий в Магрибе, отвергая все попытки арабов как-то ограничить их самостоятельность²³. В Аль-Андалусе бербер Мунуса, близкий к Тарику и даже назначенный арабами губернатором Леона, стал союзником и даже зятем герцога Эуда Аквитанского, под влиянием которого возманился свергнуть «арабское иго»²⁴.

Берберы были также недовольны привилегированным статусом арабов в Аль-Андалусе, вследствие чего берберам приходилось довольствоваться на полуострове худшими землями, в частности в горах или в примыкающих к христианам районах. Кроме того, и арабы, и берберы, не изжив своих старых противоречий (между северянами и южанами у арабов, между племенами и кланами у берберов), нередко сталкивались по разным поводам с местным населением, причем не только с христианами, но и с «мусульманами» (т.е. с принявшими ислам) и с их потомками («мувалладами», т.е. урожденными мусульманами)²⁵.

Положение Аль-Андалуса ухудшилось также вследствие недовольства в Дамаске правлением Мусы ибн Нусайра. Когда он достиг Дамаска в феврале 715 г. со многими дарами, халиф аль-Валид принял его милостиво, но скоро умер. Сменивший его халиф Сулейман (715–717), наоборот, унижал и всячески гнобил Мусу. В конце концов, Мусу сослали в далекую аравийскую деревню, где он и умер²⁶. Сулейман, как почти все последние Омейяды Дамаска, был аморальным деспотом, «похотливым обжорой», превратившим свою резиденцию в «место непристойных кутежей»²⁷.

Власть в Аль-Андалусе после отъезда Мусы была сосредоточена в руках его сына Абд аль-Азиза, который, продолжая дело отца, занял северные крепости Херону, Памплону и Таррагону, а на востоке (и чуть южнее) Мурсию, Малагу и Эльвиру. Однако в марте 716 г. его убил один из арабских восначальников, обвинив Абд аль-Азиза в том,

что он «слишком послушно следовал советам» своей жены Эгилонны, бывшей вдовы короля Родерика²⁸. Хотя это и внесло некоторую дезорганизацию в ряды завоевателей, завоевание продолжалось, причем — не по приказам из Дамаска, где власть Омейядов явно клонилась к упадку, а скорее по инерции или по чисто военной необходимости. Однако продолжавшиеся споры, разногласия и конфликты, в том числе внутриарабские и внутриберберские (реже), чаще — между завоевателями и коренными жителями (включая принявших ислам) долго мешали окончательной победе арабов²⁹. А если вспомнить, что за период 716–732 гг. в Аль-Андалусе правили 12 (!) губернаторов, то это само по себе говорило о неустойчивости власти в стране, потенциально мятежной и не преодолевшей разногласия и соперничество столкнувшихся на ее просторах разных этносов, конфессий, племен, кланов и групповых интересов³⁰.

Тем не менее, арабы продвинулись на юг Галлии и, заняв Нарбонн, совершили вторжения в Лангедок, область Тулузы и долину Луары. Несмотря на это, они явно чувствовали себя неуверенно. В частности, чеканившиеся ими монеты в 712–714 гг. были украшены мусульманскими надписями, но по-латыни, в 716–717 гг. украшались двуязычными надписями по-латыни и по-арабски, с 720 г. — только по-арабски. Название «Аль-Андалус» появилось на монетах тогда же³¹. Все это было признаком явной неуверенности и, соответственно, осторожности арабов. К этому их располагала и ситуация в Магрибе, через который Аль-Андалус имел связь со столицей халифата. Но в 724 г. берберы Магриба убили губернатора Кайруана Язида ибн Абу Муслима. После этого связь через Магриб стала еще менее надежной. К тому же, арабы уступали берберам по численности в Магрибе. Это как бы отдаляло арабов Аль-Андалуса от Дамаска. Некоторое значение имело и то обстоятельство, что арабы в Аль-Андалусе обзаводились женами берберского, иберийского и прочего происхождения и, не то чтобы забывали об Аравии и Сирии, но просто не стремились труда вернуться³².

В то же время возможности их экспансии на север были ограничены. После ряда поражений мусульман в Галлии и многочисленных смещений прошттрафившихся военачальников 14-м губернатором Аль-Андалуса стал Абд ар-Рахман аль-Гафики, обладавший «храбростью и мужеством рыцаря». Он два года налаживал работу своего

аппарата, «обращаясь к мусульманам и христианам с одинаковой добротой». После этого он собрал большую армию, в которую вошли «воины разного происхождения». Вторгшись в Аквитанию, аль-Гафики разгромил армию правившего этой областью герцога и позволил своим бойцам заняться грабежом области, особенно разоряя монастыри. После ряда мелких столкновений 25 октября 732 г. произошло сражение под Пуатье, в котором арабы потерпели неудачу, «не сумев организовать надежную оборону, а губернатор Кордовы (т.е. аль-Гафики) был убит»³³. Они не были разгромлены, но, потеряв своего предводителя, предпочли на следующий день отступить. С тех пор все историки Европы воспевают битву под Пуатье, называя ее «спасением Запада» и «началом средневекового рыцарства»³⁴.

По мнению Аль-Маккари, в войске аль-Гафики имела место «распущенность, проникающая в его ряды вследствие огромных богатств, которые тащили с собой его воины»³⁵. Иными словами, грабежи, которыми занималась армия аль-Гафики, сыграли с ней злую шутку. Однако, эта версия (которая дошла до нас в интерпретации французских историков) может быть и оспорена, так как после битвы при Пуатье арабы еще почти 30 лет оставались на территории Галлии. Их главную базу — Нарбонн — франки заняли только в 759 г. В конечном итоге арабы вынуждены были отойти к югу от Пиренеев. Но там они сумели «держаться более 700 лет и создать цивилизацию, не имевшую себе равных в западном христианстве»³⁶. Большую роль при этом сыграли многообразные демографические и сопровождавшие их этнические и культурные контакты завоевателей с коренными жителями страны и другими группами населения. В ходе завоевания шел процесс взаимодиффузии пришельцев с Востока (арабов, берберов, позже — славян) с самыми разными группами местного населения. Ежегодно сотни христианок привозились на «Двор девушек» в Севилье. Такова была дань, установленная для христиан арабскими правителями. В дальнейшем девушки оказывались в гаремах мусульман. Уже во время первых походов арабов на полуостров «тридцать тысяч христианок были использованы в этих целях». Таким образом, мусульмане заботились об увеличении своей численности в Аль-Андалусе, не полагаясь целиком на исламизацию, тем более, что она была добровольной. Но поскольку попадавшие во «Двор девушек» происходили из разных семей (иберийских, романских, греческих, вестготских и других), то, считает

социоэтнограф Гюстав Лебон, это вело к возникновению «новой расы, значительно отличающейся от тех рас, которые завоевали Испанию»³⁷. Причем этот процесс шел достаточно быстро, учитывая обычай мусульман иметь до четырех жен, не считая наложниц, дети от которых часто признавались законными.

Помимо демографического роста, арабы столкнулись на полуострове с необходимостью постоянно отражать набеги извне византийцев, басков, франков, позднее норманнов. Поход 778 г. Карла Великого, продолжавший давнее стремление франков подчинить себе северо-восточную часть страны и окончившийся в общем неудачно, выделялся из всех многочисленных набегов, пережитых Аль-Андалусом. Он как бы положил начало образованию будущей Каталонии, а также послужил в духовном отношении основой для создания древнефранцузского эпоса «Песнь о Роланде»³⁸.

В 750 г. Магриб фактически отделился от Дамасского халифата, в котором, к тому же, произошел переворот: династию Омейядов сменили Аббасиды, которые постарались истребить всех Омейядов (около 80 чел.). Гибели из них избежал лишь самый осторожный Абд ар-Рахман ибн Муавия, внук последнего халифа, который, буквально годами скрываясь от властей, 5 лет пробыл в Палестину и Египет в Магриб, в племя своей матери-берберки. Добравшись до Сеуты, он укрылся у родственников матери³⁹. Он сумел наладить связь с арабами Аль-Андалуса. Большинство их было из родной для него Сирии, которая, к тому же, всегда поддерживала Омейядов⁴⁰. Высадившись в 756 г. на побережье Испании, Абд ар-Рахман сумел, опираясь на местную «партию Омейядов» и на свою берберскую родню, достаточно быстро установить контроль над всей страной. Он, не колеблясь, казнил присланного Аббасидами губернатора Аль-Андалуса, а голову его, засолив, завернул в черный флаг (черный — цвет Аббасидов) и отправил в Багдад. «Спасибо Господу, что он положил море между нами и этим дьяволом», — так высказался халиф, получив этот жуткий подарок⁴¹.

Абд ар-Рахман получил прозвище «Пришелец» (Ад-Дахиль). Став эмиром, он 32 года (до 788 г.) работал неустанно над усилением государственного аппарата и армии Аль-Андалуса, отбивал все нападения на его страну, включая упомянутый выше поход Карла Великого в 778 г. Но он все время ностальгировал по родной Сирии. Он выстроил в Кордове дворцовый комплекс Русафа, названный в память о селении, зало-

женном его дедом под Дамаском. Там он посадил пальму, в тени которой любил сидеть и которой посвятил стихи: «О, пальма, ты, как и я, чужестранка на Западе, вдали от своих корней»⁴².

Абд ар-Рахман ад-Дахиль стал первым из Омейядов, которые в дальнейшем правили в Аль-Андалусе до 1031 г., т.е. 275 лет. За эти годы Аль-Андалус переживал взлеты и падения, потери и достижения. Но главным достижением этой страны, исчезнувшей в конце XV в., следует признать ее замечательное свойство, не доминируя в военном плане и не навязывая никому своих претензий, быть бесспорным мировым лидером в науке, технике, экономике, философии, астрономии, медицине, архитектуре, мореходстве, одним словом — почти во всех сферах жизни общества VIII–XV вв. и оказывать самое благотворное влияние на Европу, Азию и впоследствии, через испано-португальскую колонизацию — и на Америку. В этом непреходящее величие Аль-Андалуса.

¹ *Монтгомери Уотт У., Какия П.* Мусульманская Испания. М., 1970. С. 28–29; *Средневековая андалусская проза.* М., 1985. С. 3–4; *Lévi-Provençal E.* Espagne musulmane au X-ème siècle. Institutions et vie sociale. Paris, 1932. P. 5–6.

² В частности, некоторые историки возводят его к имени легендарного Андалуса ибн Тубала, якобы поселившегося когда-то на полуострове. А испанский востоковед Хоакин Вальве Бермехо даже связал происхождение названия Аль-Андалус с мифической Атлантидой (*Народы Азии и Африки*, 1989, № 3, с. 150).

³ Наиболее яркий пример такой литературы — книга испанца Игнасио Олагуэ «Арабы никогда не захватывали Испанию» (*Olaguè I.* Les Arabes n'ont jamais envahi l'Espagne. P., 1969).

⁴ *Sanchez-Albornoz Cl.* L'Espagne musulmane. OPU/Publisud, 1985.

⁵ *Монтгомери Уотт У., Какия П.* Мусульманская Испания. М., 1976. С. 148.

⁶ *Ланда Р.Г.* История арабских стран. М., 2005, с. 26–27, 99–100.

⁷ *Sanchez-Albornoz.* P. 256–258.

⁸ *Sanchez-Albornoz.* P. 258–259.

⁹ Флоринда была послана Юлианом на учебу в Толедо, где имела несчастье быть замеченной королем, когда купалась в водах реки Тахо. В стихотворении «Родрик» А.С. Пушкин так описал последствия этой встречи: «На Испанию родную призвал мавров Юлиан. Граф за личную обиду мстить решил королю» (*Пушкин А.С.* Сочинения. Ленинград, 1938 г. С. 439–440; *Guichard P.* Al-Andalus. 711–1492. Une histoire de l'Andalousie arabe. Paris, 2000. P. 20). Но Испания, скорее всего, не была для графа «родной». Британский историк У. Монтгомери Уотт считает его «византийским экзархом» (*Монтгомери Уотт У., Какия П.* С. 25).

¹⁰ Тариф, переправившись через пролив на 4 кораблях, предоставленных Юлианом, атаковал ближайший город, не потеряв при этом ни одного человека, и с богатой добычей и множеством пленных вернулся в Магриб (*Монтгомери Уотт У., Какия П.* С. 26; *Sanchez-Albornoz.* P. 10–11).

¹¹ *Sanchez-Albornoz.* P. 11. Тариф высадился на иберийском побережье у высокой горы, которую арабы называли Джебель ат-Тарик («гора Тарика»). Позднее и эта мест-

ность и сам пролив получили это же название, но в народно-диалектальном варианте — Гибралтар.

¹² Sanchez-Albornoz. P. 12.

¹³ Guichard P. P. 22. После взятия Толедо арабы захватили короны 25 королей готов. Там же была взята в плен Эгилона, вдова Родерика, на которой вскоре женился Абд аль-Азиз, сын Мусы ибн Нусайра (Лебон Г. История арабской цивилизации. Минск, 2009. С. 262).

¹⁴ Sanchez-Albornoz. P. 14. Арабы, собственно говоря, больше ничего и не требовали. Они даже не обязывали население завоеванных областей принимать ислам, требуя в обмен лишь выплачивать джизью — подушную подать с немусульман.

¹⁵ Монтгомери Уотт У., Какиа П. С. 26; Sanchez-Albornoz. Op.cit., p. 13.

¹⁶ Townson, Duncan. Muslim Spain. London-New York, 1973. P. 7.

¹⁷ Sanchez-Albornoz. P. 13–14.

¹⁸ Монтгомери Уотт У., Какиа П. С. 23.

¹⁹ Townson D.P. 8.

²⁰ Монтгомери Уотт У., Какиа П. С. 27.

²¹ Муса представил свое возвращение в Дамаск как триумфальный марш с участием своих помощников, множества рабов и пленников, а также «400 вестготских принцев в коронах и золотых портупях» (Townson D.P. 8).

²² Sanchez-Albornoz Cl.P. 33–35.

²³ Lévi-Provençal E. P. 10–11.

²⁴ Doxy R. Histoire des Musulmans d'Espagne jusqu'à la conquête d'Andalousia par les Almoravides. Leyde. Vol. 1. 1932. P. 160–161.

²⁵ Lévi-Provençal E.P. 6–10.

²⁶ Townson D.P. 8. О судьбе Тарика сведений нет.

²⁷ Беляев У. Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. М., 1965. С. 196.

²⁸ Девиоц Ж., Руа Ж.-А. Битва при Пуатье. СПб., 2003. С. 272.

²⁹ Леви-Провансаль считает, что Кордова, занятая арабами уже в 711 г. стала «подлинно мусульманской», лишь когда в ней «утвердился в 719 г. шестой арабский губернатор ас-Самх бну Малик аль-Хаулани» (Lévi-Provençal E.P. 202).

³⁰ Guichard P. P. 26.

³¹ Guichard P. P. 27–29.

³² Guichard P. P. 30–33; Лебон Г. С. 265.

³³ Guichard P. P. 34.

³⁴ Sanchez-Albornoz. P. 35.

³⁵ Девиоц Ж., Руа Ж.-А. С. 210–211.

³⁶ Townson D. P. 9.

³⁷ Лебон Г. С. 265.

³⁸ Прокуа, Аделина. Средневековая Испания. М., 2014. С. 26; Guichard P. P. 51–52; Lévi-Provençal E. P. 123–124.

³⁹ Townson D. P. 10.

⁴⁰ Очевидно, вследствие этого Аббасиды, захватив власть, вынуждены были перевести столицу из Дамаска в Багдад.

⁴¹ Townson D. P. 10.

⁴² Ланда Р.Г. В стране Аль-Андалус через тысячу лет. М., 1993. С. 101.

Жилина И.Ю.

Экономический анализ террористического поведения

«...типичный террорист редко думает об идеях...

Он думает только о том, где достать деньги...

Чистая экономика»¹.

В статье рассматриваются экономический подход к анализу терроризма как одного из видов преступной деятельности, характеризуются особенности террористического поведения, на многочисленных примерах показывается его рациональность.

Ключевые слова: терроризм, экономический подход, криминальная деятельность, террористическая деятельность, террористическое поведение, террористическая организация, рациональность.

Основоположником экономического анализа преступных видов деятельности является американский экономист Г. Беккер. В опубликованной в 1968 г. статье² он предложил новый подход к изучению преступности, в основе которого лежит микроэкономический анализ поведения индивида в рамках неоклассической теории.

Беккер рассматривает преступника как рационального экономического агента, обладающего стратегическими компетенциями, которые позволяют ему управлять своими действиями и координировать их для достижения поставленных целей. Следовательно, «индивид идет на преступление, если ожидаемая полезность от его совершения превышает полезность, которую он мог бы получить, используя свое время и ресурсы другим способом. Некоторые индивиды становятся «преступниками» не потому, что их базовая мотивация отличается от мотивации других людей, а потому, что они иначе оценивают издержки и выгоды»³.

Выгоды, получаемые преступником, определяются разностью между доходами от нелегальной и легальной деятельности. Основным элементом издержек преступной деятельности связан с перспективой наказания. Чем выше вероятность поимки и суровее наказание, тем выше издержки преступной деятельности и тем слабее стимулы к выбору этой деятельности. Преступление относится к рискованным видам деятельности, поэтому при прочих равных условиях полезность совершенного преступления будет для преступника тем выше, чем больше он склонен к риску. Таким образом, на выбор преступной деятельности влияют ожидаемая выгода от преступления, тяжесть наказания, вероятность наказания и склонность преступника к риску.

Беккер, в отличие от криминологов и психологов, среди которых преобладало мнение о том, что в основе преступного поведения лежат врожденные или приобретенные иррациональность и аморальность, считал, что предлагаемый им подход позволяет «в рамках общей теории отказаться от некоторых специальных теорий (теории аномии⁴, психологической неадекватности, наследственной склонности), объясняющих мотивы преступного поведения»⁵.

В последующие годы было опубликовано множество работ, развивающих идеи Беккера применительно к терроризму. В частности, У. Эндерс и Т. Сандлер⁶, рассматривая стратегии террористических групп, образующихся в результате потребления общих благ, созданных в ходе террористической и легальной деятельности, отмечают, что террористическая группа должна сделать стратегический выбор между террористической и легальной деятельностью; между различными террористическими тактиками (выбор способа атаки и цели); между различными легальными действиями. При этом расходы группы на террористическую деятельность, складывающиеся из цены «производимой» продукции (террористических актов), которая включает стоимость затраченного на их проведение времени и необходимых для его осуществления ресурсов, не должны превышать доход от терроризма или ресурсы группы.

В свою очередь, Р. Пейп⁷, проанализировавший данные о 188 террористических актах с участием террористов-смертников в разных странах мира в 1980–2001 гг., обосновывает рациональность стратегии террористических групп, привлекающих к исполнению терактов смертников, следующими соображениями. Во-первых, такие теракты —

не случайное или изолированное событие. Они планируются и реализуются террористическими группами, преследующими определенные политические цели, т.е. на уровне группы носят стратегический характер, хотя конкретные исполнители могут действовать иррационально. Во-вторых, стратегический характер использования террористов-смертников проявляется в том, что этими терактами террористические группы стремятся вынудить западные демократии пойти на существенные уступки террористам, чаще всего связанные с выводом войск с территорий, которые террористы считают своими. В-третьих, теракты с участием террористов-смертников позволяют террористическим группам хотя бы частично добиваться поставленных целей. Следовательно, привлечение смертников к исполнению терактов служит интересам террористических групп и согласуется с их стратегией, в которой нет места ни иррациональности, ни фанатизму.

Некоторые сторонники неоклассической теории анализируют террористическую деятельность, опираясь на концепцию взаимодействия спроса и предложения на рынке. Рассматривая формирование стимулов и антистимулов для потенциальных террористов, Э. Глэйзер (E. Glaeser) показал, что предложение при таком подходе диктуется степенью жесточести политической конкуренции: терроризм подпитывается гражданскими войнами и другими политическими конфликтами, вовлекающими в террористическую деятельность все больше людей, обученных применять насилие. Спрос определяется степенью контактов граждан данной страны с иностранцами (туристами, военными, гражданскими специалистами) или с какими-либо другими меньшинствами, против которых можно обратиться террором, а также ресурсами влиятельных групп, которые получают выгоду от разжигания ненависти⁸.

Значительный вклад в экономический анализ терроризма внесла теория игр, позволившая полнее выявить его суть. Вводя в модель еще одного игрока — правительство, теория игр раскрывает процесс стратегического взаимодействия сторон при принятии решений экономического характера. Планируя свои действия, террористы оценивают затраты и выгоды различных способов атак, а правительства должны найти способ наиболее оптимального распределения ресурсов для борьбы с терроризмом. В ходе этого противостояния террористы навязывают правительству определенные затраты, а оно, в

свою очередь, может попытаться их не допустить или хотя бы минимизировать. Таким образом, поскольку решения, принимаемые одной стороной, влияют на решения другой, терроризм сводится к игре двух взаимодействующих экономических агентов⁹.

Теория игр, учитывающая просчитанность террористических действий, позволяет выйти за рамки функции полезности и показывает возможность возникновения ситуаций, сходных с дилеммой заключенного. Следовательно, в некоторых случаях государство, имеющее возможность воспользоваться защитой других государств, вкладывающих средства в борьбу с терроризмом, может отказаться от борьбы с терроризмом. Теория игр также показывает, что жесткие антитеррористические меры, принимаемые непосредственно после прихода определенного правительства к власти, существенно снижают террористические атаки, объектом которых оно может стать¹⁰.

Модель террористической деятельности в рамках институциональной теории, рассматривающей преступление как разновидность рискованного бизнеса, предлагают М.П. Киреев и З.И. Тагиров. В ее основе лежит понятие силового предпринимательства, которое определяется как набор стратегий, позволяющих на постоянной основе конвертировать организованную силу в деньги или иные рыночные блага (ценные бумаги, недвижимость, имущество, и т. д.). Основным ресурсом силового предпринимательства является реальная или потенциальная организованная сила или физическое насилие.

При этом угроза применения силы, реализация которой зависит от неких условий, показывает, что сама эта угроза может приобретать характер услуги, предоставляемой в обмен на другие блага или услуги, т. е. силовое превосходство дает возможность конвертировать потенциальное насилие в любое материальное благо. Особенность этой услуги состоит в том, что, во-первых, ее невозможно не купить, поскольку свобода выбора покупателя ограничена; во-вторых, ее цена устанавливается поставщиком (террористической организацией) произвольно.

Предлагаемая модель террористической атаки является трехступенчатой: 1-я ступень — выдвижение политических, экономических или иных требований с угрозой в случае их невыполнения парализовать всю экономическую систему страны; 2-я ступень — демонстрационная атака (или ее угроза) на отдельную экономическую структу-

ру и парализация ее действий; 3-я ступень — повторение требований в более жесткой форме с опорой на эффект реальной или возможной демонстрации силы¹¹. К сожалению, авторы никак не комментируют возможность практической реализации этой модели террористами и, соответственно, не предлагают мер, которые государство могло бы применить, чтобы блокировать развитие подобной ситуации.

Экономический анализ террористического поведения многим представляется слишком упрощенными, поскольку он не учитывает взаимовлияния ряда социальных, политических, культурных и исторических факторов, однако эмпирические данные подтверждают его правомерность. Например, эконометрические исследования влияния антитеррористических мер на поведение террористов показали, в частности, что установка металлодетекторов в аэропортах (с 1972 г.) привела к значительному сокращению терактов на воздушном транспорте. За 2000–2010 гг. в мире было отмечено всего восемь случаев взрывов или угонов самолетов, тогда как только в 1968 г. — 31, в 1969 г. — 82, а в среднем с 1968 по 1977 г. фиксировался 41 случай захвата воздушных лайнеров ежегодно¹².

Многие специалисты по менеджменту подчеркивают, что террористические организации руководствуются в своей деятельности стратегическим подходом, схожим со стратегическим планированием западных корпораций¹³.

Анализ документов террористических организаций, в частности «Аль-Каиды», провозглашавшей своей целью разрушение экономики США и других западных стран, показывает, что для ее достижения руководители организации планировали вынудить США тратить огромные средства на защиту своих экономических и государственных структур. Эти планы вызывают ассоциации с навязанной Советскому Союзу западными странами гонкой вооружений, которая, в конечном итоге, стала одной из причин распада СССР.

«Аль-Каида» имела специальную финансовую службу, широко использовавшую передовые практики финансового управления источниками доходов и расходами. Для поддержания возможностей организации в регионах ее деятельности в Ираке была также создана инфраструктура распределения доходов между подразделениями организации¹⁴, что лишним раз подтверждает способность террористических организаций рационально планировать свою деятельность.

ИГИЛ, изначально представлявшее собой конгломерат экстремистских группировок, исламистских теоретиков и бывших активистов партии БААС, за исторически короткий срок (немногим более десятилетия) сумело не только предложить социально привлекательную идею создания «всемирного халифата», но и, воспользовавшись ситуацией, возникшей в регионе после американского вторжения в Ирак, «арабской весны» и сирийского кризиса, взять под контроль территорию в Ираке и Сирии примерно в 50–70 тыс. кв. км с населением в 6–7 млн человек, опираясь на долгосрочную стратегию поэтапного распространения своего влияния с последующим захватом территорий¹⁵.

На первом этапе предполагался поиск территории–убежища (*sanc-tuaire*) — независимого государства или автономной зоны (республики), в которых уже действуют исламистские «правила» (Чечня, Афганистан, Ливия, Сомали). На втором обеспечивалась явная или тайная поддержка находящегося поблизости «провалившегося» (Нигер, Таджикистан) или непризнанного (Сомалиленд, Путленд, Южная Осетия) государства, которое обеспечивает террористам благоприятные условия для прибыльного трафика и логистическую поддержку. На этих территориях террористы избегают прямых действий и не ставят политических целей. На третьем этапе также поблизости определяется зона стратегических действий, т.е. зона дестабилизации, которая характеризуется либо слабостью государства, либо наличием неконтролируемой центральным государством «серой зоны». Стратегическая зона — место будущих территорий–убежищ — (Северный Кавказ, Ферганская долина, Сахель¹⁶, Йемен). Затем весь процесс повторяется заново при опоре на те же самые «провалившиеся государства» или «серые зоны», которые использовались на втором этапе. Эта стратегия «блошиных прыжков» (*sauts-de-riche*) позволяет выявить слабости разведывательных служб государств каждого региона и действовать в обход них¹⁷.

Несмотря на определенные недостатки экономического подхода к анализу террористической деятельности (неспособность прогнозировать террористические действия¹⁸, игнорирование таких фундаментальных характеристик терроризма, как создание атмосферы страха и угрозы для населения и др.), безусловной заслугой его сторонников является акцент на рациональность действий террористи-

ческих организаций. Такой подход повышает вероятность определения потенциально уязвимых объектов как самих террористических атак, так и способов их совершения. С учетом целей терроризма, объектами террористической атаки являются места концентрированного проживания и постоянного пребывания населения; места массового скопления людей; опасные производства с выбросом химически опасных веществ в районах проживания больших масс населения и образованием зон химического заражения; ядерные установки и другие объекты производства, транспортировки и использования атомной энергии с образованием обширных зон радиоактивного загрязнения; все виды транспорта, включая метрополитен; трубопроводные системы; системы водоснабжения и водоочистные сооружения; коммунально-энергетические сети городов. В зависимости от объекта теракта террористы прибегают к убийствам, взятию заложников, организации взрывов, аварий, пожаров¹⁹.

Государство, в свою очередь, может принять меры противодействия терроризму в пассивной или активной формах. Пассивный ответ подразумевает введение технологических барьеров, усиленную защиту вероятных целей террористических атак, принятие более жестких антитеррористических законов и введение более сурового наказания за террористические действия, увеличение расходов на антитеррористическую борьбу и использование международных соглашений. К активным мерам относятся полицейские рейды, упреждающие удары, внедрение в террористические группы и действия под прикрытием²⁰.

Стоит добавить, что большую роль в борьбе с терроризмом играет актуальное для многих стран искоренение коррупции в правоохранительных и государственных структурах. Аналитики ОЭСР отмечают, что в сочетании с плохим управлением коррупция компрометирует саму борьбу с терроризмом, облегчает его финансирование и совершение терактов. Так, террористическая атака в Бангкоке в августе 2015 г. стала возможной, благодаря тому что, по данным СМИ, один из подозреваемых дал взятку сотруднику службы паспортного контроля, чтобы въехать в страну. Террористы также часто подкупают персонал аэропортов, чтобы пронести оружие. Таким образом, подкуп сотрудников службы контроля на границах позволяет террористам тайно перемещаться, добираться до выбранных целей или контрабандой ввозить оружие²¹.

Проблемы стран Юго-Восточной Азии и Австралии

Кочеткова Е.В.

История возникновения этноконфессиональных противоречий в Малайзии: современный этап их развития

В статье рассматриваются история формирования этноконфессионального облика современной Малайзии, истоки межнациональных противоречий, а также политика, проводимая правительством страны с целью сохранения межэтнического равновесия во взаимоотношениях между тремя основными общинами, проживающими на ее территории.

Ключевые слова: Малайзия, малайцы, бумипутра, Махатхир Мохамад, Наджиб Разак.

Одним из главных новых вызовов в постбиполярном мире стала проблема национального и религиозного взаимодействия. Этноконфессиональные конфликты называются в качестве основополагающих угроз в доктринах национальной безопасности различных стран, стратегических концепциях различных военно-политических и экономических организаций.

Этнические и конфессиональные конфликты на Востоке объясняются социально-экономическими, культурно-цивилизационными и историческими факторами¹. Политика европейских колонизаторов,

которые в целях укрепления своего положения предоставляли привилегии тем или иным этническим группам, во многом способствовала возникновению этих противоречий.

Малайзия отличается от других многонациональных государств восточного мира тем, что ни один из этносов, проживающих на территории Федерации Малайзии, не представляет подавляющего большинства современного населения страны. Это относится как к коренным ее жителям, так и к более поздним пришлым народам — выходцам из Китая и Индии, которые соперничают с ними не только в численности, но и относительно своей экономической и политической значимости в государстве.

К началу Второй мировой войны (значительно позже, чем в других странах Азии) в Малайе сложился постоянный состав населения. В национальном отношении оно состояло из трех больших групп: малайцев (49%), китайцев (38%), индийцев (11%), и «коренное» население, т.е. малайцы, не превышало по численности «пришлого», т.е. китайцев и индийцев вместе взятых².

Чтобы понять причины возникновения этноконфессиональных противоречий в Малайзии, которые привели к разделенности малайзийского общества по национальному признаку, необходимо проследить историю формирования трех основных общин, ее населяющих.

Современное малайское население Малайзии сформировалось в результате смешения древних малайских пришельцев с местным аборигенным населением, а также с представителями родственных им в этническом отношении народов, переселявшихся на Малаккский полуостров из различных частей Индонезийского архипелага.

Древнемалайский этнос сформировался на Падангском нагорье на Центральной Суматре. В первые века н.э. древние малайцы продвигались вниз по рекам Муси и Джамби, заселили юго-восточное побережье острова, где затем основали государства Гэин, Ганьтоли, Мелаю и Шривиджайю. С развитием мореходства малайцы стали осваивать земли на других островах: Западной Яве и Восточном Калимантане, а также архипелаге Риау-Лингга. Позже районами малайской колонизации стали Северо-Восточная Суматра, Западный Калимантан и Малаккский полуостров.

Средневековое общество, основу которого составляли малайские этнические группы, окончательно сформировалось в эпоху Малакк-

ского султаната. В это же время сложилась малайская государственность, определились основные черты феодализма в Малайе, сформировалась малайская культура.

Колонизация Малайи Англией, которая началась в последней четверти XVIII в., привела к кардинальному изменению численности населения и его этнонационального состава. Возросшая еще во второй половине XIX в. добыча олова и особенно появившееся в начале XX в. крупное плантационное каучуковое хозяйство потребовали огромного количества рабочих рук. Создание рынка рабочей силы в стране совпало с формированием современного состава населения Малайи из трех национальностей: малайцев, китайцев и индийцев. С началом бурного развития капиталистического рынка, малайская община, в связи с тем, что она все еще сохраняла феодальные традиции, долгое время оставалась в стороне от новых экономических процессов. Результатом этого явилось то, что малайцы — коренные жители Малайи — постепенно утратили прежнее господствующее положение в экономике, а представители пришлых народов, напротив, укрепили свои позиции и превратились в главную экономическую силу страны. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что основную массу малайского населения составляло крестьянство. Лишь незначительная его часть оказалась вовлеченной в производство олова и каучуковую промышленность. Большинство малайцев было сосредоточено в наименее эффективной отрасли сельского хозяйства — рисоводстве. К 1957 г. они составляли в ней 96% занятых³. Также много малайцев служило в полиции и армии.

Характерным стало распределение населения между городом и деревней. Процесс переселения малайцев в города шел крайне медленно, в то время как китайцы и индийцы уже прочно там обосновались и сумели прибрать к рукам основные «городские» сферы профессиональной деятельности и торговлю.

Увеличение численности малайской этнической группы на протяжении всей истории Малайзии происходило как за счет естественного прироста, так и за счет иммиграции индонезийцев, которая никогда не принимала таких масштабов, как индийская или китайская. Поскольку в материальной и духовной культуре малайцев Малайзии присутствует много общих черт с народами Индонезии и в первую очередь с малайцами Суматры, посеявшими первые семена ислама на малайской зем-

ле, между ними наблюдается высокий процент ассимиляции, и в официальных малайзийских статистических данных индонезийцы не выделяются в отдельную от малайцев этническую группу, хотя и составляют значительную часть в общем их количестве.

Представителей коренных национальностей в Малайзии называют бумипутра, что в переводе с малайского означает «дети земли». Использование этого словосочетания несет в себе некоторый политический смысл, поскольку позволяет провести довольно четкую грань между представителями малайской этнической группы и пришельцами из других стран, именуемых мягким термином «небумипутра».

В силу исторически сложившегося социально-экономического неравенства между бумипутра и другими национальными общинами, поскольку ислам исповедует подавляющее число малайцев, мусульманская религия выступает одним из важнейших объединяющих факторов для коренных жителей страны. Чтобы подчеркнуть исконную принадлежность бумипутра к родной земле, в Малайзии обычно принято такое определение малайца — это тот, кто говорит на малайском языке, исповедует ислам и следует мусульманским традициям.

С тем, чтобы обеспечить еще более устойчивый перевес малайцев над пришлыми этническими группами, к малайской общине официально причислены древнейшие племена аборигенов — семанги, сенои и джакуны, называемые также «оранг асли», что в переводе с малайского означает «коренные жители». Областью их расселения являются внутренние южные и северные районы Малаккского полуострова. В настоящее время количество аборигенов составляет 11% от общей численности населения Малайзии⁴.

Несмотря на некоторое повышение уровня жизни аборигенов Малаккского архипелага, большинство из них все еще продолжает оставаться на примитивной ступени развития, что объясняется и исторически, так как «оранг асли» еще в древности были оттеснены более поздними пришельцами в самые глубинные районы страны и оказались меньше всех подвержены этническим и культурным контактам с другими народами Малайи.

Для того чтобы ускорить вовлечение коренного населения Малайзии в общие интеграционные процессы, правительством осуществляются мероприятия экономического и социально-политического характера, направленные на повышение их жизненного уровня, образо-

вания и культуры. Поскольку все малые народы, относящиеся к бумипутра и проживающие на территории Федерации Малайзии, находятся на разных уровнях своего развития, руководству страны приходится искать более эффективные пути и средства с целью приобщения их к современным условиям жизни и ускорения процесса национальной консолидации малайзийского общества, используя при этом как этнический, так и конфессиональный фактор.

Контакты с Китаем, население которого сыграло важную роль в экономическом развитии Малайзии, имеют давнюю историю и относятся к концу I тыс. до н.э. До начала XV в. поселения их были незначительными, так как, согласно китайским и малайским историческим хроникам, связи между Китаем и Малайей ограничивались торговлей и спорадическими посольствами в Китай.

В самом начале XV в. (1400–1402) на западном побережье Малайи возникает Малакка, ставшая центром небольшого княжества. Ее основателем считается суматранский принц Парамесвара, который, стремясь укрепить свою власть и заручиться поддержкой у минского Китая, пытался установить с ним дипломатические и торговые отношения. С этого времени начинается быстрое возвышение Малакки и превращение ее в важный торговый порт, ставший крупнейшим в Юго-Восточной Азии. Взаимный обмен посольствами и установление дружественных связей с Китаем способствовали дальнейшему развитию отношений между двумя странами. Именно к началу XV в. относится основание в Малакке китайской торговой фактории⁵.

После захвата острова Пинанг (1786) и Сингапура (1819) численность китайского населения в Малайе значительно увеличилась. Во многом этому способствовало то, что европейцы не только не препятствовали торговой деятельности китайцев на своей территории, но фактически сами создавали благоприятные условия для ее развития, которые приводили к постепенному оседанию представителей китайской этнической группы на малайской земле. К 1941 г. эти два острова были населены преимущественно китайцами⁶.

Постепенно с превращением Малайи в колониальное владение Британии, росло и крепло китайское экономическое влияние в малайских княжествах. Стремительное развитие оловодобывающей промышленности, а также торговое земледелие, специализирующееся на экспортных культурах, начиная со второй половины XIX в. вызвало острую не-

хватку рабочей силы и, как следствие, массовый приток в Малайю иммигрантов из Китая. В основном, они были востребованы на разработках оловянных рудников и других горных месторождений. Часть китайцев, эмигрировавших в Малайю в XIX в., постепенно стала превращаться в мелких и средних предпринимателей. Богатые китайцы, получив большой простор и возможности приложения своих капиталов, образовали влиятельные общины в Пинанге, Сингапуре и Малакке⁷.

Активно участвуя в экономической жизни страны, китайцы стремятся сохранить свою национальную самобытность и слабо поддаются ассимиляции. Характерной чертой малайских китайцев является их замкнутость и обособленность от других этнических групп Малайзии, сохранение ими своей национальной культуры, семейной организации и традиционных ценностей. Одной из главных причин сохраняющейся на протяжении всей истории формирования китайской общины в Малайзии изолированности ее представителей от других национальностей страны и отсутствия смешанных браков является религиозный фактор. Исповедующие главным образом буддизм и даосизм, китайцы с трудом идут на более близкий контакт с представителями других конфессий, особенно с малайцами-мусульманами.

В результате быстрого экономического роста страны более сплоченная и сильная китайская этническая группа смогла занять господствующие позиции во всех стратегически важных сферах экономики, оттеснив бумипутра в наименее прибыльные ее отрасли, а усилившееся неравенство между ними стало одной из важнейших социально-экономических и политических проблем в жизни современного малайзийского общества.

По уровню материального благосостояния и уровню образования китайская община намного превосходила представителей коренных национальностей страны. Например, если в 1957 г. в малайских неполных средних школах обучалось 2 тыс. учащихся, то в китайских — 33 тыс., т.е. почти в 17 раз больше⁸. Китайцы также вытеснили местное коренное население за пределы экономически развитых городов в сельскую местность, в которых бумипутра оказались национальным меньшинством. К моменту обретения независимости Малайзии численность китайского населения в городских районах страны составляла 63,6%, в то время как малайской общины — всего лишь 22,5%⁹.

Чтобы уравновесить численность малайского и китайского населения в связи с включением Сингапура в состав Федерации Малайзии в 1963 г., к бумипутра стали причислять также представителей родственных малайцам народностей Северного Калимантана. Расширение этого понятия не теряет своей актуальности и в настоящее время, поскольку позволяет говорить о численном преобладании коренных жителей Малайзии над пришлыми этническими группами страны.

Что касается третьей по численности этнической группы, проживающей в Малайзии, то ее представители — индийцы, принесшие еще в начале нашей эры на малайскую землю свои материальные и духовные ценности, оказали большое влияние на развитие малайской культуры.

Индийские мореплаватели, с незапамятных времен посещавшие первые государственные образования на территории Малайи, заложили в них социально-политическую и религиозно-культурную основу. Но, несмотря на давние и глубокие связи с Индией, численность индийских поселенцев в Малайе до середины XIX в. была незначительной. В основном это были торговцы, ремесленники и служители культа. В период развития в Малайе товарного сельскохозяйственного производства часть индийских купцов и ремесленников, живущих в Малайе, сумела приобрести незначительные земельные участки под плантации, главным образом вдоль западного побережья страны. Как правило, эти же индийцы выполняли функции ростовщиков.

Индийская иммиграция начала увеличиваться со времени проникновения в Юго-Восточную Азию английских колонизаторов. Со второй половины XIX в. индийских рабочих начинают ввозить в Малайю как местные английские власти, так и частные предприниматели. Уже тогда выходцы из Индии составляли основную часть рабочих на принадлежавших европейским компаниям плантациях кофе, какао, сахарного тростника и других экспортных культур. До Второй мировой войны индийское население продолжало расти, при этом увеличивалась как его абсолютная численность, так и относительная доля в населении Малайи.

Несмотря на то, что значительную часть индийской иммиграции составляли представители низших слоев и каст индийского общества, которые были наиболее бесправными и угнетаемыми жителями Британской Малайи, из их среды выделился зажиточный слой торговцев, административных служащих, представителей таких профес-

сий, как юристы, врачи и инженеры. Многих индийцев, в основном бенгальцев и других выходцев из Северной Индии, привлекали на службу в полицию и охрану. Не менее важно то, что на индийцев приходилось 26% от числа занятых в правительственных службах (почта, телеграф, железная дорога). Также рабочие индийской национальности преобладали в профсоюзных организациях плантационного хозяйства¹⁰.

Большинство индийцев исповедует индуизм, в меньшей степени буддизм и сикхизм, и значительно меньшая их часть является мусульманами и христианами. Живут индийцы, как правило, обособленными группами, преимущественно на западном побережье Малаккского полуострова, в зоне Куала-Лумпур — Кланг — Малакка и на острове Пинанг. Около 40% всех индийцев живет в городах, особенно в Куала-Лумпуре, Ипо и Тайпинге.

Необходимо отметить, что этнический состав индийской общины в современной Малайзии не претерпел каких-либо заметных изменений и остается примерно таким же, как и в эпоху колониальной зависимости. К моменту провозглашения политического суверенитета Малайи, экономические позиции индийцев в стране существенно улучшились. В целом, выходцы из Индии, также как и представители китайской этнической группы, постепенно стали играть значимую роль в экономической жизни Малайи и, сохранив свои культурные и бытовые особенности и не поддавшись ассимиляции, превратились в одну из основных национальных общин, определяющих облик современной Малайзии.

Среди целого ряда проблем, доставшихся в наследство от колониального прошлого Малайзии, наиболее сложной и требовавшей незамедлительных действий со стороны правительства, пришедшего к власти после обретения страной независимости, как и прежде, оставалась проблема межнациональных отношений.

В интересах строительства суверенного государства появилась острая необходимость интеграции малайской, китайской и индийской этнических общин, проживавших на территории Малайи, осуществление которой было затруднено сложившимся за годы колониальной зависимости экономическим и политическим дисбалансом, породившим глубокое неравенство уровня жизни населяющих страну народов. Различия культурного и религиозного характера, несходство традиционных укладов, наличие языкового барьера, препятствующего свободному

общению представителей различных национальностей, а также территориальная обособленность этнических групп в Малайе способствовали сохранению взаимной отчужденности коренного и пришлого населения. С годами межэтническая разобщенность трех основных национальных групп страны не только не уменьшалась, но даже, наоборот, крепла и становилась все более глубокой.

31 августа 1957 г. одновременно с провозглашением независимости страны, вступила в силу конституция Малайской Федерации. Став своеобразным компромиссом для основных этнических общин Малайи, конституция молодого суверенного государства зафиксировала ряд политических и экономических преимуществ лицам малайской национальности в отличие от китайской и индийской части населения.

Опасность возникновения национальных конфликтов, столь серьезная для Малайи, не только продолжала существовать после провозглашения независимости, но постепенно обретала все новые и новые формы, так как активная политика «малайизации», культивируемая правительством, стала причиной недовольства значительно окрепших и экономически более сильных, по сравнению с малайцами, китайской и индийской общин. Ликвидация сохранявшегося между ними социально-экономического и политического дисбаланса, по-прежнему оставалась сложной, требующей решения задач. При доминировании некоренных народностей в экономической сфере, в руках малайцев оказалась политическая власть, в которой они видели единственное средство для защиты своих интересов.

Несмотря на ряд мер, предпринимаемых правительством Малайзии с целью улучшения позиций малайского капитала, немалайцы по-прежнему продолжали играть доминирующую роль в ведущих отраслях экономики страны, нерешенной оставалась проблема занятости населения, продолжала увеличиваться социально-экономическая пропасть между имущими слоями, преимущественно немалайского происхождения, и малоимущими гражданами, в основном малайцами.

Политические партии, основанные на этническом принципе, были созданы крупными общинами после Второй мировой войны. Поскольку важным условием ликвидации колониального статуса было единство национальных сил, три политические партии — Объединенная малайская национальная организация (ОМНО), Китайская ассоциация Малайи и Индийский конгресс Малайи — объединились в единую

Союзную партию. Именно она завоевала наибольшее число голосов на выборах в 1955, 1959 и 1964 гг. После выборов в мае 1969 г., когда победа Союзной партии не выглядела столь убедительной, как прежде, возникли массовые беспорядки на этнической почве. Это повлекло за собой объявление в стране чрезвычайного положения и приостановление деятельности парламента. После преодоления кризиса в правящую коалицию вошли новые политические силы из китайской общины. В качестве дополнительной меры потребовалось ограничить время на обсуждение таких болезненных проблем, как права на получение малайского подданства и ограничивающие их моменты, выбор национального языка, предоставление привилегий малайцам, роль ислама, prerогативы Верховного правителя и султанов (правителей). После отмены в 1971 г. чрезвычайного положения к трем первоначальным организациям Союзной партии добавились несколько прежде оппозиционных политических организаций, включая Панмалайскую исламскую партию. В результате в 1974 г. была образована коалиция Национальный фронт (Барисан Насионал). Единственной крупной оппозиционной силой оставалась пользовавшаяся симпатиями преимущественно китайской общины Партия демократического действия, однако уже в конце 1974 г. ее вновь поддержала Панмалайская исламская партия. Тем не менее с 1974 г. на всех выборах убедительные победы неизменно одерживала многопартийная коалиция Национальный фронт. Так, в августе 1974 г. эта коалиция, включавшая 14 партий, собрала большее количество голосов и завоевала 135 из 154 мест в палате представителей¹¹. Необходимо отметить, что с 1955 г. лидеры Объединенной малайской национальной организации постоянно занимали посты премьер-министра страны.

Активизация в середине 1960-х гг. оппозиционных политических партий (Панмалайской исламской партии, Партии демократического действия и др.) привела к снижению популярности блока трех общинных партий ОМНО-КАМ-ИКМ, и, как следствие, к оттоку их сторонников в ряды оппозиции. Нерешенными оставались проблемы занятости населения, нехватки земли, а также постоянно растущая социально-экономическая пропасть между имущими слоями, преимущественно немалайского происхождения, и малоимущими гражданами, в основном малайцами. Несмотря на ряд мер, предпринимаемых правительством Малайзии во главе с Абдул Рахманом с целью улучшения по-

зиций национального малайского капитала, китайцы по-прежнему продолжали играть доминирующую роль в ведущих отраслях экономики страны, таких как горнорудная и обрабатывающая промышленность, а также в торговой и финансовой сферах.

Трагические события 13 мая 1969 г. (кровавопрлитные малайско-китайские столкновения, сопровождающиеся массовыми погромами и поджогами жилых домов и магазинов, принадлежавших лицам китайской национальности) и фактический распад Союзной партии, которая была единственной межобщинной организацией в Малайзии, свидетельствовали о необходимости пересмотра существующего подхода к решению национальной проблемы и требовали изменения основ государственной политики. Важнейшими шагами, сделанными в этом направлении, были выработка и принятие государственной идеологии «Рукунегара», ставшей руководящим принципом для всего малайзийского общества, формирование Национального фронта, в состав которого вошли партии, представляющие основные этнические общности страны, переход к Новой экономической политике, нацеленной на смягчение внутриэкономических основ обострения национального конфликта. Во избежание повторения печальных событий 1969 г. было принято решение для перераспределения богатства в пользу титульного малайзийского населения и предоставления ему особых прав.

После отмены чрезвычайного положения в начале 1971 г. парламент страны принял закон о поправках к конституции. В соответствии с ними, обсуждение конституционных разделов, касавшихся государственного статуса малайского языка и привилегий малайцев, запрещалось. Коренные жители Сабаха и Саравака получали те же права и привилегии, что и малайцы. Любые изменения конституции и законов о правах этнических групп могли осуществляться только с согласия Совета правителей штатов и при одобрении двумя третями голосов в обеих палатах парламента.

Появление принципиально новых концепций в политическом курсе властей, а также широкая модернизация экономической жизни государства были призваны уменьшить культурно-этническую разобщенность основных национальных групп, проживающих в Малайзии, создав необходимые условия для формирования единой малайзийской нации.

Итоги первого десятилетия НЭП свидетельствовали о том, что в условиях быстрого экономического роста правительству Малайзии

все же удалось достичь некоторых компромиссов, принятых малайзийским обществом, и смягчить наиболее острые противоречия, которые привели к возникновению межнационального конфликта в мае 1969 г. Более чем в три раза возросло число предприятий, фирм и компаний, контролировавшихся непосредственно малайцами, что свидетельствовало о появлении довольно широкой прослойки предпринимателей в среде бумипутра. Формированию среднего класса в малайской общине способствовало также и увеличение занятости представителей коренных национальностей в сферах, требовавших профессиональной и технической подготовки (юриспруденция, медицина, строительство и т.п.).

Эта политика был продолжена сменившим Тун Абдул Разака в 1976 г. Хуссейном Онном, который также стремился улучшить благосостояние бумипутра, особенно в аграрных районах, где проживают преимущественно коренные этнические группы.

После назначения на пост премьер-министра Малайзии в 1981 г. Махатхира Мохамата им был продолжен курс на поддержание и сохранение межэтнического мира, укрепление Национального фронта, расширение сотрудничества с партиями, выступавшими от лица немалайских общин Малайзии. Сохранение устойчивого баланса между тремя основными этническими группами, проживающими в Малайзии, и достижение межнациональной гармонии стали основными задачами правительства во главе с четвертым премьер-министром, приход к власти которого ознаменовал начало нового этапа в становлении и развитии малайзийского общества, а также способствовал появлению качественно новых подходов к решению национального вопроса в государстве. Важнейшим шагом к этому стало принятие новой долгосрочной программы развития по превращению страны к 2020 г. во всесторонне развитое и стабильное государство. Большое внимание при этом уделялось религиозному, образовательному и языковому аспектам национальной политики, во многом определяющих характер взаимоотношений между общинами.

Одной из главных задач, стоящих перед Малайзией и определенных в «Концепции 2020», являлось создание единого малазийского общества, характерными чертами которого должны стать справедливое распределение национальных богатств между всеми входящими в его состав этническими группами и получение ими равных прав и

возможностей для достижения общей цели — экономического прогресса и процветания. К окончанию сроков реализации этой программы при соблюдении обществом всех предложенных ему предписаний, по замыслу Махатхира Мохамата должно было произойти окончательное выравнивание социально-экономического и политического статусов всех этнических групп, что в дальнейшем могло бы привести к отмене существующих в малазийском обществе ограничений для представителей одних национальностей и привилегий для других. Также среди важных задач — внедрение современных технологий, улучшение системы подготовки кадров, повышение их общеобразовательного уровня и более равномерное развитие Полуостровной Малайзии и Восточной Малайзии. Успешное проведение национальной языковой политики, направленной на расширение сферы использования малайского языка, позволяло правительству страны продолжить с ее помощью курс на дальнейшую интеграцию малазийского общества. Малайский язык постепенно вытеснил английский в официальной сфере, взяв на себя роль рабочего языка государственных учреждений, министерств и ведомств, законодательных структур. С начала 1980-х гг. преподавание учебных дисциплин в школах окончательно перешло на малайский язык, английский же язык стал отдельным предметом.

Быстрое экономическое развитие Малайзии, модернизация жизни и укрепление позиций малайского среднего класса требовали изменения языковой политики государства. Осознав важность приобщения малазийцев к современным достижениям мировой науки и техники, с конца 80-х годов правительство Махатхира Мохамата начинает проводить мероприятия, направленные на более активное использование английского языка малазийскими гражданами. Было принято решение о предоставлении возможности государственным вузам самим определять объем преподавания ряда учебных дисциплин на английском языке. В частности, это касалось таких предметов, как информатика, юриспруденция, медицина. Эти меры были направлены главным образом на увеличение числа малайцев, специализирующихся в этих областях, поскольку на технических, естественных и медицинских факультетах высших учебных заведений доминировали преимущественно представители немалайских национальностей. Бумипутра преобладали в основном на гуманитарных направлениях —

факультетах истории, филологии и искусства¹². Надо отметить, что при этом малайзийские власти пытались расширить и усовершенствовать использование малайского (малазийского) языка, стремились повысить его функции в качестве важного интеграционного средства, шли на уступки немалайцам, тем самым облегчая им доступ к получению высшего образования. Этому способствовало предоставление возможностей для достижения уровня знания малайзийского языка наравне с малайцами, свободное владение которым (как устным, так и письменным) являлось обязательным условием для поступления в государственные высшие учебные заведения страны.

В целом, в период правления Махатхира Мохамата Малайзия превратилась в экономически сильное государство, отличающееся от своих соседей по Юго-Восточной Азии относительной внутривнутриполитической стабильностью и отсутствием этноконфессиональных потрясений и столкновений на этой почве.

Как и было ранее запланировано, в 2003 г. Махатхир Мохамат ушел с поста премьер-министра. Новым главой правительства Малайзии стал Абдулла Ахмад Бадави. Бадави начал свою деятельность на посту премьер-министра с арестов и увольнений чиновников прежнего правительства, связанных с коррупцией. Большое внимание новый премьер уделял прекращению межконфессиональных конфликтов внутри исламского мира, выступив с новой концепцией прогрессивного ислама в традициях религиозной терпимости и умеренности. В 2005 г. им была выдвинута концепция Ислама Хадхари (цивилизационного ислама), смыслом которой является возвращение к самым истокам ислама, его основам и принципам, содержащимся в Коране и Хадисах. Весной 2007 г. в рамках Национального университета Малайзии был создан институт Ислама Хадхари. Деятельность института должна была заключаться не только в изучении, но и во внедрении подходов цивилизационного ислама как одной из основополагающих концепций для гармоничного и равноправного развития всех граждан Малайзии в интересах достижения национального процветания, к чему стремится малайзийское правительство. Ислам Хадхари направлен на улучшение качества жизни, повышения ее ценности посредством развития образования, здравоохранения, физического совершенствования¹³. В сфере экономики Ахмад Бадави, как и его предшественники, стремился подстегнуть рост в сельских

районах страны, что было особенно важно для представителей малайской этнической группы.

В течение нескольких десятилетий власти страны проводили промалайскую политику, направленную на улучшение социальных и экономических условий малайцев. Разрыв между этническими группами был сужен. Малайцам дают льготные ссуды в банках, их субсидируют при покупке недвижимости, им предоставлено преимущественное право на получение стипендий. Для китайцев и индийцев в вузах была вполне официально установлена процентная норма, которая ограничивает их доступ к высшему образованию. На практике все эти льготы коренного населения оплачиваются за счет налогоплательщиков, которые в основном являются китайцами.

Не все задачи НЭПа оказались решенными, некоторые из них — только частично. Доля бумипутра в собственности сейчас составляет 19–20% — существенно ниже 30%, запланированных первоначально. Часто бумипутра использовали свои привилегии не столько для долгосрочного предпринимательства, сколько в спекулятивных целях, перепродавая свои акции, лицензии и другие преимущества лицам других этнических групп и создавая для них лишь фасадное прикрытие. Бумипутра оставались в плену своей традиционной политической культуры, проникнутой созерцательностью, патриархальными ценностями и связанным с этим потребительским отношением к государству¹⁴. При этом, бумипутра стало существенно больше, чем раньше, среди квалифицированных специалистов — врачей, инженеров. Однако по-прежнему среди наиболее обеспеченных и наиболее образованных слоев преобладают этнические китайцы.

В силу давления со стороны исламской оппозиции и бывшего премьер-министра страны Махатхира Мохамеда весной 2009 г. Абдулла Бадави объявил об уходе на пенсию и передаче полномочий своему заместителю Наджибу Разаку.

В течение девяти лет своего правления Наджиб Разак проводил курс на претворение в жизнь планов, разработанных его предшественниками.

Основным направлением политики нового премьер-министра стало дальнейшее упрочение национального единства в малазийском обществе на базе укрепления Национального Фронта, проведения мер по борьбе с различными проявлениями экстремизма в отношении

ях между общинами и последовательного осуществления программ социально-экономического характера.

Как и прежде, малайцам предоставляется преимущественное право на работу в государственных учреждениях и компаниях, им выделяются пособия, стипендии и квоты в учебных заведениях, предоставляются льготные разрешения и лицензии на предпринимательскую деятельность (30% акций любой компании должны находиться в руках бумипутра, причем по льготной цене).

Малайским женщинам декретный отпуск оформляется на 5 месяцев, все остальные женщины получают только 2 месяца, также бумипутра имеют доступ к более дешевому жилью и т.д.

Благодаря проводимой правительством Малайзии внутренней политике в стране все же появился слой предпринимателей-малайцев, при этом власти попытались уменьшить доминирование китайцев в экономике, хотя и не очень успешно (в деловой жизни страны по-прежнему преобладают китайцы, они продвигают страну вперед, являются самой зажиточной этнической группой), разница в доходах основных этнических общин значительно сократилась.

Необходимо отметить, что согласно конституции Малайзии Верховный правитель — султан (Янг ди-Пертуан Агунг) выполняет представительские функции главы государства «по совету парламента и правительства». Он призван также обеспечивать особое положение малайцев и других представителей коренных народностей страны — бумипутра и «законных интересов» других общин.

Повышение национального самосознания среди всех этнических групп является сейчас одним из самых актуальных вопросов в Малайзии. По мнению некоторых китайских ученых, в настоящее время правительство Малайзии не ведет жесткую промалайскую политику. С другой стороны, правительство разрешило немалайскому населению изучать свой родной язык. Этническим китайцам и индийцам было позволено сохранять свой язык, религию и культуру. Культурное разнообразие всегда было в почете, несмотря на «малайзацию», пропагандируемую государственными властями. Изучение китайского и тамильского языков было разрешено в некоторых начальных и средних школах.

При этом в стране все же периодически наблюдаются религиозные разногласия, а также сохраняется разница в уровне жизни раз-

личных этнических групп. И, пожалуй, они остаются одними из самых серьезных проблем страны. Дело в том, что Малайзия — это фактически вся Азия в миниатюре, причудливое смешение языков, культур, этносов и религий.

Несмотря на все заявления о создании в Малайзии жизнеспособного гармоничного полиэтнического и поликонфессионального общества, да еще с доминирующей мусульманской религией, страна остается уязвимой перед опасностью возникновения конфликта на расовой почве. Построение единой малайзийской нации в стране по-прежнему не теряет своей актуальности и сегодня, поскольку «привилегии» малайцев часто вызывают негативные эмоции и протесты со стороны китайских и индийских общин, и иждивенчество у бумипутра. Нетитульные народы Малайзии все чаще начинают заявлять о своей дискриминации.

В последние десятилетия малайзийские политики очень осторожны, когда речь заходит об отношениях между общинами. Это обусловлено, в частности тем, что внутривнутриполитическая жизнь в стране в последние годы заметно активизировалась и приобрела черты непредсказуемости и возможности выбора различных вариантов пути своего развития. Наверное, поэтому в государственных СМИ постоянно и весьма навязчиво пропагандируется малайзийское национальное единство.

¹ Кортунув С.В. Мировая политика в условиях кризиса. М., 2010.

² Malaysia Official Year Book. 1966. P. 31.

³ Колосков Б.Т. Малайзия вчера и сегодня. М., 1984. С. 62.

⁴ Malaysia Country Profile. 2016.

⁵ Тюрин В.А. История Малайзии. М., 1980. С. 43–44.

⁶ Холл Д. Дж. Е. История Юго-Восточной Азии. М., 1958. С. 515.

⁷ Тюрин В.А. Социально-экономический строй малайских государств накануне английского завоевания // Проблемы экономики стран Юго-Восточной Азии. М., 1959. С. 107.

⁸ Means G. Malaysian politics. London, 1976. P. 19.

⁹ Колосков Б.Т. Малайзия вчера и сегодня. М., 1984. С. 62.

¹⁰ Рябова И.А. Рабочий класс и профсоюзы Малайзии. М., 1972. С. 95.

¹¹ Far Eastern Economic Review. 1978. № 31. P. 17.

¹² Dewan Budaya. Jun 1996. Hal. 13–14.

¹³ Ефимова Л.М. Ислам Хаджари в современной Малайзии // cyberleninka.ru.

¹⁴ Ефимова Л.М. Ислам Хаджари в современной Малайзии // cyberleninka.ru.

Фомичева Е.А.

Социальное расслоение и социальные движения в Таиланде

Высокие темпы экономического развития Таиланда в последней трети XX в. привели к обострению социальных противоречий, расширению пропасти в уровнях жизни и углублению раскола между разными классами, слоями, группами общества. Процессы глобализации обострили проблему сохранения этнической идентичности и традиционного образа жизни, как для тайцев, так и для представителей других этнических групп. Интересы рабочих, крестьян, низкооплачиваемых наемных работников ни в парламенте, ни в системе политических партий не представлены. Борьба за права этих классов и групп ведется вне парламентской системы в рамках неправительственных общественных организаций.

В статье рассматриваются подходы ряда таиландских и иностранных исследователей к анализу социальной самоорганизации на примере экологических движений, Ассамблеи бедных, движения народности Пхуан. Экологический, региональный и этнический аспекты были важными элементами политического сплочения в движении «красных рубашек», принимавшем активное участие в массовых уличных акциях в 2000-е гг. Возможная степень влияния на политические процессы неправительственных движений представляет большой интерес для политического будущего страны.

Ключевые слова: Таиланд, социальные движения, экологические движения, Ассамблея бедных, движение народа Пхуан.

В повседневном сознании утвердилось представление о том, что Таиланд — гомогенное общество с единой буддийской культурой, в котором комфортно существует большая китайская диаспора и постоянно беспокойная небольшая мусульманская община юга страны. На практике таиландское общество намного сложнее. Помимо религиоз-

ных различий между буддистами и мусульманами существует много этнических групп, как среди тайских народов, так и других этносов со своими собственными особенностями. Процессы глобализации обострили проблему сохранения этнической идентичности и традиционного образа жизни, как для тайцев, так и для представителей других этнических групп. Возникает вопрос, насколько эффективно они смогут вписаться в глобализирующийся мир.

В социальном плане бурное развитие капитализма в Таиланде в последней трети XX в. привело к диверсификации хозяйства, появлению новых промышленных производств и, как следствие, к изменению в классовой структуре общества, разрастанию среднего класса, увеличению числа рабочих промышленных предприятий. Тем не менее, большая часть населения страны все еще связана с сельским хозяйством. Высокие темпы развития, экономические успехи привели не к выравниванию уровня жизни, а, напротив, к обострению социальных противоречий, расширению пропасти в уровнях жизни и углублению раскола между разными классами, слоями, группами общества. Страна расколота на богатых и бедных, столичную агломерацию и сельскую периферию, отличающиеся этнокультурными особенностями северо-восток страны и центральные провинции, а также юг страны, где значительную часть населения составляют иноэтнические (малайского происхождения) и инорелигиозные (мусульмане) жители. И север, и юг, в отличие от центра страны, — регионы с менее развитой экономикой и более бедным населением.

Через парламент и политические партии реализуются интересы различных групп капитала, генералитета и элит, а чаяния трудящихся, крестьян, низкооплачиваемых наемных работников, мелких предпринимателей ни в парламенте, ни в системе политических партий не представлены. В этих условиях борьба за права этих классов и групп населения ведется вне парламентской системы в рамках неправительственных общественных организаций.

Внимание таиландских и иностранных исследователей привлекает положение крестьян, рабочих, малых этносов, женщин, других групп населения. Они пытаются проанализировать социальные тенденции, протекающие в таиландском обществе, а также рассмотреть деятельность инициативных неправительственных организаций самого разного происхождения, которые пытаются вести борьбу за права тех

групп, интересы которых ущемляются. Некоторые западные исследователи, понимая, что современная политическая система вообще и в Таиланде, в частности, не способствует созданию гражданского общества, пытаются понять, насколько неправительственные организации могут стать инструментом создания общенациональных политических объединений. Некоторые исследователи полагают, что классовая борьба в чистом виде не годится для постиндустриального общества, пытаются понять, как в современных условиях разные классы участвуют в социальных движениях экологического или этнического характера.

В данной статье представлены подходы некоторых таиландских и западных исследователей социальной самоорганизации и социального протеста в Таиланде на примере рабочего и профсоюзного движения, социальных экологических движений, Ассамблеи бедных, общественного движения народности Пхуан.

При этом все исследователи согласны с тем, что социальное неравенство в обществе связано с капиталистическим развитием страны. В 1950-е годы в стране стали реализовываться планы индустриализации, разработанные и проводившиеся при содействии США и Всемирного банка. К 1990-м гг. Таиланд демонстрировал самые высокие темпы развития в Юго-Восточной Азии. Экономические развитие было сосредоточено на промышленном производстве и черпало природные ресурсы и капиталы из сельского хозяйства. Сельская местность давала и дешевую рабочую силу. Поэтому развитие шло неравномерно — в пользу производства и торговли, сосредоточенных в городах, и осуществлялось за счет крестьянства. В результате все увеличивался раскол между классами и регионами. Таким образом, это развитие не шло на пользу крестьянской периферии, его плоды концентрировались в городе, прежде всего в Бангкокской агломерации¹, обозначив глубокий экономический раскол между центром и провинцией.

Рабочее и профсоюзное движение. Сакдина Чатракун на Аютхая² в своей работе рассматривает тенденции профсоюзного движения. Автор считает, что после военного переворота 2006 г. политический кризис и социальное расслоение способствовали расколу в профсоюзном движении при усилении давления глобальной и местной конкуренции и связанным с ней нежеланием нанимателей считаться с профсоюзами. Исследователь полагает, что самой слабой стороной

профсоюзного движения в стране является отсутствие единства. Многие хозяева использовали кризис как оправдание для сокращения зарплат и увольнения профсоюзных активистов³. Со стороны правительств Таиланда на протяжении многих лет предпринимаются антипрофсоюзные меры. До сих пор не ратифицированы Конвенции Международной организации профсоюзов № 87 и № 98 о праве на объединение, организацию и праве на коллективный договор. Хотя в конституции 2007 г. содержалась статья о праве на организацию профсоюзов, однако соответствующие законы по реализации этого положения так и не появились⁴. В стране действует рабочее и профсоюзное законодательство, однако профсоюзное движение слабо, разрознено, имеет слабые связи с международными ассоциациями профсоюзов. Большая часть профсоюзов 76 % работает в Бангкоке и Бангкокской агломерации, там же сосредоточено 74 % трудящихся, работающих в частном секторе⁵.

Социальные экологические движения. Эта тема исследуется в работе Тимоти Форсайта из Гарвардского университета, США⁶. Автор отмечает, что экологические группы в современном мире и движения, связанные с защитой окружающей среды, отражают все возрастающее беспокойство людей ухудшением среды обитания человека. Они разнообразны по социальному составу их участников, а также по объектам защиты и методам деятельности (есть любители птиц, защитники исчезающих видов животных и т.д.). Однако его интересуют движения, где экологическая тематика тесно связана с социально-экономическими целями, то есть движения по форме экологические, а по существу — социально-экономические.

Рассматривая экологические движения в Таиланде, автор однозначно называет их социальными. Он пытается проследить, каково участие представителей так называемого «среднего класса» (то есть мелкой буржуазии), крестьянства, рабочих в движениях по охране окружающей среды, при этом он полагается на освещение этой проблематики в крупнейшей англоязычной газете «Бангкок пост», что, бесспорно, сужает фактическую базу его исследования и в определенной степени предопределяет трактовку этой проблематики. Автор подразделяет экологические движения в Таиланде на «зеленые», «коричневые» и «красно-зеленые»⁷.

Внимание «зеленых» защитников окружающей среды, согласно мнению автора, сосредоточено на сохранении и восстановлении ле-

сов. Эта проблема актуальна для Таиланда как страны с самым большим процентом утраты лесов. Если в 1930-е гг. леса покрывали 50% территории страны, то в 1990-е гг. — всего 20%⁸. Бессистемная и массовая вырубка ценных тропических пород деревьев приводит к обезлесению части страны и превращению ее в непригодные для хозяйственной деятельности и сохранению среды обитания человека территории. Основой этого движения, как полагает автор, были представители городского среднего класса, зачастую объективно выступавшие против безземельных крестьян, которые вели незаконные рубки для ведения полеводства, а также против горных племен, традиционно занимающихся подсечно-огневым земледелием, тогда как главными виновниками истребления лесов были крупные лесоразработчики. Озабоченность активистов вызывало то, что рубки леса на вершинах гор и холмов вели к вымыванию почвы в период сезонных дождей и к превращению их в непригодные для растительности территории. Таким образом, по мнению автора, возникает конфликт между активистами, выступающими за сохранение лесов и крестьянами, которые объединяются на уровне сельских поселений, чтобы отстаивать свой традиционный образ жизни. Автор не упоминает такое явление, как конфликт между тайскими крестьянами, ведущими сельское хозяйство в долинах и горными племенами, с их подсечно-огневым земледелием. Этот конфликт пытаются разрешить власти переселением горных племен в долины и внедрением других сельскохозяйственных культур.

Следует предположить (хотя автор не делает такого заключения) что конфликты такого рода ведут к социальному участию и объединению крестьян сельских общин на местном уровне с целью защиты своего жизненного пространства, стиля жизни и хозяйствования. Что касается активистов из представителей среднего класса, то часть из них, например, студенты левых убеждений, стоит на стороне крестьян. Другая часть — выступает за защиту окружающей среды без учета и вопреки жизненным интересам крестьянства.

«Коричневая» повестка, как ее трактует автор, связана с промышленным загрязнением окружающей среды, часто в результате строительства новых заводов и горнодобывающих предприятий. Автор, опираясь на публикации в газете «Бангкок пост», делает вывод, что это — то направление, где рабочие, как правило, представлены жертвами, а не активистами, в качестве которых зачастую выступают эксперты —

специалисты. Рабочие, по его мнению, в этих случаях не являются активным действующим лицом, из чего следует, что «коричневая повестка» не представляет собой точку сбора социального движения.

«Красно-зеленые» движения, как характеризует их автор, «можно описать как конфликты вокруг проблем окружающей среды «зеленой» повестки, где главная тема — бедность или уязвимость человека перед лицом изменений окружающей среды»⁹. Примером этого являются строительство плотин там, где они угрожают не лесам, а крестьянским общинам или где лесовосстановительные работы ведут к потере сельскохозяйственных земель. В пример он приводит строительство плотины Пак Мун на северо-востоке или насильственное переселение крестьян в районе Па Кхам провинции Бурирам в начале 1990-х гг. Автор отмечает, что к движениям, создаваемым крестьянами по защите своих полей как источника жизнеобеспечения, присоединялись, иногда возглавляя их, известные буддийские монахи Пхра Понгсак и Пхра Пачак, придавая этим движениям идейный смысл защиты буддийского образа жизни, проповедуя путь Будды в противовес бесчеловечной модернизации. Автор полагает, что эта повестка актуальна как для среднего класса, так и для крестьянства и представляет собой наиболее очевидное социальное движение.

Ассамблея бедных. Тема социально-экологического движения наиболее очевидно проявилась в такой организации как Ассамблея бедных. Эта организация являет собой пример того, как из локального социально-экологического движения на северо-востоке страны это объединение выросло до общенациональных масштабов и включило крестьян, городскую бедноту, активистов из среднего класса. Его целью стала защита интересов всех угнетенных. Феномен Ассамблеи бедных рассматривался в работах одной из ведущих исследователей социально-политических процессов в Таиланде Пасук Пхонгпайчит, а также П. Палмгреена, Брюса Миссингхама и известного тайского публициста Сулака Сиварака¹⁰.

Ассамблея — пример самоорганизации крестьян и бедноты для борьбы за свои права, возникшая снизу и постепенно разросшаяся, охватив все провинции страны. Она зародилась как организованный протест крестьян против строительства плотины Пак Мун. Одной из организаторов Ассамблеи была Ванида Тантивиттаяпитак, в прошлом студентка Тхаммасатского университета и участница студенче-

ской революции 1973 г., самоотверженная и деятельная защитница прав угнетенных. Ассоциация была провозглашена 10 декабря 1995 г. на конференции, проведенной в Тхаммасатском университете, в принятой там «Декларации реки Мун», где выражался протест против промышленного развития за счет крестьянских общин, которые ради крупных проектов развития лишались своей земли. В Ассамблею бедных стали вливаться не только крестьяне, рабочие, но и мелкие предприниматели, служащие, ремесленники. Ассамблея бедных стала первой политической организацией крестьян после разгрома Федерации крестьян в 1975 г. Первоначально ее задачей было организовать крестьян и бедняков, оказавшихся на обочине жизни с тем, чтобы отстаивать свои права и помогать тем, чьи права были ущемлены в ходе реализации проектов развития, например, строительства плотин. Ассамблея бедных скоро разрослась и установила связи с другими неправительственными организациями социальной направленности. Она объединяет 7 районов, охватывающих все провинции Таиланда, ее члены — мелкие и средние крестьяне, мелкая буржуазия и городские трудящиеся. Ассамблея бедных — самый яркий пример социально — политической самоорганизации народа.

Социальное движение народности Пхуан. Пхуан, или тхай пхуан, — небольшая этническая группа, принадлежащая к тайским народам, численностью около 200 тыс. человек, проживающая на территории северо-восточного Таиланда (Исан), отдельными группами — в центральных провинциях Таиланда. Пхуан проживают также на территории Лаоса, в провинции Сьенкуанг. Исповедуют буддизм тхеравады, как и большинство тайцев.

Изучение социального движения пхуан проведено группой исследователей в Университета Махасаракхам¹¹. Этой теме посвящена также работа С. Смукан и Р. Бризел¹². Его цель — проследить влияние модернизации и глобализации на социальную мобилизацию этой этнической группы. Исследование строилось на опросе представителей этого народа, активно участвующих в культурно-социальных организациях пхуан — Клубе и Фонде. Движение пхуан зародилось в 1975 г., когда представители этой народности, приехавшие на работу в Бангкок, в основном принадлежащие к так называемому, среднему классу, стали собираться для проведения культурного досуга. В 1977 г. они организовали социально-культурный клуб, на первой встрече

которого присутствовали представители из 8 провинций (Накхоннаек, Прачинбури, Чаченгсао, Супханбури, Сингбури, Сукхотхай, Пичит и Лопбури). Был также создан Фонд объединенной географической организации монахов тхай пхуан Таиланда¹³. За тридцатилетний период существования этих двух организаций, они значительно приросли членством людей из разных социальных слоев. Авторы исследования делают вывод, что путь этого движения от первоначального культурного объединения через формирование самосознания к социальной практике был верным.

Авторы утверждают, что перед лицом глобализации несущей многочисленные изменения в жизнь людей и различных этнических групп, они зачастую обращаются к древним религиозным верованиям и культурным традициям своего народа, чтобы сохраниться. Национальное возрождение должно способствовать самоидентификации и сплочению, поскольку модернизация лишает их этнической самобытности¹⁴. Исследование показало, что крестьяне-пхуан не видят особого смысла в деятельности этих организаций, но все они в личном плане проявляют отчетливую самоидентификацию как пхуан. Все они продолжают без всякого принуждения и какой-либо организации вести традиционный для своего этноса образ жизни, где, в частности, большие собрания всей общины не только привычны, но и обязательны. Таким образом, социальные связи сельских пхуан носят естественный характер, объединяя семьи, родственников и соседей на традиционных ценностях и ритуалах.

Для городских общин пхуан, находящихся в модернизированном обществе, особенно в огромном Бангкоке, для самосохранения и демонстрации своей этнической идентичности и групповой солидарности участие в указанных объединениях актуально как защита культурного пространства, прав и интересов группы¹⁵. С другой стороны, горожане-пхуан более образованные, чем их собратья в провинциях, лучше видят опасности современных процессов. В условиях высокой конкуренции, требующих, чтобы личность принадлежала к разным группам, чтобы укрепить свое устойчивое положение в современном обществе, горожане-пхуан более заинтересованы к принадлежности к общественным объединениям этнического свойства. Они, сохраняя свою этническую самоидентификацию, приобретают опыт адаптации в современном социальном пространстве, приспосабливаются к нему.

Одновременная многоплановая идентификация с разными социальными и этническими группами помогает им найти место в современном мире большого города. Но принадлежность к разным группам может привести к конфликту самоидентификации¹⁶. Региональный и этнический аспект был одним, и очень важным, элементом политического сплочения в движении «красных рубашек», принимавшем активное участие в массовых уличных акциях в 2000-е гг. Это движение сформировалось после государственного переворота 2006 г., свергнувшего правительство Таксина Чиннавата на базе его сторонников — земляков из северных и северо-восточных районов Таиланда. Развиваясь, оно объединило протестные группы различной политической направленности от левых и либеральных активистов, представителей крестьян и рабочего класса до профессоров и студентов университетов.

Помимо рассмотренных в данной статье социальных движений, возникающих на экологической и этнической основе, в Таиланде развиваются рабочее и профсоюзное движение, организации в защиту женщин и другие правозащитные объединения, характерные для постиндустриального общества. Их участие в общественной жизни страны и возможная степень влияния на политические процессы представляют большой интерес, особенно, если учитывать неопределенность политического будущего страны в связи с предстоящими (намеченными на февраль 2019 г.) парламентскими выборами в стране.

¹ Большой Бангкок или Бангкокская агломерация включает Бангкок и пять соседних провинций Нонтхабури, Самутпракан, Патхумтхани, Самутсакхон, Накхонпатхом. Население более 15 млн. человек или более 16% населения страны.

² *Sakdina Chatrakunna Ayuthaya: The Thai Labour Movement: Strength through Unity. Challenges and Recommendations.* Fridrich Ebert Stiftung. October, 2010.

³ *Sakdina Chatrakunna Ayuthaya: The Thai Labour Movement...* P. 3.

⁴ *Sakdina Chatrakunna Ayuthaya: The Thai Labour Movement...* P. 4.

⁵ *Forsyth Timothy. Environmental Social Movements in Thailand: How Important is Class? // Asian Journal of Social Sciences 29; 2001. P. 35–51.*

⁶ *Forsyth Timothy...* P. 4.

⁷ *Forsyth Timothy...* P. 5.

⁸ *Forsyth Timothy...* P. 6.

⁹ *Forsyth Timothy...* P. 6.

¹⁰ *Phongpaichit, Pasuk. Civilising the State: state, civil society and politics in Thailand (PDF).* Centre for Asian Studies Amsterdam, 1999. P. 1–14.

Palmgren Pei. Claims to Globalization: Thailand's Assembly of the Poor and the Multi-level Resistance to Capitalist Development. New York University. Archived from the original on 25.04.2012.

Missingham, Bruce. Forging Solidarity and Identity in the Assembly of the Poor: from

Local Struggles to a National Social Movement in Thailand // *Asian Studies Review*. 27 November 2003; *Sivaraksa Sulak*. Assembly of the Poor: Siam's Poor Take Action on Their Own Behalf.

¹¹ Университет Махасаракхам расположен в одноименном городе провинции Махасаракхам на северо-востоке Таиланда (Исан), создан в 1994 г. на базе колледжа. Число студентов около 40 тыс. Интерес к народности тхай пхуан естественный, поскольку именно там проживает большинство этой этнической группы.

¹² *Smuckarn S., Breazeal R.* A Culture in the Search of Survival: The Phuan of Thailand and Laos. Yale University, Southeast Asia Studies, Monograph Series, New Haven, 1988.

¹³ The Social Movement of the Phuan in Thailand // *Journal of Social Sciences*. 6 (2) 210. P. 293.

¹⁴ The Social Movement of the Phuan in Thailand. P. 294.

¹⁵ The Social Movement of the Phuan in Thailand. P. 294.

¹⁶ *Sati, P., Dhamawat, P., Pratepha and S. Rittidech.* Changes in the conscious mind in applying technology for growing rice at the Chee River Basin in Northeastern of Thailand // *Journal of Social Studies*. 2005. 1. P. 177.

Скоробогатых Н.С.

Проблема культурно-национальной идентичности в контексте австралийской модели мультикультурализма

Рассматриваются вопросы межэтнических отношений и динамики государственной иммиграционной и национальной политики в Австралийском Союзе в XX — начале XXI вв., анализируются основные последствия проведения курса на построение мультикультурного общества и реакции на них основных групп населения в рамках осознания их культурной идентичности.

Ключевые слова: Австралийский Союз, «Белая Австралия», мультикультурализм, М. Тернбулл, Сэм Дастьери, этнические общины, исламский экстремизм.

Кто такие австралийцы, и кто себя считает австралийцем, каковы критерии и отличительные признаки национальной культуры у граждан Австралийского Союза (АС)? Для любой страны иммигрантов или многонационального государства эта проблема всегда стояла достаточно остро. Способы решения ее в исторической ретроспективе различны: достаточно вспомнить «плавильный тигель» США, воспитание советского человека в СССР периода интернационализма или мультикультурализм в Канаде. В эпоху массовых (а порой и плохо контролируемых) миграций эти аспекты — восприятие базовых основ культурных ориентиров на уровне отдельного индивидуума или определение их в ходе проведения государственной национальной политики — становятся особенно напряженными.

Чтобы понять, что происходит сегодня в АС, необходим краткий исторический экскурс. До прихода европейцев на территории пятого континента не было государства, и вопрос о культурно-национальной самоидентификации решался предельно просто: по принадлежности к той или иной родственной группе (племени) аборигенных народов. К концу XVIII в., по оценкам этнографов, таких групп насчитывалось

порядка 500¹. И в наши дни потомки этих народов определяют себя прежде всего как членов своего племени: *янггарлов, лардилов, алава, балумбанда* и т.д.².

С началом британской колонизации данные проблемы тоже ставились достаточно прямолинейно: все жители континента автоматически объявлялись подданными британской короны. Для кого-то — колонистов — это было само собой разумеющимся; для кого-то — аборигенов, в первую очередь, — обстоятельством не совсем ясным и уж явно не долгожданным. Столкновение на территории Австралии двух столь отличных культур и взаимонепонимание привели к целой череде вооруженных столкновений, оканчивавшихся весьма печально для аборигенных народов³. К концу XIX в., когда их численность катастрофически сократилась, а европейцы стали составлять абсолютное большинство населения, принадлежность к Британской империи обусловила базовые черты местной доминирующей национальной культуры. Это: английский язык, как государственный и локальный его вариант, как язык общения; христианство как основная религия, определявшая моральные и бытовые нормы; британская культура (система образования, литература, театры, музеи и т.п.) как фундамент воспитания и миропонимания новых поколений жителей колоний⁴. С появлением новых поколений уроженцев Австралии, составлявших уже около 80% населения, на эту основу накладывался зарождавшийся локальный национализм, сформулировавший понимание «австралийскости»: от особенностей сленга, произношения и местного фольклора с его героями до отделения себя от британцев и Великобритании как *mother country*. И одной из составляющих этого направления общественной мысли и сознания стали понятие и политика «Белой Австралии», исключавшие из состава населения все элементы инокультурного вторжения. Даже выходцам из европейских стран — немцам, евреям, русским и т.п. — по переезде в АС приходилось принимать эти условия, адаптируясь к ним максимально возможно. Для государства единственно приемлемым курсом стала ассимиляция новоприезжих, строгий отбор при выдаче разрешений на въезд и контроль над потоками иммигрантов. В первую очередь, это касалось народов Азии с их абсолютно отличной от европейских стандартов культурой⁵.

Во второй половине XX в. множество факторов: от уроков прошедшей Второй мировой войны и необходимости восполнить людские

ресурсы и до распада колониальной системы и гуманитарной деятельности ООН — повлияло на коренное изменение иммиграционной политики. В начале 1970-х гг. лейбористское правительство Э.Г. Уитлема официально отказалось от курса «Белой Австралии» в пользу модели мультикультурализма, которая открыла дорогу в АС представителям всех государств и предоставила национальным меньшинствам — включая аборигенов, получивших в 1967 г. все гражданские права, — государственную помощь и щедрое финансирование⁶. В качестве удачного примера адаптации приводились «новые австралийцы» из числа DP⁷, переехавшие из разоренной войной Европы, и их ассимилированные потомки, культурологически близкие австралийцам. Кроме того, сказалось более тесное знакомство с выходцами из стран Азии в рамках обмена специалистами по «плану Коломбо⁸», экономические соображения и призыв к человечности в период приема в АС беженцев из Южного Вьетнама — *boat people*. То, что большинство населения страны настороженно отнеслось к новой политике «открытых дверей», восходящей к парадигме «единство в многообразии», ее инициаторы проигнорировали. Высокий уровень жизни в рамках государства всеобщего благоденствия смягчил издержки принятого курса: государственных ресурсов поначалу хватало на всех.

Однако рыночная экономика эпохи глобализации облагодетельствовала в первую очередь представителей крупного австралийского капитала, тесно связанного с международными партнерами, больно ударив по всем остальным слоям населения страны. В начале 2017 г. почти половина домохозяйств в АС с заработком менее 40 тыс. австр. долл. в год заявили, что их финансовое положение ухудшилось, и только треть сообщили о прибавке к доходам. Эксперты отмечают все более увеличивающийся разрыв между богатыми и бедными, что под корень рубит главное социальное достижение прежней Австралии — принцип общественного эгалитаризма. Усугублял картину и уровень безработицы, в начале 2017 г. официально составлявший 5,8%. При этом около 60–70% занятых работали неполный рабочий день или обходились случайными заработками⁹. Не оправдалась надежда на то, что иммигранты восполнят нужду в рабочей силе. Щедрое пособия и льготы, призванные сократить разрыв в положении с доминирующим населением, привели к тому, что новоприбывшие зачастую предпочитали скромную, но спокойную жизнь на пособия хлопот-

ным усилиям выучить английский язык и найти себе работу. По данным правительства, около 25% мигрантов, прибывших в период с января по август 2017 г., не говорили по-английски или имели очень ограниченные языковые навыки. Это, в свою очередь, способствовало тому, что многие мигранты оставались добровольно изолированными в местах их компактного расселения, предпочитали жить в своих «культурных пузырях», ограничив взаимодействие с доминирующим обществом. В начале 2018 г. бывший министр социальных служб А. Тадж предупредил: «Если мы хотим гарантировать социальную сплоченность этой страны, если мы хотим гарантировать успешную мультикультурную страну в будущем, то широкие слои населения Австралии должны говорить на хорошем английском языке». Пока же в районах концентрации мигрантов наблюдается обратная картина: так, в Данденонге на юго-востоке Мельбурна около 60% жителей родились за границей, и многие говорят на плохом английском языке¹⁰.

Не наблюдается пока и массовая адаптация к нормам доминирующей культуры; напротив, люди всеми силами стремятся сохранить свою. Этому в немалой степени способствовали построенные на государственные субсидии этнические центры и школы, где главное внимание уделяется развитию культуры стран исхода. Типологически сходна ситуация с аборигенами. Когда правительство решило защитить их детей от насилия, которому несовершеннолетние подвергались в их родных общинах, поместив в детские дома или отдав приемным родителям, лидеры аборигенов и правозащитники заговорили о новом витке «украденных поколений», вырывающем детей из их культурной среды. В качестве решения проблемы, они потребовали все выделенные правительством под этот проект огромные суммы передать общинам на перевоспитание нерадивых родственников, оставив пострадавших детей под их же опекой, дабы таким образом сохранить их культурное наследие¹¹.

Мультикультурализм оказался весьма затратной политикой, и экономические проблемы дополнились социальными. Уже в начале нынешнего столетия получившие солидные финансовые дотации и внутреннюю диаспоральную самостоятельность, этнические меньшинства превратились в замкнутые анклавные со своими культурными нормами, правилами жизни и собственными лидерами, создав своего рода кальки со стран исхода. В таких условиях исчезали последние

надежды на их адаптацию к нормам доминирующего социума¹². Лидеры этнических общин выполняли сначала фактически лоббистские функции в ходе избирательных кампаний; а в 2018 г. заговорили и о квотах на выборах в парламенты по этническому признаку. Такой подход мотивировался необходимостью улучшения международных отношений: якобы, этники, хорошо знакомые с традициями стран исхода, справятся лучше с решением деликатных дипломатических проблем¹³. Однако ряд наблюдений заставляет сомневаться в действительности таких новаций. Например, в начале 1990-х гг. австралийские сербы поддержали позиции правительства АС, державшегося принципа «справедливого подхода» к решению проблем бывшей Югославии, но повели себя весьма враждебно к своим соседям-хорватам в Канберре. Однако в 1999 г., когда авиация НАТО бомбила Белград, они же проводили массовые акции протеста, сопровождавшиеся сожжением американского флага, а порой и приводившие к «межэтническому напряжению», по определению специалистов по вопросам мультикультурализма в АС. Точно так же и выходцы из Вьетнама болезненно реагировали на все, происходившее на их родине, и не раз выходили на демонстрации протеста в период визитов руководителей Вьетнама в АС¹⁴. В марте 2018 г. уже сиднейские камбоджийцы организовали митинги протеста против визита в АС премьер-министра Камбоджи Хун Сена¹⁵. Нет необходимости говорить, что подобные акции вряд ли могут способствовать улучшению международных связей. Они лишь свидетельствуют о том, что упомянутые этнические группы принесли с собой в АС многие конфликты и проблемы стран их исхода, преодолеть которые они были не в силах.

Впрочем, совсем недавно в АС наблюдалось и некое подобие установления «международных отношений» внутри государства силами самих общин. Так, в сентябре 2017 г. в рамках проходившего в Брисбене Славянского фестиваля одна из недавно созданных общественных организаций выходцев из РФ — Совет российских соотечественников Австралии (СПСА) подписал соглашение о дружбе и сотрудничестве с сербской общественной организацией SARC. «Русские и сербы, проживающие в Австралии, поддерживают связи уже много лет, именно поэтому подписание договора о дружбе и сотрудничестве между СПСА и SARC стало вполне логичным»¹⁶, — утверждали его авторы и обещали двигаться дальше именно в этом направлении.

Помимо этих наблюдений, стоит подчеркнуть, что во властных структурах уже предостаточно выходцев из этнических диаспор: Сэм Дастьяри (Иран), Тая Плиберсек (Словения), Пенни Вонг (Малайзия), Ричард Ди Натале (Италия), Аннастасия Палашук (немецкие и польские корни), Глэдис Береджиклян (Армения) — эти деятели стоят во главе политических партий, парламентских фракций и правительств штатов. Список этот можно легко продолжить. И далеко не всегда предлагаемые этими парламентариями меры по национальной политике учитывают интересы англо-кельтов или носителей европейской культуры из других стран. Представители этнических меньшинств зачастую весьма агрессивно вмешиваются в политику страны. Свежий пример — реакция лидера партии Австралийских Зеленых Р. Ди Натале на решение правительства М. Тернбулла пригласить в АС белых африканеров, которые попали под пресс властей Южной Африки. С точки зрения Ди Натале, это расизм, так как оказывается предпочтение при приеме в страну лицам белой расы¹⁷. По логике левых, убивать белое меньшинство — фермеров за то, что они владели землей в ЮАР, — можно, это не расизм; а помочь тем, кого убивают, это как раз расизм и есть. Как при таком подходе найти приемлемый консенсус? Позицию Ди Натале можно рассматривать, во-первых, как прямое подтверждение факта, что политизированная этничность с ее сублимацией «особенного» — в определенном смысле враждебна не только концепции национального единства, но и гражданского равноправия. Во-вторых, что структурированные национальные меньшинства больше всего озабочены не соблюдением прав человека или гуманной помощью гонимым, а сохранением своих привилегий в рамках политики мультикультурализма. Естественно, такие тенденции чреватые постепенным уничтожением базы англо-кельтской культурной идентичности.

Политическое поведение некоторых политиков-этников также далеко от совершенства, хотя оно во многом вписывается в рамки современной политической культуры АС. Так, упоминавшийся Сэм Дастьяри, сенатор от партии лейбористов (АЛП), был вынужден подать в отставку после затянувшихся на несколько месяцев споров по поводу характера его связей и взаимодействия с китайскими партнерами¹⁸. Этот коррупционный скандал положил начало долгому и неприглядному разбирательству по вопросам о политическом донорстве и

двойном гражданстве членов парламента, что никак не способствовало улучшению его работы, а больше напоминало банальное сведение личных счетов народными избранниками.

Помимо того мультикультурализм стал орудием общин при отстаивании своих интересов в той их части, которая в ряде случаев откровенно враждебна интересам основного населения¹⁹. В первую очередь, это касается экстремистов из стран Востока, которые сделали АС фактически одним из своих оплотов. По официальным данным, в 2016 г. «из 33 человек, которые в последнее время были обвинены в преступлениях, связанных с терроризмом в этой стране, 22 — представители второго и третьего поколений ливанцев-мусульман», обосновавшихся в стране. Как показывает судебная статистика, «терроризм в Австралии быстро становится несоразмерно этнической проблемой»²⁰. Но все попытки правительства противостоять исламскому экстремизму представители мусульманского духовенства расценили как нарушение принципов мультикультурализма, расизм и ущемление их национальной самобытности²¹. Даже мусульманам — сторонникам умеренного ислама и светского государства, пришлось испытать на себе всю силу ненависти приверженцев радикального течения, преобладающего в АС. Так, шейх Мухаммед Таухиди, который призывал закрыть исламские школы в Австралии и критиковал экстремистскую исламскую группу Хизб-ут-Тахрир, утверждая, что ее цель — террор и создание халифата на территории АС, вынужден был просить у своих сторонников 30 тыс. долл., чтобы заплатить за охрану дома, ибо боялся за свою жизнь. Мусульманское духовенство в АС клеймило его «неверным» и публично призывало казнить отступника. Споры вспыхнули в начале 2017 г., когда он сказал, что приехал в Австралию только «потому, что это была немусульманская страна ... Если бы мы знали, что через 30 лет вокруг нас будут бегать женщины в парандже, на каждом углу будут возводиться мечети, и появятся люди, предлагающие ввести законы шариата против демократии в этой стране, ... мы бы не приехали»²². Под давлением лидеров мусульманской общины и СМИ Таухиди пришлось объясняться, почему его назвали не истинным правоверным. «Меня считают лжемусульманином, потому что я готов умереть за Австралию. Меня считают лжемусульманином, потому что я живу по Конституции Австралии», — объяснил он. «Для них я слишком австралиец». Дело при-

обрело международное звучание, когда даже американские мусульманские авторитеты встали на защиту австралийского имама, чья публичная оппозиция радикальному исламу и попыткам навязать всему обществу законы шариата вызвали столь резкую критику со стороны мусульманских лидеров в Австралии²³.

Все это свидетельствует о том, что из провозглашенного некогда принципа «единства в многообразии» сработало в первую очередь «многообразие», почти не оставившее места «единству». И ситуация складывается весьма тревожная. Говорить о существовании единых критериев национально-культурной идентичности в АС в наше время не представляется возможным. В составе населения около ¼ — недавние выходцы из стран Азии и Африки, ныне доминирующие в иммиграционном притоке. Так, в крупнейшем штате страны Новом Южном Уэльсе (НЮУ) из почти 7 млн. населения, 25,7%, или каждый четвертый, родились далеко за пределами Австралии. Среди наиболее быстро растущих этнических общин в Австралии — выходцы из Китая, Индии, Ливана, Малайзии, Шри-Ланки, Ирака, Пакистана. Только в НЮУ в 2016 г. проживали около 200 тыс. мигрантов из Китая, 100 тыс. из Индии, 56 тыс. из Ливана²⁴. Еще порядка 25% жителей страны — лица смешанного происхождения от межэтнических браков. Перепись населения 2016 г. демонстрирует неуклонное снижение базовых маркеров прежней австралийской (т.е. англо-кельтской) этнокультурной идентичности: рождены в АС только 67% ее жителей (и далеко не все они европейского корня); христианство исповедуют 57%; на английском дома говорят 72%. И почти 23% — практически каждый четвертый — сохраняют в быту языки страны исхода²⁵. Только около 60% составляет массив населения, разделяющего ценности европейской культуры и знакомых не понаслышке с австралийской историей. Сравнение статистических данных этого порядка с данными предыдущих переписей — 2011 и 1991 гг. — показывает неуклонный рост доли выходцев из Азии. Следствием этого становится и динамика показателей религиозной принадлежности. В то время как австралийцы отказываются от христианства, наблюдаются увеличение числа атеистов и массовый рост приверженцев индуизма, буддизма и ислама: с 1991 по 2016 г. доля индуистов выросла с 0,3% до 1,9% (прирост на 533%), буддистов с 0,8% до 2,4% (на 200%), исповедующих ислам с 0,9% до 2,6% (на 160%). Около половины авст-

ралийцев родились за границей, или хотя бы один родитель в семье родился за границей. Порядка 1 млн человек родились в Китае или Индии, и эти две страны на сегодняшний день — крупнейшие поставщики мигрантов в Австралию²⁶.

Впрочем, суть проблемы лежит куда глубже. В отличие от выходцев из стран Европы их ассимиляция если и происходит, то только лишь в единичных случаях. Согласно исследованию, проведенному университетом Monash (2014 г.) для неправительственной организации Scanlon Foundation, иерархия позитивных ценностей недавних переселенцев в АС из неевропейских стран выглядит так. На первом месте — 42% — стоит австралийский «стиль жизни», а говоря точнее — его качество и уровень. Тогда как «соблюдение прав человека» и наличие «гражданских свобод» оценило по достоинству только 12%²⁷. В этой связи не удивительно, что поведение представителей национальных меньшинств становится все более агрессивным как по отношению к представителям доминирующего большинства, так и по отношению к исторически сложившимся в стране культурным ценностям. Примирительная позиция властей и откровенное покровительство меньшинствам только усугубляют ситуацию. Так, нашумевшие массовые драки и межэтнические беспорядки на одном из пляжей Сиднея в 2005 г. закончились реальным судебным осуждением белых австралийцев притом, что зачинщики — молодые ливанцы — при поддержке либеральных СМИ и представителей левой интеллигенции отделались порой только словесным увещанием²⁸. Такое избирательное правосудие вряд ли может привести к всеобщему примирению, и в данном случае говорить о равенстве всех граждан перед законом явно не приходится. Но глашатаев общественного мнения больше, похоже, беспокоило, не пострадали ли мусульмане от освещения этих событий в СМИ. Согласно проведенному по горячим следам исследованию, в двух крупных газетах из 451 статьей только 5% новостных статей о мусульманах содержали негативные оценки в The Age и 24% — в The Herald Sun. Впрочем, его авторы оговорились, что, хотя газеты не были исламофобскими, «представление их об исламе и мусульманах не бесппроблемно»²⁹. И данная тенденция бережного отношения к чувствам национальных меньшинств только набирает силу. В 2018 г. государственная вещательная корпорация ABC стала предупреждать свою аудиторию, что отдельные ее статьи

«содержат материалы, которые могут оскорбить некоторых читателей»³⁰. В таких условиях трудно ожидать от меньшинств не конфронтационного поведения. Самый яркий недавний пример: массовые выступления в январе 2018 г. против национального праздника — Дня Австралии, отмечающегося ежегодно 26 января в память провозглашения страны частью Британской империи. Серьезный спор вокруг него впервые возник еще в 1938 г., когда борцы за права аборигенов объявили этот день Днем Вторжения³¹. Ныне именно представители этнических меньшинств выступают инициаторами переноса Дня Австралии на другую дату, стремясь «сделать его инклюзивным для коренных жителей Австралии». Даже супертолерантное ко всем проявлениям мультикультурализма и политкорректности правительство М. Тернбулла отказалось на сей раз идти у них на поводу, несмотря на организованные в поддержку этих требований многочисленные демонстрации в крупных городах страны. Аналогичным образом премьер-министр отреагировал и на предложение поменять государственный флаг, дабы избавиться от британских символов, присутствующих на нем ныне³².

Описанные выше явления вызвали негативную реакцию большинства населения. Согласно опросу вебсайта News.com.au, в 2016 г. из десяти тысяч австралийцев на вопрос, довольны ли вы, в каком направлении развивается страна, 78% ответили «нет», довольными оказались лишь 22% опрошенных. Структура страхов населения выглядела так: проблемы стоимости жизни, состояния экономики, занятости тревожили от 37% до 21% респондентов, образования — от 45% до 22%, терроризма — от 31% до 26%³³. Тогда же 49% участников другого опроса высказались в поддержку запрета въезда мусульман в АС. И это несмотря на массивную пропаганду общественного примирения в СМИ: так, к примеру, бывший лидер Либеральной партии Австралии, а ныне профессор Австралийского национального университета Дж. Хьюсон предлагал наладить конструктивное сотрудничество с мусульманскими общинами: «Лучшее понимание причин социального отчуждения — вот ключ к решению проблемы, а не закрывать ворота для полностью отторгнутых»³⁴. Впрочем, недовольны и недавние иммигранты: согласно упомянутому исследованию университета Monash, многие приезжие считали местных жителей настроенными негативно к иностранцам, негостеприимными, незаботливыми и недру-

желюбными. Расизм, высокая стоимость жизни и уровень налогов — самое неприятное в их новой жизни на пятом континенте: в 2014 г. 41% опрошенных указали, что испытывали дискриминацию в том или ином виде, а 51% заявили, что австралийцам они не доверяют³⁵.

Естественно, такая ситуация не может не беспокоить политический класс, но самое большое, на что отважились его нынешние представители, — это словесная корректировка мультикультурализма в сторону большего акцента на «общеавстралийские ценности». Попытка правительства Тернбулла в 2017 г. несколько ужесточить требования к новым иммигрантам: знание английского хотя бы на разговорном уровне и базовых основ истории Австралии — закончилась провалом. Против этого предложения выступили АЛП и Австралийские Зеленые, во главе которых стоят как раз выходцы из этнических общин страны³⁶.

Как ответ части англо-кельтского населения на бессилие, а лучше сказать, бездействие властей, в АС с начала XXI в. наблюдаются быстрое создание правых партий, выступающих за возрождение исторически традиционных устоев австралийского общества, и усиление симпатий к ним со стороны избирателей. Федеральные выборы 2016 г. привели в парламент уже не отдельных защитников прав большинства, а позволили им сформировать в стенах парламента работоспособные фракции³⁷. А среди молодежи становятся все более активными неонацистские группы, призывающие вернуться к политике «Белой Австралии». Их протест находит самые разные формы выражения: от столкновений на улицах до создания лагерей боевой подготовки. Борьба с засильем прав меньшинств зачастую выливается в весьма агрессивные формы, похожие порой на прорыв отчаяния: в марте 2018 г. в сетях появилось видео из офиса государственного департамента социальных служб Salisbury Centrelink на севере Аделаиды, где молодой человек вел себя оскорбительно по отношению к персоналу: «Я не голосовал за мультикультурализм, не так ли», — кричал он³⁸.

Все это совсем не характерно для Австралии, скажем, даже конца XX в., и вовсе не способствует укреплению национального единства. К слову сказать, окончательно запутавшиеся в попытках трансформации и адаптации мультикультурализма исследователи и политологи все чаще призывают отказаться от него в пользу некоего абстрактного варианта космополитизма — там не надо решать вопросы национально-культурной идентичности. К примеру, философ и историк

Д. Холлинггер выступает против мультикультурализма не потому, что он не уважает этническую принадлежность и культуру, а потому, что мультикультурализм организует себя вокруг «фиксированность и данность». Холлинггер утверждает, что это поощряет идентичность, сформированную вокруг принадлежности и категорий, полученных не из культуры, а «из истории политической и экономической виктимизации, основанной на плохой биологии». По его мнению, защитники мультикультурализма должны перейти к пост-этнической перспективе, которая «благоприятствует добровольной, а не недобровольной принадлежности», и «освободить место для новых общин... включающих людей с различным этническим и расовым происхождением». Такой «космополитанизм» (так в первоисточнике — *Н.С.*) представляет собой «освободительную идею, предполагающую более глубокое и более сложное ощущение себя вне фиксированных понятий расы»³⁹.

Но даже если опираться на эти весьма расплывчатые концепты, все равно отмены мультикультурализма или самой серьезной коррекции иммиграционных законов и государственного регулирования этнических вопросов не избежать — а вот к этому ни политическая элита АС, ни тем более этнические лидеры явно не стремятся. И пока в области этно-национальной и культурной политики правящие круги страны будут ограничиваться полумерами и занимать в лучшем случае оборонительную позицию, улучшения ситуации явно не предвидится.

¹ Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев. М., 1981. Гл. I.

² Рафси Д. Луна и радуга. М., 1978; Локвуд Д. Я — абориген. М., 1971.

³ Reynolds H. The Other Side of the Frontier. Aboriginal resistance to the European invasion of Australia. Ringwood, 1988.

⁴ Петриковская А.С. Культура Австралии XIX–XX вв. М., 2007. С. 14–17.

⁵ Скоробогатых Н.С. История Австралии. XX век. М., 2015. С. 29–37.

⁶ Жарова О.В. Австралийский лейборизм после второй мировой войны. М., 1987. С. 101–106.

⁷ DP — от «displaced person», русскоязычный термин «перемещенное лицо». После Второй мировой войны так называли около 10 млн человек, вывезенных в Германию властями Третьего рейха. Судьбой перемещенных лиц занимались ООН и другие специально созданные для этого организации; большинство этих людей либо вернулись на свою родину, либо отправились в эмиграцию — в том числе и в АС, получив статус беженцев.

⁸ «План Коломбо» — международная организация по оказанию помощи в развитии экономики государств Азиатского и Тихоокеанского регионов. Основана в 1950 г. на конференции стран Британского Содружества в городе Коломбо (о. Цейлон), начала действовать с 01.07.1951 г.

⁹ Rich getting richer while everybody else is getting poorer: survey. The World Today.

By David Taylor. Posted 6 Feb 2017 // www.abc.net.au/news/2017-02-06/rich-getting-richer-survey-finds/8244240.

¹⁰ New migrants living in 'cultural bubbles' need to improve their English skills, Government warns. By political reporter Henry Belot // www.abc.net.au/news/2018-03-07/english-language-tests-need-to-be-tougher-government-warns/9522412.

¹¹ Removing children from Indigenous communities 'a national disaster'. By national Indigenous affairs correspondent Bridget Brennan. Updated 30 Jan 2018 // www.abc.net.au/news/2018-01-31/removing-children-indigenous-communities-national-disaster/9374866.

¹² Скоробогатых Н.С. Австралийский мультикультурализм: путь к гражданскому согласию или к расколу общества // *Общественные науки и современность*. М., 2004. № 1. С. 135–146.

¹³ Australia's Parliament looks nothing like its community. A quota would help fix it. By Olivia Tasevski // www.abc.net.au/news/2018-03-16/ethnic-diversity-quotas-multicultural-australian-parliament/9538954.

¹⁴ The Australian People. An Encyclopedia of the Nation, Its People and Their Origins. Cambridge, 2001. P. 679, 724.

¹⁵ Cambodian community rallies in Sydney against Hun Sen's ASEAN visit despite threat of beating. By Nadia Daly and Paige Cockburn // www.abc.net.au/news/2018-03-16/cambodian-community-rallies-against-hun-sen-visit-to-sydney/9557798.

¹⁶ Русская и сербская общины Австралии подписали соглашение о дружбе и сотрудничестве. 07.09.2017 // vksrs.com/news/russkaya-i-serbskaya-obshchiny-avstralii-podpisali-soglasenie-o-druzhbe-i-sotrudnichestve.

¹⁷ Peter Dutton labelled 'racist' by Richard Di Natale over call to bring white South African farmers to Australia // www.abc.net.au/news/2018-03-16/south-africa-wants-apology-from-dutton-over-farmers-comments/9554340.

¹⁸ Sam Dastyari quits as Labor senator over China connections. Amy Remeikis // www.theguardian.com/australia-news/2017/dec/12/sam-dastyari-quits-labor-senator-china-connections.

¹⁹ Скоробогатых Н.С. Мультикультурализм в Австралийском Союзе: новый XXI век, старые проблемы // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. Вып. XVI (ЮВА 2010–2011). М.: ИВ РАН, 2011. С. 241–261.

²⁰ Melbourne terror plot: Extremist radicalised terrorism is a statistically enduring anomaly. OPINION. By C August Elliott // www.abc.net.au/news/2016-12-24/opinion-melbourne-christmas-terror-plot-enduring-anomaly/8146454.

²¹ Скоробогатых Н.С. Австралийское общество и исламский экстремизм // *Восток (Oriens)*. М., 2017. № 3. С. 140–151.

²² Sheikh who angered hardline Muslims by denouncing Sharia law asks followers for \$30,000 for security guards and steel-barred windows at his home because he fears for his life. By Kate Darvall. For Daily Mail Australia. PUBLISHED: BST, 5.07.2017 | UPDATED: 5.07.2017 // www.dailymail.co.uk/news/article-4666384/Sheikh-Imam-Mohammed-Tawhidi-asks-30thousand-security.html.

²³ Muslim-American leaders support Australian imam's rejection of radical Islam. By Brooke Singman. Published 03.04.2017 // Fox News // www.foxnews.com/world/2017/04/03/muslim-american-leaders-support-australian-imams-rejection-radical-islam.html.

²⁴ Жить в гармонии. 14.03.2016. Guest Guest // www.unification.com.au/articles/read/3204.

²⁵ 2016 Census Quick Stats // www.censusdata.abs.gov.au/census_services/getproduct/census/2016/quickstat/0.

²⁶ Census results: Australians are older, ethnically diverse and losing their religion. By

political reporter Ashlyne McGhee. Updated 27.06.2017 // www.abc.net.au/news/2017-06-27/australians-are-older-ethnically-diverse-and-less-religious/8654440.

²⁷ Australians are racist and unfriendly, say migrants // www.news.com.au/national/australians-are-racist-and-unfriendly-say-migrants/news-story/49557424d4c79a4b517fb19fb88dd10c.

²⁸ Teen avoids jail over Cronulla assault. 29.09.2006 // www.theage.com.au/news/National/Teen-avoids-jail-over-Cronulla-assault/2006/09/29/1159337327395.html?page=fullpage#contentSwap1.

²⁹ Study finds no bias against Muslims. 13.12.2005 // www.theage.com.au/news/national/study-finds-no-bias-against-muslims/2005/12/12/1134236005041.html.

³⁰ 'Islamic State-inspired': Woman charged over stabbing in Melbourne // www.abc.net.au/news/2018-02-10/mill-park-stabbing-court-appearance-islamic-state-attack/9418824.

³¹ The evolution of Australia Day controversy. 25.01.2018 // www.bbc.com/news/world-australia-42798864. День Вторжения — так аборигены и правозащитники называли национальный праздник АС, который, по их мнению, напоминает о начале британской колонизации и жестокого обращения с коренными жителями континента — аборигенами.

³² Malcolm Turnbull says Australian flag will never change, rejecting new design — www.theguardian.com/australia-news/2018/jan/26/new-australian-flag-design-gets-rid-of-the-union-jack.

³³ Довольны ли мы тем, куда идем? 17.06.2016 // www.unification.com.au/news/story/2444.

³⁴ Melbourne terror plot: Extremist radicalised terrorism is a statistically enduring anomaly. OPINION. By C August Elliott // www.abc.net.au/news/2016.12.24/opinion-melbourne-christmas-terror-plot-enduring-anomaly/8146454.

³⁵ Australians are racist and unfriendly, say migrants // www.news.com.au/national/australians-are-racist-and-unfriendly-say-migrants/news-story/49557424d4c79a4b517fb19fb88dd10c.

³⁶ New migrants living in 'cultural bubbles' need to improve their English skills, Government warns. By political reporter Henry Belot // www.abc.net.au/news/2018-03-07/english-language-tests-need-to-be-tougher-government-warns/9522412.

³⁷ *Скоробогатых Н.С.* Выборы 2016 г. в Австралийском Союзе // Институт востоковедения Российской академии наук. Центр Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании. 37-я межинститутская научная конференция «Южнотихоокеанский регион в прошлом и настоящем: история, экономика, политика, культура». Тезисы и доклады. 08.12.2016. М.: ИВ РАН, 2017 // book.ivran.ru/f/doklady-yuti.pdf; book.ivran.ru/book?id=971&from=993.

³⁸ Centrelink: Government orders review of safety, penalties for aggressive behaviour after racist rant. By political reporter Henry Belot // www.abc.net.au/news/2018-03-20/government-announces-security-review-centrelinkafter-racist-rant/9568392.

³⁹ There's an antidote to the identity politics that have taken over the world: cosmopolitanism. By Matter of Fact. Host Stan Grant // www.abc.net.au/news/2018-03-15/stan-grant-identity-politics-cosmopolitanism/9547332.

Ислам в современном мире

Шарипова Р.М.

Движение исламской солидарности и межцивилизационный диалог

В статье рассматриваются основы концепции межцивилизационного диалога, разработанные Лигой исламского мира, программные документы Организации исламского сотрудничества о механизмах осуществления диалога, а также отношение западных ученых к исследуемой теме.

Ключевые слова: исламская солидарность, Лига исламского мира, Организация исламского сотрудничества, межцивилизационный диалог, конференция министров иностранных дел мусульманских государств.

Движение исламской солидарности организовано в 1960–1970-е гг. по инициативе короля Саудовской Аравии Фейсала Абдель Азиза (1906–1975) и короля Марокко Хасана II (1929–1999). Его ведущие организации: Лига исламского мира (ЛИМ), созданная в 1962 г. и действующая на богословском уровне, а также правительственная Организация Исламская Конференция (ОИК), с 2011 г. переименованная в Организацию исламского сотрудничества (ОИС), руководящими органами которой являются Конференции королей, глав государств и правительств мусульманских стран (Саммит), Конференции министров иностранных дел мусульманских стран и Генеральный секретариат. Под руководством ЛИМ известные ученые богословы разрабатывают

концепции движения исламской солидарности, касающиеся разных проблем — политических, экономических, культурных, образовательных и т.д., опираясь при этом на аяты Корана и Сунну, а воплощать эти теории в жизнь призвана ОИС.

Обе организации с самого своего возникновения придают большое значение проблеме сближения народов с разными верованиями, культурами, обычаями и традициями, считая это очень важным в сегодняшнем беспокойном мире.

Концепции ЛИМ, обосновывающие возможность межкультурного и межцивилизационного диалога опираются на следующие пять установок Корана: 1) общность происхождения человечества, 2) правочерность человеческой природы (фитры — ар. язык), так как каждый человек приходит в этот мир монотеистом, верующим в единого Бога, но у некоторых природа меняется под влиянием окружения или эгоизма; 3) всеобщность божьего водительства, т.е. ко всем народам приходили посланники, напоминавшие им о существовании Бога и необходимости следовать истинному пути, указанному Богом; 4) религиозный и этнический плюрализм, предопределенный Богом; 5) всеохватность божественной милости, так как Бог Милостивый и Милосердный и в конечном итоге всех простит.

В Десятилетней Программе действий по борьбе с проблемами исламской уммы в XXI в., принятой на третьем внеочередном Саммите ОИС 7–8 декабря 2005 г., подчеркивается необходимость достижения диалога цивилизаций, основанного на взаимном уважении и понимании, а также равенстве людей. Согласно Программе, диалог является предпосылкой международного мира и безопасности, толерантности и мирного сосуществования. В новом уставе ОИС, утвержденном в 2008 г., сказано, что следует «участвовать в развитии механизма этого диалога и поддерживать его, уделяя особое внимание ценностям и общим знаменателям»¹.

Диалог лежит также в основе стратегии ОИС в переговорах о правах мусульман Запада и их защите. Они являются связующим звеном между Западом и исламским миром и уровень их жизни, как считает Генеральный секретарь ОИС Экмеледдин Ихсаноглу (2005–2013 гг.), может быть фактором, определяющим характер отношений между двумя мирами.

ОИС, заинтересованная в расширении диалога с Западом, поручила эту миссию занимавшему в то время пост президента Ирана Му-

хаммаду Хатами в рамках его полномочий как председателя 8-го Исламского Саммита (Тегеран, 9–11 декабря 1997 г.).

В своей вступительной речи на Саммите, говоря о приоритетах исламского мира, Хатами отметил: «Проживание в мире и безопасности возможно только тогда, когда полностью осознается не только культура и мышление, но и заботы, образ жизни и поведение других людей. Глубокое понимание культурных и моральных измерений иных обществ и наций подразумевает ведение диалога с ними. Наше гражданское общество не является обществом, где лишь мусульмане обладают правами в рамках закона и порядка. Защита этих прав является одной из важнейших, фундаментальнейших обязанностей правительства». Хатами подчеркнул, что долг ОИС заключается в том, чтобы обеспечить необходимую почву для диалога между цивилизациями и культурами. В этом процессе, с его точки зрения, главную роль должна играть интеллигенция. Ей предстоит, как считает он, «открыть дорогу фундаментальному пониманию, лежащему в самом основании истинного мира, который также зиждется на реализации прав всех народов, и, таким образом «обесплодить» почву для влияния негативной пропаганды на общественное мнение»².

В Тегеранской Декларации, опубликованной после Саммита, отмечалось, что «исламская цивилизация всегда исторически придерживалась принципов мирного сосуществования, сотрудничества, взаимного понимания и конструктивного диалога в отношениях с иными цивилизациями, верованиями и идеологиями. В ней подчеркивалась также необходимость достижения понимания между цивилизациями»³.

В 1998 г. президент Мухаммад Хатами выступил на сессии Генеральной Ассамблеи ООН с инициативой о начале глобального диалога между цивилизациями, которая получила международное одобрение и признание. Генеральная Ассамблея ООН в своей резолюции от 4 ноября 1998 г. объявила 2001 г. «Годом диалога между цивилизациями».

Попыткой установить рамки диалога по вопросам межрелигиозного и межкультурного понимания и сотрудничества на благо мира явилось заседание Генассамблеи ООН, состоявшееся в Нью-Йорке 5 октября 2007 г., на котором с большой речью выступил Генсек ОИС Экмеледдин Ихсаноглу. Он отметил, что «нет альтернативы диалогу, это единственный путь к пониманию. Он не заменим в наведении мостов как средство общения между религиями и культурами». Диалог, с точки

зрения Ихсаноглу, должен строиться на ценностях, разделяемых всеми в современном мире и осуществляться на местном, региональном и международном уровнях. Кроме того, он отметил, что желательно, чтобы он имел широкие возможности, позволяющие охватить все слои гражданского общества. При этом Генсек подчеркнул важность того «насколько диалог направлен на этическую глобализацию, в которой сохраняется идентичность каждой цивилизации и создается дух общей гуманности и уважения ко всем»⁴.

В контексте этой этики ОИС призывает мировое сообщество способствовать решению одной из острейших проблем современности ради утверждения на земле атмосферы доверия и взаимодействия между народами различных религий и культур. ОИС выступает против разжигания религиозной ненависти и провокационных попыток, отравляющих отношения между приверженцами различных религий под прикрытием свободы слова,

К сожалению, как отметил Экмеледдин Ихсаноглу, некоторые радикальные политические и религиозные круги заинтересованы в межцивилизационном столкновении. Они порочат ислам, унижают мусульман, обвиняя их в экстремизме и терроризме. Ихсаноглу назвал исламофобию новой формой дискриминации, получившей сегодня широкое распространение на Западе.

Генсек ОИС справедливо подчеркнул, что нынешние напряженные отношения между исламским миром и Западом, вызванные политическими, культурными и религиозными факторами, представляют собой одну из наиболее серьезных угроз миру и всеобщей безопасности.

Для практического решения этого весьма тревожного вопроса он призвал к срочной необходимости исторического примирения ислама и христианства, которое устранил давние обиды и проложит путь для многообещающего будущего. По мнению Ихсаноглу, «в век глобализации историческое примирение между исламом и христианством будет событием, которое затронет почти половину человечества. Две великие религии мира не могут позволить себе предать свои отношения воле устаревших антагонистических парадигм»⁵. Он уверен, что решение этой проблемы сделает мир более безопасным, мирным и процветающим.

Важным шагом в этом направлении явилось включение в состав ОИС бывших советских республик Азербайджана, Киргизстана, Ка-

захстана, Узбекистана, Туркменистана и Таджикистана, как имеющих опыт сосуществования мусульман и христиан. В 2005 г. на конференции ОИС в нее была включена Россия в качестве наблюдателя. При этом также учитывалось, что «опыт православно-исламского диалога в России может стать важным подспорьем для выработки подходов к взаимодействию разных культур и цивилизаций, а российские мусульмане — стать надежными соратниками в общей работе по сближению Востока и Запада, в налаживании подлинного межцивилизационного партнерства и взаимодействия и, в конечном итоге, в укреплении мира и согласия на планете»⁶.

Однако цели, связанные с установлением межцивилизационного диалога, содержащиеся в программных документах ЛИМ, ОИС и в решениях конференций стран — участниц движения исламской солидарности, пока далеки от осуществления. Это объясняется многими объективными и субъективными причинами.

После трагических событий 11 сентября 2001 г. и последовавших взрывов в Мадриде и Лондоне Меркель, Саркози и Кэмерон отказались от мультикультурализма, что известный эксперт в области политики в отношении меньшинств канадский политический философ Уилл Кимлика (1962 г.р.) назвал опасной стратегией, способной разжечь межкультурные и межэтнические конфликты. Что касается усиления антиисламских настроений в западных странах, он объяснил это тем, что «в некоторых случаях это связано с совершенно определенными локальными событиями и личностями, но в целом широко распространенным сомнением в способности мусульман “играть по правилам” либеральной демократии»⁷.

Вместе с тем следует иметь в виду, что многие европейцы под давлением определенных политических сил разделяют провокационную теорию Сэмюэля Хантингтона, бывшего «эксперта по мятежам» во Вьетнаме при администрации Джонсона, о столкновении цивилизаций. Из восьми, названных им в этой теории, основных культур — западной (европейской), конфуцианской, японской, исламской, индуистской, славянско-православной, латиноамериканской и африканской — две из них исламскую и конфуцианскую он назвал самыми грозными противниками Запада. По его мнению, «главное разделение пролегает между Западом и остальным миром, потому что, как подчеркивает он, только Запад ценил “индивидуализм, либерализм, кон-

ституционализм, права человека, равенство, свободу, власть закона, демократию и свободный рынок». По этой причине, — считает Хантингтон, — Запад (читай: Соединенные Штаты) должен быть готов военной силой бороться с угрозами, исходящими от цивилизаций — соперников»⁸. Если ислам и конфуцианство (нефтеносные районы и экспорт китайской продукции), по словам Хантингтона, когда-нибудь объединятся, то могут стать угрозой существованию коренной (западной) цивилизации. Заключение работы Хантингтона, как отмечает Тарик Али, звучит зловеще: «Мир не един. Цивилизации и объединяют, и разделяют человечество...кровь и вера — вот понятия, при помощи которых люди идентифицируют себя, за родную кровь и веру они сражаются и умирают»⁹.

Согласно справедливому утверждению британско-пакистанского писателя Тарика Али (1943 г.р.), «этот простой, однако политически удобный анализ служит полезным прикрытием политикам и идеологам в Вашингтоне и во всем мире»¹⁰. В исламе они видят самую серьезную угрозу, так как Иран, Ирак и Саудовская Аравия располагают богатейшими запасами нефти. Когда Хантингтон писал свое эссе, Исламская республика Иран считалась врагом американцев, Ирак в результате войны в Заливе утратил свою социальную, экономическую и военную мощь. Только Саудовская Аравия оставалась целой и невредимой, ибо ее монархия находилась под защитой американских войск. По вине «западной цивилизации» погибло 300 тыс. иракских детей, в то время как либеральные демократы в союзе с ваххабитами были заняты охраной нефтяных скважин в восточных провинциях Саудовской Аравии.

Напрашивается вывод, что сочинителю теории о столкновении цивилизаций и другим торговцам цивилизациями не мешало бы знать, что исламский мир после смерти пророка Мухаммада никогда не был монолитным. Как пишет Тарик Али, «социально-культурные различия между сенегальцами, китайцами, индонезийцами, арабами и мусульманами Южной Азии столь же сильны, как и сходство, которое они имеют с немусульманскими представителями тех же самых народов, наций и культур»¹¹.

О разобщенности исламского мира говорил также премьер-министр Малайзии Махатхир Мухаммад на десятом Саммите ОИС в 2003 г. в связи с тем, что при обсуждении тех или иных вопросов, в

том числе о достижении диалога цивилизаций возникали трудности. Он отметил, что когда-то единая умма (имеется в виду эпоха пророка Мухаммада) распалась на многочисленные мазхабы, секты и тарикаты, озабоченные тем, чтобы выставить себя защитниками ислама, вместо того, чтобы признать, что все они входят в умму, мусульманское сообщество. Они спорят, враждуют, ослабляя друг друга, и помогая, таким образом, своим врагам. Члены ОИС не могут решить ни одной проблемы, так как она работает на основе консенсуса, а консенсус недостижим. Стран много, каждая со своими теми или иными амбициями. Попытка Махатхира Мухаммада добиться отмены принципа консенсуса не увенчалась успехом, потому что для того, чтобы отменить его, тоже нужен был консенсус¹².

О разобщенности мусульман, препятствующей достижению межкультурного диалога говорил также имам Мостафа Махмуди из Ирана на XII международном мусульманском форуме, посвященном сближению исламских мазхабов, проходившем в Москве в октябре 2016 г. «Разногласия, споры и кризисы, с которым сталкивается исламский мир», по его словам, «созданы руками империалистов, стремящихся к доминированию»¹³. Он отметил, что во имя своих зловещих планов по разъединению народов они создают в мире политические и экономические кризисы, обрекая мусульман на тяжкие беды и несчастья. Все распри и потрясения в исламском мире, особенно на Ближнем Востоке, организованы США. Такфиристские группировки, противостоящие истинному исламу, также дело рук американцев. Согласно справедливому утверждению Мостафы Махмуди, цель альянса между западным и саудовско-израильским миром — расчлнить некоторые страны БСВ, разжечь войну, столкнуть между собой представителей разных этносов и конфессий¹⁴.

Известный ученый, привлекавшийся к проекту президента Хатами «Диалог цивилизаций», в настоящее время являющийся сопредседателем Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», и занимающийся проблемами диалога Фред Далмайер (США) признает, что решение проблемы межкультурного диалога сопряжено с большими трудностями и катастрофическими сбоями. Отношения между исламским и западным мирами были и остаются сложными и противоречивыми. У обеих сторон есть предубеждения и предрассудки. В исламском мире до сих пор жива память об империализме и

колониализме, связанная с покорением народов и насилием. Многие мусульмане с настороженностью относятся к Западу, а также склонны принижать значение европейской, западной культуры и даже развенчивать ее как синоним культурного высокомерия. «Так, в арабских и других мусульманских странах зачастую имеет место сопротивление модерни (модернизированному обществу), потому что есть ощущение, что все это инспирировано Западом»¹⁵. В Иране, например, осуждается подражание Западу и обозначается оно понятием «гарбзадеги», т.е. «озападничество» или «интоксикация Западом». Далмайер считает, что «полный отказ от западных ценностей может привести к радикальному традиционализму или к религиозному фундаментализму, что, с его точки зрения, непродуктивно, так как препятствует социальному прогрессу и подавляет стремление к свободе». Он предлагает «сохранить все позитивное и ценное, имеющееся в исторической традиции (за вычетом устаревших и репрессивных элементов) и заимствовать все лучшее, что существует на Западе (кроме коррупционных и деструктивных элементов)»¹⁶. Кроме того, ученый полагает, что очень важно для достижения взаимопонимания между людьми с разными верованиями, традициями и обычаями обратиться к роли божественного и природного начала. Триада, составляющими которой являются человечество, божественное и природное начало, по мнению ученого, поможет приблизиться к установлению диалога. Кроме того, Далмайер предлагает также найти золотую середину между европоцентризмом и евроотрицанием и учитывать, что «незападные культуры принимают сегодня активное участие в формировании мирового будущего»¹⁷.

Путь к диалогу нелегкий, так как укоренившаяся неприязнь ислама и жажда завоеваний по-прежнему присуща некоторым представителям западного мира. Однако известный европейский исламовед Михаэль Кемпер считает, что «Запад имеет огромный интерес к сближению — не только, чтобы прекратить напряженность, но и для толерантных религиозных отношений между миром ислама и Западом. Но стратегия на сближение», как он полагает, «требует смелости отказаться от позиции, что только собственная точка зрения исторически верна»¹⁸.

Далмайер предлагает ради сближения и установления диалога вести работу через систему образования, межкультурное общение, меж-

дународные организации и встречи. При этом он акцентирует внимание на обязательном соблюдении нормативных правил игры и особенно этических обязательств¹⁹.

Многое, имеющее отношение к межкультурному диалогу содержится в трудах немецкого философа, одного из самых значительных мыслителей второй половины XX в. Ханса Георга Гадамеса (1900–2002). Его внимание к трансграничному взаимодействию приводит к подлинному опыту межкультурного познания и помогает преодолеть границы между европейской и другими культурами, например, арабской, иранской и других. Фред Далмайер предлагает изучить источники работ Гадамеса, из которых можно почерпнуть много полезного, в частности, о переосмысленной в современном духе классической традиционной исламской философии марроканским ученым аль-Джибри. Фред Далмайер дает также высокую оценку работам иранского аятоллы Али Шариати. Ученый считает, что изучение трудов представителей разных культур и конфессий было бы верным шагом, приближающим к диалогу. Он также уверен, что мир был бы более безопасным и спокойным, если бы доминирующие государства Северной Атлантики и Западной Европы признали бы тот факт, что модерни имеют различные траектории развития. Это означало бы предоставление Ирану возможности развиваться собственным путем²⁰.

Фред Далмайер считает, что одним из условий приближения к диалогу должна быть также свободная интерпретация Священного Корана. Но тут, он не учитывает, что аяты Корана двух типов: мухаммат — с ясным смыслом, которые не нуждаются в объяснении, и муташабихат, в которых ключевые слова имеют 2–3 значения, из которых надо найти наиболее адекватное, не противоречащее принципам ислама.

К сожалению, теоретические разработки, касающиеся межкультурного диалога пока малоэффективны и не находят практической реализации. На сегодня это скорее чрезмерно раздутая риторика, а не реальность. Тем не менее, представители разных религиозных традиций призывали и призывают народы и цивилизации к диалогу и сотрудничеству на основе общечеловеческого братства.

¹ Иксаноглу Э. Исламский мир в новом веке. Организация исламского сотрудничества / Пер. с англ. М.: ИВ РАН, 2013. С. 344–345.

² Иксаноглу Э. Исламский мир в новом веке... С. 194–195.

³ Иксаноглу Э. Исламский мир в новом веке... С. 195.

- ⁴ Иксаноглу Э. Исламский мир в новом веке... С. 380.
⁵ Иксаноглу Э. Исламский мир в новом веке... С. 381.
⁶ Татарские новости. М., 2005. № 9 (134).
⁷ 22 идеи о том, как устроить мир. М., 2014. С. 49, 53.
⁸ Тарик Али. Столкновение цивилизаций: крестовые походы, джихад и современность. М., 2006, С.392.
⁹ Тарик Али. Столкновение цивилизаций... С. 392.
¹⁰ Тарик Али. Столкновение цивилизаций... С. 393.
¹¹ Тарик Али. Столкновение цивилизаций... С. 393.
¹² Махатхир М. Доктор своей страны. Мемуары четвертого премьер-министра Малайзии. Т. 2. М., 2015. С. 453, 457.
¹³ Минарет ислама. М., 2017. № 1–2. С. 49.
¹⁴ Минарет ислама. М., 2017. № 1–2. С. 50.
¹⁵ 22 идеи о том, как устроить мир. М., 2014. С. 338.
¹⁶ 22 идеи о том, как устроить мир. М., 2014. С. 338.
¹⁷ 22 идеи о том, как устроить мир. М., 2014. С. 335.
¹⁸ Минарет. М., 2017. № 1–2. С. 40.
¹⁹ 22 идеи о том, как устроить мир. М., 2014. С. 340.
²⁰ 22 идеи о том, как устроить мир. М., 2014. С. 340.

Кириченко В.П.

Шиитские общины в межгосударственных отношениях Ирака и Ирана в XX в.

Статья посвящена шиитскому фактору в отношениях Ирака и Ирана в XX в. Традиционно суннитские власти Ирака с подозрением относились к шиитам, полагая что они более лояльны к Ирану. Наличие в соседних государствах крупных шиитских сообществ стало играть особую после Исламской революции (1979) в Иране. Иракское руководство начало опасаться свержения светского режима в стране, в то время как Иран стал рассматривать их в качестве политических союзников.

Ключевые слова: Ирак, Иран, шииты, исламская революция

Шиитский фактор в отношениях Ирака и Ирана до исламской революции (1979)

Традиционные исторические и конфессиональные связи Ирана и Ирака, а также наличие общей границы придают отношениям двух стран особый характер. В настоящее время шииты составляют 65% мусульман Ирака¹ и 89% мусульман Ирана².

После падения Османской империи территория современного Ирака попала под мандат Британской империи (1920). В 1921 г. по инициативе британских властей было образовано Королевство Ирак. До 1932 г. оно фактически находилось под британским управлением. Следует отметить, что созданию Королевства Ирак предшествовало антибританское восстание 1920 г., в котором одну из главных ролей играло шиитское духовенство³. Иракские шииты традиционно находились под подозрением иракских властей, опасавшихся их связей с Ираном. Многие из шиитских великих аятолл Ирака имели персидское происхождение и в свое время окончили хаузы⁴ Неджефа или Кербелы.

Британское правительство и иракская верхушка стремились ограничить иранское влияние в Ираке. С этой целью в 1924 г. в Ираке был принят закон о национальностях, согласно которому все персы, проживающие в Ираке, автоматически становились иракцами, если не напишут отказ до января 1928 г. Этот закон был воспринят иранским руководством как ущемление прав иранской общины в Ираке. Поэтому в 1927–1929 гг. Иран запретил своим гражданам посещать священные для шиитов места на территории Ирака. Этот запрет сохранялся и в 1930-е и 1940-е гг. Лишь при иранском премьер-министре М. Моссадыке⁵ (1951–1953) иранские паломники вновь стали посещать Неджеф и Кербелу. Принятие закона о гражданстве, привело к тому что количество персов, проживающих в Ираке сократилось. Это особенно заметно на примере Кербелы, где в начале XX в. они составляли 75% населения, а в 1957 г. лишь 12% жителей были иранцами⁶. Персы или принимали гражданство Ирака или покидали страну. Позиции, которые они ранее занимали в шиитском сообществе Ирака, были заняты шиитами арабского происхождения.

Среди шиитских муджтахидов Ирана были разные точки зрения на проблему признания Ираном Королевства Ирак. Так, шейх Хусейн Язди считал, что шах не должен признавать Ирак, пока тот оккупирован британцами. В то же время иранские муджтахиды Мухаммад Хусейн Наини и Абу аль-Хасан Исфакхани выступали за признание Ираном нового иракского государства. На самом деле подоплекой создавшейся ситуации были экономические интересы: одни улемы хотели сделать Кум главным шиитским центром, а другие надеялись, что признание Ирака приведет к возобновлению паломничества и притока денежных средств в Неджеф⁷.

В 1940-х гг. многие иракские шииты, желая улучшения социальных условий и участия в политической жизни, стали вступать в Иракскую коммунистическую партию⁸ и Баас⁹. Так, в 1940-е гг. почти половина членов Иракской коммунистической партии были шиитами¹⁰. Что касается Баас, то в 1963 г. шииты составляли 53,8% партийных лидеров Баас, но были вытеснены суннитами, и к 1970-м гг. лишь 5,7% руководства партии было представлено шиитами¹¹.

После прихода к власти в Ираке представителей светской партии Баас между новым руководством страны и частью шиитского духовенства возник конфликт. В 1969 г. аятолла Мухсин аль-Хаким призвал к акциям

протеста против баасистов, назвав их «неверными». Крупное выступление против руководства страны было предпринято шиитскими лидерами в 1977 г. во время празднования ашуры. После этой акции власти арестовали 2000 чел.¹² и ввели запрет на празднование ашуры.

Исламская революция в Иране (1979) обеспокоила иракское руководство. Установление теократического правления в Иране бросало вызов светскому режиму. К тому же новые иранские власти видели в иракских шиитах политических союзников. Стремление Ирана стать важнейшей региональной державой противоречило амбициям С. Хусейна, который желал укрепления политического влияния своей страны в Ближнем Востоке.

Поэтому революционные события в Иране заставили иракское руководство принять жесткие меры против оппозиционно настроенной части шиитской общины. Особую опасность с точки зрения властей представляла партия «Хизб ад-Да`ва аль-Исламия» («Партия исламского призыва») и ее лидер аятолла Мухаммад Бакир ас-Садр¹³. Ас-Садр выступал за организованное исламское движение и считал, своей целью построение государства, основанного на исламских принципах. Ас-Садр призвал мусульман избегать иностранных влияний, особенно капитализма и марксизма. В апреле 1979 г. ас-Садр издал фетву, запрещающую мусульманам вступать в Баас, так как это не исламская партия¹⁴.

Мухаммад Бакир ас-Садр был арестован и помещен под домашний арест весной 1979 г. Но после покушения членов Ад-Да`ва на жизнь Тарика Азиза¹⁵ в начале апреля 1980 г., Мухаммад Бакир ас-Садр и его сестра Бинт Худа были казнены¹⁶. После этого последовали преследования членов «ад-Да`ва», членство в ней каралось смертной казнью.

Амбиции иракского лидера, стремление оградить свою страну от экспорта исламской революции привели к тому, что в сентябре 1980 г. иракская армия вторглась на территорию соседнего Ирана, тем самым начав войну. Еще до начала ирано-иракской войны, в сентябре 1980 г. спецслужбы Ирака начали призывать арабское население этой иранской провинции, которая в Ираке именуется Арабистан, к вооруженной борьбе за автономию. Примечательно, что, по словам российского исследователя и политического деятеля Е.М. Примакова, Садам, «посетив священный для шиитов город Неджеф, продемонстрировал — и это было широко освящено в иракских СМИ — свое генеалогическое древо. Оказалось, что родословная Садама возводится

чуть ли не прямо от пророка Мухаммеда. А в августе 1980 г., то есть прямо накануне войны с Ираном, Саддам совершил хадж в Мекку»¹⁷. Такое поведение можно трактовать как попытку сплотить мусульман Ирака вокруг режима на пороге войны.

В первые дни войны иракская армия добилась быстрого прогресса. Менее чем через две недели после вторжения Саддам предложил иранцам прекратить огонь. Иранское руководство ответило отказом и стойко сопротивлялось дальнейшему продвижению иракской армии. Затем Иран перешел в контрнаступление и в июле 1982 г. иранская армия пересекла границу Ирака¹⁸.

Следует отметить, что, во время войны «шиитский фактор» в свою очередь также не оправдал ожиданий иранского руководства. Иранская сторона утверждала, что народ Ирака не поддерживал тиранический режим С. Хусейна, и призывала к его свержению. Шиитская община Ирака в годы этой войны в целом поддержала политику Багдада, заняв, тем самым патриотическую позицию. Это стало примером того, что, несмотря на солидарность с единоверцами, шииты, проживающие в арабских государствах, испытывают патриотические чувства по отношению к странам пребывания.

В годы ирано-иракской войны при содействии Ирана был создан Высший совет исламской революции в Ираке (ВСИРИ). Его главой стал аятолла Мухаммад Бакир аль-Хаким¹⁹. Изначально предполагалось, что Совет будет действовать в качестве временного правительства г. Басра, в случае его захвата. Боевое крыло «Корпус Бадр» состояло из иракских пленных-шиитов, которых удалось захватить иранцам в ходе войны²⁰.

Нужно отметить, что проиранским группировкам не удалось получить поддержку шиитских масс. Большинство населения оставалось лояльным иракскому государству. Дело в том, определенные успехи, которых баасисты достигли в развитии экономики, позволили шиитам ограниченно интегрироваться в экономическую жизнь страны. Помимо этого, повысился жизненный уровень населения, что способствовало тому, что авторитет Баас среди населения Ирака возрос²¹. По продолжительности, задействованным ресурсам и человеческим жертвам (более миллиона убитых с обеих сторон) этот конфликт, продлившийся до 1988 г. стал одним из самых крупных. К концу войны внешний долг Ирака составлял более чем 100 млрд долл.²².

В связи с этим, Саддам Хусейн стремился овладеть огромными запасами кувейтской нефти, чтобы занять лидирующие позиции в регионе Персидского залива²³. С этой целью 2 августа 1990 г. Ирак оккупировал Кувейт. Дипломатические переговоры, целью которых было заставить Ирак отказаться от своих намерений, не увенчались успехом. После этого международная коалиция, возглавляемая США, провела полномасштабную военную операцию «Буря в пустыне» (январь 1991)²⁴.

В течение месяца боевых действий иракские войска в Кувейте и южных приграничных районах Ирака были разбиты подразделениями США и их союзников. Основные военные, промышленные и инфраструктурные объекты Ирака были разрушены авиацией и ракетами коалиции. Режим С. Хусейна в конце февраля был вынужден прекратить боевые действия и признать поражение.

2 марта 1991 г. в преимущественно шиитском г. Басра началось антиправительственное восстание. К концу первой недели восстания мятежники заняли большинство городов к югу от Багдада. В южных городах боевики захватили и убили местных баасистов, сотрудников служб безопасности и членов их семей²⁵. За шиитским восстанием последовало курдское на севере Ирака.

Восставшие возлагали на режим С. Хусейна ответственность за сокрушительное поражение в войне 1990–91 гг., огромные человеческие жертвы, а также разруху в экономике. Шиитское восстание поддержал Высший совет исламской революции в Ираке, базировавшееся на территории Ирана. Однако лозунги в поддержку установления исламской республики не нашли отклика среди населения юга Ирака, а лишь позволили иракским властям заявить, что восстание организовано внешними силами²⁶. Примечательно, что в разгар восстания по приказу С. Хусейна из Неджефа в Багдад был доставлен шиитский богослов Абу аль-Касим Аль-Хои²⁷, которого заставили выступить по телевидению в поддержку властей. Иракская армия была брошена на подавление восстания. В ходе военной операции особенно упорное сопротивление оказывали жители Неджефа и Кербелы. В этих городах из артиллерийских орудий были обстреляны шиитские гробницы и мечети. 16 марта Багдад объявил о разгроме восстания на юге.

Несмотря на то, что основной очаг шиитов был подавлен, в болотистой местности на юге Ирака продолжалось сопротивление боевиков ВСИРИ. Курдские повстанцы также продолжали борьбу. В начале

1990-х гг. США, Великобритания и Франция при поддержке Генерального секретаря ООН объявили о создании над Ираком бесполетных зон, обезопасивших шиитов и курдов от атак с воздуха.

Однако С. Хусейн не забывал и о политике умиротворения шиитско-го населения Ирака. В марте 1991 г. после начала восстания Саддам Хусейн назначил премьер-министром шиита Са`дуна Хаммади. Однако уже в сентябре 1991 г. Хаммади был отправлен в отставку и был сменен шиитом Мухаммадом Хамзой аз-Зубейри. Эти назначения имели сугубо демонстративный характер и не влияли на политику в стране, ведь важнейшие решения принимались лично С. Хусейном²⁸.

После подавления восстаний шиитов и курдов международное вмешательство в ситуацию в Ираке не ограничилось установлением бесполетных зон. США взяли решительный курс на ликвидацию режима С. Хусейна. Тогдашний госсекретарь США Колин Пауэл предъявил в ООН пробирку с неизвестным веществом, заявив, что это образец биологического оружия, которым якобы обладал Ирак.

В дополнение к этому США отнесли Ирак к числу «пороговых государств, вплотную приблизившихся к созданию ядерного оружия массового поражения. Доводы международных экспертов, не подтверждавшие американские предположения, Вашингтоном полностью игнорировались, и в итоге это привело к военной операции в Ираке, начатой войсками США, Великобритании и Австралии 20 марта 2003 г. Следует отметить, что Иран был категорически против ввода войск коалиции в Ирак.

* * *

Традиционно суннитские власти Ирака с подозрением относились к шиитам, полагая что они более лояльны к Ирану. XX не стал исключением. Наличие в соседних государствах крупных шиитских сообществ играло особую роль после Исламской революции в Иране (1979), когда иракское руководство стало опасаться свержения светского режима в стране, в то время как Иран стал рассматривать их в качестве политических союзников. Однако события ирано-иракской войны показали, что в целом иракские шииты оказались лояльны режиму и не желали построения исламской республики в своей стране.

¹ World Population Review. Iraq Population 2018 // worldpopulationreview.com/countries/iraq-population (22.05.18).

² World Population Review. Iran Population 2018 // worldpopulationreview.com/countries/iran-population (22.05.18).

³ Восстание в Ираке (Иракское восстание 1920) — произошло в июне — октябре 1920 г. Охватило большую часть территории Ирака. Возглавлялось шейхами племен и шиитскими богословами. Повстанцы протестовали против английского правления и требовали создания независимого арабского государства. Несмотря на поражение, Иракское восстание вынудило Англию отказаться от прямого колониального государства в Ираке. Осенью 1920 г. восстание было в целом подавлено англичанами, однако им пришлось пересмотреть принципы своего правления в Ираке.

⁴ Хауза — традиционная шиитская исламская академия, духовная семинария, в которой изучаются исламские дисциплины: фикх джафаритского мазхаба, тафсир и другие коранические науки, логика (мантик), история ислама, наука о хадисах (илм аль-хадис), наука о передатчиках хадисов (илм ар-риджал), теология (акида и калам) и др.

⁵ Мохаммед Мосаддык (1882–1967) — демократически избранный премьер-министр Ирана с 1951 по 1953 г., пытавшийся проводить прогрессивные реформы, включая национализацию нефтегазового сектора, за что был свергнут в результате переворота, организованного спецслужбами США и Великобритании.

⁶ Nakash Y. The Shi'is of Iraq. Princeton., 2003. P. 104.

⁷ Nakash Y. The Shi'is of Iraq. Princeton: Princeton University Press, 2003. P. 107.

⁸ Коммунистическая партия Ирака основана 31.03.1934 в результате объединения марксистских групп и кружков, существовавших в Месопотамии с 1920-х гг. В том же году организация вступила в Коминтерн. С момента своего основания находилась на нелегальном положении.

⁹ Партия арабского социалистического возрождения, кратко именуется Баас (возрождение, воскрешение) — политическая партия, основанная в Сирии Мишелем Афляком и Салахом ад-дин Битаром в 1947 г. Идеология партии — баасизм, представляющий собой синтез арабского социализма, панарабизма и антиимпериализма.

¹⁰ Batatu H. The Old Social Classes and the Revolutionary Movements of Iraq: a Study of Iraq's Old Landed and Commercial Classes and of its Communists, Ba'athists, and Free Officers. Princeton: Princeton University Press, 1978. P. 998.

¹¹ Ghareeb E., Dougherty B. Historical Dictionary of Iraq Lanham. Maryland; Oxford, 2004. P. 222.

¹² Farouk-Sluglett M., Sluglett P. Iraq Since 1958: From Revolution to Dictatorship. L., N.Y. 2001. P. 198.

¹³ Великий аятолла сейид Мухаммад Бакир ас-Садр (1935–1980) — иракский шиитский богослов, правовед, философ, отец-основатель Партии исламского призыва.

¹⁴ Farouk-Sluglett M., Sluglett P. Iraq Since 1958: From Revolution to Dictatorship. L., N.Y. 2001. P. 200.

¹⁵ Тарик Азиз, урожд. Мишель Юханна, — иракский государственный и политический деятель, министр информации (1974–1977), иностранных дел (1983–1991) и заместитель премьер-министра Ирака (1979–2003), член Совета революционного командования; являлся одним из ключевых и ближайших соратников президента Ирака Саддама Хусейна, а также единственным христианином в его правительстве.

¹⁶ Farouk-Sluglett M., Sluglett P. Iraq Since 1958: From Revolution to Dictatorship. L., N.Y., 2001. P. 200.

¹⁷ Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века). М., 2006. С. 313.

¹⁸ Ghareeb E., Dougherty B. Historical Dictionary of Iraq Lanham. Maryland; Oxford, 2004. P. 106.

¹⁹ Аятолла Мохаммад Бакир аль-Хаким (1939–2003), лидер Высшего совета исламской революции в Ираке. Был убит в 2003 г. в Неджафе.

²⁰ Iraq's major political groupings // web.archive.org/web/20070305191230/middleeastreference.org.uk/iraqiopposition.html (22.05.2018).

²¹ Подколзин Н.С. «Шиитский вопрос» в Ираке в условиях ирано-иракской войны. Влияние «исламского фактора» на международные отношения в Азии и Северной Африке и политика Запада на современном этапе (сборник тезисов). М., 1985. С. 67.

²² Dawisha A. Iraq. A political history from independence to occupation. N.J., 2009. P. 223.

²³ 18 июля 1990 г. С. Хусейн обвинил Кувейт в незаконной добыче нефти из приграничного месторождения, принадлежащей, по его мнению, Ираку. От Кувейта иракский лидер потребовал компенсации в размере прощенного иракского долга в 14 млрд долл. и уплаты дополнительно еще 2,5 млрд долл. Но эмир Кувейта шейх Джабер аль-Ахмед аль-Джабер ас-Сабах не пошел на выполнение иракских требований. («Буря в пустыне». Четверть века назад войска Саддама Хусейна покинули Кувейт // topwar.ru/91422-burya-v-pustyne-chetvert-veka-nazad-voyska-saddama-huseyna-pokinuli-kuveyt.html).

²⁴ Хамидов З. Межэтническая и межконфессиональная борьба в республике Ирак в конце XX в. // Ближний Восток и современность. Вып. 11. М., 2001. С. 303.

²⁵ Marr P. The Modern History of Iraq. B., 2012. P. 228.

²⁶ Marr P. The Modern History of Iraq. B., 2012. P. 228.

²⁷ Сейид Абу Аль-Касим аль-Хои (1899–1992) — шиитский исламский ученый. Великий аятолла.

²⁸ Степанова Н.В. Шиитская проблема в Ираке. Этности и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. М., 2005. С. 151.

Филатов С.Б.

Традиционный татарский ислам на российских просторах

Статья посвящена религиозной жизни татар в современной России. Религиозное и культурное лицо татар во многом определяется тем, что они долго жили в государстве, в котором христианство было официальной религией. Важной особенностью татарского этноса являются существенные различия между татарами различных регионов России. Бурный рост социального и культурного положения татар при советской власти сделал этот в основном сельский, патриархальный народ народом урбанизированным, с заметной численностью интеллигенции и чиновничества. Этот социальный рост сформировался в русле русско-советской культуры, что привело к отрыву подавляющего большинства народа от ислама. Сегодня ислам российских татар находится в стадии становления после коммунистического атеистического погрома. Однако основной вектор, в сторону которого эволюционирует нынешняя ситуация прослеживается достаточно четко — это возрождение его предреволюционного характера — реформистского и европейски ориентированного.

Ключевые слова: татары, ислам в Татарстане, ислам в Башкирии, Ментимир Шаймиев, Муртаза Рахимов, Рустэм Хамитов, муфтий Талгат Таджуддин, муфтий Гусман Исаков, муфтий Ильдус Файзов, муфтий Ренат Гайнутдин, муфтий Нафигула Аширов, муфтий Альбир Крганов.

Религиозное и культурное лицо татар во многом определяется тем, что они, как никакой другой мусульманский народ в мире, долго жили в государстве, в котором христианство было официальной религией. На протяжении веков кампании насильственной христианизации постепенно заменялись цивилизованным миссионерством, но до самого 1917 г. российская власть не оставляла попыток религиозной ассимиляции татар. Необходимость приспособляться к государственным институтам России, постоянное взаимодействие с окружаю-

щим русским населением во всех сферах жизни сделали татар европеизированными мусульманами. Советский период истории усилил интеграцию татарского этноса в российскую культуру. При власти коммунистов татары впервые получили автономию в составе России Татарскую автономную советскую республику (в которой проживает менее одной трети российских татар и татары составляют около половины населения республики). Политика коммунистов предполагала продвижение национальных кадров, развитие национальной культуры, но при этом осуществлялась жесточайшая атеизация населения, ислам был выброшен из всех сфер общественной жизни, организованная религиозная жизнь была сведена к символическому минимуму в самой Татарии перед падением коммунизма было всего 17 мечетей, еще менее 20 мечетей, где собирались на молитву татары — в других регионах России.

Несмотря на антирелигиозную политику коммунистических властей, российские татары в большей степени, чем русские, уже в наше время с симпатией относятся к советскому прошлому и хотят сохранить с ним преемственность¹. Одно из объяснений этому лежит на поверхности и декларируется многими представителями татарской интеллигенции — Советская власть впервые за четыреста лет возродила татарскую государственность (пусть даже урезанную и полностью подконтрольную Кремлю), преодолела дискриминацию татар и прекратила явные и грубые попытки русификации.

Но есть и более глубокая причина уважительного отношения татар к советскому прошлому. Татарский народ не был пассивным субъектом революции 1917 г. Советская власть не была для него чуждой. Большинство татар, в отличие от большинства других народов Российской империи, в силу эволюции их массового сознания были активными сторонниками большевистской революции. Их поддержка революции была predeterminedena не только многовековым сопротивлением русскому империализму, но и произошедшим в конце XIX — начале XX вв. кардинальным поворотом ориентаций татарского общества в сторону западных культурных и политических ценностей. Марксизм стал лишь конкретной исторической формой глубокого изменения в татарском самосознании. Парадоксально, но факт в первые годы советской власти в коммунистическом движении татарского народа видную роль играли представители реформистски настроенного мусульманского духовенства².

Другой важной особенностью татарского этноса являются существенные различия между татарами различных регионов России в исторической судьбе, культуре, политическом и религиозном сознании. Среди крупных общин казанские татары были присоединены к России первыми, они раньше и тяжелее пострадали от репрессий, но и раньше стали подвергаться русскому влиянию; затем наступила очередь татар Нижнего Поволжья, затем Урала и, наконец, Сибири. Каждая последующая этническая группа татар имела меньше исторического опыта насильственной русификации и христианизации, но и опыта жизни в христианском обществе.

Различия в длительности контактов с русскими далеко не единственные. Казанские татары приняли ислам добровольно в 922 г. и создали до русского завоевания богатую исламскую культуру. Наиболее своеобразная из региональных групп татар — сибирские татары — впервые столкнулась с исламом в самом конце XIV в., когда среднеазиатские шейхи начали вооруженную экспансию на Север. Некоторые группы сибирских татар приняли ислам лишь в XIX в. В их сознании сохранились значительные фрагменты древних языческих тенгрианских представлений³. Причем, до такой степени, что в 1998 г. в Тюмени зародилось, правда, весьма малочисленное, неязыческое движение, ставящее целью возрождение национальной веры сибирских татар — тенгрианства. Неудивительно, что среди сибирских татар существуют общественные силы, ставящие своей целью самоопределение сибирских татар в качестве отдельного народа.

Согласно переписи 2010 г. в России проживает 5,3 млн татар, из них в Татарстане — 2 млн, в Башкирии — 1 млн, в России (помимо двух перечисленных республик) — 2,3 млн. Больше всего их в Москве, Поволжье, Урале и Западной Сибири.

Бурный рост социального и культурного положения татар при советской власти сделал этот в основном сельский, патриархальный народ народом урбанизированным, с заметной численностью интеллигенции и чиновничества. Этот социальный рост сформировался в русле русско-советской культуры, что привело к отрыву наиболее социально динамичных слоев не только от ислама, но и от национальной культуры, с ним связанной. Частичным исключением из этого процесса была судьба татар, проживающих в Татарстане и Башкортостане. В этих республиках существовала татарская национальная

школа, поддерживаемая государством национальная татарская интеллигенция. Однако идеологически эта национальная культура была дистиллирована атеистической, и выросла она в атмосфере советского патриотизма. Кроме того, и в этих автономных республиках существовала значительная доля татар, по карьерным и иным соображениям предпочитавших заканчивать русские школы, переходить на русский язык, быть «как русские» в русском окружении.

Массовая исламская религиозность среди татар в советских условиях в основном сохранялась среди людей низкого социального статуса, в быту в первую очередь, в татарских патриархальных крестьянских семьях. В отличие от народов Кавказа и Средней Азии, у татар в советской России не возникло организованной подпольной религиозной жизни.

Эволюция сознания образованных слоев татарского общества при большевиках привела к культурному разрыву не только с исламом, но и с национальной культурой, его питавшей. Этот разрыв оказался очень глубоким и труднопреодолимым. Как заявил в данном автору этой статьи интервью заместитель казанского муфтия Валиулла Ягкуб (10.03.1999 г.), «в русском православии есть своя многочисленная церковная интеллигенция, в татарском исламе ее практически нет — при большевиках татарская интеллигенция ушла от нас»⁴. Существуют обманчивые данные социологических опросов, проведенных казанским социологом Розалиндой Мусиной, о 20% верующих среди татар с высшим образованием⁵, но, как показывают ее собственные более детальные исследования и наблюдения представителей мусульманского духовенства, почти никто из этих 20% не участвует в реальной религиозной жизни мусульманских общин — ислам стал делом почти исключительно малообразованных слоев общества. Как отмечает Мусина, «интеллигенция противостоит традиционным исламским ценностям. Интеллектуальные слои населения относятся к исламскому духовенству скептически из-за его невысокого образовательного уровня»⁶.

Однако дореволюционная исламская традиция не исчезла полностью. Официальное исламское духовенство (как бы оно ни было малочисленно) и его официальные лидеры, не имевшие серьезного влияния на верующих, существовавшие как бы в безвоздушном пространстве, сохраняли ее. Речь идет о Духовном управлении мусульман европейской части и Сибири (ДУМЕС), которое в 1994 г. было переименовано в Центральное духовное управление мусульман России (ЦДУМР).

Нынешнее ЦДУМР имеет двухсотлетнюю историю. Его предтеча Уфимское духовное управление (Уфимский муфтият) было создано Екатериной II в 1788 г. Его создание в свое время ознаменовало признание российской властью тщетности попыток добиться христианизации российских мусульман. При царях Уфимский муфтият представлял собой жестко централизованную и контролируемую властями религиозную организацию, призванную удовлетворять духовные запросы мусульман на всей территории империи. Фактически ту же роль он играл, после краткого периода демократизации в годы революции, при коммунистах. В советское время власть ДУМЕС распространялась на территорию Российской Федерации, за исключением Северного Кавказа, то есть на территорию, где мусульмане — почти исключительно татары (а также башкиры). С 1980 г. лицо ДУМЕС — это лицо его лидера муфтия Талгата Таджуддина, авторитарно управляющего своей «империей», состоящей из мусульманских общин, разбросанных по всей России. В политике и идейной позиции Таджуддина сплелись традиции подконтрольного российским властям магометанства и реформационного демократического ислама начала XX в., который в 1920-х гг. и стал одной из идеологических составляющих официального подсоветского мусульманства. Многочисленные критики из оппозиционных исламских движений в наше время обвиняют его во многом — и в чрезмерной лояльности советским (а ныне российским) властям, и в связях с сомнительными коммерческими структурами, и в аморальном поведении, и в авторитаризме⁷. Но практически все оппозиционеры признают за ним высокую культуру, фактическое первенство, в сравнении с конкурентами, его богословских познаний. Таджуддина отличает не просто высокий богословский уровень, но и откровенная реформационная идейная направленность. Показательно, что одно из первых и главных обвинений, которое предъявили ему диссиденты, стремившиеся свергнуть его, — это обвинение в «экуменизме», конкретным примером которого, возмутившим правых, был приказ Таджуддина об установке в одной из татарстанских мечетей в городе Набережные Челны православных крестов и шестиугольных звезд Давида⁸.

После распада СССР и прекращения безусловной поддержки государством при жестоком подавлении любых выступлений против него, ДУМЕС был обречен на внутренние конфликты и расколы. Во

второй половине 1992 г. произошла подлинная революция в организации жизни татарского исламского сообщества, направленная против Таджуддина и возглавляемого им ДУМЕС⁹.

Ислам в Башкортостане

Первым центром антитаджуддиновской революции стала Уфа — город, где располагаются управленческие структуры ЦДУМР, столица республики Башкортостан. То, что раскол начался в Уфе, закономерно: в управленческих структурах ДУМЕС в Уфе была сконцентрирована большая часть хорошо подготовленных и обученных имамов — все они были сотрудниками Таджуддина и его учениками. И именно они были достаточно квалифицированными, чтобы возглавить раскол. Руководство республики Башкортостан во главе с президентом Муртазой Рахимовым желало иметь подконтрольное исламское духовенство. Радикальное башкирское национальное движение имело на имамов те же виды. К этому следует добавить активность в Башкирии миссионеров с Ближнего Востока, имевшую и идеологические причины, — свою активность естественно было направить в сердце российского ислама, и причины материальные: Башкирия — крупный нефтяной регион России.

Инициатором бунта против Таджуддиновского ДУМЕС стал личный секретарь Таджуддина, один из наиболее радикально настроенных религиозных деятелей татарского ислама, Нафигулла Аширов. Для того чтобы показать всю степень отличий взглядов Аширова от взглядов Таджуддина, приведем его собственные слова: «Всякий верующий, стремящийся полностью следовать своему религиозному учению, не выхощивать его, — фундаменталист, ведь он стоит на твердом фундаменте веры. В этом смысле мы фундаменталисты... Ислам в России находится в состоянии глубокого упадка, его фактически надо создавать заново... Мы должны учиться у наших зарубежных единоверцев. Нынешний закон об отделении религии от государства — это фактическое отделение народа от веры... Должны быть какие-то законодательные нормы, позволяющие религии регулировать человеческую жизнь. Россия православно-мусульманская евразийская страна, ей чужды западные ценности безбрежного индивидуализма и своеволия. Вместе с Русской

православной церковью мусульмане должны возродить исконную евразийскую культуру России и бороться с американским влиянием»¹⁰.

В конце 1992 г. было создано независимое Духовное управление мусульман республики Башкортостан (ДУМРБ). Аширов не сумел возглавить созданное им самим ДУМРБ, его председателем, под давлением башкирского национального движения, стал башкир Нурмухамет Нигматуллин. Однако Аширов первые несколько лет был его заместителем и фактически определял идеологию и политику ДУМРБ.

Продолжающийся и сейчас конфликт в Башкирии между ЦДУМР и ДУМРБ — это религиозный спор, прямо не связанный ни с башкирским национальным движением, ни с утверждением башкирской государственности. К тому же громадное большинство и лидеров, и рядового духовенства как в ЦДУМР, так и в ДУМРБ — татары, которым цели башкирского национального движения в лучшем случае безразличны. Но этот конфликт совпал со всплеском башкирского национального движения и с усилением сепаратистских и авторитарных тенденций в руководстве республики Башкортостан. Взаимоотношения с этими движениями для ЦДУМР и ДУМРБ имеют ключевое значение в борьбе за утверждение своего влияния в республике. Для татарского духовенства — это сложная задача. Татары склонны считать башкир либо этнической группой внутри единого тюркско-татарского народа, либо настолько близким народом, что различия можно не брать в расчет. Башкиры же всегда отрицают постоянно возникающую в татарской среде идею о фактической тождественности двух народов¹¹.

С момента создания ДУМРБ башкирские националисты безоговорочно поддержали его. ЦДУМР и его лидер Таджуддин осуждаются активистами башкирского национального движения за ориентацию на Москву. БНЦ встал на поддержку ДУМРБ не в последнюю очередь потому, что во главе его — башкир по национальности Н. Нигматуллин (что, однако ненамного усилило реальную вовлеченность ДУМРБ в национальные башкирские проблемы).

В 1994–1998 гг. поступательное шествие ислама по земле Башкирии фактически захлебнулось. Уже в 1994 г. было приостановлено строительство 200 мечетей. Спрос на мусульманскую литературу был быстро удовлетворен. Оказалось невозможным удовлетворить потребности большинства вновь открытых мечетей в квалифицированном духовенстве, так как большинство выпускников вновь открытых медресе не по-

желали в них служить. При этом прирост собственно башкир-имамов, несмотря на все усилия башкирских националистов, оказался незначительным¹².

Однако кризис религиозной жизни не приостановил дальнейшего утверждения ислама в качестве национальной идеологии. Власти республики Башкортостан со временем все больше связывают себя с исламом, который становится национальной, государственной идеологией.

Однако постепенно у Рахимова нарастало раздражение по отношению к Таджуддину из-за его тесных связей с Москвой и широких всероссийских связей. Приблизительно с 1993 г. начинается короткий роман Рахимова с ДУМРБ. Его глава Нигматуллин вместе с православным епископом Никоном был включен в Общественный Совет при президенте, регулярные контакты с Таджуддином были прекращены. Однако уже к 1995 г. рахимовские чиновники начали осознавать, что молодые имамы, вернувшиеся из стран Ближнего Востока после обучения по заданию ДУМРБ, плохо находят общий язык с секуляризованными современными башкирами, для которых они «фанатики» и «фундаменталисты».

К середине нулевых годов стала очевидна тенденция восстановления муфтием Таджуддином своих позиций в обществе. В 1995 г. Рахимов совершил хадж в обществе Таджуддина. Особенно активно проявил себя муфтий во время выборов президента Башкортостана летом 1997 г., демонстрируя полную поддержку кандидатуры Муртазы Рахимова. Самым главным делом Талгата Таджуддина в 1997–1998 гг. стало строительство комплекса мечети-медресе «Ляля-тюльпан» в Уфе, финансирование которого шло в значительной степени за счет республиканского бюджета. Торжественное открытие этой мечети в конце 1998 г. в присутствии М. Рахимова и Т. Таджуддина стало символом объединения этих лидеров¹³.

Со временем общероссийский статус таджуддиновского ЦДУМР стал восприниматься Рахимовым не как недостаток, а как достоинство: «...у Верховного муфтия Талгата Таджуддина должен быть свой штат и штаб-квартира в Москве.. Мне кажется, есть все основания считать главным муфтием Таджуддина. Он работает в Уфе, где уже 200–300 лет назад было создано Управление мусульман, и он по праву считается Верховным муфтием... Руководство нашей страны должно относиться к этому вопросу внимательно»¹⁴.

Отставка Рахимова и избрание нового президента Башкортостана Рустэма Хамитова летом 2010 г. внесли существенные коррективы в религиозную политику, в т. ч. и в отношении мусульман. Хамитов сравнительно часто посещает мечети, говорит о себе, что он верующий мусульманин. Президентство Хамитова ознаменовалось представлением религиозным организациям, в т. ч. мусульманским, больших прав и помощи, но, в то же время, в случае мусульман — ростом вмешательства и контроля за жизнью исламских общин. Подобное изменение политики в отношении мусульман в определенной степени было задано администрацией президента РФ, когда в этом органе власти был создан Фонд поддержки исламской культуры и образования во главе с Алексеем Гришиным. На средства и по инициативе этого фонда в Башкортостане был создан исламский вуз «Партнер», где получают образование будущие имамы. В республике при главах администраций районов созданы Комиссии по государственно-межконфессиональным отношениям. Задача этих комиссий оперативно разрешать зарождающиеся конфликты и проблемы. Причем власти не скрывают, что главная такого рода проблема — ваххабизм.

В 2011 г. введена обязательная аттестация всех имамов. Эту аттестацию проводят совместно представители думов и Совета по государственно-межконфессиональным отношениям. Основная цель этих аттестаций — профилактика экстремизма. Имамы, прошедшие аттестацию, получают гранты из фонда Гришина.

Несмотря на все меры, в Башкортостане сохраняется малочисленное, но агрессивное ваххабитское террористическое подполье. В частности, вооруженные выступления имели место в городе Октябрьский в 2009 и 2010 гг.

Прошедший в 2010 г. в Уфе IX съезд ЦДУМР закрепил возросшее влияние ЦДУМР, а в самом ЦДУМР — Таджуддина. Таджуддину удалось собрать рекордное число делегатов — свыше тысячи человек.

Ислам в Татарстане

Через несколько недель после раскола, в августе 1992 г., в исламской общине Башкортостана произошел бунт против Таджуддина в Татарстане. На съезде мусульман Татарии в г. Набережные Челны было создано Духовное управление мусульман республики Татарстан

(ДУМРТ), которое возглавил муфтий Габдулла Галиуллин. Число мусульманских общин в Татарстане, поддерживающих Таджуддина, стремительно сокращалось и к 1998 г. составляло не более 10%.

1992 год — время наибольшего подъема националистического, сепаратистского движения в Татарии. Независимое мусульманское духовное управление возникло на волне националистического движения и вначале, казалось, разделяло его радикальные установки. Но сделать такой вывод было бы грубой ошибкой. В конечном счете исламское духовенство выражает религиозные представления татарского народа. Основные идейные установки ДУМРТ и его главы Галиуллина развивались в реформационном направлении, заложенном джадидским движением конца XIX — начала XX вв. Распространенное среди татар отношение к исламу как к «внутреннему духовному состоянию, личному отношению с Богом, а не обязательному соблюдению определенных норм, фактически признается правомерным»¹⁵. Модернизированный характер казанского татарского ислама ярче всего проявляется при его соприкосновении с исламом стран Ближнего Востока. Наибольшие противоречия обнажились в сфере духовного образования. Вплоть до 1998 г. у ДУМРТ не хватало денег на содержание медресе — все они в значительной степени финансировались из-за рубежа, преимущественно из Саудовской Аравии. Заграница являлась также одним из основных поставщиков преподавательского состава. Некоторые выпускники медресе, став имамами, пытались строить религиозную жизнь по арабским нормам. Это вызвало резкую реакцию ДУМРТ. В стремлении отстоять самобытность татарского ислама Галиуллин на одном из пленумов ДУМРТ добился принятия решения о запрете арабских исламских толков в Татарии. Молодые выпускники медресе, особенно учившиеся за границей, стали подвергаться жесткому контролю.

В 1995 г. имел место острый конфликт между администрацией Шаймиева и руководством ДУМРТ, приобретший благодаря СМИ всероссийскую известность. По распоряжению муфтия мусульманская молодежь захватила здание мечети «Аль-Марджани» и медресе «Мухамадия».

Надо сказать, что ограничительная политика режима Шаймиева в отношении религиозных организаций объяснялась не только стремлением взять под полный контроль все проявления общественной жизни. Она имела и более глубокую мировоззренческую основу. Как

среди идеологов шаймиевского режима, так и среди общественности широко распространено убеждение, что общественно-политическая активность религиозных организаций может представлять опасность для политики модернизации и стабильности в республике. Секуляризованная часть татарской общественности отвергает даже умеренные формы традиционного ислама. «Европеизация» современного татарского ислама сопровождается размыванием религиозного сознания народа. В Казани в последние годы растет численность приверженцев эклектичных религиозных учений, возникших на основе ислама, но включающих в себя христианские ценности — бахаи и ахмадии. В этой идейной и политической ситуации идеологи и чиновники нынешней татарстанской власти стали не только пытаться навязать верующим мусульманам определенных лидеров и поддерживать какое-либо из существующих течений ислама, но сами стали формулировать «правильную» идеологию татарского ислама. Этот поддерживаемый властями ислам получил название «евроислама».

Вот как сформулировал суть «евроислама» ведущий идеолог Татарстана Рафаэль Хакимов: «В Татарстане ислам не вмешивается в государственные дела, строго придерживается конституции, поощряет индивидуализм, развитие творческого начала в человеке, приветствует всякую общественную деятельность как богоугодную и является стимулом для перехода к рыночной экономике... Он органично объединил мусульманские ценности с идеями либерализма и демократии, а потому можно назвать его “евроисламом”»¹⁶. В отличие от властей Башкортостана, добивавшихся от своей исламской общины лояльности и умеренности, власти Татарстана этим не ограничивались — они стремились формировать само содержание идеологии ислама.

В 1998 г. медленно обострявшийся конфликт между Галиуллиным и администрацией Шаймиева наконец завершился ликвидацией ДУМРТ. Под предлогом необходимости единства мусульман республики был проведен объединительный съезд мусульман Татарстана. Делегаты на съезде отбирались под жестким контролем властей, и его результат был predetermined. Съезд открыл сам президент Шаймиев, а некоторые верноподданнически настроенные имамы призывали Шаймиева самому возглавить Духовное управление мусульман Татарстана¹⁷. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что Шаймиев лишь через год после Съезда в начале 1999 г. в интервью жур-

налу «Мусульманин» впервые объявил себя мусульманином и заявил, что собирается совершить хадж. Да и то сделал это в несколько двусмысленных выражениях: «Я думаю, что состоится у меня в жизни хадж. Но лично для меня это будет настоящий хадж. Будет таким, каким я в глубине воспринимаю его для себя. Как человек и как Президент я, конечно, не могу сказать, что я не мусульманин. Но когда я говорю, что я мусульманин, то у меня самого закрадывается сомнение: отвечаю ли я хотя бы тем основным требованиям, которые предъявляются мусульманину?»¹⁸.

Шаймиев все же не стал главой мусульман республики — новым муфтием был избран послушный властям республики Гусман Исхаков.

В 2010 г. Шаймиев подал в отставку. Новым президентом республики в марте 2010 г. стал Рустам Минниханов. Минниханов ведет себя поскромнее Шаймиева, претендовавшего то на роль отца всех татар, то на роль отца всех мусульман России. Однако проблемами ислама, он — верующий мусульманин — занимается серьезно. В 2013 г. президент совершил хадж в Мекку, посетив Саудовскую Аравию с политическим визитом.

В это же время власти республики и руководство духовного управления осознали, что в исламской среде у них появился гораздо более грозный противник — исламский фундаментализм. Проблема ваххабизма приобрела остроту осенью 1999 г., когда ФСБ объявило в розыск выпускника набережночелнинского медресе «Йолдыз» Дениса Сайтакова, подозреваемого в террористических атаках. Сначала руководство «Йолдыза» отрицало свою причастность к подготовке боевиков, однако в ходе проверок и допросов было вынуждено признать, что еще около 10 его выпускников были причастны к террору. В декабре 1999 г. шакирды «Йолдыза» подорвали магистральный газопровод. Медресе было перепрофилировано в женское учебное заведение, но ваххабизм не исчез. В первой половине нулевых годов ваххабитское движение (а вместе с ним и движение националистическое) проявляло себя наиболее широко, публично и агрессивно. Муфтий Исхаков оказался не способен справиться с разрастающимися конфликтами и принужден оставить свой пост. Новым муфтием был избран Ильдус Файзов (2011–2013). Принципиальная антиваххабитская позиция муфтия Файзова вызвала мощное противодействие части исламского духовенства и радикально-националистических кругов. Файзов решил уволить имама главной

мечети Татарстана «Кул Шариф» Рамиля Юнусова, пользовавшегося большим авторитетом среди радикалов и сочувствующих ваххабитам мусульман. Начались массовые протесты против «преследования мусульман», Файзов под массированным давлением был вынужден восстановить Юнусова в должности. После триумфального возвращения в соборную мечеть Татарстана имама Рамиля Юнусова, которого поддерживала мусульманская общественность республики, настроенная против антиваххабитской политики муфтия Файзова, на казанских улицах появились дорогие автомобили, украшенные черными флажками с белой арабской вязью. Владельцы иномарок охотно поясняли, что это флаг халифата, к которому в скором будущем будет принадлежать весь Татарстан¹⁹ 19 июля 2012 г. в Казани произошел двойной теракт, в результате которого был застрелен заместитель муфтия Татарстана Валиулла Якупов и был серьезно ранен взрывом автомобиля муфтий Илдус Файзов²⁰. Файзов после покушения ушел в отставку. Новым муфтием в апреле 2013 г. был избран 28-летний Камиль Самигуллин.

В первые годы своего правления Самигуллин стремился найти общий язык со всеми исламскими течениями, распространенными среди татар. Он пытался примирить евроисламцев и ваххабитов, неодобрительно отзывался о тенденции к пресечению любых отклонений от официального курса.

Заявление Самигуллина о том, что «нельзя одевать штаны стоя», его высказывание о том, что хиджабы должны носить учащиеся светских учебных заведений, включая маленьких девочек, стали причиной резкого протеста директора Института истории Академии наук Республики Татарстан Хакимова, который в ряде своих выступлений обвинил имамов в том, что они пребывают в Средневековье, привезенном из самых отсталых стран и в том что они забывают, что в России и Татарстане существуют Конституция и светское законодательство.

В течение нескольких лет Самигуллин успешно лавировал между различными течениями ислама, властными кланами и общественными движениями. У многих он вызывал недовольство, но со всеми сохранял деловые отношения. К началу 2018 г. пространство для маневра фактически исчезло. В марте 2018 г. Самигуллин инициировал на Межрелигиозном совете России обращение к властям с просьбой о запрете ваххабизма: «Мы должны запретить эту идеологию, она является человеконенавистнической, однако правоприменитель-

ная практика в нашей стране не запрещает идеологии, а запрещает конкретные организации. В нашей стране ваххабиты представляют совокупность разнотипных структур, они развиваются, эволюционируют. После такого запрета их деятельность значительно усложнится, что сократит приток людей в террористическое подполье»²¹.

Татарский ислам вне Татарстана и Башкортостана

Одновременно со становлением мусульманских общин Татарстана и Башкортостана происходит возрождение ислама среди татар на всей остальной территории России, где проживает около половины российских татар. Вне национальных республик ислам не имеет ни, хотя и секулярной, но корнями связанной с исламом культурной среды, ни заинтересованного отношения власти. Несмотря на то, что мусульманское духовенство претендует на представительство всего татарского населения, это очевидно не так. Достоверных социологических опросов на этот счет не проводилось, но, учитывая высокую степень секуляризованности и русифицированности российских татар, можно предположить, что очень многие российские татары, живущие вне национальных республик, не имеют никакой связи с мечетью и не испытывают к ней лояльности. Наиболее заметную, активную роль в жизни исламских общин играют представители мелкого и среднего бизнеса, а также сельские жители, в местах компактного проживания татар. Интеллигенции и крупного чиновничества мало.

С 1992 г. по всей России в исламских общинах происходят бунты против руководства ЦДУМР и создаются независимые региональные духовные управления мусульман. К 1998 г. власть Таджуддина признавали лишь 15–20% мусульманских общин. Сохранилось лишь несколько островков таких, как в Ростове-на-Дону и Астрахани, где сильные и решительные имамы сумели отбить все атаки врагов Таджуддина и сохранить за ним полностью отдельные регионы. С тех пор идет перетягивание каната — то таджуддиновские общины растут числом за счет общин Совета муфтиев, то процесс идет в противоположенную сторону.

Несмотря на то, что почти повсюду местные власти симпатизируют сторонникам Таджуддина и пытаются защитить позиции общин

ЦДУМР, в лучшем случае им, как правило, удается сохранить таджуддиновскую общину как альтернативную. Последние 10 лет наметилась новая тенденция — крупные региональные муфтияты стали обособляться от центров, претендующих на федеральное значение. Эти региональные центры добиваются либо полной, либо фактической самостоятельности.

Успехи новых альтернативных муфтиятов требуют своего объяснения. Во-первых, это не преодоленная до сих пор неспособность ЦДУМР существовать в условиях относительной демократии. Жесткая централизованная структура, ориентированная на поддержку светской власти, оказалась неспособной противостоять динамичному движению, рассчитывающему на свои силы. Сплоченные группы активистов, поддерживающие своего муфтия или имама какого-нибудь крупного города, обладающие деньгами и связями в мире бизнеса, даже при небольшой численности стоящих за ними верующих создали и социально и политически влиятельные религиозные организации. Укреплению их позиций способствуют также и идеологические установки нынешней российской власти и Русской православной церкви. В официальной идеологии российского государства, отраженной в принятом в 1997 г. законе «О свободе совести», утверждается приоритет четырех «традиционных религий России» — православия, ислама, иудаизма, буддизма. Но традиционный буддизм существует лишь в четырех небольших республиках Бурятии, Калмыкии, Туве и Алтае, а иудаистские общины слишком малочисленны (за исключением нескольких крупных городов), чтобы играть заметную роль во всероссийском масштабе. Практически, особенно на региональном уровне, как правило, представляют две «традиционные религии» — православие и ислам. Мусульманские общины — единственные общины религиозных меньшинств, получающие больше, чем символическую, помощь из федерального или многих региональных бюджетов²². В таких вопросах, как возвращение принадлежавшей религиозным организациям до революции недвижимости или выделение земли под строительство мечетей, мусульмане, как правило, встречают большую благосклонность властей, чем, например, протестанты и католики.

Существенной особенностью жизни исламских общин вне Татарстана и Башкортостана стало широко распространенное слияние ис-

лама и татарского национального движения. В то время, как в Казани и Уфе националисты, хотя и сотрудничают с мечетью, но остаются вполне самостоятельным движением, в остальной России самостоятельных светских татарских национально-культурных обществ почти не осталось. В одних случаях они фактически слились с мусульманскими общинами, в других их взаимодействие стало настолько тесным, что провести разделительную линию сложно. Исламское духовенство взяло на себя не только чисто религиозные обязанности, но и обязанности сохранения татарской культуры. Эта ситуация чревата конфликтами с многочисленными, в основном недавними, переселенцами с Северного Кавказа и из мусульманских республик СНГ, тем более, что их и собственно религиозные ориентации отличаются большим консерватизмом. Пока что нетатары имеют мало своих представителей среди мусульманского духовенства вне Северного Кавказа, и их влияние невелико. Но первые конфликты, например, в Астрахани и Оренбурге, уже имеют место. С большой долей вероятности можно прогнозировать их распространение.

Различия в идейных позициях муфтиев-«раскольников» во многом определяются сиюминутными политическими и иными практическими интересами, логикой борьбы за укрепление своих позиций. Часто один и тот же исламский лидер с очень коротким промежутком времени делает принципиально противоречащие друг другу заявления. Во многом эта ситуация объясняется тем, что нормальная религиозная жизнь на просторах России сейчас только устанавливается. Молоды имамы и муфтии, молодые и общины. Традиции и нормы еще только формируются: идейные шараханья и разброс мнений в подобных обстоятельствах — вещь закономерная. Тем не менее некоторые общие тенденции проследить можно. В целом официально поддерживаемый властями ислам в Башкортостане и в Татарстане — более умеренный, реформистский, «европейский». Секуляризованная татарстанская и башкортостанская элита оказывает «разлагающее» влияние на мировоззрение мусульман. Вне этих республик можно условно выделить два наиболее ярко выраженных мировоззренческих направления, олицетворяемых с одной стороны московским муфтием Равилем Гайнутдином, с другой — Нафигуллой Ашировым, одним из инициаторов создания Духовного управления мусульман республики Башкортостан. Гайнутдин — один из самых умеренных и дипломатичных лидеров российского ислама²³.

Гайнутдин — практически единственный среди российских муфтиев-татар — имеет хорошее светское образование. Возглавив в 1992 г. отколовшийся от ДУМЕС московский муфтият, он быстро достиг взаимопонимания с мэром Москвы Юрием Лужковым, а позднее и с президентской властью. По сравнению с другими муфтиями-«раскольниками» он в наибольшей степени принадлежит реформистскому, «евроисламскому» течению.

Аширов, напротив, позволяет себе радикальные высказывания, публично заявляет о своей ориентации на исламские традиции арабских стран и Пакистана, не стеснялся в 1990-е гг. своих связей с чеченскими лидерами и ваххабитами. В 1997 г. Аширов, не сумевший в свое время стать главой ДУМРБ, начал мощную кампанию по утверждению себя муфтием Сибири. К этому времени в Сибири уже существовал независимый Сибирский муфтият с центром в Омске во главе с умеренным и нашедшим общий язык с сибирскими губернаторами муфтием Зулькарнаром Шакирзяновым. Аширов с тех пор много лет вел борьбу с омским муфтием и сохранившимися общинами ЦДУМР. Лидерам общественно-политических организаций сибирских татар Аширов обещал всестороннюю поддержку их движению за создание сибирско-татарской автономии.

В 1992–1997 г. после начала дробления муфтиятов все они были связаны друг с другом, но никакого соподчинения между ними не было. Лидеры этого реформистского движения постоянно утверждали, что централизация и монолитное единство, существовавшие в ДУМЕС, были навязаны им российским правительством для облегчения контроля и управления. По существу эта система, как они утверждали, была навязана российским мусульманам по аналогии с иерархической организацией Русской православной церкви. И в идеологии, и в формах организации, и в приоритете целей между отдельными духовными управлениями (муфтиятами) были существенные различия. Некоторые из провинциальных лидеров в это время добились всероссийского авторитета — в татарской мусульманской общине в первую очередь, саратовский муфтий Муккадас Бибарсов, казалось, стал претендентом на роль по крайней мере неформального лидера из числа реформаторов.

Бибарсов создавал разветвленную систему мусульманского воспитания и образования, от мусульманских детских садов до обучения

взрослых. Он стремился организовать по сути разветвленный институт самосегрегации мусульманских общин, при котором мусульманин смог бы пребывать в среде единоверцев значительную часть жизни.

Возникшие по всей стране мусульманские центры объективно нуждались в какой-то координации. Первым координирующим органом стал Высший координационный центр мусульман России (ВКЦ). ВКЦ был создан в Москве в 1992 г., и первым его главой был казанский муфтий Галиуллин.

В 1995 г., в результате искусно закрученной интриги, Галиуллина сместил на посту лидера ВКЦ Аширов, исполнявший с момента создания этой организации обязанности его заместителя. ВКЦ под руководством Аширова быстро стало превращаться в централизованную структуру с все расширяющимися полномочиями лидера. Даже после того как Аширов возглавил Сибирский муфтият, он большую часть времени проводил в московском офисе ВКЦ, а не в далекой тобольской резиденции сибирского муфтията, т. к. в первую очередь стремится стать главой всех мусульман России.

Претензии Аширова в начале его возвышения вызвали наибольшее сопротивление московского муфтия Рауля Гайнутдина. До 1998 г. официальное название его должности — председатель Духовного управления мусульман Центрально-Европейского региона (ДУМЦЕР). Сначала Гайнутдину подчинялись мусульманские общины Москвы и нескольких близлежащих областей. Постепенно Гайнутдин подчинял себе недавно возникшие муфтияты в европейской части России. К 1998 г. почти все муфтияты, расположенные в европейской части России (разумеется, не считая Северного Кавказа, где мусульмане — нетатары) признали главенство ДУМЦЕР над собой. Эта «консолидация» отразилась и в официальном названии московского муфтията, который в 1998 г. был переименован в Духовное управление мусульман Европейской части России (ДУМЕР). Приход к власти в ВКЦ Аширова ударил по далеко идущим планам Гайнутдина. В противовес ВКЦ в 1996 г. Гайнутдин создал параллельную «координирующую структуру» Совет муфтиев России. В Совете муфтиев в основном состоят те же муфтии, что и в ВКЦ. ВКЦ и Совет муфтиев — это две почти тождественные организации, различающиеся лишь своими лидерами.

Итак, как пишет А. Малашенко «в середине 90-х гг. на территории России (не считая Северного Кавказа) сложились три крупных мусуль-

манских центра, к которым примкнуло подавляющее большинство муфтият, — ЦДУМР, ВКЦ и Совет муфтиев. В этом «треугольнике напряженности» складывались отношения между мусульманским духовенством России. Возникали и лопались коалиции, делались попытки перетянуть на свою сторону союзников конкурента. Отношения между духовными лидерами порою развивались по закону детектива»²⁴. В конце 1996 г., однако, Аширов и Гайнутдин сумели заключить союз против Таджуддина. С тех пор они не допускают взаимных выпадов.

Союз ВКЦ Аширова и Совета муфтиев Гайнутдина достиг пика своего влияния на мусульманское духовенство России в 1997 г. — начале 1998 г. В 1998 г. негативные для этого союза тенденции резко усилились.

От сотрудничества с ВКЦ и Советом муфтиев отказались муфтии Северного Кавказа, обвинившие Гайнутдина и Аширова в том, что ВКЦ и Совет муфтиев забирают почти всю материальную помощь, поступающую от зарубежных мусульманских организаций, для нужд татарских общин, а кавказцам почти ничего не остается; кроме того все сильнее проявлялись идеологические различия.

Поддержанный властями республики Башкортостан, ЦДУМР, возглавляемый Таджуддином, вновь стал укреплять свои позиции. Большим подарком для ЦДУМР стал и конфликт в Сибири между Ашировым и омским муфтием Шакирзяновым, который сохранил в Сибири значительное влияние. После того, как ВКЦ и Совет муфтиев стали основными силами, навязывающими сибирским мечетям Аширова, Шакирзянов сблизился с ЦДУМР.

После отставки Шаймиева новый президент Татарстана Минниханов, и новый муфтий Самигуллин отказались от попыток распространить власть Казани на все исламские общины татар. Повидимому, муфтии и имамы вне Татарстана стали жестко сопротивляться попыткам поставить их под контроль еще и казанской власти.

Несмотря на принципиальную лояльность светской власти Таджуддина и Гайнутдина, периодически они устраивали что-нибудь такое, от чего правительственные чиновники хватались за голову. Об Аширове и говорить нечего. Время от времени предпринимались попытки создать еще один, теперь уж «совсем правильный» муфтият. Такие попытки благосклонно воспринимались в Москве. Несколько таких попыток, однако, закончились неудачей.

В декабре 2016 г. в Москве состоялось первое заседание религиозной организации «Духовное собрание мусульман России» (ДСМР). Участниками Собрания стали более 10 региональных муфтиятов. Все отколовшиеся от ЦДУМР региональные муфтияты объединились в Духовное собрание мусульман России, где отсутствует жесткая вертикаль, как в ЦДУМР, и само объединение больше напоминает ассоциацию, где председатель не может вмешиваться во внутренние дела общин и тем более снимать региональных муфтиев со своих постов. Избранный на мероприятия глава новой структуры — муфтий Альбир Крганов, заверил, что собрание не стремится конкурировать с уже существующими духовными организациями, а, напротив, намерено их объединить и стать открытой для всех площадкой для дискуссий. Учредителями нового муфтията выступили Духовное управление мусульман (ДУМ) Чувашской Республики, ДУМ Сибири, ДУМ Москвы и Центрального региона, организации мусульман Томска и Томской области и сел, входящих в состав муфтията Чувашии²⁵. «Мы не разрушаем имеющиеся религиозные центры, не создаем новые, а с чистого листа объединяем самостоятельные, уже существующие на протяжении 20–30 лет общепризнанные духовные организации», — объявил на Собрании Крганов²⁶. Фактически Крганов создает зонтичную организацию, объединяющую вполне самостоятельные региональные муфтияты, лояльные светской власти. Постоянная борьба различных группировок внутри татарской мусульманской общины, идейные шараханья, неожиданные переориентации на поддержку различных внешних для российских исламских общин сил — то на российские (федеральные или региональные) власти, то на Казань, то на ближневосточные страны (зарубежных союзников могут тоже менять очень быстро) отражают тот факт, что ислам российских татар находится в стадии становления после коммунистического атеистического погрома. Он слишком организационно и идеологически не сформировался и легко поддается и внешним влияниям, и любому внутреннему импульсу. Однако основной вектор, в сторону которого эволюционирует нынешняя хаотическая ситуация прослеживается достаточно четко — это возрождение его предреволюционного характера — реформистского и европейски ориентированного.

¹ Воронцова Л., Филатов С. Религиозность, демократичность-авторитарность // Политические исследования. 1993. № 3. С. 147.

² Перед революцией среди татар-горожан господствовало реформистское тече-

ние ислама «джадидизм». Движение утверждало неразрывную связь ислама с просвещением и европейской культурой, а в политической сфере — с демократическим и социалистическим движением. См.: *Садур В.* Мусульмане в СССР: история и современность // На пути к свободе совести / Ред. Д. Фурман, М. Смирнов. М., 1989. С. 425–433; *Исхаков Д.* Феномен татарского джадидизма: введение в социокультурное осмысление. Казань, 1997.

⁴ Личный архив С. Филатова.

⁵ *Мусина Р.* Ислам и мусульмане в современном Татарстане // Религия и государство в современной России». Московский центр Карнеги — научные доклады. Вып. 18. М., 1997. С. 86.

⁶ *Мусина Р.* Ислам среди городских татар: анализ современной ситуации» СМ // Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения. Казань, 1994. С. 96.

⁷ *Шейх Бекяшев В.* О коррупции и моральном разложении среди мусульманского духовенства крупных городов России и об их связях с КГБ. Издание Санкт-Петербургского независимого мусульманского благотворительного фонда. СПб., 1992.

⁸ *Малашенко А.* Исламское возрождение в современной России / Московский фонд Карнеги. М., 1998. С. 112–114.

⁹ Дружба народов. 1996. № 5. С. 104.

¹⁰ Дружба народов, 1996. № 5. С. 103.

¹¹ *Валеев Д.* Очерки истории общественной мысли Башкортостана. Уфа: Китап, 1995.

¹² *Юнусова А.* Ислам в Башкирии, 1917–1994. Уфа, 1994. С. 118.

¹³ *Юнусова А.* Время собирать мечети // НГ-религия. 18.11.98

¹⁴ Интервью президента Республики Башкортостан Рахимова // Независимая газета. 27.12.2001.

¹⁵ *Filatov S.* Tatarstan: at the Crossroads of Islam and Orthodoxy // Religion, State & Society (Oxford). Vol. 26. 1998. № 3/4. P. 270–273.

¹⁶ *Хакимов Р.* Евроислам в межцивилизационных отношениях // НГ-религии. 23.10.1997.

¹⁷ Лидер молодежного исламского движения В. Якубов заявил: «Особенностью ислама является слитность и единство светской и духовной власти. Мейтимир Шаймиев, избранный подавляющим большинством мусульман республики президентом и являющийся их светским руководителем, должен выполнять и функции духовного главы» // НГ-религии. 18.02.1998.

¹⁸ Вера присутствует в каждом из нас. Интервью с президентом Татарстана М. Шаймиевым // Мусульманин. М., 1999. № 1. С. 13.

¹⁹ *Постнов Г.* Халифат на Волге // Независимая Газета. 21.06.2012.

²⁰ Подробности // Новая газета. 23.07.2012.

²¹ Независимая газета. 28.03.2018.

²² В 1995 г. из федерального бюджета получили: ВКЦ — 1,2 млрд руб., московский муфтият — 3,5 млрд руб., ЦДУМ — 2,2 млрд руб. // Независимая газета. 30.03.1996.

²³ *Малашенко А.* Исламское возрождение в современной России / Московский фонд Карнеги. М., 1998. С. 117.

²⁴ *Малашенко А.* Исламские традиции в российском обществе 90-х годов // Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе России. М.: Московский центр Карнеги, 1998. С. 7–18.

²⁵ Волны расколов централизованных объединений мусульман выявили «бесперспективность надежд тех, кто наивно полагает, что произойдет когда-нибудь организационное объединение мусульман страны в некий единый муфтият. Личные амбиции, нередко связанные с идеологическими разногласиями, желание самим распределять

денежные потоки, а не через вышестоящее духовное руководство, а также иметь непосредственную близость к светской власти стали основными причинами раздробленности исламского сообщества России. Вторая волна раскола вполне может продолжиться (и ситуация с РДУМ Пензенской области как раз это и подтверждает), в случае если главы межрегиональных муфтиятв начнут вмешиваться во внутренние дела подчиненных. В итоге конец второго десятилетия XXI в. завершается понижением влияния мусульманских объединений федерального масштаба и усилением влияния региональных муфтиятв (*Сулейманов Раис*. Умма прирастает «меньшевиками». Вторая волна раскола среди мусульман РФ привела к усилению региональных муфтиятв // Независимая газета. 07.02.2018).

²⁶ Московский комсомолец. 30.11.2011.

Восток на Западе

Бибикова О.П.

Ислам и мусульмане в странах Балтии

Татары служили в войсках Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Их общины сохранились в Литве, Эстонии и Польши. Потеряв родной язык, они сохранили веру. Ислам стал для них этнообразующим фактором.

Ключевые слова: Ислам, Латвия, Литва, Эстония, татары — липки, Речь Посполитая, Всемирный конгресс татар, «неграждане», беженцы.

Во второй половине 2017 г. во всех странах Балтии прошли митинги против принятия мигрантов из стран Азии и Африки. Евросоюз определил для каждой страны квоту — количество мигрантов, которых члены Евросоюза должны принять. Квота рассчитывалась исходя из численности населения, ВВП и др. показателей. Характерно, что практически все страны Балтии выразили несогласие, но будучи новичками в Евросоюзе, они не смогли настаивать на своем мнении. Во всех странах были проведены опросы населения, результаты которых подтвердили, что жителей пустеющей Прибалтики больше всего раздражает то, что возможные мигранты — мусульмане.

Однако ислам для стран этого региона отнюдь не новое явление.

Мусульманские поселения в *Литве* возникли еще в XIII в. Великое княжество Литовское с середины XIII в. поддерживало отноше-

ния с Золотой Ордой. В это время Золотая Орда переживала период междоусобиц. Ханы воевали между собой, а поражения заставляли их покидать родные места. Глубокий политический кризис и затяжную гражданскую войну в Золотой Орде русские летописцы называли «замятней великой». Одной из причин стала неопределенность в вопросе престолонаследия. Не вдаваясь в анализ перипетий многочисленных конфликтов, как в Золотой Орде, так и Монгольской империи, отметим, что зачастую решением конфликта становился уход того или иного хана со своими людьми и войском на Запад. Практически всегда эти передвижения предполагали захват новых территорий. В частности, в 1360-х гг. хан Мамай захватил Крым, ряд северокавказских областей.

Но уже после 1362 г. все земли, принадлежавшие Золотой Орде к западу от Днепра, попали под власть Литвы. Мамаю удалось закрепиться на узкой полосе вдоль черноморского побережья. Вернуть эти земли Мамай не пытался, будучи занят борьбой с ханами за Сарай, ибо обладание столицей означало возможность контроля над другими территориями. В конце 1380 г. Мамай стал преследовать Тохтамыш, хан Синей Орды (с 1378 г.) и Белой Орды (с 1380 г.). В 1382 г. ему удалось «наказать» русские княжества, не желавшие платить дань. Но позднее удача ему изменила.

Великий князь литовский Гедимин (1316–1341), искусный политик, нашел союзников среди рассорившихся между собой татарских ханов, которые позднее помогли ему в войнах с тевтонами. При Великом князе Витовте (1392–1430) началось массовое переселение татар в Литву. Татары, ногайцы, черкесы и турки получили в Литве покровительство. Объясняя причины столь массового переселения татар в Литву, автор анонимной хроники «Risāle-yi Tatar-i Leh», написанной в 1557–1558 гг., писал: «Семьи нашего рода, уставшие от беспокойной жизни, переселились в ту сторону. Мне кажется, что наши предки происходят от царедворцев хана, которые, добиваясь трона, боролись с ним, а после поражения должны были искать убежища в других странах»¹. Причем среди них были и язычники, и мусульмане. Все они получали в Литве земельные наделы взамен службы в войске великого князя. Витовт селил татар вдоль западных границ своих земель близ важных городов: Вильно, Гродно, Троки, Лиды и др. Так создавался западный оборонительный пояс государства.

Именно в Литве нашел убежище хан Тохтамыш (ск. в 1406). Его сын Джелаль-ад-Дин участвовал вместе со своими воинами в Грюнвальдской битве (1410). Немецкие хроники, объясняя причину поражения крестоносцев в этой битве, называли участие в войсках Витовта большого количества татарских всадников — от 20 до 40 тыс. С Литвой связана судьба первого крымского хана Хаджи Герая (1397–1466), родоначальника династии Гераев, который родился в Литве. Однако часть татарских мурз изменили Хаджи Гераю, после чего он бежал в Литву, отказавшись поддержать новый поход на Крым. Однако через некоторое время крымско-татарская аристократия обратилась к новому великому князю литовскому Казимиру Ягеллончику (1440–1492) с просьбой отпустить Хаджи Герая в Крым, чтобы возвести его на ханский престол. Хаджи Герай в сопровождении татарской свиты и литовского военачальника Радзивилла отправился в Крым, где был утвержден на ханском престоле.

Считается, что еще в XIV в. при Витовте в Литву переселилось 40 тыс. татар². Переселившиеся татары делились на две группы. Одна была представлена ханами-союзниками литовских князей и сопровождавшими их воинами. Другие — те, что попали в плен во время многочисленных столкновений между татарами и литовскими войсками. В частности, во время Клецкой битвы в 1506 г. значительное число татар попало в плен. Впрочем, их потомки считают, что татары были брошены своими военачальниками на поле боя, а позднее татарские мурзы отказались их выкупать.

Литовские князья не препятствовали желанию татарских поселенцев жить по своим законам, воссоздав племенное и сословное деление. Более того, им было разрешено жениться на местных женщинах.

К XV в. в Литве образовался татарский субэтнос, получивший этноним «липки» от крымско-татарского названия Литвы (Libka/Lipka). Татары служили в легкой кавалерии, которая позднее, в середине XVIII в., получила название *улань* (от имени своего командира полковника Александра Улана — представителя татарской знати). Пристрастие к воинской службе, особенно кавалерии, для бывших степняков было имманентной чертой.

Татарам были выделены земельные наделы, однако отсутствие навыков земледелия не способствовало развитию сельского хозяйства в районах проживания татар. Им гораздо ближе было коневодство, ко-

живническое дело, организация перевозок между населенными пунктами. Богатые татарские семьи могли иметь работников (холопов), но только из числа мусульман. Первоначально это были пленные. Иметь работника-христианина было запрещено.

Власть не возражала против смешанных браков, но требовала придерживаться принципа единобрачия. Детей от смешанных браков татары могли воспитывать в своей вере. Татарские жены-мусульманки были достаточно свободны, не закрывали лиц. Смешанные литовско-татарские семьи со временем становились двуязычными, что способствовало процессу ассимиляции последующих поколений. Таким образом сближались литовская и татарская культура. Белорусский исследователь З.И. Конопцкая в статье «Мечети татар Беларуси, Литвы и Польши: история и современность» отмечает, что татары Великого княжества Литовского, «являясь мусульманами и осознавая свое тюркское происхождение, по культуре были близки к славянам»³. Разъясняя высказывание З.И. Конопцкой, напомним, что, до конца XIV в. большинство литовцев оставались язычниками. И далее: «овладевшие Белоруссией, Малой Русью, Подолией и Волынию литовцы не могли оставаться язычниками в давно уж христианской Европе. Поэтому они как сухая губка впитывали живое еще наследие культуры Киевской Руси, выказывая всяческое уважение к ее носителям»⁴.

Некоторые татары, приближенные ко двору Великого князя, принимали христианство, после чего получали все права и привилегии дворянства. До середины XVI в. татарская знать обладала равными правами с литовской шляхтой⁵. Однако для большинства татар, особенно в сельской местности, ислам еще долгое время оставался объединяющим и этнознаковым фактором.

Значительная отдаленность «западных татар» от мусульманского Востока, незнание арабского языка, а также отсутствие грамотных религиозных служителей стали причинами того, что татары поверхностно знали основы ислама. Даже пятикратный намаз не выполнялся неукоснительно. Обязательным был пятничный намаз, во время которого мусульмане должны были хором читать текст (*зикр*), в котором поминали пророков Старого и Нового Заветов и Мухаммада.

Паломничество к святым местам ислама в Аравии было практически невозможно. Самое старое упоминание о паломничестве богатого

литовского татарина относится к 1558 г.⁶. Однако постепенно выработалась местная традиция посещать могилу святого Контея в деревне Ловчицы (ныне территория Вильнюса — авт.). Контею приписывались чудесные деяния, благодаря которым его могилу посещали и христиане. Впоследствии маршрут паломничества расширился за счет посещения исконно татарских деревень, где сохранились старые кладбища.

Обряды совершали по случаю рождения, свадьбы и смерти мусульманина. При этом традиционный для мусульман обряд обрезания долгое время был забыт. Его место занял обряд наречения. Любопытно, что при совершении брачного обряда имам вписывал в договор сумму отступного, которую супруг должен был выплатить супруге в случае развода. Кроме того, был предусмотрен обмен кольцами. Во время шествия к дому супруга соседи создавали препятствия (заграждения), преодолевать которые молодожены были должны путем раздачи подарков или денег. Погребальный обряд сохранил черты доисламских верований, а также обрядов христиан. Около омытого и завернутого в саван покойника должно было быть как можно больше мужчин, которые должны были всю ночь читать суры Корана. После омовения рук имам спрашивал присутствующих, простили ли они обиды покойному. Присутствующие отвечали хором: «Пусть бог простит». После этого формировалась процессия во главе с имамом, направляющаяся к погосту... В ряде обрядов татары использовали *сыту* — напиток из воды, подслащенный медом. Это питье было популярно и у восточных славян. В частности, с сытой ели кутью православные. В Полесье есть блюдо *канун*, сделанное из сыты с покрошенной булкой.

В 1569 г. Королевство Польское и Великое Княжество Литовское подписали Люблинскую унию, которая объединила оба государства в одно на 200 лет. В Речи Посполитой, объединенном польско-литовском государстве (1569–1795)⁷, существовали Мусульманский религиозный союз и Культурно-просветительский союз татар Речи Посполитой. Тогда же был создан общий муфтият, в ведении которого находились польские, литовские и белорусские⁸ общины.

В XVII в. наметилось усиление католической церкви, которая стремилась занять доминирующее положение. Теперь, кроме разрешения короля, на строительство мечети требовалось разрешение католического епископа. Католическое духовенство запретило смешанные браки. Эта ситуация вызвала беспокойство в Стамбуле, после

чего татары семьями стали активно переселяться в Османскую империю и Крым. Некоторые оставшиеся в Литве татары стали принимать фамилии своих польских и литовских жен, переделывали свои имена и фамилии на польский лад. И только при Владиславе VI (1632–1648), короле польском и великом князе литовском, ситуация улучшилась. Он вернул татарам их права, что было подтверждено решением Сейма. Тем не менее, татары, как исповедующие ислам, не имели политических прав. Весной 1659 г. татары отправили в Варшаву делегацию в составе ротмистра А. Крычинского и муллы Рамазана Милькомановича с просьбой расширить привилегии для мусульманской шляхты. Король Ян-Казимеж, отметил важность заслуг татар и в целом подтвердил эти привилегии⁹. Тем не менее, к вопросу о привилегиях пришлось обращаться неоднократно. Татарами особенно болезненно воспринимался запрет на строительство мечетей. В частности, в 1672 г. он стал одной из причин бунта татар. Власти допускали наличие только деревянных мечетей. В 1677 г. Сейм дал специальное разрешение на восстановление старых мечетей.

После Северной войны в XVIII в. польско-литовское государство попало под протекторат России. В 1772–1795 гг. вся территория Польши и Литвы была поделена между Россией, Пруссией и Австрией. Литва была присоединена к России. Это позволило татарам установить связи со своими единоверцами в Поволжье и на Урале. В XIX в. польско-литовские татары состояли на государственной службе в России, обучались в российских учебных заведениях. В Петербурге работал «Кружок польских студентов-мусульман», в Вильно было создано «Литовско-мусульманское общество помощи бедным мусульманам». В то же время поволжские татары стали переселяться в западные районы России. Весной 1913 г. поволжскими татарами в Варшаве было создано мусульманское благотворительное общество, которое насчитывало 118 членов¹⁰.

Одним из городов, где татары были многочисленны, был Вильно (Вильнюс после 1940 г.). В межвоенный период Вильно стал центром культурной жизни литовских мусульман. Именно тогда национальная интеллигенция озаботилась возрождением культуры. Стали публиковаться газеты, а в 1904 г. царское правительство отменило действовавший почти 40 лет запрет печатать литовскую литературу на латинице. Это способствовало подъему национального возрождения ли-

товского народа. Появились многочисленные объединения, ставившие своей целью сохранение и развитие самобытной литовской культуры. В этом процессе участвовали и татары. В 1914 г. в Литве насчитывалось 25 мечетей, впоследствии пять из них было разрушено в годы Первой мировой войны.

После начала Первой мировой войны семьи польско-литовских татар устремились на Восток, намереваясь найти убежище среди татар России. В Казани их было чуть больше 100 человек, и они довольно быстро адаптировались. Как пишет татарский исследователь Л. Габдрафикова, «единственным барьером в общении между поволжскими мусульманами и польскими татарами (точнее польско-литовскими — автор) был язык. Польско-литовские татары сумели сохранить свою религиозную идентификацию, но языком их повседневного общения со временем стал польский и русский. Тем не менее единая религия являлась мощным фактором солидарности»¹¹. В сентябре 1915 г. в Казани был организован Мусульманский комитет помощи беженцам. Его филиалы существовали в Уфе и Оренбурге. Благодаря собранным по подписке средствам комитет ежедневно выдавал взрослым беженцам по 20 коп., а детям — по 10 коп.¹².

В межвоенный период столицей Литвы был Каунас. В 1925 г. татары Литвы образовали собственный муфтият, провозгласили административную независимость (автокефалию) исламских общин (джамаатов)¹³. Был избран муфтий. Им стал Якуб Шинкевич, польский татарин, востоковед, поучивший образование сначала в Петербургском университете, а затем в Берлине¹⁴. До начала второй мировой войны Шинкевич вел активную общественную деятельность, неоднократно представлял польско-литовских мусульман на международных мусульманских мероприятиях. В период немецкой оккупации Литвы Шинкевич продолжил свою работу в качестве муфтия, сотрудничая с оккупационными властями.

С 22.06.1941 по 28.01.1945 Литва находилась под немецкой оккупацией. Надо отметить, что общий настрой в этот период в Прибалтике был антисоветским. Как только в Прибалтике узнали о нападении Германии на Советский Союз, там начались восстания. Литовцы надеялись, что немцы будут способствовать восстановлению независимого литовского государства. Нельзя забывать, что войне предшествовала коллективизация, которая лишила жителей Прибалтики земельных наделов и значительной части имущества¹⁵.

В Берлине считали, что помощью прибалтов (литовцев, латышей и эстонцев) можно будет осуществлять управление обширными территориями на Востоке, т.к. последние «усвоили по меньшей мере основные понятия европейской культуры»¹⁶. Татар Литвы предполагалось использовать так же, как и литовцев.

Немецкая администрация, демонстрируя уважение к ценностям ислама, открывая мечети, предоставляя мусульманскому духовенству определенные привилегии, использовала ислам в своих целях¹⁷. Как отмечает В. Ахмадуллин, «то обстоятельство, что права верующих в Советском Союзе длительное время были ущемлены, объективно шло на пользу захватчикам»¹⁸.

После войны советская власть в качестве меры наказания за поддержку антисоветского партизанского движения стала осуществлять принудительное выселение членов семей пособников нацистам в отдаленные районы СССР. С 1951 г. вместе с литовцами выезжали и татары.

После окончания войны религиозная жизнь литовских мусульман замерла. Религия считалась пережитком, поэтому неприятие религии властями коснулось всех вероисповеданий. Верующие осуществляли религиозные обряды приватно. Христиане, мусульмане и иудеи были вынуждены скрывать свои религиозные убеждения. Тем не менее, в быту литовские татары сохраняли приверженность исламским традициям. Возникла даже новая традиция летом посещать мусульманские деревни с тем, чтобы пообщаться с единоверцами, помянуть усопших, прочесть над их могилами суры Корана. Во время этих встреч обсуждались проблемы общин, собирались средства для оказания благотворительной помощи.

Эти общие мероприятия способствовали сохранению групповой идентичности, причем в них принимали участие как верующие, так и люди, отошедшие от религии, но для которых национальная общность и вера предков сохраняли свою значимость. Таким образом внутри этноконфессиональной диаспоры возник слой людей, утративших религиозные взгляды, но соблюдавших ритуалы в силу принадлежности к этой диаспоре.

Еще накануне обретения независимости Литвы в 1991 г. мусульмане озаботились возрождением своей этнической и религиозной культуры в стране. Был налажен выпуск газеты «Литва татарская» («Lietuvos totorių»)¹⁹, где часть публикаций посвящена историческим материалам,

которые должны помочь литовским мусульманам лучше знать свою историю и понимать значимость своего присутствия в этой стране.

Татарские общины разных городов объединились в Союз татарских общин Литвы (Lietuvos totorių bendruomenių sąjunga)²⁰. В городах наладилась довольно активная религиозная жизнь, в том числе благодаря живущим в республике бизнесменам и студентам из мусульманских стран.

В сельской местности также началось оживление интереса к прошлому литовских мусульман. Среди татарских деревень Литвы выделяется деревня «Сорок татар» (название которой еще в 1939 г. перевели на литовский язык — «Keturiasdešimt totorių»), в которой до сих пор проживает 120 человек, считающих себя потомками крымских татар, тех, кто основал это поселение. При деревне есть кладбище, самая старая могила на нем датируется 1621 г. Сохранилась деревянная мечеть с небольшим минаретом. Это одна из 4-х исторических мечетей, сохранившихся в Литве.

Еще в начале XX в. некоторые мечети были отремонтированы за счет финансовой помощи, оказанной татарами, живущими в США. Помощь также оказал король Египта Фарук (1920–1965).

В середине XX в. заново были отстроены мечети в Клецке, Ляховичах, Некрашунцах, Ивье-Муравщизне²¹. Неоднократно возникал вопрос о строительстве мечети в Вильнюсе, так как прежняя мечеть не сохранилась. Первоначально с расширением Вильнюса в городскую черту была включена деревня Лукишки, где была деревянная мечеть. Она была почитаема татарами Вильнюса. После войны мечеть была закрыта, а в 1968 г. на ее месте были возведены здания Литовской академии наук. В 2015 г. вопрос о строительстве мечети обсуждался в Мэрии Вильнюса. Рассматривались два участка, однако решения о строительстве принято не было. На наш взгляд, власти опасаются, что при наплыве иммигрантов из Азии и Африки, ислам в республике утратит свой толерантный характер. Тем не менее, благодаря помощи государства в XXI в. были отреставрированы мечети в Каунасе, деревнях Сорок Татар (Вильнюсского района) и Райжяй (Алиутского района).

В конце 1990-х гг. по всей стране открылись филиалы Общества литовских татар. Было налажено сотрудничество с татарами соседних стран, составлен план совместных мероприятий. В 1997 г. татары Литвы торжественно отметили 600-летие поселения татар на территории

Великого княжества Литовского. Департамент национальных меньшинств при Правительстве Литвы оказал поддержку проведению торжеств. Пятеро граждан татарского происхождения были удостоены высоких наград Республики. Тогда же было объявлено о решении выделить участок земли для строительства мечети в Вильнюсе. Однако мечети в столице Литвы (на середину 2018 г.) так и не было построено.

Сегодня мусульман Литвы можно условно разделить на три группы. Первая — это потомки татарских поселенцев, живущие здесь несколько веков. Вторые — это татары, приехавшие в Литву в советское время на строительство промышленных объектов, для работы на фабриках и заводах. Третья группа — мусульмане, граждане зарубежных стран (в том числе из бывших советских республик), получающие образование в ВУЗах или ведущие в Литве свой бизнес.

Проблемы возрождения национальной культуры начали решаться после поездки делегации литовских татар на I-й Всемирный конгресс татар, который состоялся в июне 1992 г. в Казани. На Конгрессе было решено создать и поддерживать национальные татарские организации в разных странах мира. Таким образом было налажено сотрудничество литовских татар с татарами Урало-Поволжского региона. Благодаря помощи мусульман Поволжья, удалось открыть воскресные школы (первая школа действовала с 1991 г.), в которой дети обучались основам ислама, а позднее и татарского языка. Были разработаны специальные учебники для обучения детей татарскому языку в Литве. Интересуясь своим прошлым, литовские татары стали изучать историю взаимоотношений с мусульманскими государствами. При посредничестве турецкого посольства открылись курсы турецкого языка. Однако экономическая ситуация в стране и распространение эмиграционных настроений заставляет молодежь изучать английский и немецкий языки.

В 1992 г. были созданы Духовное управление мусульман и муфтият, во главе которого стоит Ромуальдас Криницкий, получивший специальное мусульманское образование в Уфе, и Союз общин татар Литвы (лит. *Lietuvos totorių bendruomenių sąjunga*).

В Литве сегодня сформировались два территориальных сообщества литовских татар. Первое объединило татар Вильнюсского края. Второе объединяет татар Алитусского и Каунасского уезда. Во главе общин находятся религиозные и светские лица. Характерно, что мусульмане первого сообщества являются сторонниками поддержания

тесных отношений с мусульманами России, в то время как вторые активно поддерживают связи с ближневосточными и европейскими мусульманами. Возможно это связано с тем, что во главе Каунасской общины стоит Ромас Якубаускас, получивший религиозное образование в Ливане. Однако на первом месте, как у первых, так и вторых, стоят отношения с татарами-липки, проживающими в соседних странах — Польше и Белоруссии. Вместе с ними осуществляется работа по собиранию информации об общем прошлом, проводится просветительская работа среди молодежи.

Татары второй группы, как правило, признают своим вторым языком русский. Они приехали в разное время, но в основном до 1990 г. Большинство из них не предполагали изучать литовский. Их дети уже им владеют, исходя из того, что иначе на рынке труда они не будут конкурентоспособны. Часть их родителей относится к категории «неграждан», т.е. лиц, не получивших статус гражданина Литвы. Таких в Литве 33,6 тыс. человек. Однако по сравнению с соседними странами — Латвией (17%), и Эстонией (16%) — в Литве их численность в составе населения не велика — 1%²².

Татары второй группы менее организованы, в связи с тем, что проживают (за исключением г. Висагинос — бывш. Снечкус), не компактно. Висагинас (150 км на Северо-Восток от Вильнюса) единственный город в Литве, где преобладает русскоязычное население (русские, белорусы, украинцы, татары). Любопытно отметить, что хотя живущие здесь татары составляют около 1% населения, но по числу мусульман — 0,46% — город имеет самую высокую долю в стране. Изначально Висагинас строился как город-спутник для сотрудников Игналинской атомной станции. В конце 2009 г. АЭС была остановлена и закрыта.

В этом городе было создано татарское общество культуры, члены которого занимаются сохранением национальных традиций, обучением татарскому языку детей. В отличие от литовских татар (потомков бывших степняков, кочевников), висагинские татары (потомки татар Поволжья и Зауралья) ежегодно отмечают Сабантуй (*сабан туге*), «праздник плуга». Наиболее активные мигранты принимают участие в общественной жизни страны, в том числе в татарских общественных организациях.

Третьей группой мусульман в Литве являются иностранные студенты из исламских стран. С тех пор как в 2004 г. Литва стала членом Евро-

союза, ВУЗы этой страны стали привлекательны для иностранных студентов, которые надеются таким образом перебраться в Евросоюз. Подобная ситуация характерна для всех бывших социалистических стран, ставших членами Евросоюза. В этой связи увеличилось число смешанных браков, тем более, что в таком случае срок получения литовского гражданства сокращается с 10 до 7 лет. Однако в последние годы образование в литовских ВУЗах подорожало и студентов стало меньше.

Будучи гражданами Литвы, литовские татары (особенно коренные) разделяют взгляды основной части населения на отношения с Россией. Литва была первой из республик СССР, объявивших о своей независимости в марте 1990 г. Однако советская власть «отпустила» республику только через полтора года. Официально СССР признал независимость трех балтийских республик — Литвы, Латвии и Эстонии — 6 сентября 1991 г.

Для Литвы характерна этническая однородность, примерно 85% населения — этнические литовцы, поэтому особых противоречий между различными этническими группами нет. Кроме того, новые власти пошли по пути предоставления гражданства республики всем ее жителям, не требуя сдачи экзамена по литовскому языку. На наш взгляд, этим шагом власти сумели сохранить единство в стране, хотя экономическая ситуация заставляет литовцев уезжать в Европу в поисках заработка. На первых порах Литва активно дистанцировалась от Москвы, и даже старалась занимать откровенно противоположную позицию, что как бы подтверждало ее независимость. В частности, в первые годы независимости Литва оказывала поддержку кавказским сепаратистам. Позднее власти Литвы героизировали литовских наемников, погибших в Чечне. В 2001 г. тайно от литовской общественности было предоставлено гражданство Литвы сыновьям Дж. Дудаева. Однако, когда информация стала достоянием гласности, литовская общественность возмутилась. К тому же выяснилось, что один из сыновей организовал изготовление фальшивых евро-паспортов. После присоединения Крыма к России Литва однозначно поддержала Украину.

С началом передвижения в страны ЕС эмигрантов из Азии и Африки Литва была вынуждена организовать центр временного проживания мигрантов. Жители Литвы встретили иностранцев враждебно. В круп-

ных городах прошли манифестации, участники которых скандировали «Слепое доверие ЕС опасно для жизни», «Литва для литовцев!».

На настроение литовцев по отношению к беженцам влияет общая ситуация в стране. Сохраняется высокий уровень безработицы — 13%²³. С 1991 г. Литву покинуло около 1 млн человек²⁴. Согласно прогнозам Евростата, к 2040 г. Литва рискует потерять 38% своего населения²⁵.

В соответствии с распоряжениями Евросоюза в Литве было организовано 3 центра размещения беженцев. Определена сумма ежемесячного пособия — 600 евро, но из нее на руки выдается только 71 евро на мелкие расходы. Из остальной суммы беженцам оплачивается размещение, одежда, питание. Характерно, что 600 евро превышает минимальную зарплату в стране в два раза (!). Те, кто занимается беженцами, надеялись, что малообеспеченные люди сдадут жилье для беженцев, что позволит им быстрее адаптироваться. Однако литовцы, в том числе татары, отказываются сдавать жилье беженцам из Азии и Африки.

Сегодня в Литве проживает от 7 до 10 тыс. татар. На самом деле их гораздо больше. По словам лидера одной из татарских общин, «в каждом четвертом жителе Литвы течет татарская кровь»²⁶.

В заключение надо констатировать, что жизнь в стране, где всегда доминировал католицизм, особенно в период сосуществования в едином государстве с Польшей, затем под немецкой оккупацией, заставила татар выработать особый стиль поведения, в котором сочетаются толерантность и прагматизм...

* * *

На территории современной *Эстонии* мусульмане появились во время Ливонской войны между Россией и Ливонским орденом во второй половине XVI в. Затем, после вхождения Ливонии²⁷ и Эстонии в состав Российской империи в 1721 г., они вместе с коренным населением стали российскими подданными²⁸. После Северной войны их численность стала постепенно расти.

Появление в стране мусульман связано с нехваткой рабочих на крупных предприятиях. В 1857 г. в Нарве было организовано «Товарищество Кренгольмской мануфактуры», пригласившее на работу несколько тысяч человек. На тот момент мануфактура была крупнейшей в Европе. Это был целый комплекс зданий, на создание которого ушло почти 50 лет. К концу XIX в. на мануфактуре было занято

около 7000 человек. Мануфактура была одним из лидеров текстильной промышленности сначала Российской империи, а затем и СССР. Именно здесь, еще в 1828 г., была зарегистрирована первая мусульманская община на эстонской земле.

Спустя десятилетие появились мусульмане в Таллинне. Здешние мусульмане хранят память о Салавате Юлаеве (1752–1800), башкирском национальном герое, сподвижнике и участнике восстания Емельяна Пугачева. После того, как Юлаев был схвачен царскими войсками, его сослали на каторгу — в Эстонию в местечко Рогервик (ныне Палдиски в 52 км от Таллинна)²⁹. Представители таллиннского башкирского культурного общества ежегодно посещают город Палдиски в период празднования Ураза-байрам, чтобы совершить ритуал памяти Салават Юлаева и других каторжан.

В конце XIX — начале XX вв. территорию Эстонии стали осваивать татарские купцы из Нижнего Новгорода. Часть их них обосновалась в Таллинне, где возникла Татарская слобода, от которой на сегодня осталась улица, известная как «Татари».

Считается, что основной контингент татар, проживающих в Эстонии, составляют потомки нижегородских татар, осевших в Эстонии еще до революции или переехавших сюда в советское время. Современные потомки нижегородских татар до сих пор упоминают деревни, откуда родом были их предки: Андреевка, Овечий Овраг и др. В частности, родители муфтия Эстонии Ильдара Мухамедшина — выходцы из Нижегородской (б. Горьковской) области.

Сегодня мусульмане Эстонии представлены выходцами из различных бывших советских республик. Здесь проживают татары, азербайджанцы, узбеки, казахи, кавказцы, а также турки и арабы. Последние, в основном, получили высшее образование в Эстонии. По подсчетам муфтия Ильдара-хазрат Мухаметшина в Эстонии проживают: казанские татары (2363), азербайджанцы (818), узбеки (394), казахи (233), турки (43) и представители других исповедующих ислам народов (129)³⁰. По данным переписи населения 2011 г., мусульман в Эстонской республике насчитывалось 1500 человек. Однако сами мусульмане считают, что их гораздо больше — от 10 до 20 тыс.

В Нарве и расположенном недалеко городке Силламяе русскоязычное население составляет более 85 %³¹. В этих городах живут потомки тех, кто восстанавливал разрушенный во время войны город, а также

потомки тех, кто приехал работать на Кренгольмской мануфактуре и других предприятиях³². До войны в Нарве была мечеть, но в ходе боев 1944 г. она была разрушена.

В 1994 г. была восстановлена эстонская мусульманская община. Эта община объединила мусульман разных национальностей. Она зарегистрирована в государственном реестре. Однако в Таллинне до сих пор нет мечети. Мусульмане вынуждены арендовать разные помещения для того, чтобы совершать намаз. По словам Ильдара-хазрат Мухаметшина (муфтия Эстонии с 2002 г.), «городские власти пока не выделили землю... Возможность строительства у нас есть еще с 2008 г.: средства согласился выделить правитель эмирата аш-Шарджа шейх Султан бин Мухаммад аль-Касими»³³.

Муфтий Балтии Али Харрасов говорит, что мечеть в Эстонии построили бы давно, если бы не спекуляции эстонских СМИ, которые запугивают жителей страны радикальным исламом. Министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу в ноябре 2016 г. в беседе со своим эстонским коллегой Юргеном Лиги заявил, что турецкие власти готовы профинансировать строительство мечети на территории Эстонии.

В 2008 г. в Таллинне был открыт Исламский культурный центр «Тура» (наследие). Целями его деятельности было объявлено сохранение культуры ислама и мусульманских народов, проживающих в Прибалтике. Основатели центра заявили о своем желании давать правильное представление о религии, развивать межкультурный и межконфессиональный диалог.

Центр ведет консультативную работу с имамами других городов Эстонии, берет на себя решение проблем, связанных с хаджем, похоронами, свадьбами и обрезанием мальчиков. Центр ежемесячно распространяет газету «Ас-Салям» (мир), издается также «Балтийский мусульманский вестник». Кроме того, Центр организует летний отдых для детей из мусульманских семей³⁴. По поручению властей Центр взял на себя устройство площадок для ритуального забоя животных в праздник разговения (Ураза-байрам), отмечаемый после поста в месяц Рамадан, а азербайджанские торговцы взяли на себя поставку халяльной продукции.

В настоящее время в Эстонский регистр религиозных организаций внесены две исламские общины: «Эстонское исламское общество» (ЭИО) и «Духовное управление мусульман суннитов Эстонии» (ДУМ-

СЭ). Их правовой статус соответствует положению, принятому для религиозных сообществ Эстонии. Во главе первого сообщества стоит уже упомянутый имам Мухаметшин, а во главе ДУМСЭ — Али Харрасов, который с 1991 г. одновременно является муфтием мусульман стран Балтии.

В 1988 г. было образовано Татарское общество культуры под руководством Т. Сейфуллина. Затем из него выделилось Общество культуры татар Эстонии «Идель», также официально зарегистрированное в Министерстве культуры ЭР. У Общества «Идель» налажены хорошие контакты с татарскими обществами в других городах Эстонии. Традиционным стало проведение совместного Сабантуя трех прибалтийских государств.

Члены Общества отмечают религиозные праздники, проводят Сабантуй, литературные вечера, посвященные татарским писателям и поэтам (Г. Тукаю, М. Джалилю), ухаживают за мусульманским кладбищем. Силами членов общества проводятся занятия по обучению татарскому языку и арабской письменности, а также курсы эстонского языка. Кроме того, организованы библиотека татарской литературы и татарский хор. Правительство Эстонии оказывает поддержку татарской общине. На местном радио на базе русской редакции ежемесячно проводится передача «Серебряная нить», посвященная жизни представителей разных национальностей Эстонии, в том числе жизни татар. В 2010 г. состоялась международная конференция «Татары в Эстонии: история, религия, культура», в которой приняли участие видные эстонские ученые, научные и общественные деятели из Финляндии, Латвии и Татарстана. На конференции была представлена книга «Ислам в Эстонии» подготовленная группой авторов. Хальянд Удам, эстонский востоковед в свое время учившийся в Москве, сделал перевод на эстонский язык смыслов Корана. Уже опубликовано около 10 книг об исламе на эстонском языке. Помимо этого, в Эстонии популярна и русскоязычная литература об исламе. Особо тесные отношения существуют с татаро-мусульманскими организациями Финляндии.

В Тарту со стороны недавно обосновавшихся в Эстонии мусульман была попытка создать свой собственный культурный центр с привлечением к его работе студентов из исламских стран. Однако Служба безопасности закрыла его, аргументировав свои действия тем, что «там не было официального духовного лидера со специальным образованием для совершения обрядов внутри мусульманского сообщества»³⁵.

Эстонская журналистка И. Каблукова, описывая состояние мусульманского сообщества, отмечала: «... наши мусульмане — это в основном татары, киргизы, азербайджанцы, немного чеченцев и дагестанцев. В численном эквиваленте вилка может составлять от полутора до 11 тысяч. Община достаточно разрозненная, и люди собираются вместе не столько по религиозному принципу, сколько по национальному»³⁶. На наш взгляд наличие общей мечети могло бы способствовать сближению мусульман-представителей разных национальностей. Возможно именно этого эстонские власти и не хотят.

* * *

В отличие от других прибалтийских республик мусульмане в Латвии появились достаточно поздно — в середине XIX в. В 1561–1721 гг. Латвия была под властью Речи Посполитой³⁷ и Швеции. Затем, в 1721–1917 гг., Латвия находилась в составе российской империи. Именно тогда, в конце XIX — начале XX вв., активизировалось переселенческое движение латышей в Россию, в основном в Сибирь и Северный Кавказ³⁸, где переселенцы жили бок о бок с российскими мусульманами. Латвийские татары утверждают, что в 1838 г. в одной из рижских газет впервые упоминалось об исламе. В 1897 г. в Латвии проживало 2 тысячи мусульман, в основном татар³⁹. Более точные данные опубликованы в Балтийском мусульманском вестнике № 4, март 2010 г. Как утверждает это издание, «перепись 1897 г. показала, что на территории нынешней Латвии проживало 1525 татар, 49 турок и 362 представителя других родственных народов... Большую часть... составили поволжские татары, призванные в армейские части царя в Казани и размещенные в больших городах. Среди 1671 исповедующих ислам были и 27 латышей...»⁴⁰.

К началу первой мировой войны мусульман в Латвии было уже около 1 тыс. человек. Согласно данным, опубликованным в Балтийском мусульманском вестнике, «в 1920 г. в Латвии осталось только 115 татар (25 находилось на фронте в Латвийской армии) и 19 турок, а в 1935 г. уже только 28 татар и 17 персов. Но все они были мусульманами... В 1925 г. среди мусульман было зафиксировано 9 поляков...»⁴¹. Сохранились сведения, что в тот период ежегодно в доме Оперы общество «Кавказ» «проводило бал». Вероятно речь шла о сабантуе⁴², который празднуется в конце весны.

Особенно активно мусульмане заселяли Латвию после Второй мировой войны. Дело в том, что к окончанию войны Латвия лишилась почти 30% своего населения. По оценкам латвийских демографов вместо довоенных 1,9 млн человек в 1945 г. в стране оставалось всего 1,3–1,4 млн⁴³. В условиях традиционно слабого естественного прироста населения, а также в связи с необходимостью восстановить разрушенное хозяйство республики, правительство СССР организовало переселение в Латвию граждан из других районов Советского Союза. В основном это были татары и башкиры из центральной части СССР. Переселяя в Прибалтику татар и башкир, власти хотели создать здесь новый мультинациональный социум.

Надо отметить, что в этот период в лесах скрывались банды националистов⁴⁴, которые продолжали бороться против советской власти. Повстанческое движение в Прибалтике было ответом на политику советизации (перераспределение земли, наступление на зажиточную часть крестьянства, хлебозаготовки и т.д.). В ответ правительство СССР приняло решение провести массовую депортацию лиц, замешанных во враждебных советской власти действиях.

В дальнейшем для развития промышленности в прибалтийской республике потребовались специалисты, которых готовили вузы страны. В частности, для расширения рижского порта требовались рабочие разных профессий. Так, уже в 1959 г. в Латвии жили многие тысячи выходцев из Татарстана, Башкирии, Азербайджана, Узбекистана, Казахстана, Дагестана и других кавказских республик. Уже в 1970 г. татар в Латвии было больше, чем ближайших соседей — эстонцев. К началу 1990-х гг. в Латвии проживало 4828 татар⁴⁵. Позднее часть приехавших рабочих и членов их семей осела в Латвии.

В современной Латвии проживает около 12 тыс. мусульман⁴⁶. По данным директора Института прав человека Илзе Брандс-Кехре, основную часть латвийских мусульман составляют представители народов распавшегося Советского Союза, для которых ислам — религия традиционная⁴⁷.

Сегодня из-за пропаганды идей атеизма в советское время и общеевропейской тенденции секуляризации, все большее число латышей утверждают, что они являются атеистами. Однако национальные меньшинства в Латвии — русские, татары, башкиры, — сохраняют свою приверженность религии — православию и исламу, так как она

их объединяет, формирует чувство единства и защиты, является своеобразным маркером идентичности.

Исламские традиции (ритуалы, праздники) способствовали тому, что мусульмане, почувствовав разницу в менталитете и нормах общественного поведения, стали создавать свои сообщества. Характерно, что власти не препятствовали этому. В 1989 г. образовалось азербайджанское общество культуры, целью которого было также сохранение национальной идентичности. Вслед за ними возникли общества узбеков, чечено-ингушей, афганцев и др. Самым большим было общество «Идель»⁴⁸ (позднее переименованное в «Иман»), в составе которого в основном были татары. Общество вступило в Ассоциацию национально-культурных обществ Латвии (АНКОЛ).

Латвийские татары — в основном горожане. Это связано прежде всего с тем, что приехавшие после войны рабочие и специалисты работали в основном на стройках и на крупных предприятиях. В частности, в Вентспилсе, портовом городе, в 1989 г. проживало 50646 человек, из них латыши составили 42,98%. В 2011 г., после оттока русскоязычного населения, латышей уже было 56,89%. Русских в это время в городе осталось 11136 человек, татар — 74 человека⁴⁹.

Кроме Риги и Вентспилса, татары также проживают в Даугавпилсе и Елгавском районе. В частности, в Вентспилсе и Даугавпилсе действуют филиалы Латвийского татаро-башкирского общества.

Сегодня в Латвии существует 7 мусульманских общин⁵⁰. 5 из них объединились в Консультативный Совет мусульман Латвии. Этот Совет активно занимается сохранением исламского культурного наследия, для чего проводит праздничные мероприятия по поводу Ураза-байрама и Курбан-байрама, а также организует массовые молитвы, для которых арендуется зал во Дворце культуры завода ВЭФ, где собирается до 400 мусульман. Начиная с 1996 г. каждое лето в Юрмале организуется двухнедельный детский лагерь, где юных мусульман обучают основам религии. Деятельность национальных сообществ в Латвии с 2003 г. курирует Министерство культуры республики.

В октябре 2009 г. был организован Латвийский мусульманский консультационный центр в Риге (*muslim-riga@inbox.lv*). Также в Риге функционирует общество по изучению суфизма Хазрата Инайята Хана⁵¹.

С точки зрения традиционного суннитского ислама это течение представляет собой синкретичное, новомодное ответвление традици-

онного суфийского ордена, принесенное в Балтику англичанином Джеймсом Берджессом (James Burgess) в середине 1990-х гг.

Большинство татарских культурно-национальных обществ стран Балтии активно сотрудничают с Исполкомом Всемирного конгресса татар, многие являются его коллективными членами.

Издается газета «Иман», а также кварталный журнал «Чишмѣ» («Родник»). В Риге существует школа, входящая в сеть образовательных учреждений «Хизмет» (тур. яз. — служение)⁵², созданная турецким мыслителем Ф. Гюленом. Мечети в Риге до сих пор нет. Попытки ее построить предпринимались еще во времена правительства Ивара Годманиса в 1990–1993 гг.

Несколько лет назад Рижская дума предложила место под мечеть на улице Маскавас (латыш. *Maskavas iela*, *Московская* — самая протяженная улица Риги), но все так и осталось на бумаге. В 2005 г. под мечеть стали использовать небольшую пристройку к многоквартирному дому по адресу ул. Бривибас, 104. Имамом мечети является Маамун Саид, уроженец Судана.

Мусульманское сообщество Латвии поддерживает связи с татарами России. В частности, существует торговый дом «Татарстан-Балтия».

С 2002 г. латвийские татары участвуют в общетатарских мероприятиях, организуемых в Казани. Так, например, латышские мусульмане принимали в Риге участников II этапа международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь». Кроме того, татары участвуют в ежегодно проводимых Министерством по делам молодежи и спорту Республики Татарстан (совместно с Всемирным конгрессом татар) «Днях татарской молодежи». Министерство культуры Латвии оказывает финансовую поддержку в организации гастролей татарских национальных ансамблей, прибывающих в Латвию из России и других республик⁵³.

Внутри мусульманского сообщества Латвии существуют национальные объединения. Так, большинство азербайджанцев⁵⁴, проживающих в Латвии, являются членами общества «Оджаг»⁵⁵. Общество проводит мероприятия, цель которых популяризация азербайджанской культуры, знакомство с Азербайджаном и информирование о деятельности общества всех, кто живет в Латвии. Многие члены общества посещают также исламский центр в Риге.

В 2000 г. в Риге были открыты Центр ливанской культуры, а в 2006 — Центр арабской культуры. Основателем этих обществ стал выходец из Ливана, выпускник Рижской медицинской академии, гастроэнтеролог Хосам Абу Мэри. В этих центрах были открыты курсы арабского языка, устраивались концерты и другие мероприятия, имеющие целью познакомить латышей с арабской культурой.

Хосам Абу Мэри впоследствии был избран в латышский парламент. На базе Центра арабской культуры с 2015 г. осуществляется проект *Sadarbības tilts* («Мост сотрудничества»), согласно которому рижане могут бесплатно обучаться арабскому языку. В первый год было выделено 30 мест, но записалось 50 человек. В 2016 г. наплыв желающих был огромным: записалось около 200 человек. Организаторы не скрывали того факта, что проект связан с предстоящим приемом беженцев.

После провозглашения независимости в Латвии появился новый социальный класс: «alien» (латыш. яз. — чужие). Так официально называются люди, которым независимая Латвия отказала в гражданстве. Это те, кто живут в стране и даже родились в ней, но не являются потомками тех, кто находился здесь до включения Латвии в состав СССР в 1940 г.⁵⁶. «Чужие» составляют около 15% населения страны. В подавляющем большинстве это русскоязычное население (в том числе мусульмане), то есть потомки выходцев из различных советских республик, приехавших после войны восстанавливать разрушенное войной хозяйство. Такие «неграждане» Латвии в принципе обладают теми же правами, что и этнические латыши, однако не имеют права голоса, не могут баллотироваться на выборные посты и занимать государственные должности⁵⁷. Теоретически они могут перемещаться по Шенгенской зоне, однако они не могут работать, ибо их удостоверение личности не принято в ЕС на законодательном уровне⁵⁸.

После провозглашения независимости Латвии в 1991 г. примерно 40% татар выехали из республики в связи с невозможностью стать полноценными гражданами республики. По законам Латвии гражданство этой страны могут получить только лица, поселившиеся здесь до 1940 г. Таким образом, в Латвии осталось лишь 3040 татар, часть которых не обладает политическими правами. Ситуация вокруг «неграждан» остается очень сложной. Многие из них рассматривают отъезд из Латвии как «возможный», молодежь, родившаяся здесь, знающая латвийский язык, имеет шанс получать образование в Рос-

сии. Для них предусмотрены квоты в ВУЗах Санкт-Петербурга и Калининграда. Некоторые из них ищут возможности уехать в Европу.

В конце января 2014 г. Парламент непредставленных (ПН) «Конгресса неграждан» обвинил Юриса Янсонса, официального государственного защитника прав жителей страны, в отсутствии квалификации, нежелании добросовестно выполнять свои обязанности и нанесении прямого вреда сплочению общества. И потому «негры» (от слова «неграждане») назначили собственного «общественного» омбудсмена.

В 2016 г. евродепутаты от Латвии Татьяна Жданок, Андрей Мамыкин и Яна Тоом подали в Европарламент (ЕП) петицию в защиту проживающих в республиках «неграждан», требуя расширить их избирательные права. Слушания по петиции состоялись в двух комитетах ЕП — Комитете по гражданским свободам, правам человека и юстиции и Комитете по петициям. Вместе с петицией от латвийских евродепутатов была подана петиция Ассоциации лиц без гражданства (Association of persons without citizenship), которая базируется в Лондоне. Характерно, что это была третья попытка (предыдущие имели место в 2006 и 2012 гг.) добиться справедливости для «неграждан». Евродепутаты отмечали, что в дискуссиях по проблеме «неграждан» в Прибалтике противники предоставления прав русскоязычному населению заявляют, что якобы все они имеют российское гражданство. Характерно, что евродепутаты не выдвигали максимальных требований. Они требовали, чтобы «неграждане» в Латвии обладали так называемым «пассивным» избирательным правом, то есть могли голосовать за кандидатов в депутаты в местные органы самоуправления, а также чтобы «неграждане» в Латвии имели право избирать депутатов Европарламента⁵⁹.

В 2016 г. президент Латвии Раймондс Вейонис выступил с инициативой об автоматическом предоставлении гражданства Латвии детям «неграждан», родившимся после восстановления независимости республики в 1991 г. Его позиция продиктована тем, что Латвия, как и другие страны Балтии, постепенно теряет свое население. По сообщению «Немецкой волны» «с момента вступления Латвии в ЕС на заработки за границу выехало около 10% населения страны. Согласно недавно проведенному опросу, около трети из них эмигрировали навсегда»⁶⁰.

В вопросе об обретении полноправного гражданства латвийские мусульмане выступают вместе с Русской общиной Латвии (РОЛ, руководитель Вл. Соколов). Власти республики, наблюдая за катастрофическим

сокращением населения, все же начали думать, как сократить число «неграждан». Этот вопрос обсуждался на заседании совета по подготовке праздничных мероприятий по случаю 100-летия провозглашения независимости страны, которое будет отмечаться в 2018 г. Среди возможных вариантов решения вопроса о «негражданах» — автоматическое предоставление гражданства родившимся в независимой Латвии детям «неграждан», облегчение процесса натурализации, предоставление «негражданам» права голосовать на выборах в местные органы власти и даже полная ликвидация института массового «безгражданства» и предоставление гражданства всем жителям республики.

* * *

Следует отметить, что адаптация татаро-мусульманской общины к современным реалиям происходила достаточно сложно. В период становления независимости Латвии в рядах татар-мусульман ощущалось смятение и непонимание происходящего. Выходцы из Азербайджана активно поддерживали независимость Латвии, в то время как другие (татары, башкиры, узбеки и др.) испытывали опасения за свою судьбу. У многих возникли проблемы с интеграцией в латвийское общество. Приехав в республику в советское время они практически все были русскоязычными. Для облегчения перехода на латышский язык министерство организовало для членов общин бесплатные курсы изучения латышского языка и истории, что должно существенно облегчит процедуру принятия гражданства Латвийской Республики.

Мусульмане Латвии обеспокоены распространением антиисламских настроений в Европе, ибо это сказывается на отношении к ним принимающего общества. Вопрос о приеме беженцев в Латвии, также как и в других странах Балтии, был воспринят неоднозначно. Противники есть как среди национальных политиков, так и среди обычных жителей, обеспокоенных вынужденным соседством с людьми чужой и непонятной им культуры и иных традиций. Накануне решения Брюсселем вопроса о квотах беженцев для европейских стран в латвийской прессе разгорелась дискуссия о том, должна ли Латвия принять беженцев.

При подсчете квоты для Латвии выявилось интересное обстоятельство. Оказывается, в Латвии находятся примерно 270 тыс «мигрантов». На самом деле речь идет о тех самых «негражданах», на которых, как стало впоследствии известно, Евросоюз уже однажды

выделил средства из специального фонда(!). Евродепутат от Латвии А. Мамыкин⁶¹ утверждает, что из Евросоюза в Латвию было передано 34 млн. евро на адаптацию иммигрантов⁶².

Сложившаяся ситуация в связи с приездом «беженцев» из зарубежных стран негативно сказалась на отношении к латвийским мусульманам. Стены исламского центра в Риге были исписаны призывами к мусульманам покинуть страну⁶³. Как отмечал один из мусульманских активистов: «Наш исламский центр существует в Латвии годами, мы никому никогда не мешали... После того, как актуализировался вопрос о принятии беженцев, к нам начали проявлять агрессию, хотя мы к этому никакого отношения не имеем... Думаю, что тем людям, которые сюда приедут, особо рады не будут»⁶⁴.

* * *

В целом надо отметить, что до сих пор мусульмане Балтии, выходцы из России, страны с прочными традициями и опытом сосуществования разных религиозных сообществ, не вызывали беспокойства властей. Раздражало лишь незнание латышского языка старшим поколением, что, на наш взгляд, является результатом отсутствия социального диалога в стране.

Что касается татар, чьи предки поселились здесь еще задолго до провозглашения независимости прибалтийских республик, то они всегда были лояльны своей стране, стремились интегрироваться в принимающий социум и при этом сохранить свою самобытную культуру. Однако тот факт, что часть из них уже в течение почти 30 лет не имеет политических прав, заставляет задуматься о будущем. Атмосфера политической русофобии создает дистанцию между русскоязычными мусульманами и населением Балтии. Очевидно, что направление в эти страны «беженцев» из ряда стран Азии и Африки воспринимается коренным населением негативно, и это создает дополнительные трудности для русскоязычного населения, исповедующего ислам.

¹ Гришин Я. Польшо-литовские татары (Наследники Золотой Орды). Казань. 1995. С. 13.

² Ярошевич Ю. Образ Литвы с точки зрения цивилизации от древнейших времен до конца XVIII в. Вильно, 1844. Т. 2. С. 201.

³ Конопницкая З.И. Мечети татар Беларуси, Литвы и Польши: история и современность // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. — 1917 г.). Материалы Всероссийской научно-практической конференции (25 апреля 2006 г., г. Казань). Казань: Институт истории АН РТ, 2006. С. 6.

⁴ Скворцов Д. Чем стала Люблинская уния для православных Юго-Западной Руси. 08.04.2018 // inosmi.ru/social/20180408/241928109.html.

⁵ По количеству дворян Польша, Литва и Испания занимали ведущее положение в Европе (один дворянин на 6 человек). В Литве военная служба давала татарам возможность получить дворянские привилегии.

⁶ Гришин Я. Польшо-литовские татары (Наследники Золотой Орды). Казань. 1995. С. 68.

⁷ В состав Речи Посполитой входили территории современных государств Польша, Литвы, Латвии, Эстонии, Украины, Белоруссии, Словакии и Молдавии.

⁸ Территория современной Белоруссии полностью входила в состав Великого Княжества Литовского.

⁹ Гришин Я. Польшо-литовские татары (Наследники Золотой Орды). Казань. 1995. С. 31

¹⁰ Татары в первой мировой войне: как польские мусульмане нашли приют в Казани // realnoevremya.ru/articles/42300.

¹¹ Татары в первой мировой войне: как польские мусульмане нашли приют в Казани // realnoevremya.ru/articles/42300.

¹² Габдрафикова Л. Польшо-литовские татары в Казанской губернии в 1914–1918 гг. // realnoevremya.ru/articles/42300.

¹³ До этого момента духовную жизнь татар Беларуси, Литвы и Польши регулировал муфтий Таврической губернии в Симферополе.

¹⁴ Якуб Шинкевич (1884–1966) избран муфтием в 1925 г. Он был очень образованным для того времени востоковедом. Он обучался в Петербургском университете, затем — в Берлине, где в 1925 г. получил диплом доктора философии в области востоковедения. В этот период Шинкевич занимался изучением письменных памятников о польско-литовских татарах на старо-турецком языке. Деятельность Шинкевича вызывала уважение властей и верующих. В период оккупации с согласия Рейха оставался на своем посту. После войны Шинкевич жил в Германии, затем в Египте. После прихода к власти Насера, перебрался в США, где скончался в 1966 г., оставаясь муфтием мусульман Польши.

¹⁵ В 1933 г. был установлен контакт между нацистами и Великим муфтием Амин аль-Хуссейни, которого еще Британский верховный комиссар наделил титулом «Великий муфтий». Именно на аль-Хуссейни гитлеровцы сделали ставку, стремясь переманить на свою сторону мусульман на оккупированных территориях, а также тех, кто оказался в плену. Был даже изготовлен плакат с изображением Гитлера в чалме. Сообщалось также, что он принял ислам и его новое имя — Гейдар. См.: Бондаревский Г.Л. Особенности антисоветской и антикоммунистической пропаганды в середине 80-х годов // Против фальсификации внешней и внутренней политики Советского Союза. М., 1986. С. 43.

¹⁶ Как в случае победы немцев в войне был бы устроен СССР // altemathistory.com/kak-v-sluchae-pobedy-nemcev-v-voine-by-ustroyen-sssr.

¹⁷ Мусульмане Литвы // mazhab.kz/ru/statii/istoriya-islama/musulmane-litvy-436.

¹⁸ Ахмадуллин В. Попытки нацистов Германии использовать ислам и мусульман в войне против Советского Союза // www.perspektivy.info/print.php?ID=54792.

¹⁹ Татары Литвы // www.tatarlar-europe.eu/index.php/tatar-history/item/44-история-татар-литвы.

²⁰ Информация Дома национальных общин. Вильнюс, Raugyklos, g 25.

²¹ Кричинский С. Мечети окрестностей Вильно раньше и теперь // Татарская жизнь. 1935. № 5.

²² Eurostat: В Литве проживает 1% неграждан // www.lietuvos.by/news/46-eurostat-litve-prozhivaet-1-negrzhdan.html (13.07.2012).

²³ Литва — уровень безработицы // ru.tradingeconomics.com/lithuania/unemployment-rate.

²⁴ Почему литовцы уезжают из страны // ru.sputniknews.lt/politics/20180207/5070439/pushkov-lithuania-emigratsija.html.

²⁵ Депопуляция Прибалтики. Аналитический портал RuBaltic.ru // www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/301216-itogi-emigratsii-2016.

²⁶ *Черняускас Ш.* Глава общины: в каждом четвертом жителе Литвы течет татарская кровь // ru.delfi.lt/news/live/glava-obschiny-v-kazhdom-chetvertom-zhitеле-litvy-techet-tatarskaya-krov.d?id=61638537.

²⁷ Ливония — историческая область, располагавшаяся на части территории современных Эстонии и Латвии. Названа германскими рыцарями-крестоносцами по имени одного из проживавших в то время на этой территории финно-угорских племен — ливов.

²⁸ После Северной войны 1700–1721 гг. в городе Ништадте (современный город Уусикаупунки, Финляндия) был подписан мирный договор между Русским царством и Шведским королевством. Согласно договору Россия закрепила выход к Балтийскому морю: к ней отошли часть Карелии, Ингерманландия, часть Эстляндии, часть Лифляндии (с Ригой), острова Эзель и Даго. За эти земли Россия выплатила Швеции компенсацию в 2 млн ефимков (1,3 млн рублей).

²⁹ Салават Юлаев умер в сентябре 1800 г. и похоронен в Палдиски. На территории городского парка ему установлен памятник.

³⁰ Муфтий Эстонии Ильдар-хазрат Мухамедшин: У эстонцев сохранилось очень хорошее отношение к исламу. 18.01.2013 // www.islamsng.com/sng/interviews/6077.

³¹ Нарва — третий по численности населения город Эстонии (57 139 человек в 2017). Численность русского населения города 53,3 тыс., т.е. около 80,9 % всех горожан, эстонцы (2,6 тыс. человек) — около 3,9 %. Данные 2014 г. Силламяэ расположен на берегу Финского залива. С конца XIX в. Силламяэ был популярным у петербургской интеллигенции курортным поселком. В 1869 г. здесь отдыхал П.И. Чайковский, а с 1891 г. в течение 25 лет сюда приезжал отдыхать ученый-физиолог И.П. Павлов. Сегодня в городе проживает всего 13 964 человека (2015).

³² Как выглядят зарубежные города // kulturologia.ru/blogs/07017/35128/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com.

³³ Муфтий Эстонии Ильдар-хазрат Мухамедшин: У эстонцев сохранилось очень хорошее отношение к исламу. 18.01.2013 // s11041.vh.co.ru/index.php?category=interview&id=2518.

³⁴ *Гараева К.* Ислам в Таллинне // islam-today.ru/obsesivo/islam_v_talline.

³⁵ *Былов М.* Исламизм дотянулся до Таллинна и Риги // Независимая газета. 20.05.2015.

³⁶ *Каблукова И.* О мечети разве что мечтают. 28.09.2015 // rus.postimees.ee/3341431/o-mecheti-razve-что-mechtayut.

³⁷ Речь Посполитая (Rzeczpospolita — республика, польск. яз) — объединенное государство Королевства Польского и Великого княжества Литовского, возникшее в результате Люблинской унии в 1569 г. Упразднено в 1795 г. в результате раздела территории между Россией, Пруссией и Австрией.

³⁸ Советская Латвия. Энциклопедически справочник. Рига, 1985. С. 117.

³⁹ *Хабibuлин А.* Мусульмане Прибалтики: лучше не попадаться на глаза // islamreview.ru/community/musulmane-pribaltiki-lucse-ne-popadatsa-na-glaza-drugim.

⁴⁰ As-Salam. Балтийский мусульманский вестник. 2010. № 4 // www.yumpu.com/xx/document/view/4213525/as-salam-islam.

⁴¹ As-Salam. Балтийский мусульманский вестник. 2010. № 4 // www.yumpu.com/xx/document/view/4213525/as-salam-islam.

⁴² Сабантуй («праздник плуга») — ежегодный народный праздник окончания весенних полевых работ у татар и башкир.

⁴³ *Mezgalis В.* Padomju Latvijas demografija: structura, procesi, problemas. Riga, 1985. P. 57.

⁴⁴ На территории Латвии действовало 64 группы общей численностью около 20000 человек.

⁴⁵ *Гайнетдинов Р.* Ислам в Латвии // Татарские новости. 2003. № 11 // nailtimler.com/articles_page/tatars_in_baltic.html.

⁴⁶ По данным З. Зайнуллина, в Латвии проживает 10 тыс. мусульман, из них 3 тыс. этнические татары, 4 тыс. — азербайджанцы, и еще 3 тыс. — башкиры, арабы и др. Ислам и мусульмане в Латвии // forum.33bru.com-islam-i-musulmane-v-latvii-topic1847136.

⁴⁷ Латвия исламизируется. 03.02.2010 // www.ansar.ru/rightway/latvija-islamiziruetsya.

⁴⁸ Переименование общины связано со скандалом, возникшим после отставки ее руководителя М. Саиданова (уроженца Узбекистана), который не согласился сложить свои полномочия и переоформил учредительные документы на себя.

⁴⁹ Вентспилс // ru.wikipedia.org/wiki.

⁵⁰ По данным ANSAR.ru, в Латвии зарегистрированы 12 мусульманских общин. Это рижские организации «Иман», «Коран», «Ислам»; мусульманские общины «Амина», «Мардзани», «Салам», «Раян», «Алшабаб Алмуслим», а также общины Вентспилса, Рижского района, Видземского и Земгальского предместьев города Риги.

⁵¹ Хазрат Инайят Хан (англ. Inayat Khan; 1882–1927) — индийский философ, суфий, проповедовавший индийский вариант суфизма в Европе и России.

⁵² Хизмет — общественное движение, сформированное на базе идей турецкого богослова Фетхуллы Гюлена. Движение пропагандирует идеи развития межконфессионального диалога и качественного образования для мусульман). Внутри Турции против Ф. Гюлена выступают президент Эрдоган и его сподвижники, рассматривающие движение как угрозу светскому устройству страны. На самом деле, Эрдоган видит в идеях Ф. Гюлена угрозу своей власти.

⁵³ *Гайнетдинов Р.* Татары в странах Балтии // Татарские новости. 2003. № 11 // nailtimler.com/articles_page/tatars_in_baltic.html.

⁵⁴ Численность азербайджанцев в Латвии с 2010 г. возросла, после того, как Латвия стала предлагать гражданство тем, кто вкладывает средства в недвижимость в стране. Азербайджанцы скупают недвижимость в Латвии // haqqin.az/news/63522 (14.02.2016).

⁵⁵ Кроме Риги подразделения «Оджага» есть и в других городах Латвии: в Лиепае, в Даугавпилсе. Есть еще общество азербайджанцев «Азери».

⁵⁶ «Негражданами» были объявлены все, кто приехал в Латвию после 17 июня 1940 г. (день, когда в Латвию вступили советские войска). В результате около 750 тыс. жителей независимой республики получили фиолетовые «паспорта чужака». На сегодняшний день такой статус имеет каждый третий русский в Латвии и каждый второй белорус и украинец. Большая часть из них живут в Риге. Латвия находится на 4-м месте в мире в списке стран по количеству лиц без гражданства.

⁵⁷ Латвийские «неграждане» также лишены некоторых социальных и экономических прав. Всего насчитывается порядка 80 различий в правах граждан и «неграждан». Латвийские власти регулярно игнорируют многочисленные рекомендации ООН, Совет Европы и ОБСЕ. Они считают факт массового безгражданства исключительно внутренней проблемой. См.: *Иванова М.* Четверть века чужие: есть ли решение проблемы «неграждан» в Латвии // Международная панорама. 17.09.2016 // tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3791865.

⁵⁸ *Щерек З.* Латвия: кто свой, а кто чужой? // Polityka. 15.10.2014.

⁵⁹ Евродепутаты ссылались на практику, существующую в других государствах. Так, например, в Нидерландах и в большинстве земель Германии граждане третьих стран имеют право избирать депутатов местных муниципалитетов после шести месяцев проживания.

⁶⁰ Латвия и Евросоюз: 10 лет в тени эмиграции // www.dw.com/ru/латвия-и-евросоюз-десять-лет-в-тени-эмиграции/a-18407084.

⁶¹ Андрей Мамыкин, русскоязычный гражданин Латвии, за время пребывания в Евросоюзе в качестве депутата от Латвии проявил себя весьма неоднозначно. Будучи изначально русофобом, он обратил внимание на то, что в Евросоюзе русофобство зашкаливает. Затем, после поездки в Сирию, его взгляды сменились на прямо противоположные.

⁶² *Середенко С.* Исламский вызов Прибалтики // gpolitika.com/analitika/islamskij-vyzov-pribaltiki.html.

⁶³ В частности, на стенах молельного помещения в Риге в сентябре 2015 г. появилась надпись: «Your Allah your problem go home» (Ваш Аллах — ваша проблема, валите домой).

⁶⁴ *Середенко С.* Исламский вызов Прибалтики // gpolitika.com/analitika/islamskij-vyzov-pribaltiki.html.

Вьетнамские диаспоры в постсоциалистических странах Европы

В статье анализируется ситуация с вьетнамскими эмигрантами в постсоциалистических странах Европы, определяются основные принципы формирования их диаспор, рассматривается их правовой статус в принимающих странах.

Ключевые слова: миграция, Вьетнам, Европа, интеграция, город, постсоциалистические страны, диаспоры, национальное меньшинство.

На рубеже 1990-х гг. в социалистических странах Европы жили, работали и учились тысячи вьетнамских граждан — сотрудники различных учреждений и организаций, студенты, стажеры, аспиранты, курсанты военных училищ, а также десятки тысяч молодых рабочих, приехавших по межгосударственным соглашениям о подготовке и трудовой деятельности. Контрактные рабочие или первые социалистические гастарбайтеры (а именно они составляли значительную часть находившихся в этих странах вьетнамцев) привлекались для работы в отраслях экономики, испытывавших значительную нехватку кадров, например, в легкой промышленности или на производстве потребительских товаров. Именно в эти периоды учебной и трудовой миграций из Вьетнама в социалистических странах начали появляться их землячества и общины. А после крушения СССР и распада социалистического лагеря некоторая часть вьетнамских рабочих, студентов, аспирантов по разным причинам осталась жить в этих государствах, что привело к формированию национальных диаспор. Этот процесс заметно усилился после вступления ряда бывших социалистических стран в Евросоюз — прежде всего Польши, Чехии, Венгрии — в начале XXI в.

По совокупности различных данных, численность вьетнамцев в настоящее время в постсоциалистических странах Европы может составлять около 250 тыс. человек, а именно: в Болгарии — 1 тыс., Венгрии —

5 тыс., Германии — 130 тыс., Польше — 40 тыс., Румынии — около 600, Чехии — 65 тыс., Словакии — 5 тыс. Сведений по Албании и бывшим республикам Югославии нет, там возможны единичные случаи проживания вьетнамцев. Также не учитываются вьетнамцы, проживающие в Российской Федерации и некоторых постсоветских республиках, которые относятся к Европе — в Белоруссии, Украине, Литве, Латвии, Эстонии и Молдавии¹.

Вьетнамские диаспоры в постсоциалистических странах Европы представляют собой сложный конгломерат, состоящий из представителей различных социальных слоев, политических направлений, профессиональных групп, религиозных общин, этнических общностей. Их особенностью является преобладание мужчин среднего и молодого возраста, склонных к ведению предпринимательской деятельности, к получению образования, что в определенной степени способствует их успешной интеграции в принимающих странах². В каждой стране этот процесс имеет свою специфику, связан прежде всего с проблемами правового статуса вьетнамцев и включает различные компоненты интеграции (гражданская, экономическая, экологическая, социально-психологическая, религиозная, культурная и др.). В тех случаях, когда политика принимающих государств была направлена на необходимость вхождения вьетнамцев в местный социум путем развития предпринимательства, развития интеграционных программ, этот процесс прошел достаточно успешно. И на сегодняшний день, по мнению экспертов, в наибольшей степени вьетнамцы интегрированы в Чехии и Венгрии — там значительная часть вьетнамских граждан получило гражданство этих стран³.

* * *

Вьетнамцы присутствуют в Болгарии, начиная с 1960-х гг.⁴. Главным образом, это были учащиеся высших и средних учебных заведений по таким специальностям, как сельское хозяйство, экономика, туризм, гуманитарные науки, искусство, медицина и строительство. Всего получили высшее образование в Болгарии около 5 тыс. вьетнамских студентов. После заключения межгосударственного соглашения между СРВ и НРБ в период 1981–1985 гг. в Болгарии насчитывалось около 17 тыс. вьетнамских рабочих, из которых 10 тыс. были заняты в строительстве, 4 тыс. — в сельском хозяйстве, 1 тыс. — на различных заводах, 500 —

в металлургии, 500 — на транспорте, 500 — в лесном хозяйстве и 500 — в других отраслях народного хозяйства⁵.

Основная часть вьетнамской диаспоры в Болгарии начала формироваться после 1991 г. и на тот период составила примерно 1,5 тыс. человек⁶. По данным прессы СРВ, в 2007 г. численность вьетнамцев в Болгарии составляла примерно более 1000 человек, из них 15% — дети и молодое поколение, а 60% — представители старшего поколения, то есть контрактные рабочие социалистического времени. В 2011 г. вьетнамская диаспора в Болгарии составляла около 1200 человек, а к 2017 г. — менее 1000 человек. Из них 80% — контрактные рабочие, остальные — дипломатические работники, сотрудники фирм и их семьи, а также студенты болгарских вузов⁷. В основном они проживают в крупных городах страны — Софии, Варне, Плевене и др.

В современной Болгарии вьетнамцы занимаются бизнесом: розничная торговля на вещевых рынках, пошив одежды, строительство (в этой сфере занято до 50% вьетнамской общины, так как строители хорошо зарабатывают). Уже много лет в Болгарии действует Союз вьетнамцев.

Первые вьетнамцы появились в Венгрии после 1950 г., это были студенты, аспиранты и стажеры. В 1980 г. по межгосударственному соглашению о трудовых мигрантах в Венгрию приехали несколько сотен вьетнамцев по линии профессиональной подготовки и трудового сотрудничества. В 1990-е гг. вьетнамская диаспора пополнилась новыми мигрантами, что было связано с приездом родственников, открытием различных компаний, развитием торгового бизнеса. По данным Радио «Голос Вьетнама», в 2017 г. в Венгрии проживало около 5 тыс. вьетнамцев, большинство из них имеют легальные иммиграционные документы, что позволяет им «проявляя солидарность, жить стабильной жизнью в мире с местными жителями»⁸. Их основная трудовая деятельность — мелкая торговля одеждой и продуктами. В последние годы венгерская пресса пишет об участии вьетнамской диаспоры в местном криминальном бизнесе, в частности, в торговле и распространении наркотиков, прежде всего, марихуаны. Как считают сотрудники будапештской полиции, в настоящее время примерно две трети столичного рынка наркотиков находятся под контролем вьетнамских группировок⁹.

Вьетнамцы в Германии сегодня являются достаточно большой группой иностранцев-резидентов из Азии. В 2017 г. их численность превысила 130 тыс. человек. Значительную часть вьетнамской диас-

поры восточной Германии составляют контрактные рабочие, приехавшие по межгосударственному соглашению с бывшей ГДР, студенты, аспиранты, стажеры, а также вьетнамцы, перебравшиеся сюда из других стран в более позднее время.

Вьетнамская диаспора в Западной Германии представлена беженцами, главным образом, из Южного Вьетнама, которые приехали сюда после падения Сайгона весной 1975 г. Первая группа людей, бежавших морским путем из страны, была доставлена самолетом в Ганновер 3 декабря 1978 г. и состояла из 208 семей общей численностью 640 человек. Правительство ФРГ приняло специальные меры по их социально-экономической интеграции в немецкое общество, предоставив им официальную помощь в виде социальных пособий и в трудоустройстве, а также более широкую социальную поддержку для их успешного вхождения в немецкую жизнь. Накануне воссоединения Германии осенью 1990 г. в ФРГ насчитывалось около 33 тыс. вьетнамских иммигрантов, включая родственников, приехавших в рамках программ воссоединения семей.

В восточной части Германии — в ГДР — первые студенты из Демократической Республики Вьетнам появились еще в 1950-е гг. В 1973 г. было подписано межгосударственное соглашение об обучении и подготовке 10 тыс. вьетнамских граждан в течение следующих десяти лет. С 1980 г., согласно другому межгосударственному соглашению, вьетнамские рабочие стали регулярно направляться для подготовки и работы на предприятиях Восточной Германии. Их численность с 2482 человек в 1980 г. увеличилась до 59 053 человек в 1989 г. Они были сосредоточены преимущественно в Карл-Маркс-Штадте, Дрездене, Эрфурте, Восточном Берлине и Лейпциге. Рабочие имели ограниченные во времени контракты (как правило, от двух до шести лет), по истечении которых они возвращались на родину. Продление контрактов или сопровождение семей не предусматривались.

Вьетнамские рабочие получали зарплату около 400 восточногерманских марок в месяц, из которых 12% перечислялось правительству Вьетнама. Многие из них оказывали материальную помощь своим семьям, посылая им предметы бытового потребления (швейные машинки и др.).

После воссоединения Германии в октябре 1990 г. немецкое правительство решило сократить численность вьетнамских рабочих в ГДР

и предложило выплатить каждому из них по 3 тыс. западногерманских марок, чтобы они вернулись во Вьетнам. Десятки тысяч человек приняли это предложение, но затем в ФРГ стали приезжать вьетнамцы, которые раньше трудились по таким же контрактам в других социалистических странах Восточной Европы. В течение 1990-х гг. попытки Германии репатриировать новых иммигрантов обратно в страну их происхождения не были особенно успешными: Берлин не желал депортировать их принудительно, а Ханой отказывался принять их.

После крушения ГДР и последовавшего объединения Германии бывшие вьетнамские контрактные рабочие, не вернувшиеся на родину, стали заниматься частным предпринимательством. Они открывали цветочные и продуктовые магазины — наиболее распространенные варианты их бизнеса. Некоторые из них попытались импортировать дешевые товары из Вьетнама (прежде всего одежду) и продавать их в своих семейных магазинах, но очень быстро закрылись, не выдержав конкуренции с крупными торговыми сетями. При этом, как отмечала немецкая пресса, вьетнамцы контролируют рынок контрафактных сигарет¹⁰, прежде всего в Берлине. Внутри самой вьетнамской диаспоры сформировались криминальные группировки, которые занимаются контрабандой сигарет, организацией азартных игр, контролируют проституцию, занимаются аудио- и видеопиратством.

По немецким статистическим данным начала 2010-х гг., в сравнении с другими группами меньшинств вьетнамское население в Германии относительно молодое: 25% — от 15 лет и младше, 63% — 15–45 лет, 10% — 45–65 лет и 2% — старше 65 лет. А исследования, проведенные немецкими специалистами в области образования в 2008 г., показывали, что дети вьетнамских контрактных рабочих являются одними из самых лучших учащихся немецких школ, особенно на территориях бывшей ГДР¹¹.

За прошедшие годы проживания на немецкой земле внутри вьетнамской диаспоры сохраняются политические и идеологические разногласия, действуют различные общественные организации и СМИ (в том числе и электронные).

Среди европейских стран *Польша* является одним из самых популярных направлений, выбранных вьетнамскими эмигрантами. Первые вьетнамцы появились в Польше еще в 1950-е гг., почти сразу после того, как Польша и Вьетнам установили дипломатические отношения

4 февраля 1950 г. Возможно, что первыми вьетнамцами, приехавшими из Франции в Польшу на учебу, были два эмигранта, которых направила на учебу Французская компартия. Это Фан Конг Минь — учился медицине в городе Лодзь, и Ле Туан Ты — учился горному делу в Кракове¹². С 1952 г. в Политехническом институте города Лодзь были созданы курсы по преподаванию польского языка для иностранцев, и постоянными студентами этих курсов были вьетнамцы. И уже в 1960 г. вьетнамцы составили пятую по численности категорию иностранцев, изучающих польский язык.

В октябре 1969 г. ДРВ и ПНР подписали Соглашение об экономическом сотрудничестве, тогда же была создана межправительственная польско-вьетнамская комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Ее первое заседание в январе 1971 г. открыло важный этап сотрудничества между двумя странами в научно-техническом, культурном плане. Вьетнамские студенты обучались в польских ВУЗах, также осуществлялось профессиональное обучение вьетнамских рабочих на предприятиях Польши. В 1971 г. насчитывалось 819 вьетнамских студентов, они стали самой многочисленной группой иностранных студентов в Польше — 30% от общего их числа¹³. Уже тогда были зарегистрированы первые и немногочисленные браки между вьетнамцами и поляками, были отмечены случаи, когда вьетнамцы оставались на постоянное жительство в Польше¹⁴. К началу 1980-х гг. число студентов и стажеров из Вьетнама составляло 200 человек в год, затем число стало снижаться, и в 1989 г. составило 85 студентов¹⁵.

Последующие волны вьетнамских мигрантов в Польшу были связаны с происходившими в мире и в социалистических странах событиями, помимо студентов, они включали рабочих¹⁶, а также людей, связанных с религиозными и оппозиционными движениями¹⁷. Произошел поворот от учебно-образовательной миграции к современной экономически ориентированной.

Большинство проживающих ныне в Польше вьетнамцев прибыли туда, начиная с 1989 г. В основном они приехали из республик бывшего СССР, некоторых стран Восточной Европы. Среди них есть вьетнамцы-специалисты из стран Африки и контрактные рабочие из стран Ближнего и Среднего Востока. Общая численность вьетнамцев в Польше может составлять около 40 тыс. человек, они концентрируются, главным образом, в больших городах, таких как Варшава,

Краков, Щецин, Лодзь, Гданьск. Большая часть из них имеет польское гражданство или вид на жительство, или же паспорт страны Шенгенской зоны. Самую многочисленную часть образовавшейся диаспоры составляют жители из северной и центральной частей Вьетнама.

Многие вьетнамцы имеют хорошее техническое образование, но почти никто из них не работает по специальности, большинство ушли в торговый и ресторанный бизнес. Большой известностью у вьетнамских эмигрантов пользуется рынок «Волка Косовска» (к югу от Варшавы в 30 минутах на автомобиле) и действовавший до 2007 г. рынок «Стадион Десятилетие». По польским данным, в 2017 г. около 6200 вьетнамцев подали документы на получение рабочей визы¹⁸.

Среди вьетнамцев есть успешные бизнесмены (даже с миллионным состоянием). Некоторые из них занимаются инвестициями на своей исторической родине, создают там предприятия, открывают швейные мастерские. Они являются важным звеном в поставке вьетнамских товаров в Польшу.

Самая многочисленная вьетнамская диаспора существует в Варшаве уже более 50 лет. В столице проживает около 3 тыс. человек (2015, г., на 2-м месте после украинцев). Здесь работает Центр вьетнамской культуры *Thang Long*, открыта буддийская пагода, действуют Общество вьетнамских женщин и другие общественные и спортивные организации (например, футбольная лига). Вьетнамские мигранты выпускают большое количество периодических изданий как про-, так и антикоммунистической направленности.

Диаспора регулярно проводит конкурс Мисс Вьетнама в Польше, организует благотворительные концерты вьетнамских исполнителей в Зале конгрессов, клубные мероприятия для вьетнамцев и встречи с вьетнамскими буддистами. Все эти мероприятия помогают распространять вьетнамскую культуру, но, тем не менее, как считают поляки, вьетнамская община остается очень закрытой и изолированной от местного населения¹⁹.

В настоящее время в Румынии проживает более 600 вьетнамцев²⁰, около 10% имеют румынское гражданство. Вьетнамская диаспора (по характеру «семейная») сформировалась в течение трех последних десятилетий, считается одной из самых стабильных в Восточной Европе.

Большинство вьетнамцев занято в торговом бизнесе, также занимаются ресторанным бизнесом и инвестициями. Многие вьетнамцы

живут и работают в Румынии легально, около 60% из них имеют собственное жилье, собственные торговые точки. Основная часть вьетнамцев проживает в Бухаресте, в 10 км от которого находится крупный торговый центр «Красный дракон». В нем имеются 9 павильонов — 4000 торговых киосков, из которых более 100 принадлежат вьетнамцам. Аренда киосков стоит от 500 до 2500 евро, большинство товаров экспортируется из Китая и Вьетнама.

В 1992 г. был создан Союз вьетнамцев в Румынии, который объединяет до 500 человек (в него не входят студенты). Он выпускает свою газету, по его инициативе в 2011 г. был создан Клуб вьетнамских женщин в Румынии. В 2007 г. был организован Союз вьетнамских предпринимателей, который объединил 10 фирм, сейчас — более 20. Всего в Румынии действуют более 60 вьетнамских фирм.

Вьетнамская диаспора в *Чешской Республике* является примером успешной интеграции мигрантов в принимающее общество²¹. Первые вьетнамцы появились в социалистической Чехословакии в самом начале 1950-х гг. — это были студенты, обучавшиеся на факультете филологии Карлова университета в Праге²². Регулярно студенты из Вьетнама стали приезжать в ЧССР на рубеже 1950–1960-х гг.

Процесс формирования вьетнамской диаспоры в Чехословакии начался в конце 1950-х гг. вместе с подготовкой специалистов для Вьетнама, прежде всего для машиностроительной и легкой промышленности. С середины 1970-х гг. по межправительственным договорам в ЧССР направлялись тысячи молодых вьетнамских рабочих на учебу в профессиональных училищах и работу на различных предприятиях.

После распада социалистического лагеря определенная часть рабочих, студентов и других категорий вьетнамских граждан оказались в трудной ситуации, большинство вьетнамцев уехали на свою историческую родину. Тем не менее, примерно 10 тыс. вьетнамцев решили остаться в Чехословакии, а еще столько же переехали сюда из соседних стран и СССР, так как здесь были созданы более благоприятные условия (прежде всего в юридическом плане) для интеграции иностранцев в местное общество. В 1993 г. страна разделилась на две части — Словакию и Чехию, последнюю подавляющая часть вьетнамцев предпочла для своего жительства.

В 2004 г., по данным официальных органов ЧР, в стране проживал 31501 вьетнамец, хотя реально их численность могла составлять око-

ло 50 тыс. человек²³. Приток мигрантов в страну увеличился после ее вступления в Евросоюз, и уже к 2008 г. численность вьетнамцев в этой стране составила более 60 тыс. человек²⁴. Согласно различным источникам, в настоящее время в Чешской Республике проживает около 65 тыс. вьетнамцев²⁵. Самая многочисленная часть вьетнамской диаспоры проживает в Праге, в области Усти-на-Лабе, а также в Карловарском регионе.

Основным видом трудовой деятельности вьетнамцев в Чехии является торговля. По различным данным, в 2011 г. они владели от 19 тыс. до 20 тыс. магазинов в стране²⁶. Флагман вьетнамского бизнеса в Чехии — расположенный в Праге торговый центр-комплекс «Сапа», крупнейший азиатский оптовый рынок в Чехии. Большинство работающих здесь людей — это вьетнамские контрактные рабочие, оставшиеся здесь после 1990-х гг.

В Чехии сформировались и успешно действуют Общество вьетнамцев в Чехии, Ассоциация вьетнамских бизнесменов, Союз вьетнамоговорящих граждан Чехии и др. Есть свои средства массовой информации, прежде всего газеты (чаще всего еженедельники) на вьетнамском языке.

В 2013 г. правительство Чехии приняло решение о назначении представителя Общества вьетнамцев в Государственном совете по национальным меньшинствам. Таким образом вьетнамцы в Чехии получили равные права с другими народами, проживающими на территории Чешской Республики. Вьетнамская диаспора в Чешской Республике обрела право участвовать в подписании документов местных властей на своем языке, открывать свои школы в местах проживания, а также получать содействие со стороны чешского государства для сохранения культурных традиций. Это дает вьетнамцам гарантии на использование вьетнамского языка как в учреждениях, так и в судебных процессах на территории ЧР. Кроме того, вьетнамская диаспора в Чехии также может создавать радио и телеканалы на родном языке. Наряду с этим, в качестве одного из 14 нацменьшинств, проживающих на территории Чехии, вьетнамская диаспора может получать финансовую поддержку из правительственного бюджета Чехии для сохранения и развития национальной культуры и традиций, в частности, языка своего народа. В городах, где проживает наибольшее количество вьетнамцев, все их дети получают иметь право учиться в

учебных заведениях с использованием родного языка. Представитель вьетнамской диаспоры в Госсовете по нацменьшинствам также имеет право выступать в роли советника правительства Чехии в решении вопросов, связанных со своим народом.

В 2001 г. в Словакии насчитывалось 993 вьетнамца, которые являлись словацкими гражданами²⁷, в 2013 г. в этой стране проживало уже 2069 вьетнамцев, как временных, так и постоянных резидентов²⁸. Из них 566 человек (27%) проживали в Братиславе. В настоящее время в Словакии проживают около 5 тыс. вьетнамцев, большинство из них в столице — Братиславе²⁹.

О ситуации с вьетнамской миграцией в Словацкую Республику свидетельствуют такие статистические данные: вид на жительство в 2008 г. имели 1725 вьетнамцев, 2009 — 1317, 2010 — 1087, 2011 — 868, 2012 — 808, 2013 — 539. В 2008 г. постоянное место жительство в Словакии имели в 2008 г. 789 вьетнамцев, 2009 — 857, 2010 — 910, 2011 — 1059, 2012 — 1196, 2013 — 1504. Гражданство Словацкой Республики в 2009 г. получили 11 вьетнамцев, в 2010 — 15, в 2011–5, в 2012 — 11, в 2013 — 16³⁰.

Вьетнамский квартал в Братиславе расположен в районе «Димитровка», и главной достопримечательностью здесь является ресторан Hanoi Garden, который считается лучшим вьетнамским рестораном в Братиславе. Многие вьетнамские семьи арендуют здесь жилье. В этом районе словацкой столицы во времена социализма находилось предприятие химической промышленности, на котором работали контрактные вьетнамские рабочие. Но после «бархатной» революции 1989 г. это предприятие, как и другие подобные предприятия, закрыли. Однако многие вьетнамцы остались и не уехали на родину. Один вьетнамский предприниматель купил и отремонтировал рабочее общежитие, и сейчас там живет много эмигрантских семей. Помимо жилых помещений, в нем есть кладовые, парикмахерская, туристическое агентство. Это общежитие сегодня является центром местной вьетнамской диаспоры, которая становится более организованной. Уже действуют Словацко-вьетнамская торговая палата, Вьетнамская община Словакии, Союз вьетнамских женщин, который в 2015 г. получил из общественного бюджета Братиславы финансовую помощь на обучение вьетнамскому и словацкому языкам. Многие выходцы из Вьетнама, которые сегодня работают на местных фабриках или име-

ют свой бизнес, ставят своей дальнейшей задачей добиться от властей Словакии правового и социального признания, а также политического представительства — получить статус национального меньшинства, по примеру соседней Чехии³¹.

* * *

Вьетнамские диаспоры в постсоциалистических странах Европы сформировались в ходе нескольких миграционных волн — учебно-образовательной и трудовой (для выходцев из Северного Вьетнама), а также отчасти из беженцев из Южного Вьетнама (на территории бывшей ФРГ).

В настоящее время миграция вьетнамцев в эти страны Европы в определенной степени имеет семейно-клановый характер, что фактически является проявлением сетевой миграции³².

Вьетнамские диаспоры в основном сосредоточены в крупных городах, основу трудовой деятельности ее членов составляет малый и средний бизнес — прежде всего торговля на рынках и в магазинах, открытие ресторанов и кафе.

Некоторая часть вьетнамских эмигрантов в этих странах связывает дальнейшее будущее со своей исторической родиной, куда они мечтают вернуться, чтобы вести обеспеченную жизнь, или найти хорошую работу после получения европейского диплома. Но изменяющаяся ситуация показывает, что подрастающее поколение, которое воспитывалось не на родине, хочет остаться жить в Европе и здесь же заводить семью. Образ мышления и отношение молодежи вьетнамской диаспоры меняются вместе с адаптацией к европейской культуре, которая со временем становится все ближе и понятнее им³³.

¹ Об этой проблеме см. также: *Соколов А.* Вьетнамцы в России: история миграций и диаспоры // *Восток на Востоке, в России и на Западе: трансграничные миграции и диаспоры.* М.: Нестор-история, 2016. С. 145–158. Прибалтийские республики часто используются для нелегального транзита вьетнамцев в Европу.

² *Кузнецов Н.Г., Нгуен Кань Туан, Рязанцев С.В.* Вьетнамская эмиграция и вьетнамская община в странах бывшего СССР и Восточной Европы // *Миграционные мосты в Евразии. Международный симпозиум. Доклады и материалы II Международной научно-практической конференции «Регулируемая миграция — реальный путь сотрудничества между Россией и Вьетнамом в XXI веке».* М., 2012. С. 173.

³ *Кузнецов Н.Г., Нгуен Кань Туан, Рязанцев С.В.* Вьетнамская эмиграция и вьетнамская община в странах бывшего СССР и Восточной Европы // *Миграционные мосты в Евразии. Международный симпозиум. Доклады и материалы II Международной науч-*

но-практической конференции «Регулируемая миграция — реальный путь сотрудничества между Россией и Вьетнамом в XXI веке». М., 2012. С. 175–176.

⁴ Определенная часть информации о вьетнамской диаспоре в Болгарии была получена из Интернет-публикаций: *Борисова Н.* Вьетнамцы, учили и работали в Болгария // *e-vestnik.bg/14682/vietnamsite-uchili-i-rabotili-v-balgariya-vsichko-v-balgariya-e-milo-zapas* (23.10.2017); *Терзиев С.* Вьетнамците идат — помним ли ги? // *www.segabg.com/pic/2959/365655-1.jpg*; *Кьдринова К.* Българските вьетнамци // *www.temanews.com/index.php?p=tema&iid=551&aid=13396* (23.02.2017).

⁵ *Apostolova R., Deneva N., Hristova T.* Situating Migration in Transition // *Temporal, Structural, and Conceptual Transformations of Migrations. Sketches from Bulgaria.* Sofia, 2014. P. 35.

⁶ *Apostolova R., Deneva N., Hristova T.* Situating Migration in Transition // *Temporal, Structural, and Conceptual Transformations of Migrations. Sketches from Bulgaria.* Sofia, 2014. P. 35.

⁷ *Cộng đồng người Việt tại Bulgaria: Đoàn kết, hòa đồng vì tình hữu nghị.* 08.08.2011 // *doanbulgaria1976.wordpress.com/2011/08/05/cong-dong-nguoi-viet-tai-bulgaria-doan-ket-hoa-dong-vi-tinh-huu-nghi* (19.10.2016).

⁸ Деятельность председателя Национального собрания Вьетнама в Венгрии // *vovworld.vn/ru-RU/B8-528193.vov* (22.03.2016).

⁹ Вьетнамцы «рулят» на будапештском рынке наркотиков // *www.hungary-ru.com/?mode=news&id=2842* (09.03.2016).

¹⁰ *Linh Dinh.* Vietnamese in Germany // *countercurrents.org/dinh141215.htm* (12.11.2017).

¹¹ Vietnamese people in Germany // *en.wikipedia.org/wiki/Vietnamese_people_in_Germany* (24.10.2017).

¹² *Han Dang:* The Integration of the Vietnamese community in Poland // *www.polska-azja.pl/han-dang-the-integration-of-the-vietnamese-community-in-poland* (20.09.2017).

¹³ *Cộng đồng và đội ngũ trí thức người Việt ở một số nước Đông Âu những năm đầu tiên thế kỷ 21.* Hà Nội, 2011. Trang 26.

¹⁴ *Cộng đồng và đội ngũ trí thức người Việt ở một số nước Đông Âu những năm đầu tiên thế kỷ 21.* Hà Nội, 2011. Trang 26.

¹⁵ *Cộng đồng và đội ngũ trí thức người Việt ở một số nước Đông Âu những năm đầu tiên thế kỷ 21.* Hà Nội, 2011. Trang 27.

¹⁶ В начале 1980-х гг. десятки тысяч молодых рабочих из Вьетнама стали приезжать в социалистические страны по двусторонним межправительственным соглашениям — в СССР, ГДР, Болгарию и ЧССР. С Польшей и Венгрией такие соглашения о трудовых ресурсах с Вьетнамом не были подписаны, тем не менее, определенное количество рабочих трудились там в соответствии с двусторонними договорами, подписанными между конкретными предприятиями этих конкретных стран.

¹⁷ Различные проблемы вьетнамской миграции в Польшу рассмотрены в работах: *Halik Teresa, Nowicka Ewa.* *Wietnamczycy w Polsce. Integracja czy izolacja?* Warszawa, 2002; *Grazyna Szymanska-Matusiewicz.* *Migration and cultural flows between Vietnam and Poland* // *Asian and Pacific Migration Journal* // *uw.academia.edu/GrazynaSzymanska* (22.10.2017).

¹⁸ *Vì sao người Việt Nam vẫn sang Ba Lan?* // *www.bbc.com/vietnamese/forum-41345897* (04.01.2018).

¹⁹ *Buy Van Anh.* Как вьетнамцы распространяют свою культуру // *www.kontyent.pl/Warszawa.pl*, 07.11.2011 (13.12.2014).

²⁰ По другим данным, в 2016 г. в Румынии проживало около 500 вьетнамцев, которые занимались торговым бизнесом (главным образом, в Бухаресте), а также примерно 300 вьетнамских студентов и рабочих по официальным контрактам. См.: *Một ngày với người Việt ở Bucharest* // *queviet.eu/cong-dong/nuoc-khac/116020-mot-ngay-voi-nguoi-viet-o-bucharest* (22.03.2017).

²¹ См. подр.: Соколов А.А. Вьетнамская диаспора в Чешской Республике. Труды Института востоковедения. Выпуск 4. Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран. М., 2017. С. 316–325.

²² Чеканова А. Вьетнамцы не ходят с протянутой рукой // www.radio.cz/ru/rubrika/multikult/vetnamcy-ne-xodyat-s-protyanutoj-rukoj (22.10.2015).

²³ Cộng đồng và đội ngũ trí thức người Việt ở một số nước Đông Âu những năm đầu tiên thế kỷ 21. Hà Nội, 2011. Trang 55.

²⁴ Cộng đồng và đội ngũ trí thức người Việt ở một số nước Đông Âu những năm đầu tiên thế kỷ 21. Hà Nội, 2011. Trang 55.

²⁵ The Vietnamese Community in CR // www.expats.cz/prague/article/community (14.12.2016).

²⁶ Чехию заполнили вьетнамские торговцы // www.lifecz.ru/threads/1557 (14.12.2016).

²⁷ Williams, Alan M., Balaz, Vladimir. Vietnamese Community in Slovakia // www.sav.sk/journals/uploads/020610/7Blaz.pdf (14.10.2016).

²⁸ Hlinčíková M. The Social Integration of Vietnamese Migrants in Bratislava: (In)Visible Actors of their Local Community // Central and Eastern European Review. March 2015. P. 1.

²⁹ ru.globalvoices.org/2016/09/14/53050/# (16.09.2016).

³⁰ Статистический обзор по иммиграции в Словакию (15.05.2014) // slovakiainvest.ru/ReadNews.aspx?n=Statisticheskiy_obzor_po_immigracii_v_Slovakiu (12.01.2018).

³¹ Cộng đồng Việt Nam ở Slovakia mong muốn trở thành thiểu số, 17.08.2016 // vietinfo.eu/cd-tai-sec/cong-dong-viet-nam-o-slovakia-mong-muon-tro-thanh-thieu-so.html (20.10.2017).

³² Сама сетевая миграция сопряжена с миграционными сетями — совокупностью агентов-мигрантов, бывших мигрантов и не-мигрантов в отправляющем регионе и принимающем регионе миграции, которые связаны друг с другом отношениями родства, дружбы, общего происхождения и общего или схожего миграционного опыта. Миграционные сети снижают стоимость и риски перемещения и увеличивают ожидаемые от миграции прибыли.

³³ См. об этой проблеме на примере вьетнамской диаспоры в Польше: Nowicka E. Young Vietnamese generation in Poland: caught between a rock and hard place // Przegląd Zahodni. 2014, № II // www.iz.poznan.pl/plik.pobierz,864,0b1d92da727d56cc290f315b9bab2113/45-13-Nowicka-345.pdf (12.11.2017).

Политика и экономика

Шарипов У.З.

Политические и экономические отношения Ирана с восточными державами и другими значимыми для него азиатскими странами после Венского соглашения 2015 г.

Статья посвящена теме активизации политических и технологических связей Исламской Республики Иран с ведущей группой восточных держав и стран Азии после заключения Тегераном 14.07.2015 г. соглашения с шестеркой ведущих мировых держав по национальной ядерной проблеме. Внимание автора уделено отношениям Ирана с Россией, Китаем, Индией и рядом других азиатских государств.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран, Венское соглашение 2015 года, Российская Федерация, Китай, Индия, экономическое и технологическое сотрудничество, Ближний и Средний Восток (БСВ).

Формирование отношений Ирана со странами Востока происходило с учетом ряда специфических факторов, отражающих финансово-технологические и политические интересы Ирана, — с одной стороны, а также предпочтений восточных партнеров к контактам с ИРИ — с другой.

Иран — Россия. Как известно, взаимное сотрудничество этих двух государств резко сократилось, а между их военными ведомствами

практически оно было прекращено с 2010 г., когда в Совете Безопасности ООН против Ирана были введены международные санкции. Выполняя решения СБ ООН, Россия отказалась от исполнения ранее заключенного контракта по зенитно-ракетным комплексам (ЗРК) С-300. Это повлияло на позицию Ирана по отношению к сотрудничеству с Россией.

После подписания 14.07.2015 г. Венского соглашения между ИРИ и «шестеркой» мировых держав об урегулировании иранской ядерной проблемы ситуация начала исправляться. Россия и Иран, причем впервые в истории своих многовековых отношений, подписали межправительственное соглашение о военном сотрудничестве на сумму не менее 8 млрд долл. Иранская сторона, помимо соглашения по С-300, заявила о своем интересе к приобретению российских истребителей Су-30СМ, учебно-боевых самолетов Як-130, вертолетов Ми-8 и Ми-17, российских береговых мобильных ракетных комплексов «Бастион», оснащенных сверхзвуковой противокорабельной ракетой «Яхонт», надводных кораблей класса фрегат, дизель-электрических подводных лодок и ряда других образцов современной боевой техники.

При этом Тегеран достаточно недвусмысленно предложил России выйти на новый уровень военно-технического сотрудничества — на закупки современных образцов техники и вооружения при одновременном своем соучастии в их производстве, на организацию совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, чтобы всемерно совершенствовать свой оборонно-промышленный комплекс. До этого такое сотрудничество Россия осуществляла только с Китайской Народной Республикой. То есть обязательным условием сделки должна была стать передача технологий производства.

Представляется важным отметить возникшую целесообразность развития сотрудничества с Тегераном для Москвы, тем более что во внешнеполитическом аспекте имелось сходство российской Концепции многополярного мира с доктриной «Диалога цивилизаций Востока и Запада», выдвинутой еще иранским президентом М. Хатами, которой до сих пор придерживается ИРИ. Сближала стороны также общая негативная позиция в отношении экспансионистской американской концепции «Большого Ближнего Востока», которой в последние два десятилетия неизменно следовал Вашингтон. Она предусматривала обострение национально-конфессиональных отношений в странах БСВ,

вплоть до переделки их существующих государственных границ, и закрепление в регионе неограниченного американского военного присутствия. Современная политика Москвы в странах БСВ выступает против данного курса США и одновременно соответствует как чаяниям восстановления полного суверенитета народов БСВ, так и интересам российской геостратегической безопасности. Такой подход России к ближневосточной проблематике является оптимальным, и поэтому будет положительно сказываться на развитии процесса суверенизации народов и государств данного региона в целом.

Особое беспокойство Вашингтона вызвал военный аспект ирано-российского сотрудничества, а также партнерские действия России и ИРИ в Сирии на стороне законного правительства Башара Асада, а также в отношении развития политической ситуации в Ираке и Йемене.

Хотя продажа Россией Ирану ЗРК С-300 не является нарушением условий Венского соглашения, что вынужденно признали в госдепартаменте США, однако вопрос о запрете поставок многих видов вооружений оборонительного назначения Ирану стал предметом политических спекуляций в Вашингтоне. Дело в том, что усиление обороноспособности Исламской Республики Иран (ИРИ) не устраивает главных американских союзников на БСВ — Израиль и Саудовскую Аравию. Поэтому еще при президенте Бараке Обаме конгресс США призвал признать продажу Россией Ирану системы С-300 незаконной.

В свою очередь, для Москвы априори было понятно, что американцы будут негативно реагировать на поставки Россией в Иран современных систем ПВО и других видов вооружений, включая и соответствующие технологии. Но это не стало для нее преградой¹.

Представляется целесообразным остановиться несколько подробнее на сирийском аспекте ирано-российского партнерства, ввиду его актуальности как для текущей международной конъюнктуры, так и для дальнейшей судьбы региона БСВ.

У России и Ирана совпадают политические интересы в отношении Сирии. На современном этапе ближайшей целью обеих стран является стремление ликвидировать не только в ней, но и на территории соседних государств, международную террористическую организацию, выступающую под названием «Исламское государство» (ИГИЛ), а также ослабить очередную местную американскую креатуру — так называемую «официальную, либо умеренную», сирий-

скую оппозицию. Данное обстоятельство стимулировало расширение рамок военного сотрудничества между Москвой и Тегераном, охватывая пространство дружественных им стран БСВ. Благодаря взаимной договоренности, российские военно-космические силы (ВКС) наносили ракетные удары по инфраструктуре ИГИЛ и «Аль-Каиды» в Сирии с Каспийского и Средиземного морей, а также стратегическими бомбардировщиками с российской территории, используя иранское воздушное пространство и поддержку соответствующего иранского эскортирования².

ИРИ — КНР и другие страны Азии. Сразу же после заключения Венского соглашения ИРИ стала наращивать экспорт углеводородов, прежде всего в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. По данным Международного энергетического агентства, экспорт нефти из Ирана в страны Азии в 2016 г. достиг своего максимума с 2010 г. — 1,99 млн барр. в сутки (б/с). Из этого количества экспорт в Индию, Китай, Южную Корею и Японию составил 1,94 млн барр. в сутки — на 117% больше, чем в ноябре 2015 г.³. Наиболее заметно, по сравнению с прошлогодними показателями, экспорт углеводородов из Ирана увеличился: в Японию — на 41,2%, Южную Корею — на 38,5% и Индию — на 35,0% соответственно. Экспорт иранской нефти в Китай вырос на 24,5%. Наиболее крупными импортерами иранской нефти были: Индия (620 тыс. б/с в ноябре 2016 г.), Китай (611 тыс. б/с), Южная Корея (472 тыс. б/с) и Япония (237 тыс. б/с)⁴.

Хотя Индия и закупает больше всех иранских углеводородов, наиболее важным экономическим и политическим партнером Тегерана в Азии является КНР. Данное преимущество держится на том, что Китай, являясь весьма крупным импортером иранской нефти, выступает важным технологическим, финансовым и торговым партнером ИРИ. Ранее, несмотря на то, что действовали международные санкции от имени СБ ООН против Ирана, Китай, испытывавший большую зависимость от импортной нефти, временами нарушал свои обязательства по резолюции Совета Безопасности. Осуществлял он это как через посредников, так и напрямую в контактах с иранскими компаниями, хотя и в уменьшенных масштабах.

После заключения Венского соглашения Пекин предложил Тегерану расширить экономические отношения. Сотрудничество стало быстро набирать темпы. Так, общая сумма торговли между двумя странами в

2017 г. составила 37 млрд долл. США. Причем, более 7 млрд долл. приходилось на долю несырьевых товаров, что обозначило рост на уровне 27% по сравнению с аналогичным периодом предшествовавшего года⁵.

Более того, в сентябре 2017 г. после отмены санкций Китай подписал с Ираном крупнейшее экономическое соглашение о предоставлении кредитной линии в размере 10 млрд долл. для инфраструктурных проектов⁶. Соглашение было подписано между китайской корпорацией CITIC Group и консорциумом крупнейших иранских банков, в который вошли Банк промышленности и шахт, «Рефах Банк», «Парсиан Банк», «Банк Пасаргад» и «Банк развития экспорта Ирана». Пекинская корпорация CITIC Group, созданная в 1979 г., выступает в качестве государственной инвестиционной компании. В настоящее время она владеет 44 дочерними компаниями, включая CITIC Bank, CITIC Holding, CITIC Trust Co и CITIC Merchant Co. Ltd в Китае, Гонконге, США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии.

CITIC Group обязалась предоставить займы иранским банкам для финансирования проектов в таких областях, как энергетика, природная среда, транспорт, управление водными ресурсами, а также в сфере добычи меди и угля. Глава Центрального банка Ирана (СБИ) Валиолла Сеиф заявил, что его банк продемонстрировал «широкую гибкость» в отношении CITIC Group при заключении указанного соглашения. Он добавил, что это было основано на положительном опыте сотрудничества CITIC Group с Исламской Республикой Иран⁷.

В политической области Пекин жестко настаивал не подвергать сомнению заключенное в Вене в 2015 г. соглашение, выступая, таким образом, категорически против попыток Вашингтона подвергнуть ревизии (и даже отмене) вышеназванный международный консенсус.

Южная Корея — также один из крупнейших азиатских партнеров Ирана. Она в основном вывозит из Ирана ультралегкую нефть, также известную как конденсат, и использует данный конденсат для производства более дорогого топлива. Посол Ирана в Сеуле Хасан Тахериян заявил: «Южная Корея является основным клиентом и получателем иранских нефти и газоконденсата. В 2017 г. в эту страну было экспортировано нефти и газоконденсата почти на 8 млрд долл.»⁸. Тегеран закупает в Южной Корее, как и в Японии, по преимуществу передовую современную технологическую продукцию⁹.

Между тем, над ирано-японскими отношениями еще витает тень зависимости Токио от Вашингтона в области национальной безопасности. Известно, что Япония 22.01.2016 г. отменила свои санкции в отношении Ирана (в 2012–2015 гг. японский импорт нефти из ИРИ сократился на 40%)¹⁰, а затем приветствовала новую ядерную доктрину США. Об этом говорилось в заявлении (03.02.2018 г.) министра иностранных дел Японии Таро Коно, который сказал: «Токио признает решимость США обеспечить эффективность политики сдерживания и приверженность распространению ее на союзников, включая Японию, ввиду того, что ситуация в сфере международной безопасности быстро ухудшается с момента публикации прежней доктрины в 2010 г. Япония будет усиливать политику сдерживания в рамках японско-американского альянса через тесные консультации по различным вопросам, в том числе и вопросам ядерного сдерживания... Япония продолжит тесно сотрудничать с США в деле продвижения реального и ощутимого ядерного разоружения, надлежащим образом отвечая на актуальные угрозы безопасности»¹¹.

Такой подход к важной для Тегерана проблеме со стороны Токио несколько охладил новые ирано-японские политические отношения. Однако экономические интересы сторон способствовали нормальному ходу развития ирано-японских коммерческих связей. Все же Япония и другие азиатские страны, сравнительно с Китаем, медленнее восстанавливают импорт из Ирана. Вместе с тем ИРИ получила доступ к удерживавшимся за рубежом иностранным активам в размере 115 млрд долл., выплата которых была ограничена иностранными банками (особенно в Японии и Южной Корее) в соответствии с санкциями США. Это открыло пути для роста ее внешних торгово-экономических связей. В феврале 2016 г. Япония и Иран подписали инвестиционное соглашение, а в мае — Южная Корея и Иран опубликовали меморандумы о взаимопонимании в отношении 30 совместных проектов в области энергетики и инфраструктуры. В июле 2017 г. корейские и японские фирмы подписали соглашение на развитие нефтеперерабатывающих заводов в Сирафе на сумму 3 млрд долл.¹²

Что касается ирано-индийских отношений, то, поскольку антииранские санкции частично были отменены в начале 2016 г., Индия стала наращивать свои закупки нефти в ИРИ. Иран, таким образом, имеет решающее значение для стратегии Нью-Дели по поддержанию ди-

версифицированности импортной нефтяной и газовой «корзины» (в этом аспекте Нью-Дели стал проявлять интерес к сотрудничеству по развитию иранского юго-восточного порта Чах-Бехар и газопровода Иран-Пакистан-Индия) и избегать чрезмерной зависимости от Саудовской Аравии. Однако в новых условиях платежи в рупиях стали стремительно падать, и уменьшились более чем на 90% до всего 20 млрд рупий (305 млн долл.), так как индийские нефтеперерабатывающие заводы возобновили платежи за иранскую нефть в евро¹³. Кроме того, Индия является одним из основных поставщиков Ирану продукции, связанной с информационными технологиями, машиностроением, текстильной и фармацевтической отраслями промышленности, а также стали, лекарственных препаратов, чая и др. В политическом отношении Иран выступает «мостом» между Индией и странами Центральной Азии по периметру «Дели — Каспийский регион — Синцзян»¹⁴.

В итоге, после вступления в действие Венского соглашения 2015 г. Иран весьма активизировал связи со своими ведущими азиатскими партнерами.

¹ Ирано-саудовская конфронтация и безопасность России // iran.ru (22.06.2016).

² argumentiru.com.

³ Агентство Рейтер со ссылкой на официальную статистику правительства Ирана. 15.12.2016; Вести. 28.12.2016, 03.02.2018.

⁴ Агентство Рейтер со ссылкой на официальную статистику правительства Ирана. 15.12.2016; Вести. 28.12.2016, 03.02.2018.

⁵ Бурс, Эттелаат. Тегеран, 18.01.2018.

⁶ Эттелаат, Кейхан (ИРИ), Женьминьжибао (КНР), 15–16.09.2017.

⁷ iran.ru (15.09.2017).

⁸ Иран ва джахан. Тегеран, 18.01.2018.

⁹ iran.ru (15.09.2017).

¹⁰ Kyodo News. Japan (22.01.2016).

¹¹ ua-ru.info (04.02.2018).

¹² Вестник Кавказа. 02.12.2017.

¹³ iran.ru (22.03.2017).

¹⁴ geopolitica.ru (12.02.2018).

АВТОРЫ (AUTHORS)

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич, д.и.н., проф., зав. Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН (ИВ РАН), Москва.

Viacheslav Ya. Belokrenitsky, Doctor of Sciences in History, Professor, Head of the Center on Middle Eastern Studies of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow.

Галич Зоя Николаевна, к.и.н., старший научный сотрудник Центра исследований общих проблем стран Востока Института востоковедения (ЦИОПСВ ИВ РАН). Москва.

Zoya N. Galich, PhD in History, Senior Research Fellow, Center of Studies of Common Problems of Contemporary East (CSCPCE), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow.

Дерюгина Ирина Владимировна, к.э.н., ведущий научный сотрудник Отдела экономических исследований (ОЭИ), ИВ РАН. Москва.

Irina V. Deryugina, PhD (in Economics), Leading Research Fellow, Department of Economic Studies, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow.

Цветкова Нина Николаевна, к.э.н., ведущий научный сотрудник ЦИОПСВ ИВ РАН. Москва.

Nina N. Tsvetkova, PhD (in Economics), Leading Research Fellow, Center of Studies of Common Problems of Contemporary East (CSCPCE), Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow.

Александров Юрий Георгиевич, д.э.н., главный научный сотрудник, ЦИОПСВ ИВ РАН, Москва.

Yuri G. Aleksandrov, Doctor of Economic Sciences, Chief Research Fellow, Center of Studies of Common Problems of Contemporary East (CSCPCE), Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow.

Борисов Михаил Глебович, к.э.н., старший научный сотрудник Отдела экономических исследований Института востоковедения РАН, Москва.

Mikhail G. Borisov, PhD in Economics, Senior Research Fellow, Economic Studies Dept. of Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow.

Растяникова Елизавета Викторовна, к.э.н., научный сотрудник, Отдел экономических исследований Института востоковедения РАН, Москва.

Elizaveta V. Rastyannikova, PhD in Economics, Research Fellow, Economic Studies Dept., Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow.

Муранова Анна Петровна, к.э.н., старший научный сотрудник Отдела экономических исследований Института востоковедения РАН, Москва.

Anna P. Muranova, PhD in Economics, Senior Researcher, Economic Studies Department, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow.

Ледовская Ольга Андреевна, к.и.н., научный сотрудник, ЦИОПСВ ИВ РАН, Москва.

Olga A. Ledovskaya, PhD in History, Research Fellow, Center of Studies of Common Problems of Contemporary East (CSCPCE), Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow.

Устинова Таисия Николаевна, научный сотрудник ЦИОПСВ ИВ РАН, Москва.

Taisiya N. Ustinova, Research Fellow, Center of Studies of Common Problems of Contemporary East (CSCPCE), Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow.

Ланда Роберт Григорьевич, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник. ЦИОПСВ ИВ РАН.

Robert G. Landa, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Research Fellow, Center of Studies of Common Problems of Contemporary East (CSCPCE), Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow.

Жилина Ирина Юрьевна, к.и.н., старший научный сотрудник, отдел экономики, ИНИОН РАН, Москва.

Irina Yu. Zhilina, PhD in History, Senior Research Fellow, Department of Economy, Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) RAS, Moscow.

Кочеткова Екатерина, к.и.н., научный сотрудник, Центр изучения ЮВА Австралии и Океании ИВ РАН, Москва.

Ekaterina V. Kochetkova, PhD in History, Research Fellow, Center of South-east Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow.

Фомичева Елена Алексеевна, к.и.н., старший научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН. Москва.

Elena Fomicheva, PhD in History, Senior Research Fellow, Center of South-East Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow.

Скоробогатых Наталья Сергеевна, к.и.н., старший научный сотрудник Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН. Москва.

Skorobogatykh Natalia; PhD (History); Senior Research Fellow, Center of South-east Asia, Australia and Oceania; Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow.

Шарипова Раиса Малиховна, к.и.н., старший научный сотрудник ЦИОПСВ ИВ РАН, Москва.

Raisa M. Sharipova, PhD in History, Senior Research Fellow, Center of Studies of Common Problems of Contemporary East (CSCPCE), Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow.

Кириченко Владимир Павлович, младший научный сотрудник, ЦИОПСВ ИВ РАН, Москва.

Vladimir P. Kirichenko, Junior Researcher, Center of Studies of Common Problems of Contemporary East (CSCPCE), Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow.

Филатов Сергей Борисович, к.и.н., старший научный сотрудник ЦИОПСВ ИВ РАН, Москва.

Sergey B. Filatov, PhD in History, Senior Research Fellow, Center of Studies of Common Problems of Contemporary East (CSCPCE), Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow.

Бибикова Ольга Павловна, к.и.н., старший научный сотрудник ЦИОПСВ ИВ РАН, Москва.

Olga P. Bibikova, PhD in History, Senior Research Fellow, Center of Studies of Common Problems of Contemporary East (CSCPCE), Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow.

Соколов Анатолий Алексеевич, к. фил. н., старший научный сотрудник, Центр Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, Москва.

Anatoly A. Sokolov, PhD in Philology, Senior Research Fellow, Center of South-East Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow.

Шаритов Урал Зиятудинович, д. п. н., главный научный сотрудник, ЦИОПСВ, ИВ РАН, Москва.

Ural Z. Sharipov, Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Research Fellow, Center of Studies of Common Problems of Contemporary East (CSCPCE), Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow.

ABSTRACTS

VIACHESLAV BELOKRENITSKY (Institute of Oriental Studies, RAS)

Creative Activity of Lev I. Reisner and Some Aspects of His Contribution to the Theory of Capitalist Transformation and Modernization of Asian Countries

The author shares his reminiscences on contacts with Lev I. Reisner, depicts main stages of his creative biography. The author points out four most interesting, in his opinion, aspects of Lev Reisner's creative contribution to theoretical studies of the Asian countries modernization.

Keywords: Lev I. Reisner, stages of Asian countries formational development, synthesis of traditional and modern, urban systems, mode of communication.

ZOYAN GALICH (Institute of Oriental Studies, RAS)

Lev Igorevich Reisner — Scientist, Specialist on Oriental Studies and Indian Studies and the Theoretical Concept of "Synthesis in History"

The article contains reminiscences on life and creative work of outstanding Russian scientist L.I. Reisner (1928–1990). The author gives an analysis of theoretical concepts of L.I. Reisner exposed in his monographs and in collective works on the problems of evolution of the Eastern society. Particular attention is given to the problem of "synthesis in history".

Keywords: L.I. Reisner, evolution of Eastern societies, synthesis in history, traditional and modern structures, city, formation, civilization, intelligentsia.

IRINA V. DERYUGINA (Institute of Oriental Studies, RAS)

Socio-economic Image of the East in Victor G. Rastyannikov's Works: Changing Approaches to its Studies

The article is devoted to a famous Russian scientist-orientalist, Indologist, Doctor of Sciences (Economics), Professor Victor G. Rastyannikov (1928–2015). Victor G. Rastyannikov has worked at the Institute of Oriental Studies of RAS for more than 60 years. He was the largest specialist on the study of the agricultural economy and food security of the East. He published about 150 scientific works, including 30 books, which he prepared as an author and editor. Many books and scientific papers were translated into English, Indian and other languages and published in the UK, USA, India, Japan.

Keywords: Rastyannikov Victor Georgievich, scientist-orientalist, agricultural economy, food security, peasantry, India, Panjab.

NINA N. TSVETKOVA (Institute of Oriental Studies, RAS)

Publications of the Department of Common Problems of the Institute of Oriental Studies and Contemporary Socio-economic Problems of the East.

The author presents her reminiscences on the Department of common problems of the countries of Asia and North Africa (1970s–1980s) of the Institute of Oriental Studies, Academy of Sciences of the USSR. It is shown in the article that the results of research of the scientists, namely on lower urban strata in Eastern cities, may help to perform analysis not only on the present problems, but also on future prospects such as the impact of labor-saving technologies (in particular, automation) on employment in Asian countries.

Keywords: works of the Department of Common Problems of the Institute of Oriental Studies, socio-economic processes in Asian countries, non-equity forms of international production, subcontracts, possible impact of automation and robotics on employment in Southeast Asia, street vendors, hawkers, lower urban strata.

YURI G. ALEKSANDROV (Institute of Oriental Studies, RAS)

People as the Second Oil: Russia, Belarus, Kazakhstan

The article discusses some aspects of the strategy of the States with transitional economies to stimulate the population to socially useful work with the simultaneous performance of their constitutional duties. The topic is considered on the examples of three countries with significant national specifics: Russia, Belarus and Kazakhstan.

Keywords: transitional societies (economies), economic growth, social policy, state budget, “grey” economy.

MIKHAIL G. BORISOV (Institute of Oriental Studies, RAS)

Renewable Energy in Asia and North Africa

Energy is rapidly developing on the basis of renewable sources in Asia and North Africa. This process is equally characteristic of energy exporters and importers. The region's countries account for the lion's share of investment in renewable energy and some of them have become leading producers of this type of energy.

Keywords: renewable energy sources, solar energy, wind energy, geothermal energy, energy subsidies, balance of fuel and energy.

ELIZAVETA V. RASTYANNIKOVA (Institute of Oriental Studies RAS)

Innovations and Labour Productivity in the Energy Sector of China, India, Russia

The article describes the direction of introduction of innovations in the energy sector of India, China and Russia. The goals and tendencies of introduction of innovation technologies in mining, oil and gas industry of India, China, Russia were studied. Comparative statistical analysis of labor productivity in the mining industry in India, China and Russia is given in the article.

Keywords: India, China, Russia, extractive industry, innovation technologies, labor productivity, energy sector, coal, oil, gas.

ANNA P. MURANOVA (Institute of Oriental Studies, RAS)

Myanmar Government's Policy to Promote Foreign Investment, 1988–2017

The article examines the policy of the government of Myanmar that is aimed at stimulating the inflow of foreign capital. The main emphasis is on investment legislation. The content of investment laws is revealed. The dynamics of foreign investment inflows during 1989–2017 is shown.

Keywords: Myanmar, Foreign Investment Law, 1988, Foreign Investment Law, 2012, Special Economic Zone Law, 2014, Investment Law, 2016, foreign investment inflows, 1989–2017.

OLGA. A. LEDOVSKAYA (Institute of Oriental Studies, RAS)

Problems in Economic Relationship between Japan and Turkey

This paper shows the current state of Japanese-Turkish economic and trade relationship, paying particular attention to recent notable Japanese investments in Turkey in advance of a proposed Free Trade/Economic Partnership Agreement. The strategic partnership which was achieved between them succeeded in the construction of Marmaray tunnel as well as starting the construction of Sinop nuclear station.

Keywords: Japan, Turkey, free trade agreement, foreign direct investment, strategic partnership.

TAISIYAN. USTINOVA (Institute of Oriental Studies, RAS)

Japan and China: the Features of Relations at Present Stage

The article considers trends and perspectives of Japanese-Chinese relations at the present stage. Attention is paid to three main aspects of relations: political, economic and cultural. The reasons (including historical ones) for maintaining tension in political relations with the active development of economic and cultural cooperation are considered.

Keywords: Japan, China, political relations, economic cooperation, cultural dialog

ROBERT G. LANDA (Institute of Oriental Studies, RAS)

Birth of Al-Andalus Country (Arabs in Spain in VII–IX centuries)

The article analyzes the history of formation and existence of the state of Al-Andalus on the territory of Spain, the impact of Al-Andalus on economy and culture of Spain.

Keywords: Al-Andalus, Spain, Arab conquests, Arabs, Berbers, Franks, Visigoths, impact of Al-Andalus on economy and culture of Spain.

IRINA YU. ZHILINA (Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION, RAS)

Economic Analysis of the Terrorist Behaviour

The article presents the economic approach to analysis of terrorism as one of the forms of the criminal activities, describes distinctive features of the terrorist behavior and substitutes that it is rational.

Keywords: terrorism, economic approach, criminal activities; terrorist activities, terrorist behavior, terrorist organization, rational activity.

EKATERINA V. KOCHETKOVA (Institute of Oriental Studies, RAS)

The Emergence of Ethnoconfessional Contradictions in Malaysia: the Present Stage

The article examines the history of the formation of the ethnoconfessional image of modern Malaysia, the sources of interethnic contradictions, as well as the policies pursued by the government to preserve interethnic balance in the relationship between three main communities living on its territory.

Keywords: Malaysia, Malays, Bumiputra, Mahathir Mohamad, Najib Razak.

ELENA FOMICHEVA (Institute of Oriental Studies, RAS)

Social Stratification and Social Movements in Thailand

High rates of economic development of Thailand in the last third of the twentieth century led to the aggravation of social contradictions, the widening gap in living standards and the deepening split between different classes and social groups. The processes of globalization have exacerbated the problem of ethnic identity both for the Thais and for other ethnic groups. The interests of workers, peasants and low-paid employees are not represented either in Parliament or in the political parties system. The struggle for the rights of these classes and groups is carried out outside the parliamentary system within the framework of non-governmental organizations.

The paper discusses the approaches of a number of Thai and foreign researchers to the analysis of social self-organization on the example of environmental movements, the Assembly of the Poor, the movement of the Phuan people. The environmental, regional and ethnic dimensions were important elements of political cohesion in the "red shirts" movement, which took an active part in mass street rallies in the 2000s. The possible influence of non-government movements on the political processes is of great interest for the political future of the country.

Keywords: Thailand, social movements, environmental movements, Assembly of the Poor, movement of the Phuan people

NATALIA SKOROBOGATYKH (Institute of Oriental Studies, RAS)

Problem of Cultural and National Identity in the Context of Australian Model of Multiculturalism

The author examines the issues of interethnic relations and the dynamics of

state immigration and national policy in the Commonwealth of Australia during the XX — early XXI centuries, analyzes the main consequences of the multicultural society building and the reaction of the main groups of the population to them in the framework of their cultural identity awareness.

Keywords: the Commonwealth of Australia, "White Australia" policy, multiculturalism, M. Turnbull, Sam Dastyari, ethnic communities, Islamic extremism.

RAISA M. SHARIPOVA (Institute of Oriental studies, RAS).

The Movement of Islamic Solidarity and Dialogue between Civilizations

This article discusses the basics of the concept of dialogue among civilizations, developed by the League of the Islamic world, the program documents of the Organization of Islamic cooperation on mechanisms of dialogue and the attitude of Western scientists that researched the issue.

Keywords: Islamic solidarity, the League of the Islamic world, the Organization of Islamic cooperation, dialogue between civilizations, the Conference of Ministers for Foreign Affairs of Muslim States.

VLADIMIR P. KIRICHENKO (Institute of Oriental studies, RAS)

Shiite Communities and Relations between Iraq and Iran in the 20th Century

The article is devoted to the Shia factor in the relations between Iraq and Iran in the Twentieth century. Traditionally, the Sunni authorities in Iraq have been suspicious of Shia, believing that they are more loyal to Iran. The presence of large Shiite communities in neighboring states began to play a special role after the Islamic Revolution in Iran (1979). The Iraqi leadership began to fear the overthrow of the secular regime in the country, while Iran began to consider them as political allies.

Keywords: Iraq, Iran, Shia, Islamic Revolution.

SERGEY B. FILATOV (Institute of Oriental Studies, RAS)

Traditional Islam of Tatars in Russia

The religious and cultural character of Tatars is determined in many ways by the fact that, unlike any other Muslim people in the world, Tatars lived for a long time in a state where Christianity was the official religion. The continual conflicts between different groupings within the Tatar Muslim community, the ideological swerves, the sudden switching to support for elements which are alien to Russian Muslim communities, show that the Islam of Russian Tatars is still at a formative stage, following the assault of atheist Communism. Organizationally and ideologically it is still not firmly established and is easily affected by external influences and any internal impulse.

Keywords: Tatars, Islam in Tatarstan, Islam in Bashkortastan, Mentimir Shaimiev, Murtasa Rahimov, Rustem Hamitov, Mufti Talgat Tudjuddin, Mufti Gus-

man Ishakov, Mufti Il'dus Fayzov, Mufti Renat Gainutdin, Mufti Nafigula Ashirov, Mufti Al'bir Krganov.

OLGA P. BIBIKOVA (Institute of Oriental Studies, RAS)

Islam and Muslims in the Baltic States

Tatars served in the armies of the Grand Duchy of Lithuania and of the Polish State Rzeczpospolita. Their communities in Lithuania, Latvia and Estonia exist since that time. Having lost their mother tongue they have preserved their religion. Islam has become an ethno-forming factor for them.

Keywords: Islam, Estonia, Latvia, Lithuania, Tatars-Lipki, the Polish state Rzeczpospolita, World Tatar Congress, « non-citizens», refugees.

ANATOLY A. SOKOLOV (Institute of Oriental Studies, RAS)

Vietnamese Diaspora in Post-socialist European Countries

The article analyzes the situation of Vietnamese emigrants in post-socialist European countries, defines the basic principles of their Diaspora formation, and considers their legal status in host countries.

Keywords: migration, Vietnam, Europe, integration, city, post-socialist countries, diaspora, national minority.

URAL Z. SHARIPOV (Institute of Oriental Studies, RAS)

Political and Economic Relations of Iran with Eastern Powers and other Significant Asian countries after the Vienna Agreement of 2015

The article is devoted to the activation of political and technological relations of the Islamic Republic of Iran with the leading group of Eastern powers and Asian countries after the conclusion of the agreement with the six leading world powers on the national nuclear issue by Tehran on 14.07.2015. The author pays attention to the relations between Iran and Russia, China, India and a number of other Asian States.

Keywords: Islamic Republic of Iran, 2015 Vienna agreement. Russian Federation, China, India, economic and technological cooperation.